

4

21/3

H-54

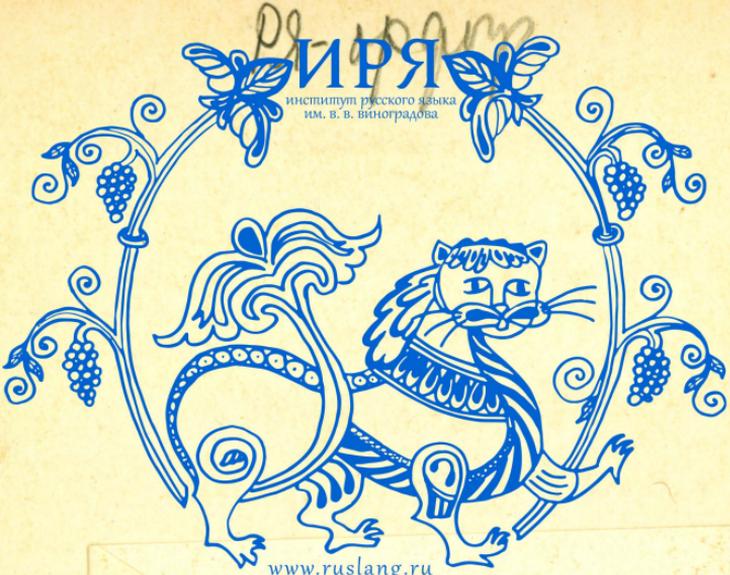
Нерешенные вопросы
русского правописания

Издательство • Наука •

РЯ
ИРЯ

института русского языка
им. В. В. Виноградова

www.ruslang.ru

67934

Академия наук СССР
Институт русского языка

Нерешенные вопросы русского правописания

Издательство «Наука»

Москва 1974

4
Н-54

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

67934

Сборник посвящен сложным вопросам орфографии, которые недостаточно регламентированы или совсем не регламентированы «Правилами орфографии и пунктуации» 1956 г. Даются рекомендации по их упорядочению.

Редакционная коллегия:

- член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов,
- кандидат филологических наук Л. П. Калакуцкая
(ответственный редактор),
- доктор филологических наук А. А. Реформатский

Н 0712 — 0833 324 — 74
042(02) — 74

© Издательство «Наука», 1974 г.

Ст
тем а
ламен
пункт
опред
ского
темат
По
и ра
ность
орфо
В
имен
1956
Но с
ная,
практ
орфо
разно
и нап
графи
прось
вил»
могло
фичес
Ра
пекти
ных
кие за
лий в
тельн
В
ваннь
риваю
вилам

ОТ РЕДАКЦИИ

Статьи предлагаемого сборника посвящены в основном тем аспектам орфографии, которые или недостаточно регламентированы действующими «Правилами орфографии и пунктуации» 1956 г., или совсем ими не охвачены, чем и определилось его название — «Нерешенные вопросы русского правописания». Статьи сборника сгруппированы по тематическому принципу.

Первый раздел посвящен проблеме слитного, дефисного и раздельного написания. Теоретическая неразработанность ряда лингвистических вопросов делает этот раздел орфографии наиболее сложным для кодификации.

Второй раздел сборника — «Орфография собственных имен». Как известно, «Правила орфографии и пунктуации» 1956 г. регламентировали написание и собственных имен. Но собственные имена — область гораздо более мобильная, чем имена нарицательные, и склонная к изменениям практически в каждом языковом ярусе, в том числе и в орфографии. В результате в настоящее время существует разнобой между «Правилами орфографии и пунктуации» и написанием географических названий на картах, в географической литературе и пр. Предлагается вынести вопросы написания собственных имен в особый раздел «Правил» или в приложение к ним, с тем, что такое приложение могло бы чаще пересматриваться, чем основные орфографические правила.

Рассматриваются также некоторые тенденции и перспективы в передаче и орфографии заимствуемых собственных имен. В статьях делается попытка найти специфические закономерности в орфографическом оформлении фамилий в отличие от орфографического оформления нарицательной лексики языка.

В разделе сборника «Области языка, не регламентированные орфографически», представлены статьи, рассматривающие те аспекты языка, которые не охвачены «Правилами орфографии».

О художественных возможностях, заложенных в графическом и орфографическом облике слова, — возможностях, далеко не полностью используемых современными поэтами и прозаиками, говорится в разделе сборника «Графика и орфография в качестве выразительного средства художественной речи».

Пятый раздел сборника посвящен вопросам пунктуации. Рассматриваются интересные и ранее не подвергавшиеся лингвистическому анализу аспекты пунктуации. Делается попытка системного описания современной русской пунктуации.

Анализируется очень интересный материал факультативных случаев употребления кавычек.

Показателем упорядоченности или неупорядоченности орфографии в какой-то степени является орфографический словарь.

Седьмой раздел сборника — «Об орфографическом словаре». В лексикографии до сих пор остается открытым вопрос — каким же должен быть орфографический словарь — несущим чисто орфографическую информацию или включающим и другие сведения орфоэпического и грамматического характера. Представляется убедительной мысль о том, что нет необходимости создавать чисто орфографический словарь, «не обремененный» никакими иными лингвистическими сведениями о слове. Если вполне ясно отдавать себе отчет в том, что орфографический словарь является самым популярным лингвистическим изданием, что по существу знакомство с лексикографией для огромной массы людей начинается с орфографического словаря и им же заканчивается, то этот единственный для очень многих словарь не следует обеднять лингвистическими сведениями, сохраняя при этом специфику орфографического словаря.

В последнем разделе сборника, озаглавленном «Из истории орфографии», публикуется любезно предоставленное и прокомментированное А. И. Кузьминым письмо А. А. Шахматова А. Н. Веселовскому, посвященное участию этих крупнейших ученых в деятельности Орфографической комиссии 1904—1912 гг.

Будем надеяться, что материалы, наблюдения, выводы и рекомендации, содержащиеся в статьях этого сборника, будут способствовать усовершенствованию русского правописания.

Слитные, дефисные и раздельные написания *

Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ

Ни одна орфографическая проблема не вызывает таких затруднений, как раздел орфографии о слитных, дефисных и раздельных написаниях ¹. В словарях и орфографических пособиях часто можно встретить противоречащие друг другу и действующим правилам написания сложных слов. Основными причинами этого могут быть названы следующие.

1. «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г., регламентирующие этот раздел орфографии, были построены на ограниченном материале — на сравнительно небольшом числе сложных слов. По существу «Правила» оставили без изменения сложившиеся к этому времени отдельные написания, подогнав под них всю остальную массу сложных слов, не попавшую в круг внимания составителей. Изменения были проведены лишь в группе прилагательных, обозначающих оттенки цветов. Естественно, что, когда появилась необходимость распространить правила на огромную массу сложных слов — терминологических и слов общелитературного языка, эти правила не справились с ролью, им предназначенной. Бурный рост науки и техники вызывает острую необходимость в наименовании

* В статьях этого раздела принят условный способ отграничения знака переноса от дефиса: когда знак переноса приходится на дефис, дефис повторен в начале следующей строки.

¹ Ср.: А. А. Реформатский. Упорядочение русского правописания.— РЯШ, 1937, № 6, стр. 76.

новых явлений и понятий. Стандартизация терминологических наименований требует стандартизации и орфографического облика терминов. Написание десятков тысяч сложных слов не может быть объяснено старыми правилами, описывающими небольшое число сложных слов с прозрачными синтаксическими отношениями.

2. Другой причиной несовершенства действующих правил является сложность и нерешенность для всей лингвистики проблемы отдельности слова и разграничения слова и словосочетания. Дело в том, что в самом языке между крайними, ясными случаями — между отдельным словом, пишущимся всегда слитно, и словосочетанием, пишущимся всегда раздельно,— существует масса переходных ступеней, о которых в орфографии свидетельствуют, в частности, дефисные написания. Переходные случаи и представляют особую трудность для орфографии. Теоретическая неразработанность этой проблемы, естественно, находит свое отражение и в практике. Положение усугубляется тем, что в настоящее время в терминологии весьма продуктивны именно те модели, которые занимают промежуточное положение между словом и словосочетанием. «Стремление к образованию сложных слов,— писал Г. О. Винокур,— является естественным уже потому, что таким путем расширяется самая возможность образования новых слов из известного уже материала; ... очень часто действительно существует потребность выразить две идеи в одном слове»².

3. Действующие правила строятся не только на разграничении сложного слова и словосочетания, но и на разграничении термина и нетермина. Один из пунктов «Правил» (§ 80, п. 3) рекомендует писать слитно имена прилагательные, «употребляемые в качестве терминов и образованные из двух или трех основ, независимо от характера последних, например, *грудобрюшная* (преграда), *индоевропейские* (языки), *древневерхненемецкий* (язык), *двууглекислый* (газ); также — *глухонемой*». Однако, поскольку современный язык характеризуется двумя разнонаправленными процессами — использованием слов литературного языка в качестве терминов и включением научно-технических терминов в общелитературный язык, определить, что является термином, а что нетермином, и в зависимости от этого

² Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ», 1938, т. V, стр. 45—46.

писать по рекомендации «Правил» слово слитно или как-либо иначе практически является трудной задачей.

4. Основная трудность орфографических противоречий в написании сложных слов заключается в том, что «Правила», регламентирующие написания сложных прилагательных, и правила, регламентирующие написания сложных существительных, построены на разных логических основаниях. Правила о сложных прилагательных построены на семантическом принципе — смысловых (синтаксических) отношениях компонентов, правила о написании сложных существительных — на формальном принципе: наличии или отсутствии соединительной гласной³. Строить же на разных основаниях написание существительных и прилагательных невозможно, потому что самими действующими орфографическими правилами их написание поставлено в зависимость друг от друга, не говоря уже о языковой, словообразовательной зависимости существительных и прилагательных. Таким образом, формальный признак, положенный в основу написания сложных существительных, не находит себе применения в сложном прилагательном, образованном от этого же существительного.

5а. Дополнительную трудность для написания сложных слов создает также и то обстоятельство, что основной принцип правил о слитном, раздельном и дефисном написании, требующий слитного написания прилагательных с подчинительной связью компонентов и дефисного — с сочинительной, постоянно нарушается второстепенными орфографическими правилами, даваемыми для определенных лексико-семантических групп, иначе говоря, основанными на совершенно других принципах. Вследствие этого одно и то же слово оказывается одновременно подчиненным раз-

³ В результате одной из распространенных орфографических ошибок оказывается написание существительных по правилам написания прилагательных, встречающееся в самых квалифицированных изданиях, даже орфографических: «отделение *физико-химии*» («Известия», 29. XI-72), *квартиро-бивак* («Орфографический словарь», «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, БСЭ, 2 изд.), *горно-флейтист* (БСЭ, 2 изд.), *коллоидо-электрохимия* (БСЭ, 2 изд.), *нефрозо-нефрит* (БСЭ, 2 изд. и медицинские издания), *гипо-изостенурия*, *лепто-пахименингит*, *макро-микроскопия*, *менинго-полиомиелоэнцефалит*, *радикуло-грязелечение*, *трубо-отит*, *хорио-невроретинит*, *эндо-перифлебит* («Краткое пособие по корректуре и вычитке медицинской литературы». Изд. 4-е. М., 1971) и мн. др.

ным правилам, что и создает массу орфографических разнонаписаний, в одинаковой мере оправданных этими правилами. Например, слова *индоевропейский*, *грудобрюшный* могут быть подведены и под общее правило (§ 81, п. 2), требующее их дефисного написания, и под правило, согласно которому термины пишутся слитно (§ 80, п. 3). Даже такое, на первый взгляд, удобное и легкое правило, как рекомендация писать все оттенки цветов через дефис, по существу противоречит более общему правилу, исходящему из синтаксических отношений компонентов: компоненты прилагательных, обозначающих оттенки цветов, чаще всего находятся именно в подчинительном отношении: *пепельно-серый*, *лимонно-желтый*, *изжелта-красный* и др. означают «серый с пепельным оттенком», «желтый с лимонным оттенком», т. е. должны были бы в соответствии с общими правилами писаться слитно.

5б. Аналогичная несогласованность наблюдается и в правилах написания существительных. Основное правило, требующее слитного написания слов с соединительной гласной, построено на четком формальном принципе. Однако оно осложняется правилами, касающимися определенных лексических групп слов. Например, такие слова, как *тонно-километр*, *человеко-день* и др., несмотря на наличие соединительной гласной, рекомендуется писать через дефис как определенную лексическую группу слов, представляющую собой единицы измерения. Кроме того, исключение из правил о единицах измерения имеет, в свою очередь, еще исключение о слитном написании единицы измерения *трудодень*, что еще больше расплываает правило и вызывает колебания в написании таких, например, единиц измерения, как *трудочас*, *человеко-день*.

Наибольшую трудность в разделе написания сложных слов представляют сложные прилагательные. Массовые нарушения «Правил» наблюдаются именно в этой группе. Приведем некоторые примеры этих узаконенных орфографическими словарями и орфографическими пособиями нарушений действующих «Правил»: *народно-государственный*, *народно-демократический*, *народно-освободительный*, *народно-промышленный*, *народно-республиканский*, *народно-социалистический*, *союзно-республиканский*, *конституционно-монархический*, *маниакально-депрессивный*, *лечебно-физкультурный*, *авиационно-артиллерийский*, *авиационно-*

-спортивный, авиационно-технический, авиационно-технологический, военно-авиационный, военно-административный, военно-испытательный, военно-стратегический, военно-судебный, военно-транспортный и мн. мн. другие; газоводный, газовоздушный, газографитовый, газомазутный, газопаровой, газозлектрический, водовоздушный, водогазовый, водомасляный, лесолуговой и мн. др.;

кинотеатральный, радиотелевизионный, фотомагнитоэлектрический, фотопьезоэлектрический, фототелевизионный, фототермомагнитный, фотоэлектромагнитный, фотоэлектрооптический, фотоэлектрохимический и мн. др.

Почему составители и редакторы словарей (даже «Орфографического словаря русского языка») и орфографических пособий, составители терминологических ГОСТов, редакторы Большой советской энциклопедии упорно сопротивляются требованиям «Правил»? Объяснить это можно тем, что основой действующих правил служат семантико-синтаксические отношения компонентов сложных прилагательных: если связь между компонентами соответствует подчинительному типу связи в словосочетании, то слово должно писаться слитно, если сочинительному — через дефис. Правила, построенные на смысловых отношениях, обычно представляют большую трудность. Для того чтобы знать, в каких синтаксических отношениях находятся компоненты сложного слова, нужно иметь конкретные, а подчас и исчерпывающие сведения о данном предмете или явлении. Очевидно, нет необходимости доказывать невозможность таких знаний для каждого пишущего о словах, относящихся к разным областям науки и реальной действительности.

Итак, чтобы написать сложное прилагательное, надо, исходя из действующих правил, получить справку у специалистов. Но, во-первых, специалисты разных областей могут дать одному и тому же термину разные толкования (впрочем, разные толкования можно получить и у специалистов одной и той же области). Во-вторых, тип связи компонентов сложного прилагательного может быть разным в зависимости от того, к какому определяемому это прилагательное относится, например, *водопаровая камера* — элемент, служащий для образования *в о д я н о г о п а р а*, а *водопаровая рубашка стерилизатора* — пространство, заполненное *в о д о й* и *п а р о м*. В-третьих, даже наличие толкований при термине не всегда дает ясное пред-

ставление об отношениях компонентов, необходимое для орфографических выводов. Например, «... термин «плоскопечатная машина» нельзя развернуть в конструкцию «машина для плоской печати» (так же как и конструкцию «машина, печатающая плоско») ⁴». В-четвертых, положенные в основу написания сложных прилагательных подчинительные и сочинительные отношения компонентов не удовлетворяли еще и потому, что ими не исчерпывались возможные синтаксические отношения слов внутри словосочетания, к которому, в соответствии с требованиями «Правил», приравнивалось сложное прилагательное. Поэтому вполне логично, что в орфографической литературе делались попытки найти и другие синтаксические отношения внутри словосочетания. Так, было выяснено, что компоненты сложных прилагательных могут находиться в отношении неоднородных признаков к определяемому: *народно-революционное движение* — народное революционное движение ⁵, *народно-государственное предприятие* — народное государственное предприятие и т. д. В-пятых, неправомерно приравнивать словосложение к словосочетанию. «... Ведь в этом случае игнорируются структурные различия между сложным словом и словосочетанием», — писал акад. В. В. Виноградов ⁶.

Итак, семантический критерий не может иметь решающего значения для орфографических выводов по целому ряду причин, изложенных выше. Но основной причиной, по мнению авторов, является то обстоятельство, что отношение компонентов по способу сочинения или подчинения или неоднородных определений при одном определяемом не имеет специального формального грамматического выражения в сложном прилагательном.

Составители «Правил», видимо, отдавали себе отчет в том, что принцип, положенный в основу «Правил», охваты-

⁴ Д. С. Лотте. Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов. М., 1969, стр. 52.

⁵ М. М. Копыленко, Я. И. Шубов. Правописание сложных слов. «О современной русской орфографии». М., 1964, стр. 145.

⁶ В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 140—141.

вает далеко не все типы сложных прилагательных. И поскольку они не располагали достаточным материалом, они оставили возможность для орфографических отступлений, сформулировав примечание 1 к § 81: «Прилагательные, образованные из двух или более основ, не подходящие под перечисленные правила (разрядка наша.— Б. Б., Л. К.), пишутся через дефис, например, *литературно-художественный* (альманах), *политико-массовая* (работа), *словарно-технический* (отдел), *подзолисто-болотный*, *рыхло-комковато-пылеватый*, *удлиненно-ланцетовидный*». По существу это примечание охватывает более широкую массу слов, которую следует писать не по правилам, нежели группы с четко выраженными синтаксическими отношениями компонентов.

В основу правил написания сложных прилагательных должен быть положен формально-грамматический принцип, соответствующий орфографической дихотомии: слитное — дефисное написание. Наблюдение за поведением большой массы сложных слов и анализ орфографических рекомендаций, уточняющих «Правила», позволили авторам выявить определенную орфографическую тенденцию, действующую в написании сложных прилагательных. Эта тенденция строится на сугубо формальном признаке — на грамматической, словообразовательной оформленности первой части сложных прилагательных. Теоретическим основанием рассматриваемой орфографической тенденции является лингвистическая концепция о цельнооформленности отдельного слова в языке: «... слово оформляется определенным образом именно как таковое, как целое: части слова, вообще говоря, лишены той степени оформленности, какую имеет слово, почему они и не обладают необходимой законченностью и воспринимаются именно как части слова, а не как отдельные слова ...», — писал А. И. Смирницкий⁷. Формулируя орфографическую тенденцию, которую можно извлечь из практики написания сложных прилагательных, в качестве ее основания можно использовать эти теоретические положения А. И. Смирницкого. В орфографии это положение А. И. Смирницкого может выглядеть следующим образом: если первая часть сложного прилагательного имеет «положительные признаки слова», в дан-

⁷ А. И. Смирницкий. К вопросу о слове. «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 191.

ном случае формально выраженную основу прилагательного, словообразовательно — наличие суффикса, то ее самостоятельность на письме выражается дефисным написанием. Если же первая часть сложного прилагательного лишена формальных признаков прилагательного, то ее самостоятельность выражается на письме в слитном написании.

Показательно, что первые части сложных слов, представляющие собой как бы усеченную основу типа *алюмо-* (а не *алюминие-*), *бензо-* (а не *бензино-*), *асбо-* (а не *асбесто-*), *турбо-* (а не *турбино-*), *социо-* (а не *социолого-*) и нек. др., всегда пишутся слитно, поскольку они еще более самостоятельны, чем части типа *водо-*, *газо-*, *посудо-*, *хлебо-* и др. В написании сложных прилагательных, имеющих в первой части такие усеченные основы, практически не встречается разнобоя.

Интересно проследить действие названной орфографической тенденции на парах слов, различающихся лишь наличием или отсутствием суффиксального оформления у первого компонента сложного прилагательного. Такие пары должны соответствовать одному и тому же словосочетанию, т. е. отношения между компонентами их идентичны, соответственно, по действующим правилам они должны были бы писаться одинаково. Однако достаточно часто и в орфографических словарях и в практике печати встречается различное орфографическое оформление членов этих пар. Приведем примеры: *авиаремонтный*—*авиационно-ремонтный*, *авиатехнический*—*авиационно-технический*, *авиахимический*—*авиационно-химический*, *автомоторный*—*автомобильно-дорожный*, *автотракторный*—*автомобильно-тракторный*, *торфоболотный*—*торфяно-болотный*, *стеклокерамический*—*стекольно-керамический*, *стеклофарфоровый*—*стекольно-фарфоровый*, *лугопастбищный*—*лугово-пастбищный*, *углеграфитовый*—*угольно-графитовый* и мн. др.

Таким образом, с теоретической и практической точки зрения более целесообразным представляется ставить написание сложных слов в зависимость только от формально-грамматического принципа. Практическое его удобство состоит в том, что дихотомичности орфографического оформления соответствует дихотомичность языкового выражения: есть суффикс в первой части сложного прила-

гательного — пиши через дефис, нет суффикса — пиши слитно.

Предлагаемый принцип написания сложных прилагательных, основанный на реально существующей в письменном языке орфографической тенденции, в большинстве случаев совпадает с требованиями «Правил русской орфографии и пунктуации»: *рельсопрокатный, полезащитный, вагоноремонтный, индоевропейский; партийно-комсомольский, садово-огородный, беспроцентно-выигрышный, литературно-художественный, политико-массовый, словарно-технический, подзолисто-болотный, удлиненно-ланцетовидный* и др. Характерно, что подобные слова не испытывают колебаний в написании.

В ряде случаев предлагаемый принцип совпадает не с требованиями «Правил», а с орфографической практикой, прочно закрепившейся в большом числе написаний, противоречащих, однако, требованиям «Правил»: *конституционно-монархический, маниакально-депрессивный, народно-демократический, народно-освободительный, лечебно-физкультурный, судебно-медицинский, субъективно-идеалистический, буржуазно-демократический* и мн. др.

Вычленяется также обширная группа слов, написание которых может быть объяснено с точки зрения названной орфографической тенденции и предлагаемого авторами принципа, но которые не имеют прочно установившихся написаний. В этой группе слов становится понятным, в каком направлении проводить упорядочение написаний, учитывая действие орфографической тенденции. Так, можно провести унификацию написаний по первым частям сложных слов, выделив группы слов, всегда пишущихся слитно (наряду с уже выделяемыми современной орфографической литературой и словарями *авиа-, авто-, кино-, макро-, микро-, нео-, палео-, теле-, фото-, электро-* и др.⁸): *амино-, асбо-, асбесто-, астро-, бензо-, бронхо-, верхне-, ветро-, взаимно-, вибро-, влаго-, водо-, воздухо-, газо-, гетеро-, гидро-, глино-, железо-, зерно-, крове-, крово-, лесо-, магнито-, мета-, нефте-, паро-, пыле-, пьезо-, рентгено-, свето-, смоло-, старо-, стекло-, топливо-, торфо-, турбо-, угле-, фазо-, ферро-, цементо-, цито-, чае-, шерсте-, шерсто-, шлако-* и др.

⁸ К. И. Былинский и Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. Изд. 4-е. М., 1970, стр. 47—48.

Выделить группы слов, всегда пишущихся через дефис (кроме уже называвшихся в орфографической литературе *военно-, массово-, народно-, научно-, учебно-, вертикально-, горизонтально-, поперечно-, продольно-* и др.⁹): *аварийно-, авиационно-, архитектурно-, битумно-, вакуумно-, воздушно-, врачебно-, встречно-, желудочно-, жилищно-, известково-, индукционно-, инженерно-, информационно-, капиллярно-, количественно-, лётно-, линейно-, магнитно-, машинно-, опорно-, опытно-, плано-, подъёмно-, поточно-, почтово-, приемно-, производственно-, промышленно-, пространственно-, рекурсивно-, ремонтно-, ртутно-, санитарно-, сверлильно-, слесарно-, сменно-, смычно-, строительно-, сушильно-, температурно-, товарно-, токарно-, торгово-, транспортно-, ударно-, фазово-, физкультурно-, философско-, фрезерно-, частотно-, шарнирно-, шлифовально-, электронно-, ядерно-* и др.

Предлагаемый авторами формальный критерий не является и не может быть панацеей от всех бед. По мысли авторов, он может служить руководством лишь в тех случаях, когда написание неизвестно или когда имеются колеблющиеся написания.

Предлагаемая статья представляет собою в кратком, конспективном виде теоретические орфографические выводы, касающиеся лишь общих вопросов написания сложных слов (прилагательных и существительных), к которым авторы пришли в результате работы над материалами, частично вошедшими в словарь «Слитно или раздельно?» (М., 1972).

Н. А. Еськова

О НЕКОТОРЫХ «КАВЕРЗАХ» ДЕФИСА

Дефис — многофункциональный и парадоксальный знак: и графический, и орфографический, и даже отчасти пунктуационный. Он противопоставлен в одних случаях контакту, в других — пробелу и соотносителен с пункту-

⁹ Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. Изд. 2-е, М., 1971, стр. 41—42.

ационным знаком тире ¹. С многозначностью дефиса связаны некоторые орфографические трудности, диктующие необходимость создания особых «корректирующих» правил — таких, которые строились бы на иных принципах по сравнению с основными правилами слитного, дефисного и раздельного написания, использующими противопоставление «контакт — дефис — пробел» для отражения на письме сложных и многообразных смысловых отношений между языковыми единицами. В действующем орфографическом своде такие особые правила есть, но, во-первых, они не охватывают всех случаев, где в них возникает потребность, а, во-вторых, особый характер этих правил никак не оговаривается и они даются в одном ряду с остальными. «Особые» правила, о которых здесь пойдет речь, могут быть сведены к двум разновидностям: 1) правила употребления дефиса, основанные на графическом принципе, т. е. на учете соотношения соседних письменных знаков; 2) правила координации (дефиса с контактом, дефиса с дефисом, дефиса с пробелом).

1. Графические правила

Наиболее ясный случай «чисто-графического» использования дефиса — механическая замена слитного написания дефисным перед прописной буквой. В соответствии с п. 12 § 79 «Правил русской орфографии и пунктуации» следует писать *пол-Москвы* (хотя *полметра*), а из п. 2 § 76 тех же «Правил» следуют написания *Анти-Дюринг*, *пан-Европа*, *квази-Пушкин*, *псевдо-Толстой* (при *антициклон*, *пангерманский*, *квазифилософия*, *псевдоученый*). Но для других слитно пишущихся первых элементов слов — таких, как *кино-*, *микро-*, *нео-*, первых частей сложносокращенных слов — свод не предусматривает возможности соединения со второй частью, начинающейся прописной буквой. И, как это ни парадоксально, оказывается, что выглядящие вполне «естественно» написания типа *кино-Остан* («Лит. газета», 1968), *микро-Хиросиму* («Новый мир», 1972) возникают в о п р е к и правилам свода (см. п. 1 § 78, требующий слитного написания элементов *кино-*

¹ См.: А. А. Реформатский. Дефис и его употребление. «О современной русской орфографии». М., 1964, стр. 146—147.

и микро-), а такие монстры, как *неоГамлета* (С. Смирнов, Свидетельствую сам. М., 1969, стр. 39), *литЧапай* (Там же, стр. 59), действующим правилам не противоречат². В самом деле, элементы *нео-* и *лит-* должны быть написаны слитно согласно п. 1 § 78 и п. 1 § 76, а контактное присоединение прописной буквы к предшествующей строчной в свде не запрещено, и даже более того — узаконено для сложносокращенных собственных имен типа *АзССР* (см. § 114). Как видим, в орфографическом свде явно недостает общего правила, которое предусматривало бы письменную передачу любых сложений со вторым элементом, начинающимся прописной буквой. Вот его возможная формулировка: «Если вторая часть сложного или приставочного образования в отдельном употреблении должна быть написана с прописной буквы, в сложении прописная буква сохраняется, а перед ней пишется дефис, независимо от того, как пишутся сложения с той же первой частью в других случаях»³.

Можно счесть, что употребление дефиса основано на графическом принципе и в написаниях собственных имен типа *Алма-Ата*, *Нью-Йорк*, *Дон-Жуан*, *Дон-Кихот*, прибегая к такому объяснению: эти названия состоят из двух частей, каждая из которых должна начинаться с прописной буквы, а дефис появляется уже как следствие употребления прописной буквы во второй части (*Ата*, *Йорк* и т. п.). Такое истолкование представляется, вероятно, излишне изощренным, однако «вторичный» характер дефиса по отношению к прописной букве хорошо доказывается соотношением написаний *Дон-Жуан* и *донжуан*, *Дон-Кихот*, и *донкихот*: с заменой прописных букв строчными отпадает надобность и в дефисе! Если понимать таким образом назначение дефиса в написаниях типа *Алма-Ата*, нет необ-

² Любопытно, что подобные написания — с прописной буквой в середине буквенной цепочки — нет-нет да и возникают: *МакАмон*, *МакЛиш*, *МакФаден* (сб. «Прометей», т. I, М., 1966, стр. 123, 124 и др.); «*СверзВостоку*», «*СверзЗапад*» снится («Лит. Россия», 23 марта 1967 г. и то же в книге: А. Вознесенский. Стихи. М., 1967, стр. 60); *динАльт* («Библиотека современной фантастики», т. 24. М., 1972, стр. 7, 13, 397).

³ Ср.: Н. А. Еськова. К уточнению двух частных орфографических правил. «Вопросы культуры речи», вып. VI. М., 1965, стр. 153.— Предлагаемое сейчас правило сформулировано более точно: показана зависимость употребления дефиса от следующей буквы, т. е. графический характер правила.

ходимости употреблять его в прилагательном, когда оно пишется со строчной буквы; т. е. следует писать *алмаатинский*, но *Алма-Атинский* (в составных названиях).

Любопытный (и в достаточной степени редкий) случай «графически принудительного» дефиса — дефис перед кавычками, в которые заключена часть слова, «нормально» пишущегося слитно, — представлен в следующем прихотливом образовании: ... довольно откровенной пародией на банальную лже-«испанистость» (А. Ступель. Морис Равель. М. — Л., 1964, стр. 51); надо заметить, что, используя одновременно префикс *лже-* и кавычки, автор не учел коварных свойств двойного отрицания... ⁴

Наконец, в случаях *пол-оборота*, *пол-яблока*, *пол-лимона* — в отличие от *полметра*, *полчаса*, *полкомнаты* (п. 12 § 79 свода) употребление дефиса тоже графически обусловлено: он употребляется перед гласной буквой и между двумя одинаковыми буквами. Это правило — в силу своей исключительности — явно нецелесообразно.

2. П р а в и л а к о о р д и н а ц и и

1) Контакт — дефис или дефис — контакт.

На основании примечания 2 к п. 1 § 81 «Правил» следует писать *приамударьинский*, *заиссыккульский* (хотя *амударьинский*, *иссык-кульский*). На основании п. 7 § 89 пишется *не торгово-промышленные предприятия*, *не по-русски*, *не по-старому* (ср. *неторговые предприятия*, *недетски*); из этого же правила следует написание *не социал-демократ* (хотя *несоциалист*) ⁵. Эти два правила, не содержащие, казалось бы, ничего общего и даваемые в разных местах орфографического свода, касаются тем не менее одного и того же: направлены на «исправление» такой ситуации, когда первый из соединяемых элементов по общим правилам должен писаться слитно, а второй содержит дефис. В самом деле, по общим правилам должны получиться написания: **приаму-дарьинский*, **заиссык-куль-*

⁴ Можно, впрочем, предположить, что кавычки употреблены здесь с другой целью — чтобы подчеркнуть окказиональный характер образования *испанистость*; ср. возможные *анти-«испанистость»* или *полу-«испанистость»*, где такая роль кавычек была бы очевидна.

⁵ См. случай отступления от этого правила: *неспециалисту-международнику* («Правда», 20 февр. 1972 г.).

ский⁶, *неторгово-промышленный, *непо-русски, *непо-старому, *несоциал-демократ, затемняющие понимание смыслового соотношения соединяющихся частей. Специальные «координирующие» правила заменяют эти написания иными, причем первое из упомянутых выше правил заменяет дефис контактом⁷, а второе — контакт пробелом.

Орфографический свод не предусматривает, однако, всех возможных случаев соединения слитно пишущихся препозитивных элементов с содержащими дефис вторыми частями. Как следует, например, передавать на письме префиксальные существительные и прилагательные (не с приставкой *не-*), если они образованы от дефисно пишущихся производных (*анти + социал-демократ*, *сверх + бой-баба*, *архи + буржуазно-демократический*, *псевдо + идейно-политический* и т. п.)? Или соединения дефисно пишущихся существительных с элементами типа *кино-*, *фото-*, *радио-*, *микро-*, *нео-* (*нео + ку-клукс-клан*, *теле + жар-птица*, *кино + тет-а-тет*)? Применение общих правил дает такие написания: *шарокон-тики* («Неделя», 1963, № 17, стр. 19; речь идет о плавсредствах, сделанных на шарах, в числе которых указаны: *шаровесло*, *шароплот*, *шарошезлонг*, *шарокатамаран*); *антими-мезон* («Лит. газета», 16 дек. 1970 г.); *телепресс-конференция* («Веч. Москва», 10 марта 1972 г.); *лжесоциал-демократов* («Лит. газета», 11 окт. 1972 г.); «... картин «псевдоисторико-революционных» и «псевдосовременных» ...» («Сов. культура», 29 дек. 1970 г.).

Каким должно быть особое корректирующее правило для этих случаев? Очевидно, как и в случае с *приамударьинский*, здесь следует заменять дефис контактом, т. е. писать: *шароконтики*, *антимимезон*, *телепрессконференция*, *лжесоциалдемократ*, *псевдоисторикореволюционный*⁸.

⁶ См. реально встретившееся написание такого типа: «...из «доюго-западного» «Сказания о море»...» («Новый мир», 1965, № 11, стр. 202; речь идет о произведении Багрицкого, написанном до сборника «Юго-Запад»).

⁷ Ср. рекомендуемое орфографическим словарем написание *впоборота* (при *пол-оборота*) где также дефис заменен контактом.

⁸ Ср. другие способы «преобразования» таких написаний: *супер-поп-арт* (Е. Евтушенко. Идут белые снеги. М., 1969, стр. 319; в «непреобразованном» виде было бы *суперпоп-арт*); *архи-оберскосьер* (Ю. Тынянов. Собр. соч. в 3-х тт., т. I. М.—Л., 1959, стр. 495) — с двойной заменой (контакта дефисом и дефиса контактом, так как по правилам *архи-* должно писаться слитно, а *обср-* —

Как видим, общие правила, диктующие контактное присоединение препозитивных (находящихся слева) элементов к постпозитивной (правой) части, содержащей дефис, создают написания, непременно нуждающиеся в корректировке с помощью других правил, учитывающих координацию контакта с дефисом.

Когда контактно присоединяемый элемент постпозитивен, т. е. находится справа, а дефис содержится в препозитивной (левой) части, картина оказывается существенно иной, хотя и здесь не обходится без корректирующих правил.

«Левые» дефисы совершенно безболезненно сочетаются с «правыми» контактами, когда эта контактно присоединяемая часть — флексия; см. любую словоформу с ненулевой флексией любого дефисно пишущегося существительного: *дизель-мотор + а, социал-демократ + ом* и т. п. В случаях, когда контактно присоединяемая правая часть содержит суффикс, дело обстоит неодинаково для прилагательных и существительных. В орфографическом своде есть правило (§ 81, п. 1), узаконивающее дефисное написание прилагательных, образованных от дефисно пишущихся существительных (*дизель-моторный, социал-демократический, алма-атинский* и т. п.); это не что иное, как правило контактного присоединения правого элемента, включающего суффикс, к левой части, передаваемой на письме с дефисом: *алма-ат + инский = алма-атинский*.

Но соответствующего правила написания производных существительных в своде нет, а рекомендации, которые можно извлечь для них из орфографического словаря, оказываются не единообразными. Часть таких существительных пишется по тому же правилу, что и прилагательные: *бурят-монгол — бурят-монгольский — бурят-монголка, генерал-губернатор — генерал-губернаторский — генерал-губернаторство, коми-пермяк — коми-пермяцкий — коми-пермячка, приват-доцент — приват-доцентский — приват-доцентура, социал-демократ — социал-демократический — социал-демократизм и социал-демократия, статс-секретарь — статс-секретарский, унтер-офицер — унтер-офицерский — унтер-офицерство и унтер-офицера, тред-юнион — тред-юнионизм и тред-юнионист, финно-угры —*

через дефис). Надо сказать, что первый способ не разрешает проблемы (см. ниже о случаях, когда задача заключается как раз в устранении одного из дефисов).

финно-угорский—*финно-угроведение* и др. Написания других существительных (в отличие от соответствующих прилагательных) реализуют первое из проанализированных выше координирующих правил, заменяющее дефис контактом: *алма-атинский*—*алмаатинец* (от *Алма-Ата*), *зюйд-вест*—*зюйд-вестовый*—*зюйдвестка*, *шахер-махер*—*шахер-махерский*—*шахермахерство*, *яхт-клуб*—*яхт-клубский*—*яхтклубовец*, *черно-бурый*—*чернобурка*, *ку-клукс-клан*—*куклуксклановец*, *пол-литра*—*поллитровка*, *сальто-мортале*—*сальтоморталист* (в последних трех случаях прилагательные в словаре отсутствуют).

В этих рекомендациях обнаруживается все же определенная тенденция. Можно заметить, что орфографический словарь в основном дает написания, реализующие первое координирующее правило, отказываясь от него главным образом тогда, когда его применение вступало бы в конфликт с правилами свода. Так, например, слитное написание *унтерофицерство* противоречило бы пункту 13 § 79 (о дефисном присоединении ряда иноязычных элементов, и в том числе *унтер*-), а написания *тредюнионизм*, *тредюнионист* — пункту 2 того же параграфа (о дефисном написании составных названий политических партий и направлений, а также их сторонников). О том, что эта тенденция не проводится до конца последовательно, свидетельствуют, например, даваемые словарем написания *приват-доцентура*, *статс-секретариат*, *финно-угроведение*: слитное написание этих слов не противоречило бы орфографическому своду.

В некоторых других орфографических пособиях, например в справочнике К. И. Былинского и Н. Н. Никольского и в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?», рекомендация о слитном написании производных существительных, образованных от дефисно пишущихся производящих, выражена в явной форме (в первом, однако, более четко, чем во втором)⁹. Здесь приводятся в слитном написании и некоторые образования, отсутствующие в орфо-

⁹ См.: К. И. Былинский и Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. Изд-во МГУ, 1970, стр. 46; «Слитно или раздельно? (Опыт словаря справочника)». Сост. Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова. М., 1972, стр. 14.— Эти словари, естественно, не посягают на «охраняемые» сводом дефисные написания (такие, как *унтер-офицерство*), хотя это специально не оговорено.

графическом словаре: *дизельмоторист*, *ореховозуевец* у Былинского и Никольского, ряд названий жителей городов (типа *ньюйоркец*) и слово *дзюдоист* в словаре «Слитно или раздельно?» (ср. там же *дзю-до*)¹⁰. В последнем пособии замечены слитными и некоторые «не охраняемые» сводом дефисные написания орфографического словаря (например, *финноугровед*, *финноугроведение*, *финноугроведческий*; но *приват-доцентура* и *статс-секретариат* здесь сохранены).

Орфографический свод не предусматривает возможности образования сложных слов с первой частью, пишущейся с дефисом, что тоже относится к случаям сочетания «левого» дефиса с «правым» контактом. Если не считать промежуточное между суффиксальными образованиями и сложениями *финно-угроведение*, таких случаев не дает и орфографический словарь. И вопрос о написании таких (конечно, очень редких) образований, как: *финно-угро + язычный*, *ярко-красно + рожий*, *красно-бело-сине + флагий* и т. п. — остается открытым.

Как видим, орфографические рекомендации для производных слов, образованных от дефисно пишущихся производящих, настоятельно нуждаются в упорядочении.

2) Дефис — дефис.

Два дефиса (и более) естественны при передаче на письме образований с сочинительной связью компонентов, которая может создавать довольно длинные цепочки, например: «... *шофер-механик-слесарь-грузчик-экспедитор* Петр Иванович В» («Известия», 1971, № 16). При двусторонних отношениях наличие дефиса не только между членами, но и «внутри» одного из членов затемняет понимание соотношения частей. Орфографический свод учитывает некоторые из таких случаев, давая частные правила, устраняющие нежелательные двуdefисные написания. Как и в предыдущем случае (с соотношением контакта и дефиса), представлены два способа корректировки. В § 84 рекомендуется написание *по-социалдемократически* («во исправление» написания **по-социал-демократически*)¹¹; здесь второй дефис заменен

¹⁰ В обоих пособиях (как и в орфографическом словаре) отсутствует слово *пингпонгист*, слитное написание которого следует из правила, сформулированного у Былинского и Никольского. Ср. встретившееся дефисное написание *пинг-понгистка* («Юность», 1961, № 7, стр. 42).

¹¹ Но ср. рекомендуемое в справочнике К. И. Былинского и Н. Н. Никольского написание *в-двадцать-третьих* (стр. 40), для

контактом. Примечание 2 к п. 14, § 79 требует написания *социал-демократы меньшевики* (вместо **социал-демократы-меньшевики*)¹²; в этом случае второй дефис заменяется пробелом.

Но существуют другие случаи, где применение общих правил приводит к написаниям с двумя дефисами, затемняющим понимание соотношения частей, а корректирующие правила отсутствуют. Так, нет правила, которое помогло бы избежать двудефисных написаний для таких образований, которые состоят из дефисно присоединяемого препозитивного элемента и дефисно пишущегося существительного: *экс + яхт-клуб*, *экс + премьер-министр* и т. п. Первое координирующее правило, которое дало бы написания *экс-яхтклуб*, *экс-премьерминистр*, неприменимо, однако, в тех случаях, когда дефисно пишущийся второй компонент — собственное имя: *анти + Дон-Кихот*¹³, *сверх + Дон-Жуан*, *псевдо + Мамин-Сибиряк*, *лже + Римский-Корсаков*, *квази + Сен-Симон* и т. п. (в первой части таких сложений может выступать большее количество элементов, чем в сложениях с нарицательными, поскольку, как уже говорилось, прописная буква вызывает дефисное присоединение и таких элементов, которые перед строчной буквой присоединяются контактно). Впрочем, благодаря прописным буквам, в написаниях типа *сверх-Дон-Жуан*, *лже-Римский-Корсаков* меньше затусhevана двучленность отношений, чем в таких случаях, как *экс-социал-демократ*.

Орфографический свод выделяет в особый пункт (п. 4. § 79) написание промежуточных стран света: *северо-восток*, *юго-восток* и т. п. Названия типа *северо-северо-запад*, *юго-юго-восток* в нем не учтены. Между тем отношения и здесь

«исправления» которого свод не дает указания. Очевидно, следует сделать формулировку § 84 более общей.

¹² В некоторых орфографических пособиях для отдельных терминологических сочетаний допускается отступление от этого правила. В «Справочнике по правописанию и литературной правке» (М., 1967) Д. Э. Розенталь узаконивает написания *инженер-контр-адмирал*, *инженер-капитан-лейтенант* (стр. 128). В словаре «Слитно или раздельно?» количество таких двудефисных исключений увеличено (см. стр. 15).

¹³ См. реальный случай употребления этого образования: Так мало нынче добротов
Средь разных гонок и охот,
Так много *анти-Дон-Кихотов* («Юность», 1971, № 5, стр. 15).

двусторонние, что остается невыраженным в написаниях с двумя дефисами, обычных в орфографической практике¹⁴.

Не обеспечивая в ряде случаев правил, позволяющих избежать двудефисных написаний, затушевывающих понимание соотношения соединяемых элементов, орфографический свод в то же время нигде не узаконивает таких нежелательных написаний с двумя дефисами. Другие орфографические пособия рекомендуют некоторые такие написания: справочник Д. Э. Розенталя дает в числе примеров *юго-юго-восток* и *экс-вице-премьер* (стр. 48), в предисловии к словарю «Слитно или раздельно?» сложным существительным с двумя дефисами посвящен особый раздел.

При действующих правилах написания сложных прилагательных, противопоставляющих посредством контакта и дефиса подчинительную связь между компонентами сочинительной (ср. *белогвардейский* и *бело-голубой*), необходимо координирующее правило для тех случаев, когда хотя бы один из компонентов, вступающих в сочинительную связь, уже содержит дефис: *бурят-монгольско + русский (словарь)*, *германско + австро-венгерские (отношения)*, *кабардино-балкарско + чечено-ингушские (связи)*, *литературно-художественно + общественно-политический (журнал)*. Эти случаи должны отличаться на письме от таких, как *русско-немецко-французский (словарь)*, *красно-сине-бело-зеленый (флаг)* и т. п. Правило, которым обеспечивается такая дифференциация, сформулировано А. А. Реформатским: «При двусторонних отношениях дефис пишется между «отношениями сторон», хотя бы одна из них отдельно также писалась через дефис: *русско-сербохорватский словарь*, *сербохорватско-болгарские этюды*, *карбардинобалкарско-осетинские связи*, *сербохорватско-австровеенгерский конфликт*»¹⁵. При сохранении всех дефисов вместо двусторонних отношений получается цепочка равноправных компонентов; например, двойная фамилия *Семенов-Тян-Шанский* на письме выглядит «тройной»¹⁶.

¹⁴ Но ср. встретившееся написание *вест-нордвеста* («Юность», 1971, № 4, стр. 105), реализующие первое координирующее правило.

¹⁵ А. А. Реформатский. Указ. соч., стр. 148.

¹⁶ Ср. еще написание *темно-фиолетово-коричневый* («Новый мир», 1970, № 11, стр. 152). Это можно понять и как *темно-фиолетово + коричневый* и как *темно + фиолетово-коричневый*.

3) Дефис — пробел или пробел — дефис.

Дефис «не в состоянии» присоединить компонент, содержащий пробел; иными словами, дефис не может фигурировать при передаче на письме таких отношений, в которых участвуют сочетания слов. Поэтому, употребляясь для присоединения однословных приложений (см. п. 14 § 79 свода), дефис не используется при неоднословных приложениях, которые обслуживаются запятой (п. 2 § 152) или тире (п. 2 § 174)¹⁷. «Замену» дефиса через тире перед неоднословным приложением можно считать тоже своего рода координирующим правилом. См. следующие примеры, хорошо иллюстрирующие соотносительность дефиса и тире в роли присоединителей однословных и неоднословных приложений: Даль-писатель, Даль — автор «Толкового словаря» и собрания русских пословиц: каждая из этих сторон деятельности могла бы служить темой отдельной книги («Новый мир», 1970, № 1, стр. 245); Мы знаем Сухомлинского-учителя, Сухомлинского — исследователя и ученого, Сухомлинского — блестящего публициста («Новый мир», 1971, № 10, стр. 276)¹⁸.

Не вполне ясно, какое из координирующих правил более уместно в тех случаях, когда неоднословное приложение включает однословное приложение, присоединенное

¹⁷ См. следующий случай нарушения пунктуационного правила свода (как это ни удивительно — в рекомендации научно-популярного филологического журнала): «Вместо *специалисты академии* следует употребить сочетание *сотрудники академии* или *специалисты-сотрудники академии*» («Русская речь», 1968, № 4, стр. 128). В этом сочетании должно быть тире, а не дефис: *специалисты — сотрудники академии*.

¹⁸ По меньшей мере спорны рекомендуемые словарем «Слитно или раздельно?» написания *лорд-председатель совета*, *лорд-хранитель печати*, *техник-смотритель зданий* и неверна квалификация этих сочетаний как «сложных существительных с распространенным приложением» (стр. 15). Если здесь есть распространенные приложения (*председатель совета* и пр.), то нет сложных существительных; если назвать «сложными существительными» сочетания *лорд-председатель* и пр., то здесь нет распространенных приложений. Распространенные приложения должны присоединяться посредством тире, а не дефиса (*лорд — председатель совета* и пр.), дефисные же написания оправданы только в том случае, если эти сочетания трактовать как содержащие однословные приложения (*председатель, хранитель, смотритель*) и считать, что формы родительного падежа (*совета* и пр.) относятся целиком к сочетаниям с однословными приложениями: *лорд-председатель¹ совета*. А это толкование представляется сомнительным.

с помощью дефиса. Например, чем следует «заменить» дефис в случаях *женщина(-)член-корреспондент*, *женщина(-)врач-хирург*? Чисто формально здесь подходит примечание 2 к п. 14 § 79 свода, по которому пишется *социал-демократы меньшевики*, но исходя из существа представленных отношений языковых единиц (неоднословность приложения) можно предпочесть тире. См. следующие примеры, где выбрано второе решение: В этом-то и заключается сущность *Тиссэ — художника-оператора-фотографа-человека, преданного своему искусству* («Юность», 1970, § 4, стр. 102)¹⁹; ... Крэг — художник-оформитель «Гамлета» («Новый мир», 1971, № 7, стр. 137). Таким образом, соотношение дефиса и тире как «присоединителей» приложений не сводится целиком к координации дефиса с пробелом.

В орфографическом своде не предусмотрена возможность присоединения однословного приложения к неоднословному определяемому. Распространение на такие случаи имеющегося правила об однословном приложении ведет к написаниям вроде следующих: Здесь, в Саутси, за восемь лет не только сформировался доктор Конан Дойль, но и явился *Конан Дойль-писатель* (А. Конан Дойль. Собр. соч. в 8 тт., т. I, М., 1966, стр. 12); Я посетовал на «нашу критику», которая так мало писала о *Корнее Чуковском-критике* («Новый мир», 1970, № 3, стр. 223); Блестящий педагог, он воспитал многочисленные кадры ученых-востоковедов, а также многие десятки *практических работников-востоковедов* («Известия», 1970, № 235); На меня смотрел ротный, смотрели *старшие сержанты-близнецы*... («Новый мир», 1971, № 2, стр. 17); Исследователи не раз подмечали, как безоговорочно, беззаветно отдавал Михаил Чехов *всего себя-актера* в распоряжение Вахтапгова-режиссера (А. Мороз. Трагедия художника. Изд-во «Молодая гвардия», 1971, стр. 63). Во всех этих случаях на письме остается невыраженным, что однослов-

¹⁹ В этом прихотливом примере неверно употреблен последний дефис: он присоединяет приложение, содержащее причастный оборот. См. еще один такой случай (в отличие от первого, не «осложненный»): «Мы знаем *Даля-писателя, выступавшего в сороковые годы в качестве талантливого представителя «натуральной школы»*, Далья — этнографа, краеведа, естествознания» («Новый мир», 1970, № 1, стр. 245). Очевидно, в орфографическом своде не хватает разъяснений, относящихся к таким случаям.

ное приложение относится не к предшествующему слову, а к предшествующему сочетанию слов.

Выразить это позволяет тире. См. следующие примеры: А бывшим пятерочникам *главный экзаменатор* — *жизнь* порой безжалостно выставляет тройки и даже двойки («Новый мир», 1971, № 10, стр. 274); В действительности же тело *Льва Николаевича* — *старика* отличалось сухостью и худобой (В. Булгаков. Встречи с художниками. Л., 1969, стр. 49); Брат Амедео, Эммануэле, не успел приехать на похороны из Италии: *депутату парламента* — *социалисту* в то время там было нелегко выхлопотать заграничный паспорт (В. Виленкин. Амедео Модильяни. М., 1970, стр. 150). Орфографический свод настоятельно нуждается в правиле, которым бы узаконивались такие написания²⁰.

Иногда возникает потребность соединить с сочетаниями слов такие элементы, которые обычно выступают в качестве частей слов и которые поэтому принято присоединять контактно или дефисно. Такие соединения могут возникать с сочетаниями слов, обладающими смысловым единством, — с неоднословными собственными именами или терминами, с фразеологизмами, с составными названиями. Как передать их на письме? Как должны быть написаны, например, эти окказиональные соединения: *анти* + *Ясная Поляна*, *лже* + *Шерлок Холмс*, *экс* + *Нижний Новгород*? Или эти: *мини* + *железная дорога*, *квази* + *ахиллесова пята*, *экс*- + *авгиевы конюшни*? Конечно, только раздельно, как в следующем случае: Только я по сравнению с ними... Я — *мини Сайрус Итон*. *Мини-юбка!*. («Новый мир», 1971, № 8, стр. 221).

Интересно проанализировать в этой связи следующий пример (не имеющий отношения к дефису как таковому): Прежде я как-то не ощущал, что позади нас Крюковки, Сафоновки и прочие Козловки, *полудеревни*, *полудачные поселки*, а затем уже Москва-матушка («Новый мир», 1971, № 3, с. 77). Ясно, что второе *полу*- присоединено не к прилагательному *дачный*, а к сочетанию *дачные поселки*.

²⁰ Очевидно, они стихийно возникают в практике преимущественно тогда, когда дефис оказывается «особенно неприемлемым». Показательнее всего в этом отношении последний пример: из-за неоднопадежности приложения и непосредственно предшествующего ему слова здесь невозможна даже иллюзия, что приложение относится только к этому слову.

Действующие орфографические правила не позволяют передать это на письме. А между тем приведенный пример не принадлежит к числу «диговинков»: конструкция *полу... — полу ...* продуктивна, и ее компонентами свободно выступают, наряду с цельюоформленными словами, сочетания слов, обладающие смысловым единством; вполне возможны, например, такие сочетания: *полусанаторий — полу + [дом отдыха]*, *полуясли — полу + [детский сад]*, *полуименины — полу + [день рождения]*²¹. Необходимо располагать способом адекватной письменной фиксации подобных конструкций²². Очевидно, выход заключается в том, чтобы предусмотреть в своде возможность раздельного написания для *полу*, подобно тому, как это сделано Д. Э. Розенталем для элемента *пол*²³.

Но вернемся к дефису и его «бессилию» присоединить сочетание слов. Любопытно, что иногда в практике печати встречаются написания, где дефисно присоединены сочетания слов, заключенные в кавычки. См. следующий пример: ...разные *псевдо-«Свободные голоса»* («Октябрь», 1969, № 1, стр. 216). Или (более прихотливый): ...следует принять и дефисные написания указанных сочетаний — *псевдо- сложных прилагательных ...* («О современной русской орфографии». М., 1964, стр. 153). Во втором случае элемент *псевдо-* написан раздельно, но с «висячим» дефисом²⁴. См.

²¹ Написания *полудом отдыха, полудень рождения* лучше «обпакают» неприемлемость слитного написания, чем случаи с прилагательными (типа *полудачные поселки*), но суть и там и там одна.

²² Разговорный характер конструкции с *полу... — полу...* и наличие синонимичных способов выражения (*не то ... не то...*; *среднее между* [одним и другим]) несколько не отменяют необходимости уметь передавать эту конструкцию на письме.

²³ Д. Э. Розенталь считает, что в случаях типа *пол столовой ложки, пол фруктового сада* *пол* «оторвано от последующего существительного согласованным определением» (указ. соч., стр. 60). Фактически *пол* сочетается здесь с сочетанием слов: *пол + [столовой ложки]*, *пол + [фруктового сада]*. Ср. написание не по правилу Розенталя: *полреактивного самолета* («Правда», 2 февр. 1973 г.); здесь, несомненно, представлено соотношение *пол + [реактивного самолета]*.

²⁴ Не исключено, впрочем, что пробел после дефиса — всего лишь типографская случайность. Тогда второй пример аналогичен первому во всем, кроме одного: в первом примере объединяющая роль кавычек скорее всего вторична, а употреблены они по своему прямому назначению (причем создают вместе с *псевдо-* «двойное отрицание»), во втором же случае кавычки использованы только в роли «объединителей».

еще написания операция «Меченые атомы»-1 и операция «Меченые атомы»-2 («Лит. газета», 11 ноября 1970 г.), где цифра — порядковый номер вынесена вопреки обыкновению за пределы кавычек (ср. принятые «Восток-4», «Союз-10», «Луноход-1» и т. п.); благодаря этому кавычки помимо обычной для таких названий функции выполняют и роль «объединителя» двусловной группы по отношению к дефисно присоединяемой цифре.

Изложенные здесь «каверзные» случаи демонстрируют обилие нерешенных и не вполне решенных орфографическим сводом вопросов. Примечательно, что едва ли не большинство рассмотренных орфографических трудностей, вызывающих необходимость создания сложных корректирующих правил, относится к письменной передаче производных слов, образованных от дефисно пишущихся производящих, чаще всего — от дефисно пишущихся существительных. Не является ли это одним из аргументов в пользу уменьшения количества дефисных написаний для существительных?

Г. И. Миськевич, Л. К. Чельцова

К ВОПРОСУ ОБ ОРФОГРАФИИ НОВЫХ СЛОВ

(на материале существительных с *мини-*, *макси-*, *миди-*)

Анализ очень небольшой и ограниченной по сфере употребления группы слов с *мини-* может дать представление о тех сложностях, которые приходится решать при определении написания новых слов.

Первое образование этого рода *мини-юбка* представляет собой полукальку, ср. англ. *mini-skirt*: *мини-* сокращенно от *минимум*. Часто употребляемое на Западе выражение, вошедшее в обиход в связи с модой на чрезмерно короткие юбки, которые называются *мини-юбками* («Лит. газета», 15 февр. 1967 г.); *Мини-юбка*, родившаяся на Пикадилли-сквер в Лондоне, совершила триумфальное шествие по земному шару («Правда», 2 авг. 1970 г.).

Займствование *мини-юбка* оказалось первым членом словообразовательного ряда, который начал стремительно расти и пополняться: появились *мини-платья*, *мини-пальто*, *мини-костюмы*, *мини-сарафаны*, *мини-шубы*, *мини-кафтаны*, *мини-туники*, *мини-платки* и под. В очень короткое время значительно расширился круг тех существительных, к которым стал присоединяться элемент *мини*. Ср.: В моей коллекции «По страницам печати» есть раздел: *мини-вырезки* («Комс. правда», 2 марта 1969 г.); Правда, разрешили выпускать не те сувениры, что почти подлинник XVII века и особенно хороши как настенное украшение. Помельче: *мини-изразцы* чуть крупнее спичечного коробка, рисунок кое в чем пришлось облегчить, и все же — радость («Комс. правда», 4 янв. 1969 г.); Директор типографии Будапештского университета Юлиуш Янка коллекционирует *мини-книги* («Журналист», 1969, № 8, стр. 79); Увидели в санатории А, что их сосед — санаторий Б заменил крашенные тумбочки на полированные *мини-комодики*, и спешат сделать то же («Известия», 14 июля 1969 г.); «*Мини-фельетон о мини-юбках*» (загол.) («Калининградская правда», 19 июля 1970 г.); Подобные *мини-бури* повторяются каждый раз, когда меняется мода (Там же); Нелегкая доля у *мини-фунта* («Веч. Москва», 1 дек. 1967 г.); Но вот минувшим летом в Ленинграде, на Мемориале Знаменских, я попал на совершенно необычную «*мини-летучку*» («Сов. спорт», 1 авг. 1969 г.); В цейтноте, однако, черные, переоценив свое *мини-преимущество*, просмотрели промежуточный шах, после чего позиция из чуть лучшей моментально стала критической («Сов. спорт», 3 апр. 1970 г.); Перспективы продвижения по службе всегда «*мини-перспективы*» («Калининградская правда», 19 июля 1970 г.); Зал молчал, не без прискорбия наблюдая за тем, как его любимый вид кинематографа — короткий фильм — превращался в «*мини-фильм*» (Л. Рошаль. Вокруг да около и вглубь. «Искусство кино», № 10, стр. 84)¹.

¹ Показательно стихотворение Р. Рождественского:

«Мини»	
Мы на шарике,	<i>моду-мини,</i>
на шаре,	<i>моду-мини.</i>
как на плавающей мне,	Появились
наплодили,	<i>мини-юбки</i>
нарожали	(все пошло, конечно, с нпх).
	Закружились

Почти одновременно с модой на укороченную одежду началось моделирование удлиненных фасонов, и вместе с этим получают распространение однотипные с *мини*-лексемы *макси*- и *миди*-. Ср.: Предложение подхватили за океаном и в цитадели «*мини-юбок*» в Лондоне. «*Макси-юбки*», доходящие до середины голени, уже включены в арсенал новинок осенней моды 1967 года («Известия», 1967, № 112); Решающий бой был дан в 1969 году. В два приема, весной и осенью, Париж провозгласил переворот в «высшей моде». В выставочных залах на Елисейских полях появилась *макси-мода* («Правда», 2 авг. 1970 г.); В прессе утверждают, что инициатором *макси-моды* был французский текстильный фабрикант Буссан, считавший, что переворот приведет к подъему в текстильной промышленности (Там же); Из *мини-юбки* никак не выкроишь *макси-платья* (Там же); Судя по многочисленным заказам, полученным французскими модными фирмами на изготовление новых «*макси-моделей*», они завоюют себе место под солнцем («Известия», 1967, № 112); *Макси-поражение* (загол.) («Известия», 29 марта 1968 г.); Значит снова в долгу, как в шелку. Но это уже *макси-долг* («Веч. Москва», 1 дек. 1967 г.)².

мини-вьюги,
мини-спор
 завял и спик.
Мини-юбки
 не опасны,
 несмотря на *мини-газ*.
 (Это
 чтоб не нагибаться
 любопытным
 старичкам).
 В новом
мини-измеренье
 успевай передохнуть.
Мини-клятвы,
мини-время
 (да и правда,

что тянуть?!).
 Это может позабавить.
 Это
 новый *мини-спорт*,
Мини-совесть.
Мини-память.
Мини-служба.
Мини-пот.
Мини-литры.
Мини-мили.
Мини-холод
 у виска...
 И берет от этих
 «мини»
 Максимальная тоска
 («Смена», 1969, № 1).

² Появившиеся в последние годы статьи и заметки об образованиях с элементами *мини*-, *макси*- ввели в научный оборот большой фактический материал, поэтому представляется излишним увеличивать количество примеров. См.: И. М. Жилин «Мини» и «макси» в русском языке. — РЯШ, 1970, № 3; К. А. Логинова «Мпши» — «макси». — «Русская речь», 1970, № 6; В. П. Данил е п к о. *Мини-куры*. «Русская речь», 1971, № 6; Л. В. Са х а р н ы й. Женская мода и словообразование (модель с *мини*- и неко-

Некоторые семантические и словообразовательные особенности позволяют говорить об общности морфологической структуры новообразований с элементами *мини-*, *макси-*, *миди-* и словообразовательного ряда, представляющего сложносокращенные слова определительного типа, так называемые определительные сложения (образования с *микро-*, *макро-*, *авто-*, *кино-*, *фото-* и т. п.)³. Образования с элементом *мини-* могут быть рассмотрены как результат стяжения словосочетания прилагательных *минимальный* или *миниатюрный* с именем существительным. По существующим орфографическим нормам определительные сложения с элементами *авто-*, *авиа-*, *аэро-*, *агро-*, *гидро-*, *био-*, *вибро-*, *кино-*, *зоо-*, *макро-*, *микро-*, *пнеumo-*, *турбо-*, *электро-*, *энерго-*, *метеo-*, *стереo-*, *теле-*, *неo-*, *радио-* всегда пишутся слитно. Именно это сопоставление существительных с *мини-* и названных выше элементов послужило основанием для предложений о слитном написании анализируемых новообразований.

Слитное написание сложных слов с *мини-* (и *макси-*) встречается в печати, хотя нельзя не отметить, что эти случаи крайне малочисленны. Например: Дипломаты тепло поздравили наших хоккеистов и с удовольствием наблюдали, с каким аппетитом ребята уничтожили пять подносов с маленькими шведскими *минисосисками*, смазанными сладкой горчицей («Комс. правда», 27 марта 1969 г.); Сейчас на Олимпиаде аккредитовано более 1000 журналистов. Их обслуживают 250 *миниавтобусов* («Веч. Москва», 9 февр. 1968 г.); Родился *минибуер* («Комс. правда», 9 февр. 1969 г.).

Однако анализ лексико-грамматических особенностей образований с *мини-* дает основание увидеть их своеобразие в сравнении с названным словообразовательным рядом. Рассматривая употребление образований с *мини-*, следует отметить, что им не предшествовала стадия употребления в определительных словосочетаниях, хотя такой путь не является единственно возможным для всех определительных сложений⁴. Более того, оказывается труд-

торые вопросы теории словообразования). «Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Вопросы грамматики». 1972.

³ См. об этом: И. М. Ж и л и н. «Мини» и «макси» в русском языке, стр. 100—103.

⁴ Среди определительных сложений фиксируются такие соединения, «где подобных реально сокращаемых сочетаний нет и

ным трансформировать возможное соотносительное словосочетание: если образования с *макси-* во всех случаях структурно сопоставляются с сочетанием существительного и прилагательного *максимальный*, то образования с *мини-* могут быть соотнесены с сочетанием существительного и одного из двух возможных прилагательных *минимальный* или *миниатюрный*⁵, а образования с *миди-* вообще не соотносятся с словосочетанием.

Говоря об употреблении образований с *мини-*, нельзя не отметить, что элементы *мини-*, *макси-*, *миди-* приобрели известную семантическую самостоятельность и получили возможность употребления в функции существительного. См.: Они считают, что пусть уж укорачиваются *мини*, но не урезаются расходы на социальные нужды («Веч. Москва», 1 дек. 1967 г.); *Макси* удерживают свои позиции единственно в вечерних туалетах («Правда», 2 авг. 1970 г.); Мы нуждаемся в *миди* с точки зрения бизнеса («Калининград. правда», 19 июля 1970 г.),... были опубликованы медицинские выкладки, объявившие «*мини*» полезными для здоровья («Известия», 12 июня 1968 г.); Ну, уж я ему этих ног не пожалела: такое *мини* выдала, что он сразу взял меня на работу, хотя у него, говорят, штатов нету («Иностран. лит-ра», 1968, № 4, стр. 104); Лиза ... туфли носила на тонюсеньком каблукке, а платья шила покороче (не «*мини*», но явно не «*макси*»), выставляя напоказ коленки, округлые, как полнорезлые апельсины (М. Барышев. Кривая роста. «Молодая гвардия», 1969, № 6, стр. 17).

В отдельных случаях *мини-* в роли существительного получает самостоятельное определение: Одни считают, что пора от юбок-коротышек переходить к максимально длинным, другие ратуют за то, чтобы современные *мини* были

соединения эти только могли бы быть трансформированы в определительного типа сочетания» (В. Л. Воронцова. Процессы развития морфологических элементов, стоящих на грани морфемы и слова. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 101).

⁵ См., например: Как рождаются «*мини-театры*»... Преимущественно это театры малых форм, малых во всех смыслах этого слова. *Минимальное* количество зрительных мест, минимальное число участников труппы, *миниатюрная* сценическая площадка, наконец, сам жанр представления, являющийся чем-то средним между эстрадой и комедией. Короче говоря, это «венгерские театры Райкша», и не случайно венгерские друзья в разговорах о «*мини-жанре*» часто ссылаются на опыт знаменитого советского актера («Театр», 1969, № 7, стр. 149—150).

еще короче («Веч. Москва», 18 окт. 1967 г.); Его очаровательная жена, ставшая в Торки всеобщей любимицей, разъезжала по гостям, по магазинам в новеньком красно-черном *мини* («Неделя», 1968, № 47, стр. 16); Вместо скромного, так идущего ей платья — песочного цвета короткое модное *мини* («Лит. газета», 25 июня 1969 г.).

Доказательством их семантической самостоятельности служат встречающиеся приставочные образования с названными элементами: А вот и первые зрители — высокий парень в очках с голенастой подружкой в *сверхмини* («Комс. правда», 29 марта 1969 г.).

Существенным признаком, принципиально отличающим образования с *мини*- от определительных сложений, оказываются случаи их постпозитивного употребления — *юбка мини*, *платье мини*: «мы па шарике, на шаре, как на плавающей мине, наплодили, нарожали *моду-мини*, *моду-мини* (Р. Рождественский); Одни в *пальто-макси* подметают полами асфальт, другие — в *мипи-юбках* (Известия, 20 янв. 1972 г.). Эта особенность сближает их с несклоняемыми прилагательными типа *беж*, *хаки* ⁶.

Важно отметить, что сфера употребления образований с *мини*- и определительных сложений в известной мере различны: сфера бытования определительных сложений — жанр официально-деловой и научно-технической речи, где они используются как специальные терминированные наименования каких-то реалий ⁷, а образования с *мини*- окказиональны по употреблению, выступают с ярко ощущаемой экспрессией и в настоящее время не могут квалифицироваться как нейтральное средство номинации ⁸.

Таким образом, семантическая самостоятельность, употребление в постпозиции, случаи приставочных образований, ограниченность сферы употребления и экспрессивная окрашенность являются их характерными особенностями и делают невозможным безоговорочное включение в словообразовательный ряд определительных сложений.

⁶ М. В. Панов включает *мини*- в группу аналитических прилагательных *хаки*, *беж*, *хинди* и др. (форма *хаки*, цвет *беж*, язык *хинди*), см.: М. В. Панов. Об аналитических прилагательных. «Фонетика. Фонология. Грамматика». М., 1971, стр. 241.

⁷ См. об этом: В. Л. Воронцова. Указ. соч., стр. 96.

⁸ Об окказиональности употреблений лексических единиц с элементом *мини*- см.: В. П. Даниленко. Указ. соч., (стр. 67.

Это не позволяет абсолютизировать прямое орфографическое сопоставление написаний с *мини-* и написаний с *авиа-, теле-, кино-* и т. п. Сложная природа рассматриваемых образований принципиально усложняет решение вопроса об их орфографии.

В написании аналитических прилагательных нет единства; пишется *платье беж, юбка плиссе, брюки клеш, стиль модерн, вес брутто, часы пик* — и *театр-буфф, программа-максимум, магазин-модерн; коми язык, хинди язык* — и *экспресс-анализ, модерн-балет*. Так как эти слова рассматриваются как прилагательные, они должны были бы и в препозиции, и в постпозиции писаться раздельно, т. е. *вес нетто, нетто вес, юбка мини, мини юбка* и т. п. Кстати, раздельное написание характерно для многих подобных словосочетаний⁹.

Однако тот факт, что категория аналитических прилагательных находится в стадии формирования, не может не отразиться на написании слов, особенно в препозиции — более редком положении для аналитических прилагательных.

В практике для существительных с элементами *мини-, макси-* закрепилось (без особых колебаний) дефисное написание; это, видимо, является интуитивным выражением общественного восприятия языковой сущности названной группы слов, а такое восприятие в какой-то степени отражает объективную природу самого явления. Представляется, что дефисное написание в данном случае является оправданным компромиссным решением, отражающим сложность и незавершенность языкового процесса. Возможно, в какой-то мере возникновение дефисного написания объясняется влиянием слова-источника (*mini-skirt*)¹⁰

⁹ Интересны следующие примеры: Новинкой 1912 года было и аргентинское танго. Его веде играли, пели, напевали и насвистывали. Появился даже модный *цвет танго*. Блузки-танго, чулки-танго, конфеты-танго, не изобрели разве что *котлет танго* (Э. Крекель. Мои позывные — РАЕМ. «Новый мир», 1970, № 9, стр. 122); Умеренность и элегантность и тут одержали победу над крайностями *мини* и *макси моды* (Из газет, 1972 г.).

¹⁰ Появление подобных новообразований в дефисном написании, связанных с *mini-skirt*, фиксируется и в современном французском и немецком языках. — См., например: Е. В. Розен. Новые аббревиатурные слова в современном немецком языке. — ИЯШ, 1969, № 3; А. А. Ануфриев. *Mini* — наступательная приставка во французском языке. — ИЯШ, 1970, № 3.

и поддерживается существующими написаниями *брутто-вес, нетто-баланс, но вес брутто, баланс нетто*. Дефисное написание представляется очень удобным при восприятии сложных окказиональных образований, так как дефис способствует сохранению внутренней формы слова, прозрачности словообразовательной структуры и тем самым облегчает восприятие понятийного содержания неологизма.

Таким образом, представляется оправданным включение в новое издание орфографического словаря слов *мини-юбка, мини-платье* в дефисном написании, что должно являться образцом для написания аналогичных образований.

Л. Н. Комарова

**К ВОПРОСУ О ПРАВОПИСАНИИ
СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ**
(сложные прилагательные
с опорным компонентом — причастием)

Данная группа сложных прилагательных очень многочисленна и продуктивна в русском языке. Продуктивность ее особенно высока в книжной речи и научно-технической терминологии. В «Правилах русской орфографии и пунктуации»¹ слова указанного типа отдельно не рассматриваются. Они включены в группу сложных прилагательных и представлены очень небольшим количеством примеров. Правописание же сложных прилагательных с опорным компонентом — причастием имеет некоторые особенности, обусловленные их морфологической структурой.

Значительной по объему среди рассматриваемых слов является группа прилагательных, которые представляют собой сложения с подчинительным отношением основ. Такие прилагательные согласно «Правилам» пишутся слитно как слова, «образованные из сочетаний слов, по своему значению подчиненных одно другому»². Зависимой частью

¹ «Правила русской орфографии и пунктуации». М., Учпедгиз, 1956 (далее — «Правила»).

² «Правила», § 80, п. 2.

в данном случае являются основы существительных и прилагательных.

В качестве первой основы у таких прилагательных выступают основы существительных: *болеутоляющий* (утоляющий боль), *буквопечатающий* (печатающий буквы), *водораспределяющий* (распределяющий воду), *лагоотталкивающий* (отталкивающий влагу), *взрывозащищенный* (защищенный от взрывов), *жаропонижающий* (понижающий жар), *железообрабатывающий* (обрабатывающий железо), *звукозаписывающий* (записывающий звуки), *льносеющий* (сеющий лен), *почвоулучшающий* (улучшающий почву), *пылеотталкивающий* (отталкивающий пыль), *хлеботоргующий* (торгующий хлебом)³. В качестве первой основы могут выступать и существительные в винительном падеже, этот тип сложения характерен для научно-технической терминологии: *азотусваивающий*, *борсодержащий*, *витаминосодержащий*, *газдобывающий*, *кислороддающий*, *крахмалсодержащий*, *медьсодержащий*, *хлорсодержащий*. Подобные словообразования существуют в языке иногда наряду с *азотоусваивающий*, *витаминосодержащий*, *газодобывающий*, *крахмалосодержащий*.

Основы прилагательных выступают в качестве первой части сложений в следующих сложных прилагательных: *новообразующийся*, *разноспрягаемый*, *удоборегулируемый*, *правовращающий*, *дальнодействующий*, *взаимозависимый*, *достоуважаемый*, *досточтимый*, *взаимозаменяемый*, *взаимоисключающий*, *нововыстроенный*, *новоиспеченный*, *свежевспаханный*, *свежезамороженный*. В этих словах подчинительные отношения основ выражены не так ярко (ср. *золотодобывающий* — добывающий золото). Но невозможность самостоятельного употребления первой части в составе словосочетания, лексически тождественного данному слову, делает слитное написание этой группы сложных прилагательных единственно возможным.

Наиболее продуктивной и многочисленной является группа сложных прилагательных (прилагательные-сращения) с опорным причастием и наречием в качестве первой части этого сращения. Для них характерно только слитное написание: *активнодействующий*, *быстровоспла-*

³ Сложные прилагательные, приводимые в тексте, взяты из словаря «Слитно или раздельно?», составленного Б. З. Букчиной, Л. П. Калакуцкой, Л. К. Чельцовой (М., 1972).

меняющийся, бурнокипящий, быстродвижущийся, высоколетящий, высокооплачиваемый, грубоизмельченный, законнорожденный, короткоживущий, легковооруженный, обратнодвижущийся, прямостоящий, узкоспециализированный. Критерием слитного написания перечисленных слов является их терминологичность: «Надежным критерием цельнооформленности слов-сращений служит их общеупотребительность (словарная закреплённость) или терминологичность»⁴.

Согласно § 80 «Правил»: «Сложные прилагательные, в состав которых входят наречия, не следует смешивать со словосочетаниями, состоящими из наречия и прилагательного (или причастия) и пишущимися раздельно». В данном случае наречие является отдельным членом предложения, словом с самостоятельным ударением: *абстрактно рассмотренный, абсолютно непроницаемый, асимметрично расположенный, бесполезно истраченный, блестяще образованный, гармонично развитый, глубоко расположенный, густо растущий, дополнительно включенный, избирательно действующий, красиво цветущий, максимально допустимый, музыкально одаренный, научно изложенный, рационально устроенный, сильно действующий, художественно исполненный, широко представленный.*

Однако раздельное написание некоторых приведенных словосочетаний не является единственно возможным: при терминологизации сочетания меняется и его написание. Так, мы встречаем *глубокорасположенные породы, красивоцветущие растения, сильнодействующие лекарства, высококипящие жидкости, труднорастворимые вещества, низколегированные стали.* При неярко выраженной терминологичности возможны колебания в написании: *сильновогнутый* и *сильно вогнутый, слабовогнутый* и *слабо вогнутый.* Но эти колебания касаются только слитного или раздельного написания указанных слов.

Что касается дефисного написания прилагательных-сращений, которое часто встречается в различных словарях, справочниках, в литературе, то оно кажется нам неправомерным. Трудность написания сложных прилагательных с опорным причастием и наречием в качестве уточнительного компонента есть трудность разграничения сло-

⁴ «Грамматика современного русского литературного языка». Изд. АН СССР. М., 1970.

ва и словосочетания. Если перед нами слово, то слитное написание его является единственно возможным, если словосочетание, то оправдано только раздельное написание. Вряд ли возможно найти причину, заставляющую писать по-разному: *спирально изогнутый, спирально закругленный, спирально намотанный, продольно вытянутый, поперечно вытянутый, умеренно вытянутый, неправильно вогнутый, попутно затронутый и угловато-вогнутый, округло-вогнутый, ключковато-изогнутый, волнисто-изогнутый, линейно-вытянутый, продольно-обтекаемый, серповидно-загнутый, серповидно-изогнутый, овально-удлиненный, долотообразно-скошенный, меридионально-вытянутый*. Ничем не оправдано и различное написание сложных прилагательных *радиально расходящийся и радиально-фокусирующий, последовательно включенный и встречно-выключенный, инверсно-включенный, локально измененный и линейно-измененный, горизонтально поляризованный и линейно-поляризованный, продольно-поляризованный, взаимно сопряженный и комплексно-сопряженный, функционально связанный и индуктивно-связанный, дистанционно управляемый и поверхностно-управляемый, материально зависимый и линейно-зависимый, условно зачисленный и условно-пораженный*. Ничем не отличаются друг от друга *равномерно замедленный и равномерно-темперированный, вторично подводный и двоично-кодированный, диффузно отраженный, диффузно рассеянный и капельно-взвешенный, капиллярно-разобценный, ирригационно подготовленный и синусоидально-изменяющийся, смежно расположенный и однородно-ориентированный, условно наказуемый, модально окрашенный и попутно-пересекающийся, поперечно-намагниченный*. Семанτικο-синтаксическая характеристика всех слов этих групп одинакова, и нам кажется, что все приведенные примеры скорее следует рассматривать как соответствующие словосочетания, а не как сращения, следовательно, они должны писаться раздельно. При отнесении их к категории сложных слов возможно и иное написание — слитное.

Если слитное написание сложных прилагательных с наречием в качестве первого компонента объясняется их терминологическим характером, то не делает более простой проблему написания сложных прилагательных примечание в ряде орфографических пособий, по которому разрешается писать через дефис некоторые прилагательные тер-

минологического характера (например, *наклонно-направленный, поточно-механизированный*). Тем более, что прилагательные с той же степенью терминологичности встречаются в слитном и раздельном написании.

Наличие пометы «наречие» в словарях у слов *спирально, попутно, вертикально, горизонтально, последовательно, локально, равномерно, продольно, вторично, взаимно* и т. п. и отсутствие такой пометы у слов *линейно, встречно, комплексно, инверсно, двоично, индуктивно, синусоидально* и т. п. не может служить достаточным основанием для того, чтобы считать одни слова самостоятельно употребляющимися в языке, а другие нет. Ведь ни у кого не вызывает возражения раздельное написание сочетаний: *антивоенно настроенный, всемирно прославленный, индустриально развитый, национально ограниченный, общественно значимый, организационно оформленный, промышленно развитый, умственно ограниченный, численно преобладающий*, хотя слова, составляющие первую часть словосочетаний, в словарях идут без пометы «наречие»⁵.

Таким образом, сложные прилагательные с опорным словом — причастием и наречием в качестве уточняющей первой части пишутся слитно. Но для терминологических новообразований возможно отнесение их к терминологическим сочетаниям, что допускает их раздельное написание. Поэтому из трех написаний, встречающихся в литературе, — *аффинно преобразованный, аффиннопреобразованный, аффинно-преобразованный* допустимы первые два, так же как и *кратноотраженный* и *кратно отраженный*, *согласнозалегающий* и *согласно залегающий*, *комплексномеханизированный* и *комплексно механизированный*, *поточно-механизированный* и *поточно механизированный*, *планово-регулируемый* и *планово регулируемый*.

Что касается написания причастий с наречиями на -ски, то их следует писать раздельно: *грамматически связанный, дружески расположенный, капиталистически организованный, катастрофически падающий, логически упорядоченный, мещански ограниченный, ритмически органи-*

⁵ В «Грамматике современного русского языка» к наречиям, мотивированным прилагательным, относятся такие наречия, как *быстро, смело, ежедневно*, и наречия, мотивированные суффиксальными прилагательными со значением отношения к предмету, явлению... *молочно, ватно, южно, каменно, бронзово, проектно, ирригационно* (§ 711, стр. 293).

зованный, теоретически разработанный, энциклопедически образованный. И нет основания делать исключения из этого правила и писать через дефис некоторые сложные прилагательные рассматриваемого типа, напр. *эллиптически-поляризованный*, так как оно не более терминологично, чем *прагматически обусловленный*, *семантически разграниченный*, *сферически оформленный*.

Таким образом, сложные прилагательные с опорным причастием пишутся слитно, если: 1) представляют собой сложения с подчинительным отношением основ; 2) образуют сращения с наречием в качестве первого компонента.

Только незначительная группа сложных прилагательных с причастием в качестве второй части пишется через дефис. К ним относятся сложные прилагательные с двумя равноправными основами. В качестве первой основы этого продуктивного типа выступают а) основы прилагательных: *смазочно-охлаждающий*, *бронейно-трассирующий*, *снотворно-успокаивающий*, б) основы причастий: *восходяще-нисходящий*, *колюще-рубящий*, *колюще-сосущий*, *сжимающе-сдвигающий*, *смазывающе-охлаждающий*.

Е. И. Голанова

**СЛИТНОЕ И ДЕФИСНОЕ НАПИСАНИЕ
ПРЕПОЗИТИВНЫХ МОРФЕМ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале имен существительных)**

1.1. Вопрос об орфографии препозитивных единиц типа *а-*, *анти-*, *архи-*, *вице-*, *гипер-*, *де-*, *дис-*, *квази-*, *контролже-*, *макро-*, *макси-*, *микро-*, *мини-*, *нео-*, *пост-*, *псевдо-*, *сверх-*, *супер-*, *экс-* и *под*. представляет значительные трудности. При сочетании с именами существительными этих функционально тождественных единиц наблюдается неоправданный разницей, двойное написание — слитное и через дефис.

Отсутствие полного списка таких единиц и четкого конкретного правила их написания отрицательно сказывается на орфографической практике.

1.2. По существующим «Правилам»¹ (§ 76) «слова с приставками (включая *вне-, после-, сверх-, а-, анти-, архи-, инфра-, контр-, ультра-* и др.), а также с начальными составными частями *пан-, квази-, псевдо-* и др.» пишутся слитно. «Слова, первой составной частью которых являются иноязычные элементы *обер-, унтер-, лейб-, штаб-, вице-, экс-,* » пишутся через дефис (§ 79).

Уже простое сопоставление этих правил вызывает вопрос: почему эти единицы разграничиваются, относятся к разным орфографическим группам? Каков критерий этого деления? Существенно для правильной ориентации и то, что скрывается за словом «др.» В какую группу отнести, например, не перечисленные в «Правилах» препозитивные элементы типа *блиц-, гипер-, гросс-, дис-, еже-, интер-, лже-, лейт-, макро-, микро-, макси-, милли-, мини-, нео-, поли-, пост-, супер-, транс-, экстра-?*

Однако эта двойственность, разное написание препозитивных морфем не случайны. В данном случае в орфографии отражается существующий в лингвистической литературе разнобой в понимании и определении таких понятий, как «префикс» и «первая часть сложного слова», границ производного и сложного слова, слова и словосочетания.

1.3. Современные исследования и толковые словари весьма отчетливо отражают эту непоследовательность в определении многих препозитивных единиц. Так, в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (далее АН¹⁷) к приставкам отнесены: *анти-, архи-, вице-, де-, дис-, интер-, против-, ре-*; «первой частью сложного слова» называются элементы *квази-, контр-, лже-, меж-, между-, милли-, макро-, микро-, нео-, поли-, псевдо-, сверх-, супер-, транс-, ультра-, экстра-*, «первой частью составных слов» — *еже-, обер-, экс-*.

Как видим, это деление не совпадает с той группировкой, которая дана препозитивным элементам в своде «Правил» (см. выше). Приведенная классификация не единственно возможная. Фактически каждый словарь по-своему группирует такие морфемы.

Например, в словаре Ушакова *экс-* относится к приставкам, а *вице-* считается «первой частью сложного слова»²

¹ «Правила русской орфографии и пунктуации». М., 1956.

² Ср. АН¹⁷: *вице-* «приставка, употребляемая в сложении для обозначения заместителя или помощника...». Ср. там же нео-

противо- называется «первой частью составных слов». Многих рассматриваемых единиц вообще нет в этом словаре (*гипер-, де-, дис-, интер-, ре-, супер-, экстра-*), что, по-видимому, может служить косвенным свидетельством еще незначительной распространенности и малой продуктивности этих единиц в 20-е—30-е годы.

Ряд расхождений обнаруживается между семнадцатитомным академическим словарем (АН¹⁷) и Большой советской энциклопедией, изд. 2 (БСЭ₂). Ср.: *милли-* «первая часть сложных слов» (АН¹⁷) и «приставка...» (БСЭ₂); *нео-* «первая часть сложных слов...» (АН¹⁷) и «приставка» (БСЭ₂); *обер-* «первая часть составных названий» (АН¹⁷) и «начальная частица» (БСЭ₂); *экс-* «приставка в сложных словах» (БСЭ₂) и «первая часть составных слов» (АН¹⁷).

Различное понимание таких единиц встречаем во многих работах, где затрагиваются проблемы префиксальных или сложных слов³. Остановимся только на одном примере расхождений с АН¹⁷. В книге Д. Э. Розенталя «Вопросы русского правописания» (М., 1970, изд. 3-е) к слитно пишущимся, наряду с приставками *анти-, архи-*, относятся и *контр-, супер-, ультра-, экстра-* (в АН¹⁷ эти морфемы называются «первыми частями сложных слов»), а также начальные составные части *квази-, псевдо-, пан-* (стр. 55). Единицы *вице-, обер-, экс-* («иноязычные элементы») предлагается писать через дефис.

Подобную классификацию можно объяснить, видимо, сложившейся орфографической традицией (ср. «Правила», стр. 40).

Отсутствие единого правила для написания таких единиц нередко ведет к орфографической двойственности даже одних и тех же морфем. Современная художественная литература и периодическая печать дают немало примеров такой вариантности. Ср.: *Постнеодарвинизм* и *дарвинизм* («Вопросы философии», 1970, № 1); Влияние фрейдизма и *неофрейдизма* укрепляло убеждение интеллигентов в том, что человек — существо неразумное («Лит. газета», 8 мар-

жиданное определение, данное морфеме *дис-*: «приставка в сложных словах иностранного происхождения»... Подобные неточности и непоследовательности в определениях¹ свойственны и другим словарям.

³ Наиболее широкий круг префиксов представлен в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., Изд. АН СССР, 1970).

та 1962 г.); Блестяще стартовал *нео-москвич* Полугаевский... («Шахматы», 1963, № 24); Он слышал о плане *блиц-разгрома* вооруженных сил России и ликвидации ее как государства» (Н. Вирта, Катастрофа); Кто же этот Рудаков, что его нужно лечить философскими тирадами и утешать «*блицлюбовью*»? («Сов. культ.», 30 мая 1963 г.); Чем объясняется «*блиц-поездка* с пребыванием день—два в столицах государств?» («Знамя», 1958, № 10); И было бы еще полгоря для монархии и для самого Вильгельма, если бы читатель, захлопнув его книжку, сказал себе: «Напрасно *эксмонарх* взялся за перо. Ничего он не доказал и никакого нового света не внес» (А. В. Луначарский, Статьи и речи); *Экс-рекордсмены* мира В. Кузнецов и О. Федосеев (оба — «Буревестник»), видимо, всерьез решили расстаться с приставкой «*экс*» («Сов. спорт», 15 марта 1962 г.); *Супербоевик* режиссера Роже Вадима расскажет о приключениях Барбареллы в 4000 году на других планетах («Лит. газета», 15 ноября 1967 г.); *Супер-корова*. Мне предложили заменить это название другим, и я придумал другое: корова, принадлежащая фермеру о четырех руках («Лит. газета», 10 сент. 1969 г.); *Мини-фестиваль* в *мини-государстве* («Театр», 1967, № 12); Свой первый совместный концерт Ойстрах — Рихтер дали всего полгода назад... И уже теперь критики признают этот дуэт одним из лучших в мире *миниансамблей* («Веч. Москва», 14 мая 1969 г.).

1.4. Существующие «Правила» предполагают написание приставок с именами собственными через дефис (§ 76). Однако и тут нет единообразия. По-видимому, оказывает влияние общая нечеткость в правописании препозитивных единиц. Ср.: Демоническая женщина, к изображению которой подбирался тогда Пушкин (*Анти-Татьяна*) ... (Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине — «Вопр. лит.-ры», 1970, № 1); *Лже-Цицурия* (он же Кулатаев) был пойман на месте преступления и отведен (с большим трудом) в комнату приемной комиссии... («Веч. Москва», 16 сент. 1960 г.); Подаренная ею монета с изображением *Лже-Дмитрия* уже помещена в раздел экспозиции «Борис Годунов» («Веч. Москва», 22 июля 1961 г.); ср. иное написание: Вместе с Мариной Мнишек, женой *Лжедмитрия I*, признавшей *Лжедмитрия II* своим «мужем», ЛП бежал в Калугу, где в конце 1610 г. был убит одним из своих сообщников» (БСЭ₂).

2.1. Примеры подобной непоследовательности в написании препозитивных единиц — результат отсутствия в лингвистической литературе единого взгляда на понятие «именного префикса», на состав этой категории единиц.

Рассматриваемые препозитивные единицы представляют пеструю картину. Они отличаются разнообразием семантики, неоднородностью происхождения, различной словообразовательной активностью. Вопрос о критерии отнесения той или иной морфемы к разряду префиксов до сих пор не имеет однозначного ответа. При определении префикса необходимо, на наш взгляд, учитывать прежде всего (1) характер значения морфемы и (2) ее функции в современном языке.

2.2. Современный именной префикс несет большую семантическую нагрузку. Его задача — придать слову новое значение (или оттенок значения), ср.: *антигуманизм, антидемократизм, антипатриотизм, антимилитаристы, антидарвинисты, антивирусы, антиматерия, антикрасота, антисхема, античеловечность, дегуманизация, дегероизация, контрдекларация, контрреформа, контрвозражение, контрдоводы; сверхприбыль, сверхпорция, сверхпроницательность, сверхоптимизм, суперэмоциональность, суперкомфорт, ультрамода, ультраколонизатор, архимиллионер, архинегодьяй; псевдонаука, квазитории, псевдорационализаторы, квазиреволюционеры, лжегерои, лжеучение, лжеискусство* и т. д.

Существенной чертой семантики префиксов является определенная абстрактность, обобщенность их значения (ср. приведенные примеры), чем они отличаются от других типов препозитивных единиц (например, *авиа-, аэро-, гидро-, вело-, теле-, фото-* и т. п.), у которых сохраняется конкретность значения, связь с однокорневыми словами.

Широта, обобщенность значения префиксальных морфем способствует возникновению синонимических отношений между ними. Наличие близких по значению единиц создает определенные семантические группы, поля. Этот факт существен при определении префиксов, он дает возможность отнести к этому разряду такие, например, единицы: *анти-, а-, контр-, против-, де-* (с общим значением противодействия, противоположности, отрицания); *сверх-, супер-, гипер-, ультра-, архи-* (с общим значением интенсивности, очень высокой степени какого-либо качества или состояния); *псевдо-, квази-, лже-, недо-*

(с общим значением фиктивности, мнимости, ложности); *милли-*, *микро-*, *мини-* (с значением небольших объемов, малых величин) и т. д. Со спецификой семантики связана и их функция, реальное назначение: образование нового производного, а не сложного слова, так как присоединение этого типа единиц к именам только видоизменяет, дополняет, уточняет семантику основного слова.

Важным фактором в «опознании» префикса является и степень функциональной нагрузки морфемы, ее словообразовательная роль. Не участвующие в современном словообразовании, архаичные, «семантически опустошенные»⁴ элементы типа *лейб-*, *унтер-*, *штаб-* нельзя ставить в один ряд (что до сих пор поддерживается орфографической традицией, см. «Правила») с такими единицами, как *вице-*, *обер-*, *экс-*.

К разряду именных префиксов в современном русском языке, таким образом, предлагаем относить независимо от происхождения (оно не существенно с синхронной точки зрения) препозитивные единицы с обобщенным, абстрактным значением, не имеющие самостоятельного употребления (количество их ограничено, их можно задать списком), служащие для образования производных слов.

На этом основании префиксами⁵ можно считать: *а-*, *анти-*, *архи-*, *блиц-*, *вице-*, *гипер-*, *де-*, *дис-*, *еже-*, *интер-*, *квази-*, *контр-*, *лже-*, *макро-*, *макси-*, *микро-*, *мини-*, *нео-*, *обер-*, *пост-*, *противо-*, *псевдо-*, *ре-*, *сверх-*, *суб-*, *супер-*, *транс-*, *ультра-*, *экс-*, *экстра*⁶.

3.1. Учитывая приведенный критерий и состав префиксов и исходя из традиционного правила русской орфографии имена с приставками писать слитно, можно избежать разнобоя в написании подобных препозитивных морфем.

⁴ См.: М. В. П а н о в. О дефисных написаниях. «О современной русской орфографии». М., 1964, стр. 153—154.

⁵ Мы не приводим здесь бесспорные, традиционные приставки типа *без-*, *над-*, *пере-*, так как их написание с существительными сомнения не вызывает.

⁶ Интересно, что и в языковом сознании носителей литературного языка эти элементы представляются приставками, ср. название статьи в «Комсомольской правде» (1 апреля 1962 г.): «Размышления над приставкой *экс*». Другой пример: Речь идет о новаторах с приставкой *псевдо* («Моск. правда», 2 февр. 1963 г.); Есть в творчестве больших ученых-физиков черты, которые нельзя передать обыкновенными словами. Так и хочется добавить приставку «сверх» — сверхизобретательность, сверхточность ... («Известия», 1962, № 301),

Предложение писать слитно все рассмотренные препозитивные единицы может вызвать отдельные возражения. Так, некоторые исследователи считают ⁷, что полезно было бы использовать дефис для обозначения границы морфем в случае сочетания слов с начальным ⟨я, ю, е, ё, а также — и⟩ и ряда приставок (оканчивающихся на твердую согласную), например: *контр-игра, контр-ярус, пост-импрессионизм, пред-импрессионизм* и т. п.

Это предложение, видимо, надо соотносить с общими (будущими) правилами использования дефиса в русской орфографии.

Сохранение, использование дефиса в ряде случаев возможно и даже необходимо. Трудно возражать, например, против его употребления в стилистических, экспрессивных целях, как выразительного приема, при намеренном выделении какой-нибудь препозитивной морфемы, ср.: Писателей-художников будут делать почетными академиками, *обер-академиками, архи-академиками*, но просто академиками — никогда или не скоро (А. Чехов, Письма, 1900); Русский *лже-символизм* действительно *лже-символизм* (О. Манделъштам, О поэзии); ... в самом первом детстве, *до-детстве...* (Москва, 1966, № 7, М. Цветаева).

Не вызывает возражение и традиционное сохранение дефиса при соединении приставок с именами собственными.

В остальных случаях можно рекомендовать единый принцип слитного написания рассмотренных препозитивных единиц с именами существительными.

⁷ См.: Н. А. Е с ь к о в а. Графическая передача фонемы ⟨и⟩ в начале морфемы, не являющейся флексией или суффиксом, после твердой согласной предшествующей морфемы. «О современной русской орфографии». М., 1964; О н а ж е. О разделительных знаках. — Там же.

Орфография собственных имен

Г. П. Бондарук, А. М. Комков

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ПРАВОПИСАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Географические названия, составляя значительную часть разряда имен собственных и выполняя присущие им номинативные функции, занимают особое место в словарном составе любого языка. Употребление географических названий в государственных законодательных актах, в правительственных постановлениях и служебных документах, в практике административно-территориального управления, в деятельности органов транспорта, связи, внешних сношений, в различного вида справочниках, на географических картах и в других официальных публикациях предполагает стабильность и обязательность принятой для них формы написания.

Отсюда и возникла проблема стандартизации географических названий, разработка которой ведется во многих странах мира, в том числе и в Советском Союзе. Задача стандартизации в данном случае заключается в установлении правильной, научно обоснованной и стабильной формы написания географических названий, обязательной для употребления во всех видах государственных документов и публикаций на языке или языках, официально принятых в данной стране.

Общий порядок номинации различных видов объектов, в том числе и географических, регламентируется в большинстве стран законодательными актами, а установленные для этих объектов названия закрепляются правительственными постановлениями, а также нормативными словарями географических названий.

В Советском Союзе, в соответствии с постановлениями Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР¹, установлением названий определенных видов объектов ведают различные общегосударственные (общесоюзные), республиканские, краевые, областные и др. организации.

Например: названия административно-территориальных единиц и населенных пунктов устанавливают Президиумы Верховных Советов союзных республик; названия железнодорожных станций, морских портов, аэропортов и других объектов союзного подчинения — соответствующие министерства и ведомства, в ведении которых находятся эти объекты; названия объектов краевого или областного подчинения — исполнительные комитеты Краевых или Областных Советов депутатов трудящихся; названия физико-географических объектов — Советы Министров союзных или автономных республик и т. д.

В подготовке предложений по наименованию и переименованию указанных видов объектов участвуют самые различные организационно-административные, научные, производственные, общественные и другие учреждения. В качестве авторов предложений выступают люди самых различных специальностей с разным уровнем образования.

В этих условиях чрезвычайно важно обеспечить единство (согласованность) правописания названий различных, но зачастую взаимосвязанных социально-экономических и физико-географических объектов, имеющих к тому же различную ведомственную или административно-территориальную принадлежность. Основой для достижения такого единства могут и должны служить прежде всего «Правила русской орфографии и пунктуации». Однако в «Правилах» 1956 г. нет специального раздела, посвященного правописанию собственных имен. Но так как эти «Правила» содержат множество примеров написания личных имен и географических названий, то они воспринима-

¹ Имеются в виду: Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1964 г. О порядке наименования и переименования краев, областей, районов, а также городов и других населенных пунктов, предприятий, колхозов, учреждений и организаций [Ведомости Верховного Совета СССР № 45(1236), 4 ноября 1964 г.]; Постановление Совета Министров СССР от 29 ноября 1966 г. О порядке наименования и переименования государственных объектов союзного подчинения и физико-географических объектов (Отдельная публикация).

ются как общие и обязательные для всех разделов лексики языка, в том числе и для собственных имен.

Между тем «Правила» не предусматривают многих случаев написания географических названий, возникающих в практике работы большого числа организаций и отдельных лиц, занимающихся номинацией географических объектов. Поэтому нередко можно встретить публикации, в которых географические названия имеют несколько вариантов написания, отличающихся от рекомендуемых «Правилами». Еще хуже, когда такие варианты попадают в официальные документы и приобретают нормативный характер.

В трудном положении оказываются работники различных издательств, порой не знающие, какой из возможных вариантов написания географического названия следует считать наиболее правильным с точки зрения действующей орфографии. А каково положение школьников, которые на уроках русского языка усваивают одни правила, а в географической литературе и на картах встречают написания, противоречащие этим правилам.

Авторам этой статьи по роду их деятельности приходится часто получать запросы и замечания, порой в очень резкой форме, от тех, кто сталкивается с противоречиями и разногласиями в написании географических названий.

Необходимость упорядочения правописания географических названий, как и других видов имен собственных, неоднократно отмечалась в нашей литературе. В 1963 г. этим вопросам была посвящена специальная конференция в Институте русского языка АН СССР². Однако никаких практических шагов в этой области еще не предпринято, а это с каждым годом усложняет и затрудняет решение задачи.

То обстоятельство, что «в области собственных имен, — как указывает А. А. Реформатский, — возможны некоторые «вольности», которых не допускают имена нарицательные, строго организованные в модели, типы и парадигмы»³, позволяет вносить в практику номинации географических объектов немало произвольного, субъективного. Но если допущенная «вольность» получила закрепление

² См. об этом сборник «Орфография собственных имен» (М., 1965).

³ А. А. Реформатский. Орфография собственных имен.— В сб. «Орфография собственных имен».

в том или ином государственном официальном документе или публикации, то из вольности она превращается в норму. И с каждым годом таких превращений становится все больше и больше.

Поэтому при пересмотре свода «Правил русской орфографии» и подготовке нового издания «Правил», необходимость в чем давно уже назрела, весьма желательно выделить в особый раздел правописание географических названий и других разрядов собственных имен, как это сделано, например, в украинском орфографическом своде ⁴.

Как минимум, можно было бы рекомендовать внести в свод «Правил» следующие уточнения и дополнения:

1. В § 1 допускается написание *я, ю* после шипящих в иноязычных словах, например *Жюме, Жюрбиз, г. Аникшчяй, Тельшяй, Шяуляй, Жемайчюс-Наумястис, Субачюс* (Литовская ССР) и др.

Употребление этих буквосочетаний позволило пересмотреть написание топонимов тюркского происхождения: для отражения сингармонизма, характерного для тюркских языков, в словах с гласными непереднего ряда после шипящих стали писать *ы*: *Жыланды, Шыбакты, Пахтачы*.

2. Топонимы отантропонимного происхождения с суффиксом *-ин* после *ц* писались по-разному: *Голицино* и *Голицыно-Архангельское* и т. д. После выхода в свет орфографического свода 1956 г. в картографических и справочных материалах стали писать *-цын*. Поэтому § 2 следовало бы дополнить примерами написания топонимов (и антропонимов). *Горицы, Крутцы, Голицыно, Синицыно, Шипицыно*.

3. Наибольшую трудность для правописания географических названий составляет толкование § 4 (буквы *е* и *о* после шипящих). Для того чтобы правильно написать топонимы *Борщев—Борцов, Золочев—Золочов, Кашенкин Луг—Кашонкин Луг* и др., нужно знать, какой слог является ударным. На основании этого параграфа следует писать *Зблочев, Борщбв, Кашбнкин Луг, Домашбво, Чернышбв, Чернышбвка, Тимашбвка, Калачбвка, Грачбвка*. Однако по традиции пишется *Калачевский* (название района, образованное от топонима *Калáч*, родительный падеж его — *Калачá*, следовательно, прилагательное должно быть правильно написано — *Калачбвский*). Многие восточнославянские (русские) топонимы образованы от фамилий,

⁴ «Український правопис», Київ, 1960.

которые по традиции продолжают писать с *e* (*Трубачев*, *Грачев*); таким образом, по-разному пишутся одни и те же суффиксы в различных группах слов. Было бы очень желательно унифицировать их написание. Целесообразно в суфф. *-ов (-ев)* писать *о* под ударением, *e* — без ударения. Если невозможно изменить написание антропонимов, может быть, лучше сохранить традиционное написание (с *e*) и в топонимах? Это избавит от необходимости в каждом конкретном случае выяснять происхождение названия, без чего нельзя обойтись, чтобы правильно написать его.

Еще сложнее дело обстоит с правописанием русских названий, образованных от антропонимов, которые можно сопоставить с нарицательными: *Печёнкино*, *Щёголево*, *Щёкино*, *Щёлково*, *Щёткино* и др. Многие иноязычные топонимы были адаптированы русским языком⁵, и сопоставление таких топонимов с апеллятивами вряд ли правомерно.

По традиции в корневой части русских топонимов после шипящих пишется *e*, хотя лучше было бы в данном случае употреблять букву *ё*. Это правило следовало бы вставить в § 4, добавив ряд топонимов, где, как исключение, пишется *о* (или сделать отсылку к словнику в конце орфографического свода, где поместить все топонимы, пишущиеся с *о* — *Печора*, *Шорс* и др.

Букву *e* после шипящих следует писать в тех топонимах, где произносится *e*: *Чернышёвское*, *Чен*, *Чёлмужи*, *Шёвли*, *Шёя* и др.

4. § 7 п. 1 следует дополнить примерами написания топонимов, например *Трехизбенка*.

5. Буква *э* употребляется сейчас для написания многих иноязычных переданных по-русски названий, если в оригинале (алфавите языка-источника) различаются [te] и [t'e] или [e] и [ɛ]. В частности, буква *э* алфавитов, в основе которых — кириллица, транслитерируется по-русски как *э*. § 9, п. 3 желательно дополнить примерами: *Пятрэ*, *Фэгэдэу* (молд. Пятрэ, Фэгэдэу), *Вынэтори* (рум. Vinători).

⁵ В топонимических и этимологических словарях, например в «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонова (М., 1966), приведен ряд известных этимологий топонимов, адаптированных русским языком: *Царицынъ* (ныне Волгоград) — тюркск. *Сары-Су* «желтая вода», *Холмогоры* Holmgarten и т. п.

В начале слова и после гласных (за искл. *и*) пишется *э*: *Эшярине, Паэглясяй* (литовск. Ešeryne, Paeglesiai).

6. § 9 рекомендует писать букву *ё* лишь в малоизвестных словах. Однако понятие «малоизвестности» очень субъективно. Отсутствие точек над *е* искажает произношение многих, в том числе хорошо известных топонимов (например, следует писать оз. *Сенёж*, а не *Сенеж*). Неясно и примечание, где говорится о том, что в специальных текстах следует употреблять букву *ё*: ведь карты и справочники и являются специальным текстом. Напомним, что в иноязычных переданных по-русски топонимах пишется *ё* и в безударных положениях по рекомендации частных инструкций, например *Надькёлькед* (венгр. Nadykölked), *Дюббёл* (датск. Dubbøl), *Рёденесшё* (норвежск. Rödenessjö), *Сканёр* (шведск. Skanör).

Сказанное выше, как нам кажется, убеждает в необходимости писать букву *ё* во всех названиях, где произносится *о* после мягкого согласного: *Белёв, Белебёлка, Белозёрка, Берёзовка, Бёрды, Вёшенская, Журавлёвка, Костарёво, Мёша, Озёры, Озёрский р-н, Осётр, Остёр, Псёл, Семёнов, Тёсовский, Тёша, Черёмухово, Чёмский*.

7. К § 12 следовало бы сделать примечание о том, что правописание безударных гласных в географических названиях определяется также в словарном порядке: *Аналиха, Опалихино, Агарыши, Анохино, Онохино, Алешня, Ольшаница, Каширино, Коширино* и др. (отметим, что в топонимии средне- и южнорусских областей, там, где распространено аканье, в написании названий закрепилось *а* на месте этимологического *о*: нами выписаны примеры с отражением аканья из справочников по Московской, Калужской, Курской областям, с *о* — из справочника Владимирской и других севернорусских областей).

8. Русские топонимы с приставками *раз-, роз-* (*рас-, рос-*) пишутся в соответствии с § 15: *Раздбры, Рбссошь*, т. е. под ударением — *о*, без ударения — *а*, (*з* — перед звонким согласным, *с* — перед глухим): *Раздблнск, Раздбры, Рбссошь, Рбстоши*. Но этому правилу подчиняются не все названия, например, *Роздбл* (УССР).

9. В § 29 регламентируется правописание суфф. *-инский, -енский*. Следует отметить, что в административной практике очень распространен безударный суфф. *-енский* (*Грозный—грозненский, Союзное—союзненский* и т. п.), *Благодарненский, Изобильненский, Ромненский, Свобод-*

ненский, Лопасненский, Варненский и др. ⁶ Следовало бы унифицировать написание этого суффикса (за исключением тех случаев, где *-ен* входит в топооснову (*e* в этом случае чередуется с нулем звука): Коломна—коломенский или коломнинский, Дубна—дубенский или дубнинский (ср. *Дубенские болота* под Дубной и *Дубнинский научный центр*) и проч. Суффикс *-енск* закрепился также в написании прилагательных, образованных от односложных топонимов, являющихся существительными женского рода с основой на мягкий согласный или шипящий (*Керчь—Керченский*) ⁷.

Неясным остается вопрос, как следует писать прилагательные, образованные от названий с суфф. *-ище*: в п. 1а дан пример *Мытищи—мытищинский*, а в п. 2 — *Городище—городищенский*. Если есть только прилагательное, то для того, чтобы правильно его написать, необходимо знать форму топонима (*-ище* или *-ищи*), что практически не всегда возможно ⁸.

10. Бесконечные споры в среде лингвистов вызывает принятое картографами правило о правописании букв *ъ* и *ь* в качестве разделительных знаков на стыке морфем в иноязычных переданных по-русски названиях. В § 70 необходимо отметить, что *ъ* пишется в упомянутых названиях после твердых согласных, *ь* — после мягких. В частных инструкциях предусмотрено данное правило. Употребление во всех случаях лишь буквы *ь* может исказить произношение: топоним *Кызыльюлдуз* [Кызыль'улдус] при написании *Кызыльюлдуз* или *Кызылюлдуз* будет прочтен неверно: [кызыль'йулдус] или [кызыль'улдус].

11. В примечании к § 74 необходимо добавить, что прилагательные, образованные от польских топонимов, пишутся с *ь* перед суфф. *-ск*. Так как польские названия с

⁶ Примеры выписаны из справочника «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик» (М., 1967).

⁷ Топонимы, являющиеся по форме словами женского рода с нулевым окончанием, имели, по-видимому, суфф. *ьльск-*, что дало позже суффикс *-енск*: *Керчь — Керченский*, *р. Шушь — с. Шушенское*. См. «Правила написания на картах географических названий СССР» (М., 1967).

⁸ Например, в справочнике «РСФСР. Административно-территориальное деление» даны лишь названия сельсоветов, т. е. прилагательные. Самих топонимов (центров сельсоветов), от которых образованы эти прилагательные, в справочнике нет, поэтому правильность написания прилагательных проверить трудно.

суфф. *-(н)ск-* по-русски транслитерируются *-(нь)ск-*, то и прилагательные, образованные от этих названий, также транслитерируются. Поэтому для унификации целесообразно написание топонимов и оттопонимных прилагательных, образованных от польских названий, писать с *ь* перед суфф. *-ск* (за исключением, разумеется, традиционных прилагательных): *Гданьск—гданьский, Пронь, Проньск—проньский*.

12. § 75 также следует дополнить примерами написания топонимов. Отметим, что буква *ь* после шипящих должна писаться лишь в тех русских (и шире — восточнославянских) географических названиях, которые являются по форме именем существительным женского рода с нулевым окончанием. Поэтому в топонимах, изменяющихся по парадигме II склонения (например из *Ермишá*, к *Ермишú*, в *Ермишé*), букву *ь* писать не следует: должно быть *Ермиш*, а не *Ермишь* — как это принято сейчас⁹.

13. Неудачно в своде решен вопрос о правописании сложных названий, в состав которых первой частью входят *старо-, ново-, верхне-, нижне-* и др. В п. 9 § 79 эти названия рекомендуется писать через дефис (*Ново-Вязники*), кроме тех, слитное написание которых закрепилось в справочных изданиях (*Новосибирск*). Во-первых, для очень многих топонимов было одинаковое число вариантов слитного и дефисного написания: например, название города *Новомосковск* (Днепропетровской обл. УССР) по-украински писалось слитно, по-русски — через дефис, на картах XIX в. слитно, в словаре П. П. Семенова-Тян-Шанского¹⁰ — через дефис. Не выдерживает критики и правило, предложенное А. Б. Шапиро и Д. Э. Розенталем¹¹: если существует пара названий *Ивановка—Ново-Ивановка* — писать через дефис, если нет — слитно. По этому правилу название *Новомосковск* следует писать слитно, так как нет топонима *Московск*¹². Названия этой модели образованы,

⁹ См.: «СССР. Административно-территориальное деление». М., 1967, стр. 150.

¹⁰ П. П. Семенов. Словарь Российской империи. СПб., 1865.

¹¹ «Русское правописание». Под ред. А. Б. Шапиро. М., 1931; Д. Э. Розенталь. Трудные случаи русского правописания. М., 1965.

¹² Не всегда можно получить сведения, есть ли такой населенный пункт, кроме того, в административной практике часты переименования и т. п.

как известно, от словосочетания (*Новая Ивановка* > *Ново-Ивановка*). Нам известно большое количество одинаковых топонимов, которые раньше состояли из двух слов. Таким образом, от названия *Новая Ивановка* прилагательное пишется в соответствии с § 80, п. 2 *новоивановский*, а от названия *Ново-Ивановка* — соответственно § 81 — *ново-ивановский*. Практические работники, имеющие дело с большим количеством географических названий, знают, насколько сложно (а порой и невозможно) установить правильное написание подобных названий. Кроме того, были нередки случаи, когда образованные от одинаковых названий (центров, районов, сельсоветов) прилагательные писались по-разному: *Краснополянский* — в Московской области, *Красно-Полянский* — в Свердловской области. В картографических изданиях и различной справочной литературе был недопустимый разницей в написании подобных названий. Так как исходной формой этих названий является словосочетание — (прилагательное + существительное), представлялось целесообразным унифицировать написание этих названий на основе § 80, п. 2 (т. е. дать их в слитном написании), что и было осуществлено¹³.

Поэтому считаем необходимым из § 79 п. 9 исключить правило о дефисном написании названий, имеющих первой частью *старо-*, *ново-*, *верхне-*, *нижне-* и др., оставив там лишь правило о написании названий с первой частью *усть-*, *соль-*, *верх-*.

§ 78, § 80, § 81 дополнить примерами написания сложных топонимов и образованных от них прилагательных. Также слитно следовало бы давать географические названия, начинающиеся с *восточно-*, *западно-*, *северно-* (*северо-*), *южно-* (*юго-*). Неоднократно отмечалось, что писать *западноказахстанская литература* и *Западно-Казахстанская область* по-разному неудобно, да и неоправданно. Кроме того, стоящее в этом ряду определительное прилагательное *центральный* в сложных названиях пишется слитно (*Центральнаякутская низменность*). Унифицировать написание этих сложных топонимов можно также на основе слитного письма.

14. Топонимы с несогласованным определением (*Ростов-на-Дону*, *Николаевск-на-Амуре*, *Никольское-на-Черемшане*,

¹³ В справочнике «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик» начиная с 1960 г. и на всех картах, издаваемых ГУГК, указанные топонимы написаны слитно.

Красное-на-Волге, Кожевниково-на-Шегарке, р. Яр-под-Зайчиком и др. следует писать через дефис в соответствии с § 79 п. 5. Некоторые лингвисты считают, что топонимы, представляющие собою словосочетания с обычным порядком слов, следует писать без дефиса. Считаем, что дефис здесь показывает цельнооформленность названия.

15. Очень простым представляется вопрос о прописных буквах в названиях (§ 100): все слова, входящие в состав топонима, за исключением служебных слов, пишутся с прописной буквы. Но здесь возникает вопрос: что считать топонимом? Вопрос о том, входит ли географический термин в название, т. е. писать его с прописной буквы, или со строчной (сокращенно), если он не входит, необходимо рассматривать в свете проблем номинации вообще.

В данной статье затронуты далеко не все вопросы орфографии топонимов. Из статьи выпал вопрос о влиянии на русский язык и его нормы других (национальных) языков народов СССР, о том, что это влияние проявляется особенно заметно при передаче географических названий. В практике наименования и переименования географических объектов и установления правильного написания географических названий, как русских, так и переданных по-русски иноязычных, возникают и другие вопросы. Все это говорит о неотложной необходимости упорядочения правописания географических названий. Промедление в этом ведет к тому, что в нашей языковой практике закрепляется все больше и больше названий, употребление которых противоречит орфографическим нормам русского языка.

Б. А. Старостин

**НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
В ПЕРЕДАЧЕ И ОРФОГРАФИИ
ЗАИМСТВУЕМЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН**

Правописание собственных имен представляет собой особый раздел орфографии, развивающийся по специфическим законам и характеризующийся как общеорфографический

кими, так и самостоятельными принципами ¹. Орфография заимствуемых собственных имен, в связи с растущими международными связями и своеобразием положения этих имен в системе языка, развивается особенно быстро и содержит ряд чрезвычайно важных проблем.

Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных орфографии заимствуемых собственных имен, она по-прежнему остается весьма несовершенной. В ней не может быть непосредственно применена наша орфография, ибо русская орфография служит для записи русских слов. Иноязычное имя первоначально должно сделаться «русским».

Относительность всякой орфографии проявляется двояко, диахронически и синхронически, т. е. в том, что одни и те же слова в разные эпохи пишутся по-разному, и в том, что для одного и того же слова могут одновременно существовать вариативные написания. И в том и в другом аспекте особенную неустойчивость проявляют заимствованные слова, и среди них прежде всего — собственные имена. В ряде случаев проявляется полная непоследовательность в передаче: английское *a* в закрытом слоге после согласных передается то через *a*, то через *э*, то через *e*, хотя последнее уже совсем неоправданно. Например, фамилию автора недавно переведенного американского курса алгебры Lang передали *Ленг*, что заставляет предполагать в качестве исходной формы несуществующее *Leng*. На афишах МХАТ'а фамилию Apouilh писали *Ануй*, а на афишах Малого театра — *Ануиль*, передавая в первом случае произношение, а во втором — написание. Польскую фамилию *Koscińska* передают: Кошцинская, Кошчиньска, Косьцинская, Кошчинская.

Для нарицательных имен подобного разнобоя нет. Есть варианты типа «снегирь—снигирь», «галоша—калоша», но они составляют редкое исключение на фоне унифицированной современной орфографии, да и не только современной.

Причина такой неустойчивости в самой природе заимствуемых собственных имен. Будучи заимствуемыми, они еще не освоены языком (я не говорю о старых заимствованиях; например, имена Иван, Петр или производенные от

¹ А. А. Реформатский. Орфография собственных имен. «Орфография собственных имен». М., 1965.

них фамилии, так же как географические названия Франция, Англия, Африка, освоены не хуже, чем любое нарицательное имя, на что указывает их участие в пословицах, большое количество производных прилагательных и т. д.). Будучи же собственными, они непосредственно (без промежуточной ступени «значения», «коннотации») указывают на некоторый денотат. Можно признать общим правилом, что меньшая, чем у нарицательных слов, мотивированность звуковой оболочки собственных имен ведет как бы к расшатыванию этой оболочки, к тому, что равноправными становятся различные ее варианты, и сплошь да рядом говорящий (и даже пишущий) выбирает для употребления первый попавшийся из них. По этой-то причине для собственных имен так важен узаконенный порядок их передачи, предписываемый инструкциями и словарями.

Добавочные трудности появляются, когда заимствование производится из языка, имеющего иную графику. Если оба языка, и заимствующий, и тот, из которого производится заимствование, пользуются одинаковой графикой, то обычно графическая форма имени сохраняется (арабские имена в персидском языке, китайские в японском или английские в немецком). Спорные вопросы транскрипции при этом автоматически отпадают. Зато появляется другая сложность: как сохранить произношение имени? В ряде случаев это ведет к тому, что имя в своей близкой к источнику фонетической форме становится достоянием только тех, кто уже заранее знает его произношение в источнике. При этом в случае алфавитной письменности последовательность знаков имени, которые нормально должны были бы считываться по одному или вообще в соответствии с правилами заимствующего языка, теряет значение: графический облик имени становится важен только как целостный символ соответствующего звучания. В сущности алфавитный принцип письма в данном случае сменяется иероглифическим². Это подтверждается тем, что, например, в ан-

² Но и это имеет свои положительные стороны: странный облик имени сразу выделяется в окружающем тексте, а выделение является необходимой для собственных имен тенденцией и производится, особенно в европейских языках, всеми доступными способами: прописными буквами, кавычками, орфографическими и даже морфологическими (склонение «Любовь — Любви» при нарицательном «любовь — любви») особенностями. Если учесть еще, что чтение и вообще зрительное восприятие информации все больше ста-

лийских газетах имена и названия, взятые из языков латинской графике, имеющих диакритические знаки, передаются без этих знаков, т. е. в сущности без всякого внимания к произносительным особенностям оригинала. Так, чешские фамилии Hilčr или Zouželka передаются Hilcr, Zouzelka. В русском же языке даже болгарские и сербские имена подвергаются сложному процессу транскрибирования. Так, вместо болгарского *Лъчезар, Първан, Вълчан, Пламък* мы пишем: *Лучезар, Перван, Волчан, Пламык*, т. е. используем этимологические параллели, а при отсутствии таковых — условное фонетическое соответствие.

В русском языке в настоящее время восторжествовал фонетический принцип над графическим. Этот принцип отстаивается не только в научных работах, но применяется в качестве более или менее бессознательной предпосылки всеми, имеющими дело с передачей иностранных имен. Часто приходится слышать, что «ни в коем случае нельзя передавать Kościńska как *Косьцинська*, потому что польское *s* перед *i* это совсем не то, что русское *ц*, а польское *ś* совсем не русское *сь*: и *s*, и *ś* имеет пияющий оттенок»; или наоборот что «передача Kościńska через *Кошчинська* неграмотна, потому что подменяет мягкое польское *ś* твердым русским *ш*, как будто было написано *Koszczuńska*», и т. д. Я хочу, однако, подчеркнуть тот чрезвычайно важный момент, что общепринятые взгляды на передачу заимствуемых имен в русском языке основываются на одном и том же общем принципе примата произношения.

Это не единственный теоретически возможный принцип передачи. Возможен и примат графики (транслитерационная передача, см. ниже), а также примат смысла, семантики. В последнем случае передача производится путем перевода: этим способом передается вся масса апеллятивов, т. е. собственно текст, но иногда и личные имена или географические названия. Так, перевод применяется

повится преобладающим, так что графическая форма выступает на первый план, являясь в то же время нередко более устойчивой, чем фонетическая, то понятно, почему в большинстве европейских языков на латинской графике сохраняется принцип непосредственного включения заимствуемого имени в текст. В некоторых языках на латинице (литовский, словенский), однако, последнее время начинает преобладать тенденция к фонетической передаче или фонетико-морфологической (ср. литовское *Niuorkas* из *New York*, или *Mančesteris* из *Manchester*).

для номенклатурных терминов в составе географических названий (*озеро Эри, Йеллоустонский национальный парк*) и, по традиции, для ряда крупных географических объектов (*Мыс Доброй Надежды, Скалистые горы*; или частичный перевод: *Новая Зеландия, Нижний Рейн*). В XVIII—XIX вв. переводили личные имена приезжающих иностранцев: Gottlieb, Aimé, Amandus — Любим³. Сейчас перевод употребляется с целью передачи специфики внутренней формы имени, а иногда и названия в художественных произведениях. Например, в переводе «Моникинов» Дж. Ф. Купера (М., Гослитиздат, 1953) Lord Chatterino передан через *Лорд Балаболо, island of Leap-high — остров Высокпрыгия* и т. п. Наконец, переводятся полностью или частично имена многих разрядов, пограничных для ономастики, например названия книг, статей, фильмов.

Некоторые современные тенденции позволяют предполагать, что в будущем увеличится роль собственных имен с семантической или ассоциативной нагрузкой, потому что это удобно для ряда практических целей. Если практическая полезность наименований будет повышена путем придания им хотя бы условных типов значения, это неминуемо отразится и на способах их передачи в иностранных языках; в частности, может возрасти роль перевода по сравнению с фонетической передачей. Сейчас в подавляющем большинстве случаев преобладает передача п р о и з н о ш е н и я собственных имен, т. е. транскрипция. При этом транскрибируются они без добавления в русскую азбуку новых начертаний, значков, т. е. имеет место практическая транскрипция. Правда, предложения ввести новые буквы выдвигались многократно, начиная от В. К. Тредиаковского и кончая авторами ряда газетных и журнальных статей во время дискуссии о проекте орфографической реформы 1964 г., но ни одно из них с тех пор, как Карамзин на рубеже XVIII и XIX вв. ввел букву ё, не привилось. Есть все основания полагать, что современный русский алфавит и в будущем останется пригодным для обслуживания всех задач языка, включая передачу заимствованных собственных имен. Здесь надо учесть, однако, два отчасти

³ E. A m b u r g e r. Die Behandlung ausländischer Vornamen im Russischen in neueren Zeit. «Akad. d. Wiss. und d. Literatur, Abh. d. Geistes- und Sozialwiss. Klass», 1953, № 7.

противоречащих этому явления: во-первых, использование диакритики при передаче восточных имен и, во-вторых, употребление обычных букв в несвойственных русскому языку комбинациях.

Положение с орфографией восточных имен является одним из примеров пограничного применения графики, подобно тому как вообще в разного рода специальных, и особенно научных, «жаргонах», встречаются необычные варианты написания и произношения. Специфика рассмотренного явления заключается, однако, в том, что здесь фактор «специальности» не является экстралингвистическим.

Что касается второго из упомянутых отклонений от традиционного правописания — употребления обычных букв в несвойственных русскому языку комбинациях, то оно касается не только собственных имен, но и вообще заимствованных слов. Были предложения полностью отказаться от написаний типа *жюри*, *брошюра*, или же *почтальон*, *навильон*. Однако после длительного обсуждения этого вопроса наблюдается общая тенденция скорее не отказа от таких написаний, а признания их полной правомерности в своей сфере. В этом направлении эволюционировали, например, взгляды Я. К. Грота. Написание *ю*, однако, вытесняетсяписанием *йо*, французское *Guillaume, Roussillon* — *Гийом, Руссийон*; варьировавшее раньше написание *йо-ио* в слове *иод* и производных от него с 1944 г. было заменено единообразным *ио*.

В заимствованных собственных именах и названиях необычные написания распространены гораздо шире (китайское *Янцзы - Цзян*, немецкое *Шюрлофф*, румынское *Фэжэни* и т. п.), чем в апеллятивах, и применяются они смелее, не вызывая при этом затруднений ни у читателя, ни у наборщика. Тенденции к их устранению нет, а в случае ее появления она не сможет быть проведенной сколько-нибудь последовательно, так как это воспрепятствует отражению особенностей, передача которых (хотя бы чисто графическая) в настоящее время облегчает документацию и ретранскрипцию. Нет оснований «русифицировать» иноязычные собственные имена. Это противоречит как упомянутому выше принципу их выделения в тексте, так и всему ходу исторического развития транскрипции от полной ассимиляции иноязычных имен в XIII—XVI вв.

(*Стекольна* вместо *Стокгольм*, *Марын-городок* из *Мариенбурга*, *Город - Шар* из *Кашгара*, *Борис* из *Moritz* и *Maurice*, *Григорий* из *Gerhardt*)⁴ через постепенное возрастание верности оригиналу к современному требованию научной строгости передачи, ограниченному лишь неизменностью состава алфавита.

Итак, ни употребление диакритики в восточных именах, ни применение русских букв в необычных и иногда даже непроезжих сочетаниях не подрывают практической транскрипции как ведущего принципа передачи и орфографии заимствуемых собственных имен. Здесь мы имеем дело с фактом языкового сознания, с объективным явлением языка. Орфография при этом, как и в случае орфографии апеллятивов⁵, имеет своей целью не развитие языка и создание норм, но лишь оптимальное оформление и унификацию существующего положения вещей. При этом, конечно, должно быть учтено, что принцип «передать как произносится» требует дальнейшей научной разработки. Предлагались его различные варианты: передача «наиболее близкими звуками», передача «фонема в фонему», передача «целостного слова одного языка словом другого».

Передача «наиболее близкими звуками» не дает, однако, выхода, потому что у нас нет объективного критерия, какой русский звук считать «наиболее близким», например, к английскому [æ] или арабскому 'айну. Против передачи «слова в слово» трудно возразить, но этот принцип говорит скорее о результате, нежели о средствах его достижения. По-видимому, наиболее приемлемым остается принцип передачи «фонемы в фонему», если его применять с рядом ограничений.

А именно, фонемный состав всех языков различен и не дает возможности устанавливать однозначного во всех случаях соответствия, поэтому такое соответствие иногда должно устанавливаться произвольно, что каждый раз следует оговаривать в соответствующих инструкциях. Например, если мы поставим английским [t], [d], [z] в со-

⁴ E. A m b u r g e r. Указ. соч.; В. В. Григорьев. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов, «Географ. изв.», 1850, вып. 2.

⁵ Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова. Письма об орфографии. М., 1969.

ответствие русские *m*, *ð*, *z*, то для [θ] и [ð] уже не сможем найти соответствий (выход согласно действующим правилам заключается в повторном использовании уже употребленного *m*). Далее, во многих случаях, особенно при заимствовании имен из родственных языков, сильны исторические традиции и аналогии, передача «морфема в морфему» (польск. *-ski* — рус. *-ский*).

Пофонемная передача, не в качестве абсолютного правила, а как рабочий инструмент транскрипции, применяется наиболее широко. В частности, как это легко можно видеть, она принята в «Инструкциях по передаче на картах географических названий», издаваемых Главным управлением геодезии и картографии. Особенно наглядно пофонемная передача выражена в английской инструкции, при пользовании которой ⁶ английские буквы сначала должны быть «прочитаны», т. е. переведены в соответствующие фонемы, а эти фонемы далее в буквы русского алфавита. При этом в ряде случаев практическая транскрипция осложняется учетом графики, чего едва ли можно избежать. Графика все же служит путеводной нитью там, где фонемная передача бессильна. Так, английская фонема [ə] передается *a*, *e*, *o*, *y* в зависимости от того, какой буквой она обозначается в источнике. В остальных «Инструкциях» такого списка фонем, как в английской, не дается, потому что здесь графика в большей мере отражает фонемный состав, так что для удобства транскриптора можно сохранить видимость передачи «буквосочетание в буквосочетание», сопровождая ее необходимыми примечаниями.

Последние годы мы не только наблюдаем, что передача иностранных имен путем практической транскрипции преобладает, но и видим постоянное расширение сферы ее применения, а также усвершенствование методов транскрибирования благодаря их более строгому теоретическому обоснованию, растущей регламентации, изданию пособий по транскрибированию и словарей для различных разрядов собственных имен, особенно для географических названий. Поэтому можно с полным основанием предположить, что и в дальнейшем преобладающим методом пере-

⁶ А. А. Стариков, С. А. Тюрин. Инструкция по передаче на картах английских географических названий. М., Редиздат ВТС, 1955.

дачи иноязычных собственных имен будет практическая транскрипция.

Надо согласиться с мнением В. И. Савиной, что «в работе по стандартизации географических названий предстоит еще очень многое сделать. Некоторые инструкции нуждаются в доработке, не всегда точен критерий отбора названий для словарей. И словарей пока мало»⁷. Тем не менее для наведения порядка в передаче и орфографии других разрядов имен, помимо топонимов, предстоит сделать еще гораздо больше.

Однако не следует упрощать вопроса и игнорировать существование других способов передачи и включения в текст иноязычных имен. Рассмотрим эти способы с точки зрения их перспективности. Прежде всего имеется возможность пойти по стопам западноевропейских заимствователей и включать имена на латинице прямо в русский (кириллический) текст. О теоретических преимуществах и неудобствах этого способа много говорилось. Я. К. Грот считает, что этот способ прямого включения имен на латинице в русский текст впервые применен в 30—40-х годах XIX в. Осипом Сенковским в журнале «Библиотека для чтения». На самом деле у Сенковского такая передача встречается вряд ли намного чаще, чем у других современных ему авторов; еще в сатирическом листке Н. И. Новикова «Трутенъ» от 18 августа 1770 г. читаем: «Chicapeau, природный Француз, находившийся у некоторого господина в должности управителя, отъезжает в Москву»⁸.

Этот способ встречается в широком круге изданий в течение всего XIX века и даже позже (например: «На днях профессор Крауп ... взял патент на ленты для цветного кинематографа. Способ Крауп'а так же прост, как и остроумен» («Новости театров», 14 декабря 1911 г.; в этом же издании многочисленные примеры включения имен на латинице в текст афиш), так что, очевидно, он отвечал действительной потребности. Однако постепенно он начнет применяться реже. Некоторые разряды иностранных имен (названия кораблей, клички лошадей и др.) в XVIII—XIX вв. часто не транскрибировались, так что

⁷ В. М. С а в и н а. Еще раз о транскрипции иноязычных географических названий. «Русская речь», 1970, № 3, стр. 58.

⁸ См. подробнее: Б. А. С т а р о с т и н. О современном состоянии и перспективах применения различных способов передачи иноязычных имен. — НТИ, сер. 2, 1971, № 7.

в том же «Трутне» (18 августа 1770 г.) читаем: «На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Trompeur из Руана в 18 дней; 2. Vétilles из Марсельи в 23 дни»: юмор, не сразу понятный современному читателю. Сравним также: «Готье, командир английского судна Velose»⁹. «Отмечают как редкие исключения La Cennargo и Bonfige» (о скаковых лошадях)¹⁰. В настоящее же время имена этих разрядов транскрибируются. К апелляциям этот способ применяется сейчас только тогда, когда они представляют, собственно говоря, цитату или минимальный отрывок иноязычного текста. Любопытно, что дольше всего (до настоящего времени) способ непосредственного включения в текст удерживается в специальных текстах и особенно в медицинских. Употребляется такое включение в текст и для терминов: «Закрытие каналов diploe, как и for. nutritia, происходит путем новообразования кости»¹¹.

Для современного состояния орфографии заимствованных собственных имен характерен процесс взаимовлияния транслитерации и транскрипции. Транслитерация выступает на первый план в тех случаях, когда обычная практическая транскрипция ничего не дает или дает очень мало для сохранения исходного произношения и в то же время сильно искажает графический облик заимствуемого слова. Наибольшее применение транслитерация будет продолжать иметь в сфере документации; здесь она может получить поддержку со стороны машинных методов передачи иностранных имен¹².

Для передачи удвоенных согласных практическая транскрипция дает сложное и нередко трудноприменимое правило. А именно, по соседству с другими согласными удвоенные согласные передаются через одну русскую, а между гласными и в конце слова — через две. Так, английское Hall передается через Холл, Barnett — через Барнетт, Barry — через Барри, но Brownhills — через Браунхиллс. Неясным остается, как поступать, если в иностранном языке данные удвоенные согласные находятся

⁹ «Журнал садоводства», 1856, т. 2, стр. 160.

¹⁰ «Маленький журнал», 1907, № 1, стр. 45.

¹¹ И. В. Д а в ы д о в с к и й. Геронтология. М., 1966, стр. 164.

¹² Б. А. С т а р о с т и н. О точных методах передачи иностранных собственных имен. «Структурно-математические методы моделирования языка», ч. 2. Киев, 1970.

между гласными, а в русском (после транскрипции) они попадают в иное положение, например, между гласной и согласной (полугласной): как передавать, например, французское *Jussieu* — через *Жюсье* или *Жюсье*? С другой стороны, дальнейшим усложнением является передача немецкого — *mann* в конце слова через *-ман*, равно как и сохранение удвоенного написания на стыке частей в сложном слове.

Последнее время слышно все больше голосов в пользу передачи удвоенных согласных удвоенными же русскими. Об этом говорит (применительно к транскрипции венгерских имен) Ф. Хадаш в дискуссии на страницах журнала «Русский язык за рубежом»¹³. Аналогичного принципа придерживается и А. В. Суперанская¹⁴. Отметим, что даваемое А. В. Суперанской обоснование вполне применимо для передачи не только с венгерского, но и со всех языков, пользующихся алфавитной письменностью¹⁵. Л. П. Калакуцкая справедливо отмечает, что «в последнее время все более ярко проявляется тенденция передавать двойные согласные языка-источника двойными же согласными в русском языке. Особенно это чувствуется при передаче собственных личных имен, а не географических названий»¹⁶. Очевидно, что последнее связано с тем, что именно при передаче географических названий обязательным является приведенное выше сложное правило передачи ге-

¹³ Ф. Хадаш. *Эттёмёш* или *Эттэмеш*? «Русский язык за рубежом», 1970, № 4, стр. 77—78.— Впрочем, с некоторыми положениями автора вряд ли можно согласиться. Он предлагает передавать венгерские *gya*, *nya* и т. д. через русские *дя*, *ня*, что без всякой необходимости подрывает уже сложившуюся прочную традицию передачи. Столь же неясно, зачем после *d*, *n*, *t*, *j* передавать венгерские *e*, *ö*, *o* не через *e*, *ё*, а через *э*: ведь и в заимствованных русским языком апеллятивах (*купе*, *консоме* и т. д.) смягчение перед *e* отнюдь не обязательно, так что отпадает возражение Ф. Хадаша, что в названиях типа *Денеш* (*Denes*) «вместо твердых согласных получают мягкие».

¹⁴ А. В. Суперанская. Некоторые замечания к статье Ф. Хадаша «*Эттёмёш* или *Эттэмеш*?» — Там же, стр. 79—81.

¹⁵ «Этот принцип необходимо осуществлять по двум причинам: для соблюдения морфологического и фонематического принципов передачи и для лучшего сохранения оптического облика венгерского слова, то есть: *Tolltol*—*Толлтол*, а не *Толтол*, *Kissné*—*Кишшне*, а не *Кишне* и т. д.» (Там же, стр. 80).

¹⁶ Л. П. Калакуцкая. Орфографическая передача долгих согласных в заимствованных именах собственных. «Орфография собственных имен». М., 1965, стр. 103.

минации. По нашему мнению, пора его пересмотреть, внося соответствующие изменения и в географические инструкции ¹⁷, тем более что оно непрерывно и стихийно нарушается. Разумеется, произносить удвоенных согласных в большинстве случаев никто не будет, но в целом точность передачи только выиграет.

Сказанное не означает абсолютизации транслитерационного способа передачи. Во многих других случаях развитие орфографических норм идет в направлении фонематической транскрипции. Так, немецкие *ei*, *eu*, видимо, должны передаваться через *ай*, *ой*, а не с уклоном в транслитерацию *ей* (*эй*), как сейчас, ибо нынешняя передача не только противоречит произношению, но и ведет за собой смешение этих сочетаний (*Эйхлер* — *Eichler* или *Euchler?*), в то время как смешения *ай* (*ai*) с *ей* (*ei*) можно не опасаться (написания типа *Mainz* представляют очень редкое исключение). Ссылка на традиционность написания здесь также неоправданна, ибо традиция должна касаться целостных имен, давно и прочно принятых русским языком, а не отдельных буквосочетаний в именах, которым, быть может, еще только предстоит когда-то войти в узус. Практически уже сейчас в речи очень часто можно услышать *Ляйпциг* вместо *Лейпциг* и т. д., поскольку людям, знающим немецкий язык, трудно заставить себя пойти на столь значительное отклонение от исходного чтения, как замену *ай* (*яй*) на *эй* (*ей*). В то же время пишут они именно *эй* (*ей*), так что получается еще один дополнительный и ненужный разрыв между произношением и написанием в русской орфографии. Конечно, когда мы полностью примем передачу типа *Meinong* — *Майнонг* или *Kreuzlingen* — *Кройцлинген*, могут сохраниться отдельные написания наподобие *Лейпциг* или *Гейне*, но уже только как единичные, именно в силу традиции.

Выявление сложившейся языковой нормы является, пожалуй, наиболее важным в деле установления правильной передачи и орфографии заимствуемых собственных имен. Конечно, нередко может одновременно существовать несколько вариантов, и тогда необходимо лингвисти-

¹⁷ Подобно тому, как это уже сделано в «Инструкции по передаче на картах географических названий Финляндии» (М., ГУГК, 1956), где удвоенные финские согласные во всех без исключения случаях передаются удвоенными же русскими.

ческими методами отбирать из них наиболее перспективные, не исключено и целенаправленное воздействие с целью сдвига нормы. Однако ведущим фактором остается реальное развитие живого языка. Между тем вопрос о норме нередко подменяется приведением соображений о том, «как лучше» передавать. Очевидно, что эти соображения и приводимые в их пользу доводы могут дать что-то конструктивное только при наличии обязательной для всех регламентации, которая была бы столь же авторитетна, как, скажем, «Орфографический словарь». Для этого должна быть создана система государственных стандартов передачи собственных имен, и дальнейшее развитие и обсуждение их орфографии должно происходить уже в рамках этой системы.

Л. П. Калакуцкая

ОРФОГРАФИЯ ФАМИЛИЙ*

«Прошу Вас разъяснить: одному своему ученику, который,— как он говорит,— сорок лет был *Разницин*, я исправил: — *Разницын* (см. § 2 «Правил русской орфографии»). Как и *Лисицын*, *Креницын*, *Беленицын* и т. д. В своей правоте я не сомневался.

Получаю «Лит. газету» № 17 за 1968 г. и на стр. 6 в корреспонденции о писателе Ю. Седых встречаю фамилию Яким *Кислицин*. Не опечатка ли?»

Это письмо, адресованное Институту русского языка АН СССР, принадлежит учителю школы рабочей молоде-

* Некоторые принципы специфичности орфографии фамилий изложены в статье А. А. Реформатского «Орфография собственных имен» (сб. «Орфография собственных имен», М., 1965); иных вопросов, нежели те, которые затронуты в предлагаемой статье, касается В. Бланар в статье «Z ortografickej problematiky osobných mien» («Linguistica Slovaca», IV—VI, Bratislava, 1946—1948). Работа В. Бланара посвящена двум вопросам: «I. Metodologicke poznámky k prepisovaniu stredovekých osobných mien do dnešného jazyka; II. Osobné meno *Pribina*».

жи. И хотя автор его не сомневается в своей правоте, невольно встает вопрос, стоит ли человеку, который сорок лет был *Разницин*, менять фамилию в соответствии с требованиями орфографии, а за ним встает и более общий вопрос — подчиняются ли фамилии требованиям орфографии?

С одной стороны, если посмотреть хотя бы словарь Брокгауза и Ефрона, то легко заметить, что некоторые фамилии писались раньше несколько иначе, чем пишутся сейчас. Например, фамилия Виссариона Григорьевича *Белинского* писалась до реформы 1917 г. так: *Бѣлинскій*. В том же словаре можно встретить несколько отличающиеся от привычных нам начертания фамилий: *Бѣлецкій*, *Бѣлкинъ*, *Бѣловъ*, *Бѣлоголовый*, *Бѣлосельскій*, *Бѣлозерскій*, *Бѣлоусовъ*, *Бѣгичевъ*, *Бѣлаго*, *Бѣлелюбскій*, *Сѣтмовъ*, *Сѣченовъ*, *Федоровъ*, *Федоренко*, *Федотова*, *Феохтистовъ*, *Фоминъ*, *Федона*, *Цытовичъ* и др.

«Совершенно верно,— может сказать автор цитированного выше письма,— написание фамилий изменилось после реформы орфографии, следовательно, фамилии подчиняются требованиям орфографии, и я был прав, изменив фамилию своего ученика в соответствии с требованиями орфографии».

С другой стороны, если посмотреть любой список фамилий, начиная от энциклопедий и кончая телефонными книгами, то невольно бросается в глаза большое число фамилий, пишущихся вопреки орфографическим правилам: *Сабакин*, *Сабашников*, *Пажарский*, *Ахапкин*, *Кашмаров*, *Пантилеев*, *Сколозубов*, *Тарапыгин*, *Фанарин*, *Мижухев*, *Апалснв* и мн. мн. другие. Очевидно, и их следует изменить в соответствии с требованиями орфографии?

В «Своде орфографических правил» 1956 г. (стр. 9) есть примечание: «Правила § 4, равно как и все другие, не распространяются на фамилии: они пишутся в соответствии с написаниями в официальных личных документах». Однако авторы названных «Правил» вступили в противоречие с текстом упомянутого примечания, приведя фамилию *Бодуэна де Куртенэ* в новом, несвойственном ей написании *Бодуэн де Куртене* (стр. 38, 54 и 118 «Правил»).

Некоторое время лингвистические издания, например журнал «Вопросы языкознания» и другие, придерживались такого написания, подчиняясь «Своду правил», но затем последовало заявление А. А. Леонтьева, имевшего

дело с рукописным наследием И. А. Бодуэна де Куртенэ, о том, что «носитель этой фамилии, известный лингвист и, кстати, крупнейший специалист по орфографии ..., всегда подписывался „Куртенэ“»¹. Такого заявления было вполне достаточно, чтобы вернуть фамилии ее прежнее написание почти во всех последующих лингвистических изданиях². Этот неудачный опыт попытки орфографической регламентации фамилии, равно как и недоуменные вопросы как самих носителей фамилий, так и тех, кто с ними сталкивается (учителей, редакторов, корректоров, работников загсов), обращенные в редакции газет и в Институт русского языка, заставляют вновь задуматься, должны ли фамилии подчиняться требованиям орфографии.

Если проследить за изменениями, происшедшими в написании фамилий после реформы орфографии 1917 г., то логически вытекает вывод о том, что фамилии не могут не подчиняться возможным изменениям графики языка, так как в противном случае из-за них в алфавите будут сохраняться лишние буквы. Поэтому вполне закономерно, что после реформы 1917 г. из фамилий, как и вообще из письма, исчезли буквы *ѣ*, *і*, *ѳ*, кроме того, пропал *ѡ*, стоявший после фамилий, оканчивающихся на согласный, так как он выполнял лишь чисто графическую роль³. В связи с этим следует отметить, что цитировавшееся уже выше примечание «Правил» сформулировано недостаточно точно, потому что не во всех случаях орфография фамилий сохраняется «в соответствии с написаниями в официальных личных документах» (ср. случаи с фамилиями типа *Бѣлинскій* и подобными).

¹ А. А. Леонтьев. О написании иностранных имен. «Вопросы культуры речи», IV. М., 1963, стр. 156.

² Интересно, что в книге Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (СПб., 1876) имя Бодуэна де Куртенэ упоминается несколько раз и каждый раз в новом начертании: *Бодуэнъ-де-Куртенѣ* (стр. 6 и 43), *Бодуэнъ-де-Куртне* (стр. 307 и 401 — в алфавитном указателе фамилий), *Бодуэнъ-де-Куртенэ* (стр. 398 — в библиографическом примечании). Фамилия Бодуэна здесь, очевидно, приводится в том виде, в каком она дана на титульном листе его книги «Опыт фонетики резыанских говоров»).

³ Одним из доказательств того, что *ѡ* в конце фамилий был чисто графическим знаком (как и в конце имен нарицательных), может служить тот факт, что фамилии типа *Цитовичъ*, *Карповичъ*, *Карновичъ* и под. даже в тех случаях, когда они принадлежали женщинам, писались с *ѡ* на конце.

Другие изменения орфографии 1917 г. фамилий не коснулись. Так, продолжали функционировать фамилии типа *Мертваго, Живаго, Добраго, Блага* и др., имеющие ударение на *-аго*, хотя сходные с ними формы прилагательных (*мертваго, живаго, добраго, блага*) были изъяты после реформы. Сохранились также после реформы 1917 г. и фамилии типа *Разсанов, Разсудков, Безперчий, Безпяткин, Безсонов*, хотя свод 1917 г. упорядочил написание приставок, оканчивающихся на *з*, перед глухими согласными и изъял такие написания имен нарицательных.

Подобные наблюдения в какой-то мере позволяют судить о том, что написание фамилий подчиняется изменениям графики, но не орфографии.

Очевидно, представляет интерес, какого рода отклонения от орфографических норм можно встретить в фамилиях. В обычной жизни фамилии встречаются нам достаточно разрозненно, и человеку, специально не обращающему на них внимания, трудно представить объем и характер возможных орфографических отклонений в фамилиях.

1. Прежде всего выделяется большая группа фамилий, записанных по произношению.

1. Среди них весьма большое число акающих фамилий. Так, известные книгоиздатели XIX — XX вв. писались *Сабашниковыми* (Брокгауз и Ефрон, БСЭ), через *а* писалась фамилия русского механика *Л. Ф. Сабакина* (1746—1813) (БСЭ). Но героиня драмы Л. Мея «Царская невеста» была *Марфой Собакиной*. Фамилия ее и ее отца, придуманная автором, соответствовала правилам орфографии, так же как и фамилия *Собакевича* в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя. Интересно, что большинство реальных фамилий, образованных от слова *собака*, дается в акающем оформлении: *Сабакеев, Сабакин, Сабашников*, но *Собакин, Собашников*⁴. Слово *собака* принадлежит в русской орфогра-

⁴ Многие фамилии в этой статье приводятся по словарю: M. Benson. Dictionary of Russian personal names. Philadelphia, 1964.—Этот словарь составлен Бенсоном на материале «Списка абонентов Московской городской телефонной сети». М., 1960. [Критический разбор словаря Бенсона приводится в статье О. Н. Трубачева «Из материалов для этимологического словаря фамилий России» («Этимология», 1966)], а также по «Спискам абонентов московской городской телефонной сети» 1965—1970 гг., по материалам центральных газет (списки награжденных, публикации о защитах диссертаций и т. п.), журналов, художественной литературы, энциклопедических словарей и др.

фии к немотивированным, т. е. никак не объясняемым написаниям. Известно, что на заседании Комиссии Академии наук 12 апреля 1904 года русский лингвист Р. Ф. Брандт предложил писать слова *собака* и *король* с буквой *а* в первом слоге. Правда, на заседании Орфографической подкомиссии это предложение было единогласно отвергнуто.

Вряд ли, однако, можно считать, что эти колебания «орфографической теории» сказались на написании фамилий *Сабашниковых*, *Сабакиных*, *Сабакиных*, поскольку в фамилиях, образованных от других слов с немотивированной орфографией, таких, как *баран*, *корова*, *король*, не встретилось написаний, не отвечающих орфографическим нормам (что еще не означает, разумеется, что их нет в действительности). Приведем примеры других «акающих написаний» фамилий: *Мордвинцев* — *Мордвинов*⁵, *Мордвиновский*, *Манахин*, *Манашкин* — *Монахов*, *Кашелевский* — [фамилия *Кошелевский* не встретилась], *Кашмаров* — [фамилия *Кошмаров* не встретилась], *Ахапкин* — *Охапкин*, *Апарин* — *Опарин*, *Апушкин* — *Опушкин*, *Апекушин* — *Опекушин*, *Аленев* — *Оленев*, *Фанарин* — [фамилия *Фонарин* не встретилась], *Трифанов* — *Трифонов*, *Тарапыгин* — [фамилия *Торопыгин* не встретилась], *Пажарский* — *Пожарский*, *Панамарев*, *Понамарев* — *Пономарев*, *Платицин* — *Плотицин* и мн. др.

Как частный случай таких «акающих фамилий» можно рассматривать фамилии, в которых вместо требуемого по орфографии *а* пишется в безударном положении *о*, например, *Колендарев* — *Календарев*, *Коморовский* — *Комаров*, *Комаровский*, *Кораулев* — *Караулов*, *Короблев* — *Кораблев*, *Корабельников*, *Кошеев* — *Кашеев*, *Ростопчин* — *Растопчин*, *Сахоров* — *Сахаров*, *Хвостунов* — [фамилия *Хвастунов* не встретилась], *Кочалов* — *Качалов*, *Сколозубов* — *Скалозуб* [А. С. Грибоедов «Горе от ума»]. Это так называемые гиперкорректные — «сверхправильные», а по существу неправильные написания.

⁵ В настоящей статье фамилии, в которых наблюдаются те или иные отклонения от орфографии, приводятся на фоне фамилий, пишущихся в соответствии с орфографическими нормами. Такой способ подачи материала выбран автором сознательно, для того, чтобы читатель мог более объективно судить о том месте, какое занимают фамилии с различными орфографическими отклонениями в ряду других фамилий, не имеющих подобных отклонений.

К этой же группе относятся и фамилии *Колошин—Калошин*. Интересно, однако, что не встретилось фамилии *Галошин* (форма *галоша* рекомендуется современным орфографическим словарем наряду с *калоша*). Написание *галоша*, очевидно, более позднего времени и, возможно, поэтому фамилии с подобным произношением и орфографией нет в современном языке (ср. также название одной из окраин Москвы — *Калошино*). Я. К. Гроту принадлежит следующее высказывание об орфографии этого слова: «Калоша (фр. *galosche* сомнительного происхождения, почему и нет надобности писать «галоши» сходно с франц.)»⁶. Наличие фамилий *Калошин*, *Колошин* и отсутствие фамилий *Галошин*, *Голошин* как бы подтверждает это гротовское высказывание⁷.

2. С двумя предыдущими орфографическими подгруппами фамилий не следует смешивать такие написания фамилий, как *Казакон—Козакон*, *Казачков—Козачковский*, *Казакевич—Козакевич*, *Калачевский—Колачевский*, *Каравайков*, *Караваев—Короваев* и нек. др. Различное написание этих фамилий может иметь и другое объяснение, чем запись фамилии по слуху. Различие в их написании может быть связано с историей орфографии. Дело в том, что во времена Грота, т. е. в XIX в., а следовательно и ранее, возможны были оба написания этих слов: *казак* и *козак*, *калач* и *колач*, *каравай* и *коровай*: «Неударяемые гласные *a* и *o* в произношении так тождественны,— писал Я. К. Грот, имея в виду вышеприведенные и некоторые другие слова,— что строгое различие их на письме представляет почти неодолимые трудности; поэтому в словах сомнительного происхождения двоякое начертание неизбежно»⁸. Более того, Я. К. Грот считал, в слове *калач* «а утвердилось неправильно»⁹. В словаре В. И. Даля эти слова даются в обоих написаниях. Таким образом, в различных написаниях фамилий *Казакон—Козакон*, *Калачевский—Колачевский*, *Караваев—Короваев* могли быть отражены до-

⁶ Я. К. Г р о т. Указ. соч., стр. 433.

⁷ В детской художественной литературе встретилась фамилия *Галоша*, явно вымышленного характера:— Здравствуйте,— сказал он,— моя фамилия — *Галоша*.— Гмм...— сказал я. Как же пишется ваша фамилия — *Галоша* или *Калоша*? — *Галоша*,— сказал *Галоша* (Юрий Коваль. Особое задание. М., 1969).

⁸ Я. К. Г р о т. Указ. соч., стр. 433.

⁹ Там же, стр. 34.

пустимые орфографические варианты слов, образовавших фамилии.

3. В орфографии фамилий нашло свое отражение и связанное с произношением «иканье» (в орфографии XIX в. одинаково возможны и правильны: *Федечка* и *Федичка*, *Фенечка* и *Феничка*, *Марфенька* и *Марфинька*): *Федичкин—Федечкин*, *Пантилеев—Пантелеев*, *Шестириков—Шестериков*, *Лебединский—Лебединский*, *Лебедин*, *Лебединцев*, *Мижусев—Межусев* и др.

В журнале «Наука и жизнь» (1968, № 8—10) была опубликована статья Ю. Федосюк «Как ваша фамилия?». В ней автор, среди прочих, высказывал и такую мысль: «Конечно, многие явные искажения фамилий вызваны безграмотностью писцов (вроде *Кромской—Крамской*), но иные выдают хозяина с головой. Если *Коротыгины* стали писаться *Каратыгиными*, то только по воле или попустительству носителей этой фамилии, пожелавших не напоминать, что их родоначальником был какой-то коротышка; *Карзинкины*, *Качановы*, *Марковниковы* с помощью небольших описок затушевывали «простонародные» корни своих фамилий. *Лажечниковы* заставляют забыть, что их дед промышлял ложками... Известные московские книгоиздатели начала нашего века упорно писались *Сабашниковыми*»¹⁰.

Вряд ли стоит говорить об искажениях фамилий, когда их написание не соответствует слову, от которого они, по всей видимости, могут происходить, поскольку нельзя говорить о правильных и искаженных фамилиях. Фамилия есть фамилия, как бы она ни была записана. Она честно выполняет свою функцию, называя владельца, как бы этот владелец ни писал свою фамилию—*Кромской* или *Крамской*. Тем более не стоит говорить о «сознательном искажении фамилий» их носителями. Конечно, случаи такого сознательного изменения фамилий могли быть и были¹¹, но едва

¹⁰ «Наука и жизнь», 1968, № 10, стр. 65.

¹¹ Пример подобной сознательной переделки фамилии на протяжении нескольких поколений есть в романе И. С. Тургенева «Новь»: «Фамилия Семена Петровича происходила от простых огородников. Прадед его назывался по месту происхождения: *Коломенцов*... Но уже дед его переименовал себя в *Коломейцева*; отец писал: *Калломейцев*, наконец Семен Петрович поставил букву *я* на место *е* — и, не шутя, считал себя чистокровным аристократом, даже намекал на то, что фамилия происходит, собственно, от баронов *фон-Галленмейер*, из которых один был австрийским

ли есть основания думать, что владельцы всех фамилий, записанных с *a* вместо *o*, были записаны так для того, чтобы затушевать таким образом род занятий основателя фамилии. Во-первых, при произнесении такой фамилии этот род занятий или неблагоприятное прозвище оставался совершенно очевидными. *Ложечник* останется *ложечником*, как ты его ни запиши. Во-вторых, пришлось бы сделать вывод, что слишком большое число лиц (см. приведенные выше фамилии, равно как и многие другие) занимались такими подделками, настолько большое, что подобный вывод становится уже маловероятным. В-третьих, что, например, надо было скрывать носителям таких фамилий, как *Пажарский* (может быть то, что их прадед был «поджигателем»)? А *Фанарин*, *Либединский*, *Мижув*, *Шестириков*, *Богородецкий*, *Цидилин*, *Механников*, *Письминый*, *Икономов*? Что нужно было скрывать носителям этих фамилий, записав их не по правилам орфографии? Дело, конечно, просто в том, что большинство фамилий первоначально было записано несколько веков назад «по слуху», а не на основании каких-либо письменных документов, тогда еще практически отсутствовавших, и в последующих написаниях в фамилиях сохранялась лишь эта «слуховая» запись¹². Ни о какой «подделке», во всяком случае, в большинстве подобных фамилий говорить не приходится.

4. Записью «по слуху» или «на слух» объясняется и наличие следующих фамилий: *Лошкин—Ложкин*, *Саласкин—Салазкин*, *Сыроешкин*—[фамилия *Сыроежкин* не встретилась], *Ашнин—Ажнин*, *Башмашников—Башмачников*, *Горшешников—Горшечников*, *Молошников—Молочников*, *Свешников—Свечников*, *Калашников*, *Шапошников*—[фамилии *Калачников* и *Шапочников* не встретились].

В словаре Брокгауза и Ефрона записано 40 русских и польских дворянских родов, носящих фамилию *Высоцкий*, оканчивающихся на *-цкий*, и несколько — оканчивающихся на *-тский*, *-дский*; а также *Бернацкий—Бернад-*

маршалом в тридцатилетнюю войну» (Собр. соч. в 12-ти томах, т. 4. М., 1954, стр. 221).

¹² «...в 1796 году этот Франсуа женился на Аня Ренье. Писец, делавший запись, удовлетворился устным объявлением фамилии жениха и записал «Ренуар», без немого «д» на конце. Супруги не обратили внимания на это усеченное написание — они были неграмотны. Таким образом, воображение писца узаконило фамилию нашей семьи» (Жан Ренуар. Огюст Ренуар. М., 1970, стр. 10).

ский, *Заболоцкий—Заболотский, Левицкий—Левитский, Чацкий—Чадский*¹³ и др.

5. Фамилии типа *Дурново, Хитрово* — фонетический вариант формы родительного падежа прилагательных *дурного, хитрого*¹⁴.

6. Достаточно большое число фамилий различается наличием или отсутствием в их орфографической записи двойных согласных — то есть той же записью «на слух», например: *Кирилин—Кириллин, Кирилов—Кириллов, Кирилловский*. Имя *Кирилл* по-разному пишется в русском, украинском и болгарском языках (в украинском и болгарском — с одним *л* — *Кирило, Кирил*). Фамилия *Кирилов* вполне может быть и украинского или болгарского происхождения, но чаще всего все-таки ее написание с одним *л* можно объяснить записью «по слуху».

Фамилия *Кириллин* в качестве исходного имеет имя *Кирила* — разговорный, народный вариант имени *Кирилл* (окончание *-ин* от основ морфологического женского рода), пишущееся с одним *л*, и соответственно, при написании с двойным *л* представляет собою «гиперкорректное» написание. См. другие примеры: *Фадеев—Фаддеев* (имя *Фаддей*), *Агеев—Аггеев* (имя *Аггей*), *Савушкин—Саввушкин* (имя *Савва*), *Аммосов—Амосов* (имя *Амос*).

Но особенно много различных написаний фамилий дало имя *Филипп*: *Филипов—Филиппов, Филиппович, Филипповский*. Фамилии *Филиппкин* и *Филиппчиков* сохранили двойное *п* вопреки орфографическим правилам, так как в уменьшительных именах *Филипка* и *Филипчик* двойное *п* по орфографическому правилу (кстати сказать, очень нелогичному) не сохраняется. Есть даже фамилия *Филлипов* при том же производном имени *Филипп*.

Но отклонения от требований современной орфографии в фамилиях могут объясняться и иными причинами, чем первоначальная запись «по слуху».

¹³ «Впрочем, есть один недоуменный вопрос, связанный с заменой всего двух букв одной, но касающийся, как будто, понимания всего образа Чацкого: в Музейном автографе в I и II актах фамилия героя пишется особенно — *Чадский*. Правда, в III и IV действиях — уже привычное нам написание: *Чацкий*, да и в первых двух кое-где, вероятно, при позднейшем пересмотре, Грибоедов переправил *Чадского* на *Чацкого*... Но факт остается: сначала Грибоедов называл своего героя *Чадским*. Почему?» (Н. Пиксанов. Творческая история «Горе от ума». М.— Л., 1928, стр. 215 п 216).

¹⁴ См.: О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 24.

II. Другой серьезной причиной таких орфографических отклонений в фамилиях могут быть различного рода диалектные явления.

1. Так, например, в истории русского языка звук *ф* мог встречаться только в словах иноязычного происхождения, в том числе и в именах собственных. В некоторых говорах до сих пор «не научились» произносить звука *ф*, заменяя его на *хв*, *х* и другие звуки. Это явление имело свое отражение и в фамилиях, поэтому следующие фамилии определено диалектного происхождения: *Хведин* — *Федин*, *Хилимончиков*—*Филимонов*, *Химаков*—*Фимаков*, *Химушин*—*Фимин*, *Хоменко*, *Хоменков*—*Фоменко*, *Хомин*—*Фомин*, *Хомичев*—*Фомичев*, *Хомич*—[фамилия *Фомич* не встретилась]. Есть у этого диалектного явления как бы его обратная сторона, его зеркальное отражение, когда в качестве соответствия сочетаниям звуков *хв* в литературном языке в говоре дается звук *ф*: это явление отражено в фамилии *Самофалов*—*Самохвалов*.

2. Отражена в фамилиях и такая заметная фонетическая черта, как цоканье — чоканье: *Чепляев* — *Цепляев*, *Цванкин*—*Чванкин*, *Цванов*—*Чванов*, *Чапаев* (по преданию, от «чапай!» — хватай!). «В некоторых диалектах *ц* меняется на *ч* и вместо *цапля* говорят *чапля*. Таким образом, русские *Чаплины* не родня великому киноактеру, ибо «Чаплин» по-английски — священник»¹⁵.

3. Различные другие диалектные явления, касающиеся произношения согласных, отражены в фамилиях: *Кохтев*—*Когтев*, *Говстогуб*, *Говстоногов*—ср. *Толстоусов*, *Толстопятов*, *Толстошеин*, *Муравлев*, *Муравёв*—*Муравьев*.

III. Источником различного написания фамилий может быть их происхождение от соответствующих старославянских или русских слов: *Есенин* (от старославянского *есень*)—*Осенин*, *Единцов* (ср. *единожды*)—*Одинцов*, *Еленев*—*Оленев*, *Рождественский* (ср. русск. *роженница*)—*Рождественский* и др.

IV. Иное написание фамилий может быть связано с их инославянским, не русским, а, например, польским или чешским, происхождением. Так, фамилии *Кшесинский*, *Кшесиньский*, *Кшецынский*, *Бялоцкий*, *Бялосиньский*, *Пяс-*

¹⁵ Ю. Федосюк. Как ваша фамилия? «Наука и жизнь», 1968, № 9, стр. 104.

ковский, Гловинский и мн. др. — польского происхождения¹⁶. «Современное написание фамилии *Коллонтай* до сих пор носит след орфографии польских дворянских фамилий — нерациональное двойное л»¹⁷.

V. Приведем один отрывок из книги Я. К. Грота, уже неоднократно цитированной: «У нас есть еще собственное имя *Давид*, которое в народной фонетике переделывается в *Давыд* и в этой форме стоит наравне с другими измененными на русский лад личными именами чуждого происхождения, напр., *Степан, Осип, Сергей, Яков*. Такие формы в глазах многих принимают униженный оттенок, так что как сами носящие эти имена, так и обращающиеся к ним лица возводят их в *Стефанов, Иосифов, Сергеев, Иаковок и Давидов. Кузьма*, не довольствуясь переделкою в *Козьму*, переименовывает себя еще и *Косьмой*. Но если сообразить, что множество других имен звучит одинаково в простом народе и в образованном кругу, то нельзя не прийти к заключению, что справедливее было бы не отвергать русского склада и в таких переделанных именах, потому что народная фонетика есть общее достояние всей нации, и законов ее, по которым изменяются чужезычные слова, нельзя считать ни для кого униженными. Есть, однакож, несколько имен, которые в своей народной форме действительно остаются исключительным достоянием низших сословий, например *Олена* (вм. *Елена*), *Овдоким* (вм. *Евдоким*). Во взглядах наших на формы языка нельзя отрицать значения обычая, который иногда, хотя и под влиянием предрассудка, оказывает свое господство с неотразимой силой»¹⁸.

Из этих слов Я. К. Грота о равноправии и равноценности различных форм имен — рекомендуемых святыми и народными, — следует сделать вывод и о равноправии различных фамилий, образованных от этих форм имен.

¹⁶ Иногда орфография фамилий служит источником создания семейных легенд, не имеющих под собой реальной почвы: «... она подробно рассказала мне в первый же день нашего знакомства о том, что род *Грушевских* самый древний в Польше, древнее *Потоцких* и *Радзивиллов*, что ее фамилия пишется с мягким знаком — вернейшее свидетельство королевского происхождения...» (В. А н д р е е в. Детство. М., 1966, стр. 123).

¹⁷ О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 44.

¹⁸ Я. К. Г р о т. Указ. соч., стр. 322. — Следует сказать, что имя *Олена—Алена* в настоящее время перестало быть исключительным достоянием «низших» сословий.

Поэтому *Косьмин* и *Козьмин* ничем не лучше, «выше», чем *Кузьменко*, *Кузьменков*, *Кузьмин*, *Кузьминов*, *Кузьминский* (ср. *Кузьминская* — свояченица Л. Н. Толстого), *Кузьмичёв*, *Кузьмичов*, а *Давидов*, *Давидович*, *Давиденко*, *Давиденков*, *Давидовский* — чем *Давыдов* (ср. *Денис Давыдов*), *Давыденко*, *Давыдовский*. Эти различные формы имен являются еще одним из источников, которые пополняют собой группу фамилий¹⁹: *Олеша*, *Олешкин* — *Алешин*, *Алешкин*, *Аксенов—Аксенов*, *Оленин—Еленин*, *Игнатов* (от *Игнат*) — *Игнатъев* (от *Игнатий*), *Миколаев—Николаев* и мн., мн. другие.

VI. Сравнительно редко встречаются отклонения от требований орфографии в группе русских фамилий, образованных от заимствованных слов или не принятых в качестве личных имен в русском языке. Как правило, эти фамилии (например, *Коммунар*) самого позднейшего времени и создавались с учетом орфографических норм. Однако несколько фамилий с отклонением от орфографии удалось заметить и в этой группе фамилий: *Апалонов—Аполлонов*, *Одисеев* (очевидно, от *Одиссей*).

VII. Еще одним типом отклонений от орфографических норм в фамилиях оказываются фамилии, имеющие в корне сочетание *ц* + *и* (или *ы*). Этот тип отклонений нельзя объяснить произношением, так как при любом написании *ц* с *и* или с *ы* произношение этого сочетания звуков остается одинаковым. По современным орфографическим правилам в корнях слов после *ц* всегда пишется *и*. В качестве исключения приводятся четыре слова: *цыган*, *цыпленок*, *на цыпочках*, *цыц* (и производные от них). В фамилиях можно наблюдать несколько иную картину. Приведем примеры: *Цыбульский—Цибульский*, *Цытович—Цитович*, *Цыпин—Ципин*, *Цыпкин—Ципкин*, *Цыцарин—Цицарин*, *Цыфиркин—Циферов*, *Цифрионович*, *Цыркин—Циркин*, *Цыкин—Цикин*, *Цыбин—Цибин*, *Цыклин—Циклин*, *Циклинский*, *Цымбал—Цимбалов*, *Цынский—Цинский*, *Цыгейкин*—[фамилия *Цигейкин* не встретилась], *Панцырев*—[фамилия *Панцирев* не встретилась и т. д. и т. п.

Такое противопоставление фамилий с *цы* и *ци* в корне сложилось достаточно давно. В первом издании словаря Брокгауза и Ефрона есть фамилия *Цитовичъ* Петръ Павловичъ — писатель и *Цытовичъ* Николай Мартиниано-

¹⁹ См.: О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 12.

вичь — политэкономист и статистик; в том же словаре указано несколько носителей фамилии *Цибулька* и несколько носителей фамилии *Цыбульскій*. Объяснение такому противопоставлению в написании фамилий можно найти в орфографии XIX в. Я. К. Грот писал: «От шипящих звук *ц* отличается гораздо большей способностью соединяться с дробными гласными: это объясняется его составом из *т* и *с*; ибо *с* не только легко допускает за собою все эти гласные, но в некоторых случаях сам неохотно смягчается, так что вместо *съ, ся,* иногда и *сю* (по крайней мере в местном значении этих звуков) многие произносят *сь, са, су,* напр. («держись, я примусь, делаться, взялся, суда (вм. сюда)»). Поэтому неудивительно, что после *ц* без затруднения приносится и пишется даже *ы*»²⁰. Во времена Я. К. Грота слов, писавшихся с *ы* после *ц* в корне, было значительно больше, чем в современной орфографии. Например, *цыфирь* при Гроте писалась через *ы*, а *цифра* и *циферблат* — через *и*, что давало возможность разнонаписаний в фамилиях *Цыфиркин—Циферов, Цыфрионович*.

О том, что противопоставление *ци — цы* в фамилиях объясняется историко-орфографическими причинами, в какой-то степени может свидетельствовать тот факт, что подобных противопоставлений не наблюдается в фамилиях со звуками *ж, ш, ч* — очевидно, потому, что «... орфограммы *жи, ши, чи, ци* на протяжении всего рассматриваемого периода употребляются устойчиво и последовательно ... Орфограммы *жи, ши,* для древнерусского письма строго фонетические, в современном письме могут быть расценены как традиционные (этимологические, исторические), если рассматривать их с точки зрения происхождения. Если же подойти к ним синхронно, они, поддерживаемые другими орфограммами, в общей системе русской графики оказываются фонематическими»²¹. Все это объясняет, почему не было колебаний в написании *жи, ши*. Отсутствие этих колебаний отразилось и в орфографии фамилий. Не встретилось ни одной фамилии с *жи* или *ши*, да вряд ли вообще возможны русские фамилии с таким написанием. Таким образом, колебания в орфографии фа-

²⁰ Я. К. Г р о т. Указ. соч., стр. 304.

²¹ «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии». М., 1965, стр. 131.

мнгий возможны лишь в каких-то пределах: так, противопоставление *цы—ци* в них возможно, связанное с наличием написаний с *цы* в корнях слов в XIX в. и раньше, а противопоставление *жы—жи, шы—ши* невозможно из-за отсутствия колебаний в написании орфограмм *жи, ши* в истории языка.

VIII. С предыдущим вопросом связан вопрос о написании *ц* с суфф.-ин. «Правила» 1956 г. дают следующую рекомендацию: «§ 2. После *ц* буква *ы* пишется в окончаниях и в суфф. -ын, например: *птицы, бвцы и овцы, огурцы, белолицый, сестрицын, лисицын*». В фамилиях же, вопреки этой рекомендации, мы наблюдаем несколько более пеструю картину: *Платицын, Плотицын, Шипицын, Цепицын, Старицын, Рожицын, Разницын, Муницин, Мельницын, Матицын, Криницин, Колосницын, Зяблицын, Злацын*, а также: *Кормилицын — Кормилицын, Куницин—Куницын, Лисицын — Лисицын, Метельцын—Метелицын, Овцын—Овцын, Трубицын—Трубицын, Торицын—Торицын, Телицын—Телицын, Судницын—Судницын, Кислицын—Кислицын, Станицын—Станицын, Голицын—Голицын* (ср. *Голицыно—станция по Белорусской ж. д.*) и нек. др. Именно о таких «орфографических ошибках» в фамилиях писал учитель школы рабочей молодежи, письмо которого мы цитировали в начале статьи, называя фамилии *Разницын* и *Кислицын*.

Теперь представим на минуту, что мы вместе с автором упомянутого письма, исправившим фамилию своего ученика *Разницына* на *Разницын*, начнем исправлять все эти «орфографические ошибки» в фамилиях *Цытович—Цитович, Цыркин—Циркин, Цыпкин—Ципкин, Цыфиркин—Циферов, Цыжин—Цикин* в вышеприведенных фамилиях с *-цын* (автор письма мог убедиться, что таких фамилий несколько больше, чем две), а заодно и в фамилиях *Сабакин, Сабашников, Мизжуев, Апалонов* и многих, многих других, лишь часть из которых была приведена в этой статье. Что же получится? Фамилии, основное назначение которых точно называть, отличая носителя этой фамилии от всех других, в значительной мере потеряют свои различающие свойства. Ведь тогда вместо двух фамилий *Сабакин* и *Собакин* останется только одна. Из фамилий *Разницын* и *Разницын* — только последняя, из восьми фамилий *Филипов, Филиппов, Филиппович, Филипповский, Филиппчиков, Филипьев, Филлипов* «правильными» окажутся только три: *Филиппов, Филиппович, Филипповский*. А между

тем работники почты, милиции и др. организаций могут рассказать, как трудно иметь дело с многочисленными *Смирновыми, Ивановыми, Петровыми, Сидоровыми* и др. Для Швеции и Норвегии, например, такая общность фамилий становится национальным бедствием, и скоро машине будет предложено давать фамилии жителям этих стран, чтобы избежать бесконечных повторений.

Зачем же нам самим стремиться к такому единообразию вопреки основной функции фамилий и безусловно вопреки желанию носителей этих фамилий?

IX. В фамилиях можно наблюдать и иные написания гласных после *ц* в заударном положении, а не только принятые в современной орфографии, в которой это правило формулируется следующим образом: «В слогах ударяемых пишется *о* или *е* в соответствии с произношением, например, *лицо, овцой, отцов, облицовка*, но: *прицел, цельный, цеп* и т. д. В слогах неударяемых *о* не пишется, кроме слова *цокотуха* и родственных (ср. *цокот*). При отсутствии ударения в суффиксах и окончаниях всегда пишется *е*, например *полотенце, куцего, Кунцево, Баренцево море*» («Правила орфографии» 1956 г., стр. 9). Такое написание *ц* с последующими гласными стало складываться еще во времена Я. К. Грота. Он писал: Для *ц* «... нет причины чуждаться *о*, которое и пишется после нее всякий раз, когда ... на этот слог падает ударение, напр. *лицо, кольцом, купцов*. В противном случае, т. е. при отсутствии над этим слогом ударения, пишут *е*, напр., *зеркальце, перцем, иностранцев, улицею*»²².

Несмотря на то, что написание *е* после *ц* в заударном положении сложилось относительно давно, т. е. по крайней мере во второй половине XIX в., в современном языке есть фамилии, имеющие в своем написании заударное *о* после *ц*; таким образом, эти фамилии сохраняют еще более старую — догровскую — орфографическую традицию: *Бурцов И. Г.* (генерал, БСЭ, 2 изд.)— *Бурцев, Ивашенцов Г. А.* (эпидемиолог, БСЭ, 2 изд.)— *Ивашищев Н. А.* (адмирал, БСЭ, 2 изд.), *Ярцов А. С.* (русский деятель горнозаводской промышленности, БСЭ, 2 изд.)— *Ярцев А. А.* (историк театра, БСЭ, 2 изд.), *Мытовцов, Коковцов—Коковцев, Северцов—Северцев* и др. Так, например, в произведениях И. С. Тургенева в фамилиях его героев можно встре-

²² Я. К. Г р о т. Указ. соч., стр. 304.

тить и те, и другие написания *ц* в заударном положении: *Коломенцов, Каломейцев, Калломейцев* («Новь»). Кстати, *Кунцово* в «Накануне» также пишется через *о*.

Интересно, например, что родовое имя графа *Румянцева-Задунайского* писалось вначале через *о*—*Румянцов: Румянцов-Задунайский, Румянцова* (С. Н. Шубинский. Исторические очерки и рассказы. СПб, 1908, стр. 706). В энциклопедическом словаре общества «Гранат» рядом с фамилиями двух сыновей графа *Румянцева-Задунайского* стоит старое написание их родового имени: *Румянцев (Румянцов)*, фамилия самого графа Петра Алексеевича *Румянцева-Задунайского* дается почему-то только в новом написании. Я. К. Грота беспокоит это обстоятельство: «Не совсем удобно только писать *це* в окончаниях фамильных имен, особенно старинных родов, напр., в имени *Румянцев*, так как вследствие введения такого начертания некоторые из них пишутся теперь уже не так, как писались теми, которые их носили»²³. Иными словами, Я. К. Грот предполагает, хотя бы в данном случае, влияние орфографической практики на написание фамилий. И такое влияние, действительно, наблюдалось.

Х. В фамилиях можно встретить также иное написание шипящих с гласными, чем то, которое требуется правилами орфографии: *Щоголев* (хотя есть *щеголеватый*)—*Щеголев; Чорный* (хотя есть *чернить*)—*Черный, Фомичев—Фоми-чов, Торгашев—Торгашов, Рогачев—Рогачов, Лукашев—Лукашов, Кузьмичев—Кузьмичов, Клещев—Клещов, Кирпичев—Кирпичов, Калачев—Калачов, Балашев—Балашов, Борщев—Борщов, Бульчев—Бульчов, Ильичев—Ильичов, Хрущев—Хрущов, Чернышев—Чернышов* и др. (Хотя по правилам орфографии, если в окончании существительных после *ж, ш, ч, щ* под ударением произносится *о*, то *о* и пишется.)

Таким образом, круг возможных отклонений в фамилиях от требований современной орфографии достаточно широк. Разумеется, мы не могли охватить все, а лишь назвали некоторые из них, но и названных, нам кажется, достаточно, чтобы убедиться, что написание фамилий не подчиняется и не может подчиняться требованиям современной орфографии.

²³ Там же, стр. 304—305.

Означает ли это, что фамилии не подчиняются никакой орфографии? Нам кажется, что нет. У фамилий есть как бы своя и притом достаточно строгая орфография. Требования этой орфографии вытекают из основной функции фамилий в языке — называя, максимально различать. Представьте себе, что мы упорядочим написание фамилий, подчиним их требованиям не их собственной, а общей орфографии. Так, начнем, например, писать одинаково литературоведа *В. Лакшина* и *Р. Ф. Локшина*, защитившего диссертацию 25 марта 1969 года («Веч. Москва», 14 марта 1969 г.). И вместо желаемого упорядочения может призойти путаница этих и многих других *Лакшиных* и *Локшиных*, писавшихся до этого по-разному. Или возьмем хотя бы такое грубо ошибочное написание с точки зрения современной орфографии, как написание фамилии *Мыш*, и начнем писать, хотя бы в тех случаях, когда эта фамилия принадлежит женщине, с мягким знаком — *Мышь*. Получится так: муж — *Мыш*, жена — *Мышь*. Носители этой фамилии вправе будут сказать, что мы превысили свои полномочия, нарушили орфографию их фамилии, согласно требованиям которой мужская и женская фамилии, оканчивающиеся на согласный, должны писаться одинаково, и никакая другая орфография здесь не указ.

Итак, основное требование орфографии фамилий: максимально точно, без каких-либо отклонений писать каждую фамилию так, как она пишется носителем. Возьмем, например, фамилию известного географа *Семенова-Тян-Шанского*. Вторая часть фамилии *Тян-Шанский* была присоединена к фамилии Семенова в 1906 г. по царскому указу. В этом указе в написании *Тян-Шанский* отсутствовали оба мягких знака. Последний — закономерно, как в *Рязань—Рязанский*, а первый — без каких-либо видимых причин. Однако именно так стала писаться эта фамилия в роду Семеновых, переходя от отца к сыну. Такой стала орфография этой фамилии и исправлять ее написание в соответствии с написанием географического названия *Тянь-Шань* не следует.

«Если в написании нарицательных имен,— пишет А. А. Реформатский,— императивом служит обязательная общность на базе общенационального языка и единого орфографического принципа..., то при написании имен собственных многое зависит от регионального и индивидуаль-

ного, что зависит и от ареалов, и от традиций, и даже от опусок паспортистов и картографов!»²⁴

Основным отличительным признаком орфографии фамилий является отсутствие в ней каких-либо вариантов написаний. Так, например, написания *диакон* и *дьякон* являются вариантами одного слова, но фамилии *Диаконов* и *Дьяконов* являются разными фамилиями. То же самое касается и вариантов имен: *Вениамин* и *Веньямин*, *Бениамин* и *Беньямин* являются вариантами одного имени, но фамилии, образованные от этих вариантов имен, — самостоятельные. Одни носят фамилию *Вениаминовых*, другие — *Веньяминовых*, и не могут писаться то так, то этак. Приведем еще несколько примеров подобных фамилий: *Протодиаконов*—*Протодьяконов*, *Касианов*—*Касьянов*, *Валерианов*—*Валерьянов*, *Бениаминов*, *Вениаминов*—*Веньяминов*, *Непиущий*—*Непьющий*, *Иорданов*—*Йорданов*, *Иосифов*—*Йосифов*, *Иаконов*—*Яконов* и др.

Интересна в этом отношении судьба написания фамилии известного литератора XVIII в. Василия Кирилловича *Тредиаковского*. В дореволюционных энциклопедических изданиях (в словаре Брокгауза и Ефрона, в Большой Санкт-Петербургской энциклопедии 1904 г., во много раз цитировавшейся книге Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания» и др.) фамилия *Тредиаковского* писалась с ь: *Тредьяковский*. В таком же написании она встречается в стихах А. С. Пушкина:

Там, где древний Кочерговский
Над Ролленем опочил,
Дней новейших *Тредьяковский*
Колдовал и ворожил.

Во всех послереволюционных изданиях (Энциклопедический словарь общества «Гранат», БСЭ, 1-е и 2-е изд., и др.) эта фамилия стала писаться как *Тредиаковский*. Почему? Оказывается, что сам носитель фамилии подписывался не иначе, как *Тредиаковский* или *Тредиаковский*. Так же подписывался и его сын, Лев Васильевич *Тредиаковский* (см.: Реестр подписки к вышедшему при жизни *Тредиаковского* издания «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских»). Так, в одном из лучших

²⁴ А. А. Реформатский. Орфография собственных имен.— В сб. «Орфография собственных имен». М., 1965, стр. 8.

изданий сочинений Тредиаковского, вышедшем в трех томах в издательстве А. Смирдина в 1849 г., на титульном листе и внутри издания везде идет фамилия автора как *Тредьяковский*, но в доношениях *В. Тредиаковского*, помещенных в конце первого тома, даются подписи — *Тредиаковский*: «Вашъ покорный і одолженный слуга *В. Тредиаковский*». Таким образом, фамилию *В. Тредиаковского* в XIX в. писали как *Тредьяковский*, несмотря на то что было известно, как писал ее сам носитель фамилии. Это так же недопустимо, как изменить, например, фамилию собирателя известной картинной галлерей на *Третиакова*. В настоящее время существуют две фамилии (см. телефонные книги): *Тредиаковский* и *Тредьяковский*, что лишний раз свидетельствует против написания каждой из этих фамилий то в том, то в другом виде ²⁵.

В связи с тем, что фамилии из-за специфичности их функций в языке не могут иметь вариантов, хотелось бы поговорить об одной достаточно часто встречающейся в энциклопедических словарях помете: «Такой-то, правильнее писать так-то». Подобная помета постоянно сопровождает фамилию поэта Баратынского почти во всех энциклопедических изданиях: Евгений Абрамович *Баратынский* (правильнее — *Боратынский*) (См.: Словарь Брокгауза и Ефрона 1-е изд.; Большая Санкт-Петербургская энциклопедия, 1904; БСЭ, 1-е изд., Лит. энциклопедия, 1930; Краткая лит. энци., 1962 и др.) ²⁶. Откуда же пошла и на чем основывается эта помета «правильнее *Боратынский*»? Оказывается, основатель этого рода получил свое имя по названию замка *Боратынь* (Новый энци. словарь Брокгауза и Ефрона). Очевидно, именно на этих сведениях и основывается помета «правильнее».

²⁵ В этом отношении показательны воспоминания акад. А. Н. Крылова об одном из его соседей: «Петр Михайлович не выносил и считал проявлением крайнего к себе неуважения, если кто делал ошибку в начертании его фамилии, которую он по старой орфографии писал: *Мачевариановъ*, даже написание *Мачеварьяновъ* принимал за обиду» (А. Н. Крылов. Мои воспоминания. Изд. АН СССР, 1963, стр. 24).

²⁶ В «Литературной газете» (9 дек. 1970 г.) по этому поводу была помещена краткая заметка «Имя писателя» В. Валерианова: «Между прочим, в предыдущем издании «Литературной энциклопедии» (М., 1929—1939) было так: «*Баратынский* (правильнее *Боратынский*)». Чудная логика! Не пора ли повсюду восстановить действительно правильное начертание имени поэта?»

Стоит разобраться, правомерно ли употребление такой пометы или иного написания фамилий, помещенного в скобках, в энциклопедиях? Ведь если правильнее *Боратынский*, потому что фамилия произошла от названия *Боратын*, то почему в тех же энциклопедических словарях не пишут: «правильнее *Собакин*, *Пожарский*», ведь эти фамилии произошли от слов *собака*, *пожар*. Но «правильнее» для фамилии не то, от какого слова она произошла, а то, как писалась эта фамилия ее носителями. И это правильное должно иметь единственное написание, никакого иного «правильнее» быть у фамилии не может. Поэтому вместо пометы «правильнее» может быть лишь: «писал свою фамилию и так, и так», что гипотетически возможно, но практически, очевидно, может встретиться лишь как исключение²⁷; или может быть иной вариант: «*Баратынский* (в некоторых изданиях встречается как *Боратынский*, что противоречит написанию фамилии ее носителем)», т. е. возможна помета запретительного характера²⁸.

Что касается фамилии *Баратынский* или *Боратынский*, то можно лишь сказать, что при жизни поэта был издан Энциклопедический лексикон (СПб., 1835 г. — Е. А. Баратынский умер в 1844 г.), где фамилия и самого *Баратынского* и дворянского рода *Баратынских* дается с двумя *а*. Современник Баратынского А. С. Пушкин писал его фамилию только через *а*: «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов» (Собр. соч. в 10-ти томах, т. VII, стр. 221), так же писали его В. Г. Белинский, В. Брюсов.

Аргументом в пользу орфографического облика фамилии *Баратынский* может служить свидетельство Надежды Андреевны Обуховой — внучки поэта. Она пишет эту фамилию только как *Баратынский*: «Впоследствии я часто ездила к бабушке ... В ее доме все дышало моим дедом, поэтому *Баратынским* «Не искушай меня без нужды ...» — это элегия *Баратынского*. Перед отъездом наши дя-

²⁷ О том, что такого рода исключения были, можно судить по словарю Брокгауза и Ефрона: *Федоров* (Александр Федорович) — юрист, *Федоров* (Михаил Петрович) — журналист и драматург (т. 82, стр. 882).

²⁸ Подобную помету мы встретили в словаре Брокгауза и Ефрона: «*Федотов* (Павел Андреевич), а не *Федотов*, как ошибочно пишут иные» (т. 69, стр. 415). Это примечание касается написания фамилии художника Федотова.

ди повезли нас к бабушке — матери нашего отца, рожденной *Баратынской*»²⁹. Все это позволяет считать, что Баратынский писал сам свою фамилию так же. Однако окончательное решение этого вопроса может принадлежать лишь литературоведам, знакомым с рукописным наследием поэта. Только они могут сказать, как подписывал свои произведения Баратынский, и, соответственно, это написание фамилии поэта должно быть признано единственно правильным. В современном языке параллельно существуют обе фамилии — и *Баратынский*, и *Боратынский* (см. телефонные книги).

Из сказанного может быть сделан вывод о том, что фамилии никогда не меняются. Этот вывод противоречил бы действительности, в которой фамилии не так уж часто, но все-таки изменяются. Однако изменения возможны лишь в том случае, если они происходят по воле носителей фамилий. Причины таких изменений могут быть самыми различными. Так, некоторые носители заимствованных фамилий, обрусев, изменили написание этих фамилий: например, фамилия русских художников *Брюлловых* раньше писалась как *Брюлло* (предком художника был француз Brulleau). До XVIII в. *Фонвизины* писались как *фон-Висиновы*, в XVIII в. первым стал писаться как *фон-Визин* некий Иван Андреевич, сын его Денис Иванович — известный писатель — в какое-то время стал писать фамилию слитно. А. С. Пушкин напоминает об этом брату Льву Сергеевичу: «Не забудь *Фон-Визина* писать *Фонвизин*. Что он за нехристь? Он русский, из перерусских русский» (Собр. соч. в 10-ти томах, т. X, стр. 108). Однако некоторое время эту фамилию по традиции еще продолжали писать: *Фон-Визин*. Так, в сочинениях 1866 г. (СПб.) фамилия писателя была приведена в старом написании: *Фон-Визин*. В том же орфографическом варианте она дана в книге Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания», изданной еще позже — в 1876 г. В современном языке встречаются фамилии *Фонбизин* и *Фонвизин*.

Очевидна близкая судьба и у фамилии русского химика Игнатия Матвеевича *Фонберга*³⁰ (Словарь Брокгауза

²⁹ Сб. «Н. А. Обухова». М., 1970, стр. 52—53.

³⁰ Ср. у В. А. Богородицкого о фамилии *Кос-фон-Дален*, превратившейся в *Козодавлева* («Лекции по общему языкознанию», Казань. 1915, стр. 167).

и Ефрона). Иногда такое орфографическое слияние фамилии с приставкой, указывающей на дворянское происхождение, совершается против воли носителя или носителей фамилии: «Санд посвятила книгу: «Господину Г. Делятуш» с надеждой вновь завоевать отшельника из Онэй; он протестовал против посвящения (возмущенный, без сомнения, в той же мере орфографией, как и дерзостью автора) и она уничтожила его имя в последующих изданиях; ... она предложила сотрудничество «Господину Делятуш» (она упорно не признавала частицы «де», на которую он имел право)³¹.

Подобная «орфографическая бесцеремонность» в обращении с фамилией мягко говоря нежелательна.

В художественной литературе мы знаем примеры и обратных превращений:

«Не можете ли вы, по случаю нашего бракосочетания, сделаться ... дворянином?»

— Я сам об этом подумывал ... Боюсь показаться смешным.

— Что вы, что вы! Так поступают все и никто над этим не смеется. Разделите свою фамилию на две части: «Дю Руа». Очень хорошо!

Пройдя несколько стадий превращений «новая дворянская фамилия» приобрела наконец такой вид: «Господин и госпожа Александр Дю Руа де Кантель имеют честь сообщить вам о бракосочетании их сына Жоржа Дю Руа де Кантель с госпожой Мадленой Форестье» (Мопассан, «Милый друг». Собр. соч. в 2-х томах, т. I. М., 1951).

Причины изменения написания фамилии могут быть и совершенно иными: — Сволочь он, — с ненавистью продолжал Турбин, — ведь он же сам не говорит на этом языке! А? Я позавчера спрашиваю этого каналью, доктора Курицкого, он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицкий ... (М. Булгаков, Белая гвардия).

Какой бы характер ни носили изменения в фамилиях, они могут происходить лишь по воле или с разрешения носителей данной фамилии, в ином случае они могут быть лишь показателем неуважения к лицу, носящему фами-

³¹ Андре Моруа. Жорж Занд. Перев. с франц. Е. С. Булгаковой. М., 1967.

лию: — Отчего вы так полагаете, господин *Коломенцев?* (*Калломейцев* даже дрогнул, услышав подобное «искажение» своей фамилии) (И. С. Тургенев, *Новь*).

Именно на обыгрывании, сознательном искажении той или иной фамилии построены многие эпиграммы. В XIX в. больше всего «доставалось» в этом отношении Ф. В. Булгарину. Во времена Пушкина в списках ходила эпиграмма на Булгарина, начинавшаяся словами:

Не то беда, что ты поляк

и кончавшаяся строкою

Беда, что ты *Видок Фиглярин*.

Лыбопытно, что Булгарин опубликовал эту эпиграмму, заменив, однако, *Видок Фиглярин* на *Фаддей Булгарин*. Или в другой эпиграмме:

Не то беда, *Авдей Флюгарин*,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты *Видок Фиглярин*:
Беда, что скучен твой роман.

(А. С. Пушкин, т. III, стр. 168 и 193).

Итак, из основной функции, которую выполняют фамилии в языке, — называя, максимально различать, вытекает и специфичность их собственной орфографии, не допускающей никаких вариантов, диктующей абсолютную точность написания каждой фамилии. Поэтому весьма странным выглядят (особенно в устах филолога) такие, например, высказывания: «Вот четыре письма из-за рубежа. Два из них написаны *Генрихом Гофманом* из Дюссельдорфа — ФРГ (он пишет свою фамилию «Гоффманн», и я несколько упрощаю его орфографию)» (Лев Успенский. «Лит. газета», 23 марта 1965 г.). Хорошо себе «несколько»! В результате этого «упрощения» *Гоффманн* из Дюссельдорфа (кстати, почему Л. Успенскому не пришла мысль попутно упростить и орфографию Дюссельдорфа?) стал однофамильцем великого сказочника *Гофмана*. Однако это обстоятельство не показалось, видимо, существенным Л. Успенскому. Гораздо более правым оказывается Издатель в следующем шутовском отрывке: — Разрешите, *дер Элл*, я буду с Вами откровенен. Издатель знал, что у фантаста была одна маленькая причуда:

он терпеть не мог фамильярности и никому, кроме своих матерей и жен, не позволял называть себя запросто *Элл*, а тем более *Эл*. Поэтому старый издатель назвал его полным именем *Элла* («Лит. газета» 3 июля 1968 г.).

Любые отклонения от орфографии фамилии могут привести к чрезвычайно существенным осложнениям юридического или какого-либо иного характера. Вот, например, о каком реальном факте рассказывает в своей биографической повести Б. Дьяков: Выяснилось, что старший санитар туберкулезного корпуса подал ошибочные сведения. Исказил фамилию умершего, вместо «Ивлев» написал «Ивлин». А были и тот, и другой, только в разных отделениях. Сняли с довольствия не умершего, а живого («Повесть о пережитом»). Еще два примера: «Сомнительны даже сохранившиеся подписи *Шекспира* под несколькими юридическими документами. Возникает вопрос, не подписывались ли нотариусы за клиента, в таком случае явно обнаруживающего свою неграмотность. В завещании, составленном за несколько дней до смерти *Шекспира*, его имя транскрибировано раз одним, а в остальных случаях — другим образом (Willim Shackspeare — William Shakespeare). Завещание явно составлено нотариусом Коллинсом» (Е. Черняк, Пять столетий тайной войны).

«Большая часть того, что мы знаем о заговоре, известна из исповеди *Томаса Винтера*. Однако действительно ли сохранившийся экземпляр ее, считаемый подлинником, написан *Винтером*? Он подписал «Winter», хотя сам *Томас Винтер* в других случаях неизменно писал свою фамилию по-другому «Wintour». Имеется немало косвенных данных, заставляющих предполагать, что действительный текст исповеди был переписан — с добавлениями и исправлениями — кем-то другим, ловко подделавшим почерк *Винтера*» (Там же).

Гипертрофированное почтение к ценности и святости написанной фамилии отражено в сатирической повести Ю. Тынянова «Поручик Киже». Но факты типа «Поручик Киже» не так уже невозможны и в реальной жизни.

И в наше время вполне актуальным остается совет Я. К. Грота: «По-настоящему, следовало бы держаться правила писать фамильные имена исторических деятелей без изменения способа их начертания самими лицами рода»³²,

³² Я. К. Г р о т. Указ. соч., стр. 305.

и, добавим, относиться к каждой фамилии так, как если бы носитель ее был лицом историческим, ведь не исключено, что он таковым и станет.

Приведенные выше примеры и наблюдения над орфографией фамилий русского, английского и французского языков позволяет сделать осторожный вывод о том, что орфографии фамилий, во всяком случае индоевропейских языков, имеют общие закономерности и меньше различаются, нежели орфографии этих языков. Орфографии фамилий основаны на традиционном принципе — традиционном в том смысле, что их основным орфографическим законом оказывается сохранение письменного облика каждой данной фамилии.

В лингвистической литературе последних десятилетий достаточно часто упоминается о вычленимости ономастики в особую языковую сферу исследований (Е. Курилович, С. Роспонд, В. Ташицкий, А. А. Реформатский, В. Н. Топоров и др.), имеющую свои специфические черты на разных языковых уровнях, в том числе — на произносительном и морфологическом. Очевидно, есть некоторые основания говорить и о специфичности орфографии фамилий³³ по сравнению с орфографией апеллятивной лексики.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Орфография фамилий, во всяком случае индоевропейских языков, имеет общие закономерности, чего нельзя сказать об орфографии этих языков.

2. Орфография фамилий построена на традиционном принципе.

3. Фамилии подчиняются изменениям графики языка (*Бѣлинскій—Белинский, Федоров—Федоров*).

4. Фамилии не подчиняются изменениям орфографии (*Безсонов, Безперчий, Безпяткин, Ива́шинцов, Цыфиркин* и др.).

5. В отличие от апеллятивов, фамилии не должны иметь орфографических вариантов. То, что может рассматриваться в качестве орфографических вариантов в апел-

³³ При поверхностном взгляде представляется невозможным отнести перечисленные специфические черты орфографии фамилий на другие группы ономастики — личные имена и географические названия. Какими окажутся выводы об орфографической специфичности этих двух групп ономастики, могут показать лишь дальнейшие конкретные исследования.

лятивах и даже в личных именах, в фамилиях каждый раз является самостоятельной фамилией, а не вариантом (*Иакозов—Якозов, Непиюций—Непьюций, Тредиаковский—Тредьяковский* и т. д.).

6. В фамилиях возможны не всякие отклонения от орфографии. Не встретились и, очевидно, невозможны в русских фамилиях написания *ы* после шипящих.

7. Примечание к § 4 Правил орфографии и пунктуации 1956 года (стр. 9) должно быть сформулировано более точно.

Области языка, не регламентированные орфографически

А. Б. Пеньковский

О НЕКОТОРЫХ НЕКОДИФИЦИРОВАННЫХ ЯВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ (о написаниях типа *иду-у, оч-чень*)

Общеизвестно, что орфография современных литературных языков характеризуется высокой степенью стандартизации и предписывается носителям языка как система обязательных, требующих осознания и осознаваемых как обязательные единых правописных норм, закрепляемых кодификацией. Будучи первым в языке, на что «обращается нормирующее внимание человеческого общества»¹, орфография развивается и совершенствуется, преодолевая территориально-диалектную, социальную, возрастную, профессиональную и иного рода дифференциации, и имеет идеалом полное и абсолютное единство и возможность в значительной степени приближаться к нему, разумеется, никогда не достигая его вполне².

¹ Г. О. Винокур. Орфография как проблема истории языка.— Избр. работы по русскому языку. М., 1959, стр. 463.

² Мнение Д. Э. Розенталя о возможности полного устранения колебаний в написании путем дальнейшего уточнения отдельных правил, постепенного накопления свежего материала из живой практики, широкого применения принципа обоснованной аналогии (см.: Д. Э. Розенталь. Вопросы русского правописания. М., 1965, стр. 3) представляется преувеличенно оптимистичным, так как с развитием языка в постоянно изменяющихся условиях его функционирования постоянно и неизбежно будут возникать все новые и новые колебания. Надежда на утверждение правил правописания «единожды и навсегда» была высказана еще составителями Словаря Академии Российской 1789—94 гг., но и грядущим теоретикам орфографии едва ли удастся когда-нибудь воскликнуть «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!».

При этом важно подчеркнуть, что по темпам развития и укрепления орфографические нормы — и внутренне, с точки зрения охвата языковых фактов, и внешне, с точки зрения охвата носителей языка, — опережают не только нормы устного языка, но и все остальные письменные нормы. Таким образом, если письменные нормы вообще обладают известной автономией и независимостью от норм устного языка, то орфографические нормы обнаруживают относительно независимость и от тех и от других. Именно поэтому, будучи лишь одним из типов языковых норм, орфографическая норма оказывается в сознании носителей языка нормой *par excellence*, воплощая их представление о языковой норме вообще ³.

Очевидно, что авторитетность и императивность орфографической нормы и основанная на этих ее свойствах орфографическая дисциплина пишущих тем выше и крепче, чем сильнее реализуется тенденция к сокращению вариантности, чем полнее и мобильнее осуществляются процессы отбора и кодификации (разумеется, при условии, что кодификация обоснованна, последовательна и адекватна норме). Очевидно также, что чем стабильнее и обязательнее норма, тем шире и острее становится осознание всего того, что не является нормой, т. е. нарушает норму или как-либо противоречит ей ⁴, но вместе с тем все острее ста-

³ Эта особенность орфографии отражается уже самим термином, в котором этимологически заложено понятие «правильности», и объясняется прежде всего возрастающей ролью письменной формы языка, освященной в современном обществе особым авторитетом, а также в немалой степени особенностями преподавания языка в школе, сводящей его к письму и считающей нарушением орфографической нормы по существу любую ошибку и неправильность, кроме тех, которые связаны со знаками препинания и, следовательно, принадлежат пунктуации. Заблуждения такого рода широко распространены даже среди мастеров слова, писателей и поэтов. Встречаются они и у лингвистов и у лиц, так или иначе причастных к лингвистике. Ограничусь только одним примером. Так, М. Цветаева, цитируя пушкинское «Глаз, в ы ш и б е н н ы й кошем, висел у него на щеке» и выделяя причастие *вышибенный* разрядкой, замечает в сноске: «Сохраняю пушкинскую орфографию» («Мой Пушкин». М., 1967, стр. 143).

⁴ Благодаря этому становится возможным и сознательное нарушение орфографических норм, особенно показательное в тех случаях, когда оно предпринимается не для передачи особенностей произношения — с переходом на упрощенную транскрипцию (отмечу, что в связи с этим возникает целый ряд орфографических проблем, заслуживающих специального изучения), а для воздей-

новится также осознание несовершенства некоторых кодифицированных норм и необходимости разрешения «больших вопросов нашей орфографии» (С. И. Ожегов). Орфографические дискуссии 1954—55 гг. и, особенно, 1964—65 гг. показали это со всей непреложностью⁵.

Одновременно осознается и возрастает потребность в кодификации того, что остается некодифицированным, несмотря на сложившиеся стихийно письменные традиции, и нормализации тех письменных фактов, для которых не существует сколько-нибудь прочных традиций. Именно с этим связано разрешение давно и горячо обсуждаемой проблемы написания личных и географических имен иноязычного происхождения и некоторых типов неологизмов, массово возникающих в терминологической практике⁶. Однако круг такого рода явлений, по-видимому, шире, чем об этом принято думать, и обратить на это внимание как раз и составляет цель настоящей статьи.

Ярким примером ситуации, когда общая письменная практика обнаруживает нерегламентированные колебания и вариантность написаний, а норма, стихийно складываю-

ствия на читателя непосредственно графическим образом писаного слова. Ср., например, написания типа *што, конечно, ёд, большевицкий* и т. п., которые передают то же, соответствующее литературной норме, произношение, что и правильные написания *что, конечно, йод, большевистский*, но, будучи антиорфографическим, используются как лаконичное и тонкое выразительное средство, позволяющее определенным образом характеризовать либо отправителя речи, либо его отношение к слову или к тому, что этим словом обозначено. В качестве выразительного или характерологического средства используется воспроизведение слова в том облике, который оно имеет в другой системе. Письменная речь ненормативно воспроизводит нормативное произношение и добивается этим того же эффекта, который в устной речи достигается ненормативным воспроизведением нормативного написания. Ср. произношение типа р[о]ман, к[о]стюм, к[о]лхоз, к[о]мс[о]мол.

Будучи не орфографическими, такого рода написания не являются как орфографическими, так как, представляя отступления от традиционной или условной нормы, не противоречат основным принципам русского письма. Очевидно, что использование их в качестве выразительного средства возможно лишь при достаточно высоком уровне нормализации письма, что и характерно для современной нам эпохи.

⁵ См.: «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии». М., 1965.

⁶ Ср.: С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи. «Вопросы культуры речи», вып. I. М., 1955, стр. 26—27.

щаяся в процессе спонтанного отбора, не получает еще закрепления в авторитетных орфографических руководствах, может служить современное состояние передачи на письме некоторых специфических особенностей эмфатической речи (при подчеркивании, призыве, окликах и криках, удивленном, угрожающем, ироническом переспросе и т. п.).

Как справедливо отмечалось, в связи с тем, что огромному богатству акустических средств устной речи противостоит ограниченный набор графических средств, которыми пользуется письменная речь, эта последняя должна прибегать к вторичным, описательным средствам выражения, передавая интонацию, энергию, интенсивность и т. д. при помощи оборотов типа *он говорил отрывистыми фразами; ... спросил он сонным голосом; ... ответил он резко; ... крикнул он громко* и т. п.⁷ Однако не следует и приуменьшать возможности письменной речи в передаче информации такого рода. Во всяком случае, в большинстве европейских письменных систем и в русском письме, в частности, отражение целого ряда интонационно-мелодических и экспираторных особенностей устной речи и прежде всего таких, связанных с эмфазой и экспрессией феноменов, как растяжение и продление гласных — с возможным качественным их изменением, усиление и геминация согласных, оказывается, главным образом в языке художественной прозы, обычным и широко распространенным явлением.

Разумеется, и здесь вполне возможно использование описательных средств выражения. Ср.: — С каждым-то недосуг разбираться, — сказал Кресалов... — Ленин-то велел с каждым, — вставил дед. — Ну, Ленин, — *протянул* Кресалов (В. Ситников, Русская печь); И пошел дед Чарымов *бушевать* сгоряча, *крушить* Андронику. — Так, — *произнес он в растяжку*, *входя* в Андроникину избу (А. Шелудяков, Из племени кедр); — *Ничаго, — певуче* *сказал санитар...* (О. Кожухова, Двум смертям не бывать). Однако общепринятым способом передачи растяжения (пролонгации) гласных в эмфатической речи, в командах, при окликах и призывах, при распеве в пении и в некоторых других ситуациях является повторение соответствующего

⁷ См.: И. В а х е к. К проблеме письменного языка [1939 г.] «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 529—530.

щих гласных букв, разделяемых и одновременно соединяемых⁸ при помощи дефиса. Ср.: — Вижу! — ответил я ему. И повторил еще раз, вложив весь свой восторг: — *Ви-ижу-у!* (Г. Троепольский, В камышах); — Успокойся-ка. Ну, чего ты запсиховала, глупышка? «*Разводи-тьсяя*». «Как ты *мо-о-ог!*! Чуть что — сразу я виноват. Разобраться надо сначала... (В. Савченко, Жил-был мальчик); — Сам *лады-ыка-а?* — переспросил я с ужасом (Н. Златовратский, Канун «великого праздника»); Мать угрожающе: — *Что-о-о?* (М. Цветаева, Мой Пушкин); — *Во-она* как! — ахнул Чашкин (Г. Комраков, До осени полгода); — *Наро-од*, — осуждающе сказал Прокоп (Там же); — *От чо-орт!* Барин, зашибу! (К. Федин, Первые радости); Вдруг издали: — *О-о!!! Спа-аси-и-те-е!* (Г. Троепольский, В камышах); — *За-а-прягать!* — спокойно, но так, что у всех телег было слышно, скомандовал атаман (А. Н. Толстой, Похождения Невзорова); — Мягче прыгайте! Дышите свободнее! *Вдо-ох — Вы-ыдох!* (В. Логинов, Дикие камешки); — *Ба-аранки*, баранки... Копейка штука, сдобы пуд! — орет шаромыжной глоткой мужичина страшный... (Л. Леонов, Петушихинский пролом); Стоит Мироха, слушает слезливую песню мимо идущих слепцов...: *А-а ишо-о по-омяни, о-осподи-и...* (Там же) и т. п.

Возможно также объединение обоих приемов — по принципу «избыточной защиты» А. И. Нимцовича — А. А. Реформатского. Ср.: — ... и в лошадь попадешь, если увидишь? — *В ло-о-шадь!* — презрительно протянул Николка (С.-Ценский, Севастопольская страда); — Помоему, всякий имеет право иметь свои чувства... — *Бу-удто-с?* — тотчас подхватил и *протянул с иронией* тот самый голос... (Ф. Достоевский, Подросток); Корней Иванович *почти пел, растягивая слова:* — Как *прия-ятно*, когда тебе помогает человек с чувством *ри-итма...* (М. Слонимский, Корней Чуковский) и т. п.

Отражая объективные особенности произношения, повторение гласных букв в подобных написаниях имеет реальную основу, опирается на давнюю письменную традицию, восходящую к текстам древнерусских кондака-

⁸ Ср. пример, где подчеркивается соединительная функция дефиса: «Он непрерывно голосил на букву «а», но так как при этом не переставал бежать, то вместо *плавного «а-а-а-а»* — получалось *икающее и прыгающее «а!а!а!а!»* (В. Катаев, Белеет парус...).

рей⁹, и поддерживается аналогичным приемом в письме других европейских языков.

Иначе обстоит дело с дефисом, который представляет собой собственно орфографическое средство. Последовательное употребление дефиса в анализируемых написаниях противопоставляет русскую орфографию, с одной стороны, польской и чешской, где нормой является слитное написание повторяющихся гласных¹⁰, а с другой — болгарской и, например, немецкой, где в тождественных случаях наблюдается разноразной дефисных и слитных написаний¹¹ и, следовательно, единый принцип отсутствует и норма не выработана¹².

⁹ Ср.: Б. А. Успенский. Древнерусские кондакари как фонетический источник (преимущественно на материале «Типографского Устава» XI—XII вв.); «Кузнецовские чтения — 1970». Тезисы докладов. М., 1970.— Впрочем, если иметь в виду прямую традицию, то это явление еще сравнительно новое. Оно отмечается в русской художественной прозе только с середины 40-х годов прошлого века и связано с общим процессом демократизации литературы и литературного языка.

¹⁰ Ср., например, в польском: — *Reenuu!* (В. Kogut, *Nietopierze*); — *Anieeelciu!* (Там же); — *Ciiii, prosimy o ciszę...* (М. Domański, *Porządek rzeczy*); — *...Ooo, moja pani...* (Там же); *Niee* — *zapiał Widaj* (Там же); — *Cooo?* — *zapytał przeciągłe Paweł* (Там же) и т. п. То же в чешском: — *Óóó?* — *protáh!* (*ten černý* (V. Minač, *Smrt chodi po horach*); — *Oóch!* *zusteňal hajný na zemi* (Там же); — *Už to jděéé...*! — *Dřenicééé!* (J. Morávek, *Přávcí na sázavě*); — *Húú, povzdychl tlumeně Smirnov* (P. Luskáč, *Cíhající stíny*); «Ej, skleničko *ty skleněnááá...*!» (I. Kříž, *Velká samota*); — *At' žije armáda!* — *vykřikl kdosi a ostatní se přidali hurónskym Živijóóó!* *Živijóóó!* *Živijóóó!* (Там же), и т. п. Норма эта, однако, ни в польском, ни в чешском письме не кодифицирована.

¹¹ Ср., например, в болгарском: — *Хеей, народеее!* До вечера в стаята на космонавтите ще има телевизия. Който иска, да *заповядааа!* Хайде, *хадеее!* (И. Остриков, *Космонавти*); — *Ъъъ!* — изръмжа глътният учител (О. Василев, *Романи*); — *Хо-хо-хооо!* (Там же) и т. п., хотя наряду с ними используются более обычные дефисные написания: — *Хайде-е!*.. Мина му на *момче-ето!* (Там же); — *Майчице-е!* Не ме давай *майчице-е!* (Там же); — *Пфу-у-у, бандит!* — изруга го полицаят (Х. Стойков, *Момчето Стълъбите*); — *У-у-у!* — извикаха те на подбив (Там же) и т. п. Ср. также в немецком написания *nei-ein* и *neiiiin*, *haIIo-o* и *haIIooo*, *ni-icht* и *niiiiicht*, *wa-as* и *waas* и т. п.

¹² В современном русском письме бездефисное, слитное написание повторяющихся гласных встречается в отступление от фактической нормы только как единичное, индивидуальное явление. Ср., например, в русском тексте книги К. Воннегута «Утопия 14» («Библиотека современной фантастики», т. 12. М., 1967) в переводе с английского м. Брухнова такие случаи, как: — *Эээ?*.. — сказал

Тот же прием — дефисное написание повторяющихся букв — используется обычно и для передачи геминации согласных. Ср.: Вера переглянулась с Лидой. — *Одн-на-ко!* Довольно-таки по-суворовски! — сказала она, поднимаясь (В. Вересаев, Без дороги); — Все это *оч-чень* странно! (Ю. Бондарев, Тишина); Это тогда девицы говорили: «Люблю чекистов — они такие *н-н-нервные!*» — через несколько «н» (И. Гуро, И мера в руке его); — Ишь ты... чего надумал, *с-с-с-с-сужин* сын! А? (М. Алексеев, Ивушка неплакучая); — Куда попали, *бож-же* мой! (Ю. Бондарев, Тишина); — Какая я *т-те* к шуту мамаша? (Там же); — *Эт-то* что такое! — закричал Касацкий (Ю. Крымов, Танкер «Дербент»); — *От-т* несчастье! — едко прищурился Котельников (Там же); — Ну-к что ж, судите, разве я против? *Пож-жалуйста!* (Там же); — *Ч-черт!* — говорил шофер, испуганно улыбаясь... (Ю. Бондарев, Тишина); — Стой! *К-куда*, дьявол! (Горький, Экзекуция); — *Тиш-ше*, черт! (Горький, Орел); — *Вор-ры!* — визжал плотник (Там же); — *Дел-лай!* — свирепо кричал Денежкин плясуну (Горький, Бык); — *Кр-р-ру...хом!* (В. Катаев, Белеет парус...); — Что же вы стоите, *бал-л-л-ваны?* Вперед! Обыскать катакомбы! Головы посрываю, мор-

доктор Додж; — *Шагооом!*; — *Наа-лее!* — прокричал громкоговорятель. — *Наа-лее-лее-лее-лее...*; — Вы только поглядели бы на бармена, — радостно сообщил Гаррисон. — *Аааа...* Ну ка, расскажите, и др.

Единично, по-видимому, на путях поисков подобные написания возникали и в русской орфографии XIX в. Ср.: — Какой же ты был душка! — *Чмоок! Чмооок! Чмоооок! Чмооооок!* (Н. А. Некрасов, Жизнь и приключения Тихона Тростникова); — ...Эй! держи, лови! хорошенько его, хорошенько! береги, *Ванюхаааа!* (Н. А. Некрасов, Тонкий человек...); — Что, какво, брат? — спросил князь Хлопакова. — Что ж? известно, *рррракалиооон*, как есть *рррракалиооон* (Тургенев, Лебедянь); — Покажите мне... *Ооооо! о! ооооо!* — слышался его прерываемый рыданиями, испуганный и покорившийся страданию стон (Л. Толстой, Война и мир); — *Урааааа!* — зашумело по лесу... (Там же); — *Ааа!* — промычал Вронский, схватившись за голову, — *Ааа!* что я сделал! — прокричал он (Л. Толстой, Анна Каренина); Сидит смирно и, подперев щеки, воет: «*Скууууучно*» (А. Н. Толстой, Детство Никиты.)

Возможно также индивидуально-авторское объединение обоих типов написаний. Так, например, В. Колыхалов («Июльские заморозки») использует дефисную связь в первом повторении и бездефисную — в последующих: — *Сюда-аа!* Шатун унес *женцину-уу!*; ...*Э-ээ*, думаю...; «Быть может, ты *за-абы-ыыыла* мой номер *телеф-ффо-ооона...*», и мн. др. под.

-р-р-бы р-р-р-раскршшу к чертовой матери! (Там же); Встретили нас у клуба, захлопали, закричали: — Ур-р-р-ра-а-а! (Н. Ляшко, Доменная печь); — Н-но! — крикнул он, как заправский возчик (С. Никитин, Как разжечь сырые дрова) и т. п.

Однако проводится этот принцип не вполне последовательно. В современной письменной практике встречаются и слитные написания повторяющихся согласных. Ср.: Поет, строя смешные рожи: «Господин *гор-родо-ввой!* Будьте вежливы со мной» (Горький, Мальва); — *Урра!.. рра!* (Ф. Гладков, Цемент); — Разве же не так, хлопцы? Не так я говорю, друзья мои? — И толпа потряслась одним вздохом: — *Ппррално*, козаче... так точно! (Там же); — *Урра-а!* — радостно заорали подольцы (С.- Ценский, Севастопольская страда); «*Э-эхх*, грудью Маша д'нездорова, Сама чуть жива...» (Там же); — *Смирррна-а-а!* (М. Алексеев, Ивушка неплакучая); Степка с ожесточением плюет. — Фу, *ччерт!* Поднесло этого Юхима! (А. Бибик, Во чреве кита) и т. п.¹³

Можно думать, что непоследовательность в этой группе написаний поддерживается неустойчивостью аналогичных написаний в междометиях и звукоподражаниях, где обычны повторения согласных¹⁴. Впрочем, и в этой категории слов в настоящее время сквозь всю непоследовательность и колебания живой письменной практики отчетливо пробивается тенденция к разграничению слитных и дефисных написаний. Первые закрепляются за междометиями и звукоподражаниями типа *Мм*, *Тпrr*, *Брр*, *Сс*, *Шш* и т. п. с сочетаниями согласных в постоянном, стабильном их составе; вторые используются преимущественно для передачи геминации согласных в случаях типа *Ф-фу*, *Уф-ф*, *Кш-ш*, *Бр-р-рысь*, *Х-ха* и т. п. Слитные написания обычны

¹³ В старой русской орфографии такие написания имели более широкое распространение. Ср., например, у Чехова: — *Пррава!* — кричал во все горло Самойленко... («Дуэль»); — *Беррегись!* («Драма на охоте»); — ...*Лладно-с* ... увидим-с! («Безнадежный»); — *Хоть вешайся, черрт* (Там же); — *Экая дуррында*, прости господи!.. («На чужбине»); — *Ввоо!* Самая суть заговорила!.. («Свистуны»); — *Пантелле-ей!* — крикнул кто-то впереди («Степь») и мн. др. под. Показательно, что слитные написания гласных Чехов использовал только в междометиях.

¹⁴ Подробный список русских междометий с различными фонетическими вариантами можно найти в кн.: А. И. Германович. Междометия русского языка. Киев, 1966.

сейчас также в звукоподражаниях типа *вжжжж*, *взз*, *фрр*, *хрр*, *трр*, *дрр* и т. п.¹⁵

Следует специально подчеркнуть, что слитные и дефисные написания одних и тех же слов не противопоставляются друг другу и должны рассматриваться как собственно орфографические варианты, не имеющие никакой различительной функции. Написания в таких парах, как *нно* и *н-но*, *ннет* и *н-нет*, *нну* и *н-ну*, *дда* и *д-да*, *ладно* и *л-ладно* и т. п. (ср.: — *Ч-черт!* — произнес Санька, плюнув. — А. Бибик, Во чреве кита; и здесь же: — *Фу, черт!* Поднесло этого Юхима!¹⁶), не передают каких-либо различий в произношении, смысле или ситуации¹⁷ и вместе противопоставляются написаниям с многоточием типа *н...но*, *н...нет*, *н...ну*, в которых также имеет место повторение согласных, но иного типа и в иных условиях. Ср.: — Вы шалили? — *Н...нет* (Гарин-Михайловский, *Детство Темы*); — *Господи пом...ми...луй!* (Н. А. Некра-

¹⁵ Орфография междометий заслуживает специального исследования как в плане современного ее состояния, так и с точки зрения исторического развития.

¹⁶ В отличие от отношений в таких, например, парах, как *нда* и *н-да*, *жда* и *ж-да*, *гж* и *г-ж* и т. п., вторые члены которых используют дефис в совершенно необычной для него функции — указания на продление согласных и, следовательно, вполне эквивалентны написаниям *н-нда*, *м-жда*, *гж-м*. Ср.: — *Н-да*, — протянул Табола (А. Аваньев, *Танки идут ромбом*); — *Н-да*, — протянул командир (С. Алексеев, *Злая фамилия*); — *М-жда...* — хочет сказать он (К. Федин, *Братья*) и под.

¹⁷ Однако внешнее (в данном случае — графическое) несемантизированное различие имеет потенциальную возможность искусственной семантизации. Эта возможность действительно используется пишущими. Но поскольку, с одной стороны, указанным графическим различиям не может быть приписано никакого языкового значения, а с другой стороны, поскольку те, кто реализует эту возможность, действуют соответственно законам искусства, в котором они творят, различия между слитными и дефисными написаниями используются ими не просто как искусственные знаки, но как знаки изобразительного, иконического характера (ср.: Ю. М. Лотман. Структура художественного текста. М., 1970, стр. 31). Именно так следует, очевидно, понимать нередкие у разных авторов случаи сознательного со- и противопоставления дефисных и слитных написаний повторяющихся букв. Ср., например: Директор выходит вперед и, словно из детского пистолета, коротко стреляет: — *Ура!* — *Уррра-а-а-а!!!!* Коридор сотрясается. Директор еще раз: — *Ура!* — *Уррррааааа!!!!* (Л. Кассиль, *Ковдуйт*). Ср. с этим «экспериментальные» написания Маяковского в поэме «150 000 000»: *Идем! Иде-е-е-е-е-е-е! Идемидем! Скорей! Скорейскорей!*»

сов, Жизнь и приключения Тихона Тростникова); Дядя поднял голову и, словно только что проснулся, повел кругом глазами. — Э...э... Что это? — спросил он... (В. Вересаев, Без дороги); — *Развес...о...оо...лая бе...с...бе...е...се...* — распевал мужик с счастливой улыбкой (Л. Толстой, Война и мир); — Ты ничего не видал, ничего не слышал. Понял? — *П...п...понял*, — с трудом выдавил из себя Павлик (М. Алексеев, Ивушка неплакучая); — Как деревню-то сказывали тебе? — *М..Можей...Можева* (В. Слепцов, Питомка) и т. п., где многоточие, в отличие от дефиса, указывает не на усиление, а напротив, на ослабление, вялость, задержку или даже перерыв фonnации в связи с такими внутренними состояниями говорящего, как страх, нерешительность, сомнение, сонливость, опьянение и т. д.

Противопоставление дефиса и многоточия в подобных случаях оказывается, однако, недостаточно последовательным: нередко пишущие используют дефис как универсальный знак, возлагая функцию разъяснения ситуации целиком на вторичные, описательные средства. Ср.: — ... Покойница сама вас, как вы ушли, хвалила в этом смысле. — *Д-да?* — *промямлил* Версиков, мельком взглянув наконец на меня (Достоевский, Подросток); — Он ведь тоже погиб, ты, наверное, знаешь, — сказал Данилов. — *Н-нет*, — *медленно, через силу проговорила* Антонина. — Я ничего не знаю. Неужели и он? (С. Никитин, Ради жизни); — *П-п-почему* рыжие? — *пролетел* Рин (В. Фирсов, Бессмертие для рыжих); — Когда это было? — *Н-ну...* месяца три назад (В. Мелентьев, Разорванная цепочка); — Да в чем дело? Объясни же! — *Н-не могу!* — *прошептал* он, в самом деле едва удерживаясь, чтобы не объяснить всего (А. Иванов, Вечный зов); — Ты, Сережа, Валеру случаем не знаешь? — Какого Валеру? — Ну, того, что с Анатолием дружит? — *Н-нет*, Семен Митрофанович, вроде у Толика никакого Валеры в корешах не водится (Б. Васильев, Самый последний день); — *М-маша*, — *бормочет* цилиндр, бледнея. — *Скорей...* — Чего тебе? — *Домой желаю... Скорей...* — *Погоди...* Потемнеет, тогда и пойдем, а теперь совестно идти: качаться будешь... Сиди и жди... — *Н-не могу!* Я... я домой... (Чехов, На гулянье в Сокольниках) и т. п. Ср. также случай, где без всякой мотивировки использованы все возможные приемы: Но в этот момент перед полковником упал на колени Куприян

и сквозь слезы залопотал: — *Вв...вашескор... Ни-не виноват!* (А. Бирик, Первый первомай)¹⁸.

Прием повторения букв, используемый в аналогичных целях многими письменными системами, в русском письме — в связи со специфическими особенностями его графики — сталкивается с некоторыми трудностями и оказывается источником ряда орфографических проблем. В общем виде — это проблема выбора гласной для повторения; неизбежно вытекающая из факта парной группировки гласных букв русского алфавита и — в зависимости от специфики разных таких пар — получающая различные решения¹⁹.

¹⁸ Показательно, что в прежней письменной практике неоднократно обнаруживаются попытки использовать многоточие в качестве разделительно-связующего знака в повторах. Ср.: — Эй, Гришка! — Ге...е!.. — отозвался приемыш на макушке (Д. Григорович, Рыбаки); — А что, дядя Сысой, — молвил Федос, — вестимо, чай, жутко ему будет?.. Так выпарят...и!..и!..и!.. Господи упаси!.. (Д. Григорович, Деревня); — ...Эх, барин, сказал бы я вам... да млады вы суть — вот что. Дела тут подошли такие, да *и...и...и!* (Тургенев, Степной король Лир). Ср.: — ...И Слеткину дайте знать, что я ему приказываю ко мне явиться... Слышите? *При...ка...зываю!* (Там же), где многоточие эквивалентно дефису как знаку слогаделения при скандировании в целях подчеркивания. Ср.: — Всех ненавижу! Давно ненавижу! Я знаю, что меня ожидает. Потому и говорю — *не-на-ви-жу!* (С. Крутилин, Липяги); — Скоротечный рак, и *ни-че-го* нельзя было сделать (Ю. Трифонов, В грибную осень) и т. п.

Следует отметить, что в практике нашей печати недостаточно последовательно различаются многоточие как знак разрыва фразы и многоточие как знак разрыва слова: во втором случае многоточие и продолжающаяся часть слова не должны разделяться пробелом. Требование это, однако, не всегда последовательно соблюдается. Ср.: — Поднимайтесь, вам говорят! — будил он меня... — *А... а... а...* здравствуйте, господин Щур! (Чехов, Драма на охоте), где должно быть: *а...а...а*. Ср. также приведенный выше пример из Тургенева.

Для междометий однофонемного состава, поскольку растяженные единственного их гласного может рассматриваться и как повтор или удвоение слова, использовалась также и запятая. Отсюда варианты: *уу!* — *у...у!* — *у, у!* — *у-у!* или *оо!* — *о...о!* — *о,о!* — *о-о!* и т. п. Ср.: — Батюшки, господи! Что их? Что их? *А,а!* Ахти! Вот так диковина!.. (Н. А. Некрасов, Тонкий человек); И собака, да какая собака: словно баран! *У!у!у!* (Там же); [Руперт] *О,о!* нельзя ли потише... (Н. А. Некрасов, Шила в мешке не утаишь); — *О, о!* — засмеялся Цветухин, — вы будете опасной женщиной (К. Федин, Первые радости); — *Э!э!* Бештаный рак! (К. Федин, Братья); — *А,а...* Верочка!.. (Гладков, Цемент) и т. п. Написания такого типа противоречат современной норме.

¹⁹ В отношении согласных такого рода затруднений не возникает. Единственное, что здесь следует указать, — это обозначение

1. В отношении буквенных пар *а — я, у — ю* эта проблема легко и однозначно решается для первых их членов на основе принципа механического повторения, тогда как для вторых — обнаруживается два возможных решения, каждое из которых оказывается по-своему противоречивым.

Избирая прямое механическое повторение букв *я* и *ю*, что является как будто неоспоримым достоинством, так как обеспечивает последовательное проведение единого принципа для обоих членов каждой пары, мы получаем буквосочетания *я-я, ю-ю* (при слитном написании — *яя, юю*, что не меняет, а, напротив, усугубляет положение), вторые элементы которых, вопреки графической позиции («после раздела» или «после гласной буквы»), должны выступать в совершенно необычном для них значении: не как знаки гласных [а] и [у] в сочетании с предшествующим [j] и уж, конечно, не как знаки гласных [а] и [у] с мягкостью предшествующего согласного, а как дублиеты гласных букв *а* и *у*.

Фактически мы имеем здесь дело с особым, третьим значением йотированных гласных букв, которое до сих пор учитывалось лишь для букв *е* и *и* и которое еще более увеличивает условность русской графической системы. В написаниях типа *Ваня-я, моя-я, рублю-ю, змею-ю* это значение может опознаваться лишь по дефису, который в подобных случаях приобретает функцию своего рода графического «бекара», отменяющего действительно «двезное» значение последующих йотированных гласных букв:

-Я ≠ 'А ≠ ЙА = А, т. е. -Я = ' А = ЙА = А

-Ю ≠ 'У ≠ ЙУ = У, т. е. -Ю = ' У = ЙУ = У

геминированного [j], т. е. обозначение сочетания [jj]. Поскольку первый [j] в этом сочетании находится перед согласным, то единственно возможным и правильным средством его обозначения оказывается буква *й*, независимо от того, как обозначается второй [j] этого сочетания. Ср.:— ...Подъ *домой-й!*.. (Чапыгин, На лебяжьих озерах);— Он ему яду подсыпал.— *Й-я-аду?* (В. Гольцов, Охотнички);— *Йя* сделаю (Р. Ребан, Прорва). Подобные случаи встречаются, однако, очень редко. Значительно чаще такой «супер-йот» обнаруживается в усилительных междометных повторах типа *ай-яй, ой-я-й, ой-е-ей* и под.

Но различительная сила этого знака, и без того перегруженного значениями, крайне невелика и, удовлетворяя пишущего, оказывается недостаточной для читающего. Получателю текста приходится поэтому опираться на иные, главным образом — смысловые, показатели. Понимание, следовательно, достигается, но не благодаря графике, а вопреки ей. Ср., действительно: — ...Верочка, спеть тебе серенаду Шуберта? (Поет.) «Пе-еснь моя-я-я...лети-ит с мольбо-о-о-ю...» (Чехов, Заблудшие); «Я вечер в лужках гуля-яла!..» — затянул он, делая рот ижицей (Бунин, Мелкопоместные); — Не пущай, ребя-я!.. — кричали вслед Креню (А. Чапыгин, Белый скит); Парни кричали и упрашивали: — Не ходи, Ваган! — В пенусу без тебя запутаем-я-я!.. (Там же); — А кто это распорядил-я-я? — вопила она. — Три часа еще свету-у!! А птица недогули-инны-я-я!! (А. Мирер, Главный полдень); — Я-я-яблоко не убе... (Д. Биленкин, Космический бог); — Этак-то было у нас две машины, да на одной работал шофером мезенский, а мезенские — пья-яницы (Ю. Казаков, Северный дневник) и т. п.

Кафтанов хлестал и хлестал ее, выкрикивая: — С-сука мокрозада! На малосольное потянуло? Убью-ю!.. (А. Иванов, Вечный зов); — Да вы с ума... Уберите змею-ю-ю!.. (Д. Биленкин, Космический бог); — Тю-ю... — сказал я, а больше ничего не мог сказать (М. Анчаров, Сода — солнце); — Я было хотела улыбнуться, да вспомнила про баркаролу и обошла его, будто не замечая. И сразу услышала насмешливое: «Тю-ю? А мне нули?» (Е. Долинова, Отправляемся в апреле); Мокрый снежок хлопнул в спину Стомолицкого. — Фью-ю! Наяривай! Муштровщик!.. (Л. Кассиль, Конduit) и под.

Очевидно, что пары типа *линя-я* [л'ин'áа] (ср.: *линь*) и *линяя* [л'ин'áйъ] (ср.: *линять*), *горю-ю* [гар'úу] (ср.: *гореть*) и *горюю* [гар'úйу] (ср.: *горевать*) с графической точки зрения противопоставлены очень слабо и образуют своего рода графические паронимы ²⁰.

²⁰ Однозначному пониманию написаний типа *горю-ю*, *линя-я* препятствует еще одно обстоятельство. На восприятие их читающими накладывается «шум» от внешне сходных, широко распространенных (хотя и ненормативных) написаний усилительных междометий типа *а-я-яй*, *о-е-ей* (*о-ё-ёй*), *у-ю-юй*, которые читаются по флоговому принципу.

Очевидно также, что прием слитного написания повторяющихся букв, будь он принят в русском письме, не обеспечивал бы даже минимального разграничения такого рода пар и создавал бы непреодолимые трудности для понимания письменного текста²¹. Таким образом, невозможность слитного написания для букв *я* и *ю* (а также *е*) и, следовательно, необходимость дефисного написания этих букв в соответствующих случаях оказываются внутренне, системно обусловленными²². Но, невозможный для трех гласных букв, этот прием оказывается тем самым неприемлемым и для всех остальных. Неизбежно отвергнув его и ограничив соответствующие дефисные написания, живая практика пишущих стихийно пришла к нормализации третьего, наиболее удобного решения этой проблемы.

Решение это состоит в том, что растяжение гласных [а] и [у] во всех случаях обозначается дефисным написанием букв *а* и *у*, независимо от того, какие буквы используются для их первичного обозначения. Нарушая единство принципа «механического повторения» (буквы *а* и *у* повторяются: *беда-а*, *иду-у*, тогда как *я* и *ю* — нет: *моя-а*, *землю-у*), этот прием обеспечивает единство выбора и, не вступая в противоречие с произношением, отвечает требованиям легкости чтения и не затрудняет письма. В то же время — и это самое важное — он сохраняет без нарушений слоговой принцип русской графики и соответствует фонематическому принципу русского письма. Ср. обычные, фактически нормативные написания рассматриваемого типа:

— *Хозя-айтсуй!* — еще раз сердито повторил мельник (В. Вересаев, В сухом тумане); — *Дитя-а*, ты чего там? (А. Чапыгин, Лесной пестун); — *Я-а ту-у-т!* (Там же); — *Иди-и*, не бойся-а! (А. Чапыгин, Послуга); — *Савось-*

²¹ Не случайно, что все зафиксированные в русском материале слитные написания содержат повторение только *н* *е* *й* *о* *т* *р* *о* *в* *а* *н* *н* *х* букв.

Чтобы оценить опасность такого рода написаний с йотированными буквами, следует, видимо, учесть, что создаваемые в них буквосочетания *яя*, *юю*, *ее* сталкивались бы с такими же сочетаниями нормального слогового типа, имеющими в русском языке весьма высокую информационную нагрузку. Для этих последних принцип «я — не-я!» мог бы сыграть роковую роль.

²² Это должно быть справедливо по отношению к любой графической системе с йотированными гласными буквами. Ср. охарактеризованное выше положение в болгарском письме, где используются слитные написания, но не с йотированными буквами.

я-ан... (Л. Леонов, Петушихинский пролом); — *Взя-али!* (И. Симонов, Охотники за сказками); — *Аня-а! Аня-а-а!* (Ю. Яковлев, Река); — *Мать ты моя-а!* (Н. Ляшко, Доменная печь); — *Мамка, — ты?* — *Я-а...* (Горький, Страсти-мордасти); — *Бабы!.. Давай лестницу! Бочку сюда! Раз-два, взя-али!* (Г. Троепольский, В камышах) и мн. др.

—...*Креня бяю-ут!* (А. Чапыгин, Белый скит); —... все *куплю-у* (А. Чапыгин, На лебяжьих озерах); — *Убью-у!* (Г. Троепольский, В камышах); — *Лю-уди!* Люди-и! На помощь! (Ю. Бондарев, Тишина); — *Тю-у* на тебя! (Н. Ляшко, Доменная печь); — *Ну-у, Лю-убочка!* — протянула Мэри Григорьевна (Р. Зернова, Бронзовый бык); Когда щелкнуло в трубке и женский прокуренный голос пропел «*алю-у*», он попросил: — Мне Нину Александровну... (Ю. Бондарев, Тишина) и мн. др.

Очевидно, эта фактическая норма и должна быть кодифицирована ²³.

2. Можно было бы ожидать, что в написаниях с буквами *э* и *е* отношения складываются сходным образом.

²³ Это позволит устранить пока еще спорадически появляющиеся написания типа *Ваня-я, люблю-ю*, а также единичные гибридные написания типа *Ваня-я-а, люблю-ю-у*, ср.: — Кабы не судили Власихина — вот он был бы *судья-я-а!* (С. Залыгин, Соленая падь); — Спаси, го-о-споди, лю-уди твоя и благослвси *достоя-я-ание* твое... (В. Катаев, Белеет парус..., 39), так как кодификация превратит их из неудобных в ошибочные и недопустимые. Что же, спрашивается, вызывает их к жизни?

По предположению Л. В. Степанченко, чье внимание было привлечено к этой проблеме (см.: Л. В. С т е п а н ч е н к о. Еще раз о мягкости согласных перед <э>. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1971), в отличие от написаний типа *я-а, ю-у*, написания *я-я, ю-ю* представляют своего рода фонетическую транскрипцию, отражающую продвинутость растянутого гласного к переднему ряду (стр. 277). Едва ли это справедливо: «рядные» вариации гласных в норме не воспринимаются русским языковым сознанием. Не случайно поэтому, что Л. В. Степанченко в конце концов склоняется к иному объяснению: «Написания *-я-я-я, -ю-ю-ю...* должны свидетельствовать, что протягивается та же единица, функционально сама себе равная на всем протяжении, а ее позиционные оттенки в расчет не принимаются» (стр. 278). По существу это признание принципа механического повторения буквы.

Кроме того, следует учитывать до сих пор еще сохраняющие силу массовые заблуждения насчет йотированных гласных букв, их звуковых значений и отношений с нейотированными парами. Ср. у С. Ценского: «...могучее пение молитвы: Спаси, го-осподи, лю-юди твоя-я // И благослови достоя-я-яние твое-е... Это «я-я-я», звучавшее, как *полногласное «а-а-а»*, буквально сотрясало воздух... («Севастопольская страда»).

Однако, как известно, буквенная пара *э-е* отличается от пар *а-я*, *у-ю*, и потому проблема обозначения растянутого [e] получает иное решение.

Действительно, следуя рассмотренному выше принципу единства выбора, мы получаем написания *э-э*, *е-э*, первое из которых отвечает также принципу механического повторения буквы.

Если учесть, что написание *э-э*, не нарушая контекстных ограничений, накладываемых на употребление буквы *э* в русском письме (в начале слова, после гласных, кроме *и*, и после согласных в словарном порядке), соответствует произношению и не создает отступлений от фонематического принципа, то станет очевидной его полная жизнеспособность. Ср.:— Эх, ножки мои, больные, стуженые! Э-эх! (Чехов, В степи); — ... Другой бы — э-эхма! (Горький, На плотях); — Э-эй, зипун, подходи! (Л. Леонов, Петушихинский пролом); — Э-э! поздно хватились (П. Ляшко, Доменная печь); — Э-э, идиот,— сказал он, сплюнув (Ю. Бондарев, Тишина) и мн. др.

Ср. также в случаях перехода на «транскрипцию»: Говорил он, слегка откинув назад голову и уснащая речь сочным генеральским «*мнэээ...*»:— Н-да-с, может быть, желаете *мнэээ...* водки выпить и закусить? *Мнээ?* (Чехов, Драма на охоте);— ... а я сейчас наговоренный патрон заряджу да *кэ-эк* ахну!.. (Ю. Казаков, Кабиасы); — *Тэ-э-кс!*— зловеще протянул инспектор (Л. Радищев, Хлебное дело) ²⁴.

Написание *е-э*, удовлетворяя всем основным требованиям, имеет, однако, один существенный недостаток: необычное для русского письма, оно должно было бы получить относительно широкое употребление, что могло бы отрицательно сказаться в написаниях таких слов, как *рестр*, *диета*, *пиетет*, *гигиенический*, *авиетка*, *пректирывать* и т. п., вырабатывая навык письма по произношению. Поэтому, хотя единичные случаи использования этого написания и встречаются (ср.: Он был выпивши и потому ломался, разводил руками и говорил:— *Не-эт-с*, позвольте.— Бунин, Мелкопоместные;— *Эге-э*, брат,— медленно протянул земский.— Горький, Экзекуция;— Ну, *пе-эт*, говорю...— Н. Ляшко, Доменная печь. Ср. также:

²⁴ Ср.:— *Текс!*— протянул служитель (В. Гиляревский, Колесов).

«*Ме-э-э-э... Ме-э-э-э...*» — как бы обращается она к приезжим. — Е. Дорош, Четыре времени года), они не получили признания и санкции стихийного отбора. Вместо *е-э* массовая практика пишущих избрала написание *е-е*, основанное на принципе механического повторения букв.

Представляя, казалось бы, те же неудобства, что и рассмотренные выше написания *я-я*, *ю-ю*, оно оказывается, однако, более приемлемым, поскольку буква *е* не является точным аналогом букв *я* и *ю* и в паре с *э* не выполняет функции ее вполне маркированного коррелята: в положении после гласных букв *е* может не обозначать [j], а в положении после согласных букв — может не указывать на мягкость соответствующих согласных. Этим и объясняется возможность укрепления этого написания. Ср.:

— *Заче-е-ем?* (Тургенев, Певцы); — *Де-ед?* — окликает учитель... (Бунин, Древний человек); — ... он не станет тебе принимать грех на душу... *Не-ет!* (Чехов, Шило в мешке); — ... Дивная собака! *Ше-ельма*, Милка! (Чехов, Дорогая собака); — *Не-ет*, это ни к чему! (Л. Леонов, Петушихинский пролом); — *Фе-ерт!* — протянул Елков... (Л. Леонов, Конец мелкого человека); — *Не-е-ряха!* — обронил Ваган (А. Чапыгин, На лебяжьих озерах); — *Нале-е-е-е-е-е... он!* (В. Катаев, Белеет парус...); Алеша вынырнул из воды и крикнул дико: — *Це-ень!!!* (Г. Троепольский, В камышах) и т. п.

Следует заметить все же, что в количественном отношении передача растяжения [e] на письме резко уступает всем остальным гласным. Это не может быть случайностью и, надо полагать, объясняется неосознанным стремлением избежать обращения к кажущемуся неудобным или не вполне удобным буквосочетанию *е-е*. Показательно также, что среди имеющих примеры почти совершенно отсутствуют такие, где бы обозначалось растяжение [e] после [j]. Ср. один из редких примеров такого рода: — *Што такое-е?* (Ю. Яковлев, Игра). Очевидно, в соседстве с *е*, выступающей в своем слоговом значении [je], оказывается особенно трудным предотвратить аналогичное понимание *-е*²⁵.

²⁵ Очевидно, что при наличии двух принципов, определяющих строение такого рода буквосочетаний (принципа «механического повторения» для большинства буквенных пар, в том числе и для пары *э-е*, и принципа «единого выбора» — для пар *а-я*, *у-ю*), возможно их взаимодействие, порождающее новые типы буквосочетаний.

3. С буквой *e* связана еще одна орфографическая проблема, вызываемая тем, что *e* используется в русском письме для обозначения [о] после мягких согласных и образует буквенную пару с *o*.

Следуя общему принципу, письменная практика, как правило, использует для обозначения растянутого [’oo] тот же знак, что и для [’ee]. Ср.:

— Да ты глухой, *че-ерт*, что ли? Тьфу! (Чехов, Налим);— *Пойде-ем...*! (А. Чапыгин, На лебяжьих озерах);— *Але-ешенька!* (Л. Леонов, Петушихинский пролом);— *Подъе-ем!* (Г. Троепольский, В камышах); Вдруг крик Захара Макарыча:— *Иде-ет!* (Там же);— *До-омна-а!* *Прише-ел!* (Там же);— *Пошел?*— *Поше-ел!* (Там же);— ... И чего это Митяй запропал? ... А-а! Это он, пожалуй, мясца взять хочет... *Принесе-ет...* (Там же);— *Внере-ед!* (Г. Бакланов, Июль 41 года);— *Вранье это, вранье!*— крикнул я и задохся.— *Вранье-е!*.. «А-о-о!» — ответило эхо (А. Мирер, Главный полдень);— *Сере-ежа-а*, я ничего не понимаю... (Ю. Бондарев, Тишина) и т. п.

Разделяя все достоинства и недостатки исходных написаний, написание *e-e* в подобных случаях выступает как фактически сложившаяся и стабилизировавшаяся норма и именно оно должно быть кодифицировано.

Наряду с ним в живой письменной практике время от времени проскальзывают случайные написания типа *че-орт*, явно ориентированные на произношение и опирающиеся на живое слуховое восприятие пишущего. Ср.:

— Никто меня не *уйме-о-от!* (В. Слепцов, На железной дороге);— Нешто это дело? *Че-орт!*— вразумлял меня другой фабричный (В. Слепцов, Владимирка и Клязьма); ...выругался, застонал и начал кричать:— *Ногу вывихнул, че-орт!* (А. Чапыгин, Белый скит);— *Челон уберите, че-олон!* (Там же);— *Еще-о?*— насмешливо протянул

Для пары *э-е* это должно было бы привести к появлению сочетаний трех типов: *э-э*, *е-е* («повторение»), *э-э*, *е-э* («выбор по первому члену пары») и *э-е*, *е-е* («выбор по второму члену пары»). Любопытно, что теоретически предсказанные сочетания типа *э-е* действительно встречаются. Ср.:— *Давай! Откуда сюда?*— Из Москвы.— *Э-е*, москвич?— Был. Теперь нет (Ю. Бондарев, Тишина). Ср. также следующий пример:— *Э-ей!*— звучным тенором окликает он (Ю. Казаков, Трали-вали), где неясно, как надо читать: [е-ей] или [э-ей]. Ср., наконец:— *Е-ей* богу! (Н. Гарин-Михайловский, Детство Темы), где, очевидно, следует читать [йе-ей].

хозяин... (Горький, Об избытке и недостатках);— А! *Хите-ор!* Хитер! (Р. Ребан, Прорва) и др.

Будучи наполовину фонематичными, эти написания имеют несомненное преимущество перед написаниями с *е-е*. Достоинством их является как будто и то, что они более фонетичны и, следовательно, облегчают чтение. Достоинства эти, однако, оборачиваются недостатками, поскольку написания с *е-о* менее морфологичны и ослабляют навык правописания *е* в соответствующих морфемах, особенно после шипящих. Что самое важное, они нарушают принцип механического повторения букв, который проводится в остальных написаниях такого типа. Исключение, по необходимости допущенное для букв *я* и *ю*, в отношении *е* как знака [о] оказывается неоправданным.

4. Остается последняя буквенная пара — *и-ы*. Для обеих ее членов сложилась уже фактическая норма употребления в рассматриваемой ситуации, основанная на последовательном применении принципа механического повторения букв. Ср.:

— Отошел,— подтвердил плотник.— *И-и-и!* Не роди мать на свет! (В. Вересаев, В сухом тумане);— Витя! *Ви-итя!* (Г. Бакланов, Июль 41 года); Алеша наконец ответил, протянув:— *Ца-ап-ли-и* (Г. Троепольский, В камышах); ... заводил с верхов и все понижал неудержимо, со звериным восторгом и сладострастием, свой крик его кучер: «*Пади-пади-и-и!*...» (Ю. Казаков, Звон брегетта); — Ты *скажи-и-и-и-ка!* — удивился Глухов (С. Залыгин, Соленая падь) и т. п.

— Ребята-а! Выдерни у плотов чалки-и... поезжай *сюды-ы-ы!* (А. Чапыгин, Белый скит);— Акимка изо всех сил закричал:— Закадышный *ты-ы* пьяница-а, ей-бо-о! (А. Чапыгин, На лебяжьих озерах); — Эй *вы-ы!* (Там же);— Он те дунул *бы-ы!* (Там же);— Тихон *Иваны-ыч!*— проснувшись, окликнул Василий Кузьмич (Г. Троепольский, В камышах); ... от станицы плыл тягучий рев:— Вернись, су-кин *сы-ы-ын!* (М. Шолохов, Червоточина); — Дышите свободнее: Вдо-ох — *Вы-ыдох!* (В. Логинов, Дикие камешки); [Преддомком] ... И... и... *вы-ы...* здесь? (В. Маяковский, Баня) и т. п.

На этом вполне однородном фоне особенно резко выделяются написания типа *ты-и* с буквосочетанием *ы-и*, столь широко известные по восклицанию «Эх, *вы-и!*» в

устах деда в «Детстве» Горького и многократно встречающиеся в других его произведениях. Ср.:— И-эх, *ты-и!* («Экзекуция»);— Ух *ты-и!* («Шорник и пожар») и т. п.

В чем же сущность различий между написаниями *ы-ы* и *ы-и*? Представляют ли они собственно орфографическое явление, как в рассмотренных выше парах *я-я* и *я-а*, *ю-ю* и *ю-у*, *е-э* и *е-е*, *е-е* и *е-о*, или выступают как отражение фонетических различий, различий в произношении, или, наконец, соединяют и то и другое? В таком случае, что здесь принадлежит фонетике и что орфографии?

Если исходить из того, что в русском языке «звук *ы* возможен только после твердых согласных и непосредственно после них», что «всякое протягивание *ы* — уже фальшь, так как, удаляясь от своей причины, т. е. от твердой согласной, *ы* стремится принять свой нормальный облик, т. е. *и*», и что [ы] «в пролонгации не соответствует нормам русской фонетики»²⁶, то нужно предполагать, что именно написание *ы-и* отражает реальное (и правильное!) русское произношение. В таком случае использование этого написания представляет собой один из приемов «писательской транскрипции», воспроизводящей некоторые особенности живого произношения, тогда как написание *ы-ы* есть написание орфографическое, условное, не ориентированное на произношение и не зависящее от него. При этом, разумеется, написание может не совпадать с произношением, может решительно противоречить произношению, но может и вполне соответствовать ему, что, однако, не имеет значения, так как выбор написания осуществляется по другому принципу. Именно так, по-видимому, и обстоит дело в данном случае.

Написание *ы-ы*, соответствующее основному принципу обозначения растяжения гласных — принципу механического повторения букв, имеет широкое, массовое распространение и используется в качестве стихийно отобранный фактической нормы. Написание *ы-и*, напротив, имеет крайне ограниченное в масштабах общерусского письма, единичное или индивидуальное применение, выступая в качестве транскрипционного средства²⁷.

²⁶ А. А. Реформатский. Речь и музыка в пении. «Вопросы культуры речи», вып. I. М., 1955, стр. 189.

²⁷ Показательно, что, например, А. Чапыгин, последовательно использующий написание *ы-ы* (см., в частности, приведенные выше примеры), в одном случае прибегает к *ы-и*, когда передает выкрик

Вывод этот, если он справедлив, имеет исключительно важное значение, поскольку — разумеется, вместе с остальными обсужденными выше фактами — позволяет обобщать понимание рассматриваемых в настоящей статье написаний как написаний собственно орфографических, подлежащих ведению и в полной мере заслуживающих внимания орфографической науки, до сих пор пренебрегавшей ими.

Эти написания орфографичны, поскольку передают не произношение (хотя отчасти и соответствуют ему), а определенный тип речи в определенных речевых ситуациях. Они орфографичны и так же принадлежат орфографии, как, например, написания типа *кажнѳый*, *колидор*, *рази*, *делов*, *скидавать* и т. п., которые отличаются от обычных и общеупотребительных *каждѳый*, *коридор*, *разве*, *дел*, *скидывать* или *снимать* своим фонемным и морфемным составом или значением, а не способами графического обозначения фонем. Таким образом, написания *воды* и *воды-ы*, *мне* и *мне-е-е*, *вся* и *вся-а*, *горю* и *горю-у* соотносятся так же, как *каждѳый* и *кажнѳый*, *коридор* и *колидор*, с той только разницей, что члены двух последних пар обнаруживают территориально-диалектные или стилистические различия в составе фонем, а члены первых четырех пар — различия типов речи на субфонемном уровне ²⁸.

глухонемой девушки: Немая завѳыла тонко и обидчиво: — *Гы-и-и-и...*; За ним тоскливо и обидчиво скулила немая девка: — *Гы-и-и...* («На лебяжьих озерах»). Совершенно очевидно, что у Чапыгина это написание используется как средство «писательской транскрипции». То же в приводимом далее *ны-и-лалѳи* из распѳева духовного стиха в транскрипции Л. Леонова («Петушихинский пролом»).

Из сказанного следует, что там, где пишется *ы-и*, реально произносится [ы-и], или, если записать точнее, [ы-ы^И-и^И-и]. Однако неизвестно, насколько широко и повсеместно ли распространено такое произношение. Ряд авторов оспаривает его обязательность даже для пѳеня, хотя в прошлом оно было именно таковым (см.: М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 60, сн.). По наблюдениям автора, в современном пѳении пролонгация [ы] в виде [ы-ы...] имеет чрезвычайно широкое распространение. Возникает вопрос: не сыграла ли и здесь известную роль установившаяся орфография?

²⁸ Материальный субстрат этого явления создается сложной совокупностью антропофонических признаков (среди них: прерывистая интонация, сила, длительность, мелодика, тембр звука и др.), которые заслуживают самого пристального изучения. О некоторых наблюдениях на этот счет см.: Г. Г. П о л и щ у к. Роль

Эти написания орфографичны, и как таковые они могут иметь неорфографические варианты, возникающие непреднамеренно как орфографические ошибки или создаваемые сознательно, в специальных целях и с расчетом на определенный художественно-стилистический эффект. Ср.: —Тетка! — *Че-а-во?* (Тургенев, Петушков); — Вам говорят по-челазчески: вашш... билеты! *Па-а-трудитесь!* (Чехов, Ну, публика!); — ... А нынешний, как прослышит что, норовит съездить потихоньку, быстро, чтоб никто не видал и не знал.... *Па-а-теха!* (Чехов, Шило в мешке); — *Па-а-дайте*, дяденьки... (Л. Леонов, Петушихинский пролом); «А-а ишоо по-омяни, о-осподи-и, // *Та-а-во* кня-азя *бла-авернаа-ва...*» (Там же); «*Па-а-шла* плясать, — // Скидавай опорки!..» (Там же); — Через три минуты у вас начнутя *ба-а-льшие* неприятности... (М. Анчаров, Сода—солнце); — *Па-а-длец!* — стонал Корнев (Н. Гарин-Михайловский, Детство Темы); — Лицом *внис-с!* Руки за гол-лову! (А. Мирер, Главный полдень) и т. п.

В приведенных только что примерах типа *па-а-дайте*, *ба-а-льшие*, *па-а-шла*, *та-а-во* и др. есть нечто противоречащее общепринятым орфографическим нормам. Но это нечто — отнюдь не дефисное повторение букв, а выбор букв, которые повторяются, или, например, написание буквы *а* вместо *з* в слове *та-а-во*. Что касается повторения, то оно, хотя пока и не признается²⁹, является вполне нормативным. Дело, следовательно, за тем, чтобы признать его. Для этого имеются все основания.

У этого явления есть свой собственный, строгий и логичный принцип, находящийся в непосредственной зависимости от системных особенностей русской графики и согласованный с основным — фонематическим — принципом русского письма. Этот принцип действует. Он определяет выбор одних и отвержение других написаний. Он определяет их хронологическую и стилистическую дифференциацию. Он существен.

На его основе сложилась и прошла проверку в массовой письменной практике живая орфографическая норма,

интонации в дифференциации омонимичных языковых единиц. «Русская разговорная речь». Саратов [СГУ], 1970.

²⁹ Ср. точку зрения В. П. Григорьева, считающего такие написания сознательными писательскими «ошибками», «писательской транскрипцией» (см.: В. П. Григорьев. Язык, орфография и писатель. «Орфография и русский язык». М., 1966, стр. 122—123).

для полного и безусловного соблюдения которой настоятельно необходима официальная кодификация.

Соответствующие кодификационные правила можно было бы предварительно (для обсуждения) сформулировать следующим образом:

1. Продление гласных и усиление согласных звуков, происходящее в некоторых речевых ситуациях (в аффективной, экспрессивной и эмоциональной речи, при ироническом переспросе и утверждении, в командах, при окликах и призыве, при распеве в пении и др.), обозначается на письме повторением соответствующих букв, которые отделяются друг от друга и соединяются друг с другом при помощи дефиса.

2. Исключение составляют буквы *я* и *ю*, вместо которых при повторении пишутся буквы *а* и *у*.

3. Количество повторений является произвольным, но, как правило, не превышает четырех-пяти.

4. Постановка дефиса подчиняется особым правилам.

Их формулировке, однако, должно предшествовать специальное предварительное обсуждение, поскольку употребление дефиса в анализируемых написаниях оказывается не во всем однозначным и определенным и представляет специфическую проблему.

Если выделить сразу же то, что является здесь безусловным и не имеет второго решения, — а это постановка дефиса между повторяющимися буквами, то будет очевидно, что затруднения могут быть связаны с двумя графическими позициями дефиса: это позиция перед первой из повторяющихся букв не в начале слова и слога и позиция после последней из повторяющихся букв не в конце слова и слога.

Очевидно, что внутри слога обе эти позиции являются запретными: постановка дефиса в них невозможна, так как она приводила бы к ничем не оправданному и не имеющему никакой опоры в реальности разрушению слога. Таким образом, в слогах типа *да* в односложных словах и в составе неодносложных слов растяжение гласного может быть передано написанием *да-а*, но не *д-а-а*, а усиление согласного — написанием *д-да*, но не *д-д-а*. Аналогично для слогов и слов типа *он*—*о-он*, но не *о-о-н*, и равным образом — *он-н*, но не *о-н-н*; для слогов и слов типа *вор* — *во-ор*, но не *в-о-ор*, не *во-о-р*, не *в-о-о-р* и *в-вор* или *вор-р*, но не *в-в-ор*, не *во-р-р*, не *в-в-о-р-р*.

Это могло бы показаться чем-то само собой разумеющимся, и об этом не нужно было бы говорить, если бы такого рода неправильные написания не встречались бы в живой письменной практике, и притом как широко распространённое явление. Ср.:

— *Д-а-а*. Не любит медведь многолюдства и суеты (Э. Шабаев, Сорок братьев); ... услышал захлебнувшийся выкрик:— *М-а-а-а...* (В. Белокрылов, Под солнцем покоя нет);— Газ, *з-а-аз*, передай дальше (Э. Ремарк, На западном фронте без перемен);— «Вниз по маатушке... па-а-а *В-о-о-о...*» — «Па-а *В-о-о-о-аге...*» — подхватил хор (Чехов, Драма на охоте); — Выручай, *ми-а-ая!* (С. Никитин, Как разжечь сырые дрова); Петруха, пробегая мимо, скрипнул зубами и пробормотал вятно: — *За-а-ре-ж-у-у...* (А. Чапыгин, На лебяжьих озерах);— Молотить пошел на ночь. *М-о-олотить*, говорю (И. Пташников, Лонва);— Поди к свиньям! *Ур-а-а!* (В. Слепцов, На железной дороге);— *Ох-о-о*, Нефедка... — закатился снова молодой парень (Д. Григорович, Рыбаки) и т. п.

— И опять по классу пронеслось жалобно-протяжно:— *М-м-я-у-у...* (Л. Радищев, Урок);— *Дур-р-р-ак!* — крепко произнес Обломов (Гончаров, Обломов; ср. здесь же с многоточием, эквивалентным тире: «*Ду...р...р...ак!*») — грянуло внутри Обломова обращение к Захару) и т. п.

— *О-о-х!* — выдохнул Борька и сел на кровати (Е. Долинова, Отправляемся в апреле); Кто-то закричал за ним:— *Э-э-э-й, у-у!* (А. Чапыгин, Лесной пестун); ... далеко-далеко маячил розоватый, лучистый столб дыма. «*У-у-х ты!..*» (Там же) и т. п.

— *У-х-х!* — одной грудью выдохнули мальчики и девочки (К. Федин, Встреча с прошлым)³⁰.

— ...Голову-то пригнул, а дрожжи вместе с мешком *к-а-а-к* ахнешь в реку (Е. Долинова, Отправляемся в апреле)³¹.

³⁰ Ср. аналогичные написания в позиции после согласной: — *Т-с-с!* господа (Маяковский, Мистерия Буфф);— *Чи-ш!* Матвей Васплич говорит? *Т-ш-ш!* (К. Федин, Братья). Ср. также: *Б-р-р-р!* *Г-м-м!* *Х-м-м!*

³¹ Написания такого типа внешне совпадают с теми, где дефис выполняет функцию, аналогичную функции разрядки или курсива, т. е. является чисто графическим средством логического подчеркивания, отнюдь не указывая на необходимость скандирования по звукам. Ср. с этим пример, где дефис действительно является знаком звукового скандирования: «...в русском слове *стол* мы всегда

Чтобы разобраться в отношениях между этими двумя типами написаний, следует обратить внимание на то, что рассматриваемое здесь явление растяжения гласных определенным образом связано со слоговой структурой слова, в котором оно охватывает нормально лишь ударенный слог. При этом, поскольку длительность ударенного гласного увеличивается, а длительность гласных безударных слогов сохраняет свою нормальную величину, контраст между ними возрастает пропорционально степени продления ударенного гласного (именно на этом прежде всего и основывается выразительная сила этого явления), но слово в целом сохраняет единство и спаянность слоговой структуры.

Иначе обстоит дело, если растяжению подвергаются и гласные безударных слогов. В этом случае обычный и необходимый для русского слова контраст между ударенным и безударными слогами уменьшается или вообще снимается, что неизбежно должно приводить к обнажению слоговых границ и расчленению слова на слоги. Нетрудно видеть, что такой тип произношения сближается со слоговым скандированием, которое, как известно, характеризуется принципиальной ударенностью каждого слога и наличием межслоговых пауз.

Существуя самостоятельно и независимо, эти два произносительных типа, отчасти совпадающие по своим функциям, могут вступать во взаимодействие друг с другом, поскольку растяжение гласных в неодносложных словах приводит к расчленению слова на слоги, а скандирование благоприятствует растяжению гласных. Естественно, что

выделим 4 звука речи — с-т-о-л» (П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии. — ВЯ, 1959, № 2). Значительно чаще, однако, дефисная разрядка употребляется — по-видимому, неправильно — вместо слогоделения. Ср.: Революция требует, чтобы имелась // смелость, смелость и еще раз — // с-м-е-л-о-с-т-ь (Маяковский, Трус); — На кой они хрен мне, финики эфти?! // Нефти хочу! Н-е-ф-т-и!!! (Маяковский, Баку); — ...Работу библиотеки определяют не тем, сколько она собрала изданий пятнадцатого или шестнадцатого века, а как обслуживает своих читателей... Как об-слу-жи-ва-ет! А вы за сенсацией погнались: за с-е-н-с-а-ц-и-е-й (Ю. Домбровский, Хранитель древностей). Последний пример в этом отношении особенно показателен.

Ср. также чрезвычайно редкий случай использования дефисной пары (дефисы по обе стороны гласной буквы) как знака растяжения гласного: ...раздастся команда: «Эскадр-о-н! Шашки к бою!...» («Известия», 22 мая 1973 г.).

в одних речевых ситуациях на передний план выдвигается одно, в других — другое.

Так, например, в призывах, окликах на расстоянии и командах доминирующим, по-видимому, является скандирующее слогорасчленение, к которому может присоединяться, на которое может накладываться растяжение гласных: *Ва-ня!* → *Ва-а-ня!* // *Ва-ня-а!* // *Ва-а-ня-а!* и *Кру-гом!* → *Кру-у-гом!* // *Кру-го-ом!* // *Кру-у-го-ом!* Не случайно, вероятно, записи, отражающие соответствующие речевые единицы, в большинстве своем передают слоговое деление: — *Фень-ка-а!* (М. Алексеев, Ивушка неплачущая); — *Си-ма-а!* (Ю. Куранов, Колыбельные руки); — *Лень-ка-а!* (И. Симонов, Охотники за сказками); — *Батюш-ка-а!* (С.-Ценский, Севастопольская страда); — *На при-вал!* *На при-ва-ал!* (С. Дрожжин, Привал на Волге) и т. п.

Еще более ярко и очевидно обнаруживается эта закономерность в ситуации слогового чтения, где растяжение гласных явно выступает как вторичное, сопутствующее явление. Ср.: ...швейцар читал: «...Вырезал стекло... алма-а-зом и, что-о-б не зве-не-ело и не при-вле-ка-ло вни-ма-ния про-хо-жих, нама-зал руки на-а-токой...» (А. Чапыгин, Минога).

Напротив, в состояниях аффекта, при эмфазе или экспрессии и т. п. речевых ситуациях доминирующим оказывается именно растяжение гласных, что способствует расчленению слова на слоги. Показательно, что в условиях, когда говорящий вынужден сдерживать, затормозить, задушить экспрессию и, следовательно, должен заставить себя удержаться от растяжения гласных как основного средства ее выражения, эту функцию принимает на себя остающееся слогорасчленение, близкое к скандированию. Ср. примеры, свидетельствующие о таком «минус—растяжении»:

— *Гос-по-ди!* — тихонько проговорила я, еле сдерживая рвущуюся наружу радость... (Е. Долинова, Отправляемся в апреле); Рот его перекосялся, точно ему было страшно трудно разжать челюсти. — *Бар-чук!* — выговорил он тихо (К. Федин, Братья); — Может, он остался у нее ночевать? — «*Но-че-вать!*» — Димка произнес это сквозь зубы, с озлоблением.... (Г. Боровиков, Перед наказанием); — *Я же-нюсь!* На ком? — с ужасом спросил Обломов (Гончаров, Обломов); — Думаешь, разбил он

меня? Разбил? — говорил он... — *О-бо-жди!*.. — голая голова его покраснела, он погрозил кулаком (Г. Бакланов, Июль 41 года) и т. п.³²

Если предложенное объяснение справедливо, то это значит, что написания типа *Ва-а-ня!*, *взя-а-ли*, *хоро-о-ший*, *ту-у-та*, *ду-у-реха!* и т. п. несут двойную информацию и, в отличие от написаний типа *Ва-аня!*, *взя-али*, *хоро-оший*, *ту-ута*, *ду-уреха!* и т. п., сообщают не только о растяжении гласных, но и о слогоделении, знаком которого как раз и является межслоговой дефис.

На этой основе правило постановки дефиса в рассматриваемых написаниях может быть сформулировано следующим образом:

1. Дефис в качестве разделительно-соединительного знака ставится только между повторяющимися буквами в пределах графического слога: *вот — во-от*, *в-вот*, *вот-т*; *очень — о-очень*, *оч-чень*, *оче-ень*; *верно — ве-ерно*, *вер-рно*; *знаю — зна-аю*, *знаю-у* и т. п.

2. Постановка дефиса перед первой из повторяющихся букв (*и-д-ди*, *ве-р-рно*, *Ле-о-он*) и после последней из повторяющихся букв (*вер-р-но*, *зна-а-ю*, *о-о-чень*) допустима лишь на слоговых границах, если пишущий имеет цель одновременно показать деление слова на слоги.

³² Как было отмечено выше (см. стр. 97—98), пишущие нередко не обозначают растяжение гласных, указывая на него вторичными описательными средствами. К этим средствам может иногда присоединяться обозначение слогоделения как явления, сопутствующего растяжению гласных и, следовательно, опосредованно указывающего на него. Ср. такого рода примеры, внешне совпадающие с вышеприведенными, но по существу отличающиеся от них: — Говорили матросы, что *навод-чик* даже! — *презрительно*, насколько мог, *протянул* Витя (С.-Ценский, Севастопольская страда); — От вас слова душевного ждут, а вы сразу... — *Сло-ва* ждут, — *протяжно передразнил* Тимофей (Г. Комраков, До осени полгода); — *Меня?* — *странно протянул* отец (Горький, Жизнь Матвея Кожемякина); — Это — редкий человек, превосходнейший человек, да! — *Превосходный?* — *сила протянул* он. — Как это, братцы мои? А все говорят — он против царя-отечества (Там же); — А когда будет светопреставление, то все церкви унесутся на небо. — *С ко-ло-ко-ла-ми?* — *спросила* Мотыка басом, *растягивая каждый слог* (Чехов, Мужики); — Ах, это *ма-стер!* — *прикинулся он удивленным...* (Б. Можжев, Тонкомер) и т. п.

Е. А. Некрасова

ОБ ОРФОГРАФИИ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Отсутствие выработанных правил передачи звуковой специфики диалектного слова предоставляет автору текста широкую возможность самому изыскивать художественно-оправданные способы и приемы имитации особенностей диалектной речи в художественном произведении. В данном случае задача лингвиста может сводиться, видимо, лишь к фиксации и оценке приемов «наложения» элементов диалектной орфоэпии на литературный орфографический «каркас».

Но иногда орфографический разнобой в написании диалектных слов объясняется причинами, не связанными с художественно-экспрессивной функцией диалектизма в тексте, и поэтому, видимо, не может быть оправдан. В этом случае, очевидно, можно поставить вопрос о проведении достаточно строгой орфографической унификации. Эти два аспекта проблемы орфографии диалектных слов и будут затронуты в предлагаемых заметках.

Некоторые приемы передачи особенностей диалектного произношения в поэтических текстах

Фонетические диалектизмы, как правило, не подвергаются орфографической обработке, так как в современные диалектные словари они не включаются, в специальной же литературе они, как и другие виды диалектных слов, передаются средствами транскрипции. Однако художественные тексты довольно часто отражают с большей или меньшей достоверностью некоторые произносительные особенности диалектной речи. В этом случае закономерно встает вопрос о путях и способах «примирения» элементов диалектной фонетики в слове с орфографическим стандартом литературного языка.

В тех случаях, когда писатель употребляет фонетический диалектизм, он, как правило, отступает от нормативного написания соответствующего слова. Способы пере-

дачи диалектного произношения в художественных текстах достаточно разнообразны и зависят в основном от того, какой тип диалектной фонетики имитируется. Способы передачи диалектных фонетических особенностей в литературных текстах можно весьма условно разделить на три группы в зависимости от того, как та или иная черта диалектной произносительной нормы «накладывается» на орфографическую и орфоэпическую системы литературного языка.

Передается «оканье». «Окающее» произношение как бы накладывается на литературное написание, построенное в основном на «окающей» орфографии и «акающей» орфоэпии.

В этом случае возможны, грубо говоря, два приема:

1) В самом тексте содержится указание автора на окающий характер произношения. Вот некоторые примеры:

По Сухоне пленительной плыву,
И *окает* округа *околдованно*,
И, ласковыми волнами *окованный*,
Я *окунаюсь* в милую молву
(Д. Голубков, По Сухоне плыву).

Ср. еще:

Спою еще,
Проокаю
Про речку Нерль
Глубокою.
И *отзовется* радость
Мне эхом по воде.
Ты, Нерль, и лад, и лада
И в счастье, и в беде.
И врагам в окопах
Пришлось до смерти ждать,
Когда с колес Европу
Ты будешь отмывать
(В. Смирнов, Спою еще).

Второй пример представляется менее удачным, так как ощущается известная нарочитость в соединении слов различных стилистических пластов — *ворог* и *окоп*.

В вышеприведенных случаях происходит сложное взаимодействие орфографической и орфоэпической норм литературного языка: благодаря подсказке автора, а также

специальному подбору слов с орфографическим (а в случае ударности — и орфоэпическим) *о* как бы деформируется акающая литературная произносительная норма, и читатель отчетливо сознает, что перед ним имитация диалектного оканья как произносительного варианта.

Не вдаваясь глубоко в специальную проблему влияния орфографии на литературную орфоэпическую норму, отметим, что в поэтических текстах эта взаимозависимость проявляется, видимо, более определенно и быстро ¹.

Облик печатного слова часто отождествляется (или почти отождествляется) с его произносительным эквивалентом. Именно этим, по-видимому, можно объяснить довольно распространенное среди даже самых квалифицированных литературоведов смешение звуков и букв при анализе звукового строя поэтического текста. Так, например, анализируя звуковые совпадения в стихах:

Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Е. Г. Эткинд пишет: «И здесь гораздо больше общих звуков, чем разных.

Общие:

Коль ру...нуть, так... с... еча...

Разные:

...г...гор...

...б...уж пл...» ².

2) Более редкие примеры передачи оканья заключаются в том, что обнаруживается «брешь» в орфографической норме: используются узаконенные отступления от орфографического стандарта в пользу «акающего» написания. В этом случае нет необходимости вводить «подсказку»,

¹ Ср.: «Чтец декламирует стихи Н. Н. Асеева»:

Была пора глухая,
Была пора немая,
Но цвел, благоухая,
Рабочий праздник мая.

Все заударные <a> чтец произносит слегка протяжно, очень слабо их редуцирует. Стих инструментован на [a]; естественно, является стремление (возможно — интуитивное, не рационалистически прямолинейное) усилить заударное <a> в рифме. Здесь одна вариация фонемы заменяется другой, еле заметно отличающейся от первой» (М. В. П а н о в. О стилях произношения. «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 35).

² Е. Эткинд. Разговор о стихах. М., 1970, стр. 72.

достаточно изменить орфографию слова, приблизив ее к
окающей диалектной орфоэпии:

Входит в валенках со двора
Наша бабушка *Олексеевна*
(С. Викулов, Бабушкины песни).

Или:

Пастухи ножей веселых
Речи тихие ведут:
«От отечества, оттоле
Отманил нас *отаман*
(В. Хлебников, Устюг).

Передается «аканье» как диалект-
ная черта. В данном случае наиболее часто наблю-
дается отступление (иногда достаточно резкое) от орфогра-
фической нормы. Вот, например, шуточное стихотво-
рение:

Сам не знаю *отчаво*
Почавокать хочется.
— Ваня? — *Чаво?* *Чаво?* *Чаво?*
— Ты не видывал *яво?*
— А *каво* это «*яво*»?
— Фрола, деда *маяво* и т. д.
(В. Туркин, Почавочки).

В данном случае поэт подчеркивает только одну, наи-
более броскую, черту диалектного «акающего» произно-
шения — а именно — яканье (ср. орфографически пра-
вильную передачу фонемы *о* в подчеркнутых словах). Но
явное изменение орфографического облика слова, ориен-
тированное на передачу живого произношения, приводит
и к другим отступлениям от общепринятой орфографии в
пользу орфоэпии. Так, написание *чаво* представляет со-
бой огрубленную транскрипцию всего диалектного слова,
а не только его части (ср. орфографически правильное
чего). На фоне такого написания, ориентированного на
диалектное произношение, как собственно диалектное
воспринимается и слово *каво*, которое отличается от соот-
ветствующего слова литературного языка только орфогра-
фией (но не орфоэпией).

Но иногда поэту удается избежать помех акающего ли-
тературного произношения и с минимальными орфогра-

фическими потерями подчеркнуть аканье как диалектную черту:

Сам я от солнца
С его рыжиной,
Сельский, проселочный
Весь *аржаной*,
Весь конопляный,
Овсяный, льняной³

Представляется, что в данном случае автор достиг определенного эффекта соблюдением «чувства меры» в отступлении от нормативной орфографии: в этом стихотворении только одно слово указывает на диалектную (скорее всего акающую) основу речи. Ощущение диалектности речи создается орфографическим контрастом нормативного написания, не отражающего литературной производимой нормы, с написанием, в основном соответствующим литературной орфоэпии, но отступающим от нормативной орфографии⁴. Кроме того, это отступление от орфографических норм в пользу орфоэпического аканья касается не литературного слова, а его диалектного «синонима» *аржаной*, в котором начальное диалектное <а> подкрепляется нормативным <а>; (ср. *ржаной*); все остальные слова даны без орфографических отступлений (в том числе и слова, имеющие в диалектах такую же форму, как и выделенный нами диалектизм. Ср. *льняной* <о>, <а>, <и>, <у> *льняной*).

Передаются диалектные произносительные черты, не имеющие соответствия ни в литературной орфографии, ни в литературной орфоэпии.

В данном случае поэты прибегают к внетекстовому разъяснению.

Так, например, А. Яшин следующее стихотворение «На Новый год» сопровождает сноской-разъяснением: «При чтении акцентировать *в*. Звук *ѣ* в стихотворении

³ Стихотворение В. Бокова приводится по статье А. Деметьева («Новый мир», 1969, № 4).

⁴ «Словарь русского литературного языка» в 17-ти томах (в дальнейшем — АК-17) не отмечает данного диалектизма, но приводит однокоренное слово — *оржанище* как областной вариант включенного в словарь как нормативного слова *ржанище* (*ржище*).

нет — особенность произношения в некоторых районах Севера»⁵:

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Космы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки — головки горят,
Брошка на ковте, пуговики — в ряд.
Цветики на ковте.
Добер наряд!
Снег повсюду — не видно дров.
И вовки воют у самых дворов.

В данном стихотворении почти нет слов, где бы произношение <в> поддерживалось литературной орфографической нормой, почти отсутствует орфографическая «оркестровка» на <в>; звучание стихотворения зависит только от подсказки автора. Специальный подбор слов с орфографическим <в>, призванных выявить демонстрируемую диалектную черту, превращается в данном стихотворении в самоцель; не поддержанное художественным заданием имитирование диалектного произношения утомляет. Кроме того, многократное повторение трудной орфограммы *ковта* в форме — «ковта», не выделенное из общего потока «правильных» (таких, как *булавки, головки, пуговики* и т.п.) и «неправильных» (таких, как *вовки, картовка, жовтый* и т.п.) написаний, настолько расшатывает орфографию данного слова, что не может быть оправданным даже в поэтическом тексте. Ср. несколько иной «способ» передачи диалектной фонетики у Б. Корнилова:

Запевают песню головные,
все с кубанским выдохом на *ha*:
ha ды отовсюду...

В данном случае Б. Корнилов избежал утомительных «нарушений» нормы, введя элемент транскрипции⁶.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что передача диалектных произносительных особенностей «в лоб», с нарушением нормативной орфографии, менее оправдана; более продуктивными и художественно плодотворными представляются случаи косвенного указания на некоторые диалектные особенности произношения.

⁵ Приводимый ниже пример представляет собой совмещение двух способов отражения диалектного звучания — разъяснение самого автора за пределами художественного текста и передача средствами орфографии примерного фонетического облика слова.

⁶ Цит. по кн.: «Орфография и русский язык». М., 1966, стр. 120.

«Неавторские» отступления от общих принципов орфографии

Ряд отступлений от нормативного написания связан, по-видимому, не столько с художественным замыслом произведения, сколько с более вольным обращением с орфографией диалектных слов лиц, которые блюдут орфографический стандарт художественных текстов, например:

Пригорюнились девушки-ели,
И поет мой ямщик *на-умяк*:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как ⁷.

Трудно согласиться с оправданностью такой орфографии диалектного наречия. Ведь в данном случае в литературном языке есть определенная традиция написания наречий с приставкой «на»: *наоборот*, *наобум*, *наугад*, *наяву*... — с одной стороны, и *на авось*, *на измор*, *на убой*... — с другой; дефисное же написание встречается только в наречиях типа «на-горá» ⁸.

Видимо, желанием сохранить все нюансы есенинского текста вызвано написание слова *каравай* в пятитомном собр. соч. С. Есенина как *коровай* ⁹.

И ворочает дед
Немолоченный край:
«Постучи-ка, сосед,
Выбивай *коровай*»
(«Молотьба») ¹⁰.

⁷ С. Есенин. Туча кружево в роще связала... — Собр. соч. (в 5-ти томах), т. I. М., 1961; такое же написание повторено и в Собр. соч. (в 3-х томах). М., 1970, т. I.

⁸ Справки приводятся по «Орфографическому словарю» (М., 1956).

⁹ Интересна история орфографии этого слова в некоторых словарях: В словаре под ред. Д. Н. Ушакова — *коровый* (или *каравый*) *обл.*; четырехтомный словарь АН СССР и АН-17, напротив, рассматривают как вариант *коровай*, давая от него только отсылку к основному слову — *каравай*; эти же словари, кстати, уже не отмечают диалектного происхождения данного слова. Следовательно, для настоящего времени можно признать нормативным только написание — *каравай*, что и отмечается в орфографических словарях последних выпусков.

¹⁰ Такое же написание повторено в трехтомном издании (М., 1970).

В примечании составители указывают, что данное стихотворение «печатается по автографу («Зарянка» — ИРЛИ. Датируется по времени подготовки сб. «Зарянка», 1915—1916 годами). По всей вероятности, написание *коровай* во время составления сборника «Зарянка» не воспринималось как устаревшее (см. орфографию данного слова в словаре под ред. Д. Н. Ушакова); составители же пятитомного издания С. Есенина, сохранив написание подлинника, не учли, что орфографическая норма изменилась, и «архаизировали» С. Есенина.

По-видимому, данное слово в стихотворении С. Есенина можно рассматривать как один из многочисленных лексических (а может быть, и семантических!) диалектизмов. Орфография же диалектизмов С. Есенина ориентирована на норму. Ср. «*Громовень* подняли волки: „Мы ль *трусовики!*“... где лексико-словообразовательные диалектизмы даны в привычной орфографии.

Унификации орфографического облика диалектизмов могли бы способствовать толковые словари. Но следует отметить, что, хотя разного рода диалектизмы в художественных текстах встречаются весьма часто, толковые словари очень осторожно включают в свой словник слова с пометой *обл.* Наиболее полно областные слова включает АК-17¹¹. В этом словаре можно встретить несколько орфографических вариантов диалектных слов. Так, в АК-17 как два равноправных орфографических варианта рассматриваются написания *заметь* и *зямь*¹². И в соответствии с рекомендацией словаря в литературных текстах встречаются оба варианта:

Снежная *зямь* крутит бойко...

(Есенин).

¹¹ Но и в этом словаре удельный вес диалектных слов настолько незначителен, что в одной из рецензий отмечается их отсутствие в словаре: «В основу этого многотомного труда положена только общеупотребительная нормативная лексика... В отличие от предшествующих академических словарей в него не включены диалектная лексика, явно устаревшие слова, узкоспециальная научная и техническая терминология» («Правда», 9 марта 1970 г.).

¹² Данные варианты в АК-17 приводятся как совершенно равноправные: при каждом из написаний дается толкование, иллюстрируемое в том числе и совпадающими примерами, вариант *заметь* определен как 'метель', а вариант *зямь* как 'метель, вьюга'.

Запорошит меня лихая *замять*
или строкой засяду людям в память...

(Слущкий, Дома);

Приходят к нему [поэту Э. Багрицкому] на этаж
Механики и рыбоводы,
Поэты идут гуртом
К большому, седому, как *замять*,
Садятся кругом — потом
Приходят стихи на память

(Б. Корнилов, Эдуарду Багрицкому).

По-видимому, орфография постоянной рифмы — *память* отчасти влияет на выбор именно такого орфографического варианта данного диалектизма. Но ср.:

И спят под снежной *заметью*
Холодные края,
А ты живешь все в памяти,
Травиночка моя!

(В. Смирнов, Травиночка);

В том краю, где сизой *заметью*
Песня с губ летит, скользя,
Где нельзя любить без памяти
И запеть о том нельзя

(Н. Асеев, Не за силу, не за качество).

Оправданно ли сосуществование этих двух орфографических вариантов? По-видимому, нет. Прежде всего потому, что в данном случае затруднительно говорить о стремлении передать фонематическую вариабельность диалектного слова¹³, так как позиция заударного слога для гласного — слабая; чисто же произносительные варианты бесконечны и, естественно, не могут служить опорой для выработки орфографического облика слова.

Очевидно, такое двоякое написание анализируемого слова отражает орфографическую историю однокоренного существительного — *метель*. По поводу орфографии (а через нее и этимологии) этого слова А. С. Львов напечатал заметку в журнале «Русская речь» (№ 2, 1969), где объяс-

¹³ Ср. *пестерь* и *пестерь* — диалектные варианты, отличающиеся фонемным составом, отмеченные в АК-17.

пил историю двойного написания — *метель* и *мятель*. В настоящее же время, как общеизвестно, существует только одно орфографическое написание, а именно — *метель*, и только в производном «периферийном» для литературного языка слове — *заметь* — *замять* отражается история этого слова.

Двойное написание этого слова как бы отрывает вариант *зámять* от соответствующего ряда однокоренных слов. А между тем для языка художественной литературы, и прежде всего для поэтического языка, не безразлично, сближаются или разъединяются похожие слова. Повторение одной и той же корневой морфемы (и тем самым сближение значений однокоренных слов) можно рассматривать как один из художественных приемов, способствующих выявлению экспрессии слова. Ср.:

Я слышал полосканье
В огромном горле неба.
Это был *аэродром*, *аэрогром* и *грохот*.
И каждый шорох, *ропот* или *рокот*
Я записал, запомнил, не забыл.
Не *выежая*, а *переежая*,
Перебираясь на своих двоих,
Я постепенно, кое-что постиг...¹⁴

(Б. Слуцкий, Новая квартира).

Небезынтересно отметить, что диалектное слово *зámеть* (или *зámять*) очень часто сопутствует однокоренному слову *метель* или другим словам того же корня, встречаясь в одном и том же стихотворении более или менее дистантно. Вот несколько примеров:

Снежная *замять* дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через *метель* огонек у окна.

(Есенин, Снежная замять..).

¹⁴ Этот прием настолько широко распространен в поэтических текстах, что в экспериментальной работе «Поэт и слово. Опыт словаря» (М., 1973), в шкалу знаков языка описания словообразования в поэтической речи введено специальное обозначение для слов, сопоставляемых друг с другом по какому-либо признаку,

Плачет *метель*, как цыганская скрипка...
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежную ночью в лихую *замять*.
Я не заласкан — буря мне скрипка.
Сердце *метелит* твоя улыбка.

(Есенин, Плачет метель...).

Метель ревет, как седой исполин...
Пляшет огромным белым костром,
Глушит моторы и гасит фары.
В *замяти* снежной аэродром,
Служебные здания и ангары...
Где-то буря, ни огня, ни звезды
Над местом аварии самолета.
Лишь снег *заметает* обломков следы
Да замерзающего пилота

(Э. Асадов, Баллада о ненависти и любви).

Таким образом, тенденция к расширению гнезда слов в поэтических текстах вступает в явное противоречие с существующим дублетным написанием данного слова.

В настоящее время, видимо, нет иных причин, кроме сосуществования двух орфографических вариантов в АК-17, поддерживающих написание — *замять*. В тех случаях, когда авторитет словаря не мешает орфографическому чутью, диалектные однокоренные образования оформляются в духе орфографического стандарта:

Там, где ходили мы,
Метелей *намети*...
Но я твой взгляд *взаимы*
Возьму у памяти

(В. Смирнов, В лугах бело-бело...).

Включение диалектного слова в нормативный словарь так или иначе решает проблему орфографического написания. Поэтому с точки зрения нормализаторских тенденций следовало бы пересмотреть некоторые критерии отбора диалектизмов в толковые словари. В предисловии к первому тому АК-17 говорится, что «в словаре находят место те областные, провинциальные слова, которые являются материалом общенационального языка, а не достоянием только местных говоров. ... Областные слова ограниченного местного употребления, а также слова,

отражающие мелочи домашнего крестьянского быта, не включаются в Словарь, если даже они попадают в отдельных литературных произведениях (обычно с пояснением значения или с выделением курсивом, кавычками)». Конечно, эти принципы (а особенно их реализацию) нетрудно подвергнуть критическому анализу¹⁵. Так, например, неясно, почему в АК-17 включено как *устар.* и обл. слово *албыра*, *албырь* и не включены такие широко известные слова, как *дрбля*. Дроби-дроби выдроблю. На кругу смела я! *Дрблю, дрблю* выберу — Какого желаю! (О. Фокина, Сыпь, снежок...); В ржаных полях — и ночь они [бабы] и дни. А музыка их — *дролли*-гармонисты! — (И. Лыцов, Бабы); *баской (баско)* (Выходила на ток, надевала новый платок, перед соседями плеч не горбила. Шла такая *баская!* (Э. Котляр, Степанида). Или: Вышла:— Кто такие? Оба незнакомые, Вроде, городские? Уж не из обкома ли, экие *баские?*... (О. Фокина, Сыпь, снежок...); Я плясать любила. Как затею на лугу — Люди смотрят: *баско!!!* (Там же); Еще бабушка сядет с прялкой, небольшой, но такой *баской*, словно в горенку глянёт солнышко (С. Викулов, Бабушкины песни).

Хотелось бы возразить и против замечания авторов словаря о том, что «узкоместные» слова в художественных текстах обычно так или иначе выделяются или разъясняются. Во всяком случае для поэтических текстов можно отметить стремление к равноправному включению диалектизмов в общий словарный ряд¹⁶. Небезынтересен в этом плане прием раскрытия значения диалектизма через близкое по смыслу слово литературного языка, а не через словарное толкование — ссылку. Ср.:

Мать на рыбной ловле по лодчонке
Гребь расположила и — живую
Нельму сыну кинула: «А ну?»
Вдоль *весла* расправив, Нельму взрезал...

(И. Лыцов, Свой поэт).

¹⁵ См., например: А. И. Федоров. О принципах отбора слов в толковых словарях современного русского языка. «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1963, т. 248.

¹⁶ Об этом, в частности, могут свидетельствовать все приведенные в данной статье примеры (в них нет авторского выделения диалектизмов), а также многие другие; достаточно вспомнить хотя бы стихи С. Есенина.

В предисловии к четвертому тому АН-17, содержащем новые теоретические установки, касающиеся построения словаря, отмечается, что помету *обл.* получают диалектные слова, широко употребляющиеся «не только в речи персонажей художественных произведений, но в речи авторской...». Данный критерий отбора также не учитывает поэтических текстов, достаточно широко использующих диалектизмы: в стихотворных произведениях далеко не всегда имеется деление на авторскую речь и речь персонажей; типичным для многих поэтических произведений следует признать растворение речи автора в речи лирического героя (см. вышеупомянутые примеры).

Замечания такого рода можно было бы без труда умножить, но думается, что и приведенных примеров достаточно для того, чтобы подчеркнуть, что приток диалектных слов в художественные тексты не ослабевает и, следовательно, все острее ощущается задача более широкой фиксации их нормативными словарями, что в свою очередь должно привести к унификации их орфографического облика и стабилизации основных значений.

Л. И. Скворцов

ОРФОГРАФИЯ ПРОСТОРЕЧНЫХ И ЖАРГОННЫХ СЛОВ

Для жаргонно-просторечной лексики в целом характерен орфографический разноречие, наличие орфографических вариантов, а также прямых неточностей и ошибок, связанных с передачей на письме сугубо «устных» слов. Не закрепленные на бумаге при своем появлении, просторечные и жаргонные слова и выражения проходят иногда большой путь в устном употреблении, видоизменяясь фонетически под влиянием разных причин — от простого звукового «освоения» до переосмысления в духе народной (ложной) этимологии. Все это предопределяет пестроту орфографической картины жаргонизмов, о которой пойдет речь в дальнейшем изложении.

К рассмотрению и анализу, как правило, не будут привлекаться материалы, не связанные в строгом смысле с орфографией, правописанием и относящиеся к более общим вопросам передачи, закрепления на письме просторечной и жаргонной лексики.

Это касается прежде всего грамматического оформления слов (*хабар, -а, ж* и *хабара, -ы, ж* — 'взятка'), *на стрёму* и *на стрёме* — 'на страже'), разнобоя, вытекающего из неясности этимологии (*охломон—охламон, цимис—цимус, халабуда—холобуда, причиндалы—причандалы, пахан—похан, охмурить—очмурить, лепень—липень, лабуда—лобуда, лахудра—лакудра, лапитудник—лепетутник* и т. п.), вариантов «исконных» (вроде *берлять—бирлять, керять—кирять*) или ставших «историческими» (*пацан—поцан—бацан, голец—оголец*); пунктуационного оформления жаргонных слов и выражений (в частности, использования кавычек) и т. п.

В статье будет рассмотрен по возможности типовой материал, обнаруженный в художественной литературе и массовой печати наших дней.

И еще одно ограничение материала связано с тем, что мы не будем брать факты переосмыслений и этимологизации, создающих варианты написания (например, *сиксот* вместо *сексот* — из сокращения 'секретный сотрудник; доносчик', под влиянием созвучных *сикач, сикуха* — 'сыщик, предатель' и т. п.), а также факты естественного в жаргоне звукового развития ряда, например *финансы — финаги — финашки — финики — феники*, где точнее, по видимому, говорить не о «вариантах написания», а о вариантах слов для обозначения одного и того же понятия «деньги».

Жаргонизмы и арготизмы уже сами по себе несут экспрессию в тексте. Однако в ряде случаев особая экспрессия передается орфографическим вариантом жаргонизма или обычного слова, вовлеченного в круг жаргонной лексики. Орфографической экспрессии посвящается специальный раздел статьи.

Основной материал располагается по вариантам гласных и согласных (групп согласных) звуков в пределах одного слова и их соответствующего отражения на письме.

Колебания и ошибки в написаниях гласных

[a] : [o]

К а н д ё й—*к о н д ё й* 'тюремный карцер':— Ты почему бросил тачку, Кузьма?— спросил Потапов.— Накроет начальник — от карцера не отвертеться.— Сил больше нету, Петрович. А *кондея* я не боюсь (А. Алдан-Семенов, Барельеф на скале). В ином написании — *кандей* — у Б. Дьякова в «Повести о пережитом». Слово неясной этимологии, поэтому написания с [o] и с [a] можно расценивать как варианты неустоявшейся орфографической практики.

Ср. с этим *кандёй* 'повар на судне, кок': На камбузе у *кондея* пыхла кастрюля на плите (Г. Владимов, Три минуты молчания). В словаре В. И. Даля: «*Кандей ж. кандейка*, «нижегородское», «рязанское», «тамбовское» — ендова, коновка. Зовут *кандейкою*, *кандеёчкой* и деревянную чашку, чашечку».

В т и х а р я—*в т и х о р я* 'тихо, скрытно, в тайне от других': [Тулин.] Господи, как я вас всех увидел нынче! И ты хорош. Поучаешь *втихаря*. А поддержать там, на комиссии, духу не хватает, да? (Д. Гранин, Иду на грозу); Другой напьется *втихаря* и — спать, а числится непьющим,— общественность только вводит в заблуждение (М. Левитин, Конец короля липы). В таком же написании в повести Ю. Германа «Один год», в повести А. Клещенко «Распутица кончается в апреле», в рассказе Н. Давыдовой «Вся жизнь плюс еще два часа», в книге И. Зверева «Что за словом?»

Ср. иное написание: [Юрик.] А у меня это не долг? Я за это не отвечаю? Почему то это *втихоря* сделал? (А. Шманкевич, Ваня Кленов); Славка на мою ругань ноль внимания.— У нас дополнение есть...— Знаю, что это за дополнение! Кто его утверждал? *Втихоря* решили! (А. Кривоносов, Простая вода).

Написание с [o] следует расценивать как ошибку; ср. *тихарь* 'скрытный человек; переодетый сыщик'.

П о р т а ч—*п а р т а ч* (с производными: *па(о)ртачить*, *папа(о)ртачить*) — 'неумелый, неловкий в чем-н.; тот, кто портит, халтурщик'.

Портач, *портачить*: Должно бильярдное сукно выдерживать классический удар столичного чемпиона и

неуклюжий толчок подвыпившего провинциального «портача» (М. Кольцов, Простые чудеса, 1935); *Портачи...* подумать только, умудрились в одном тайме пропустить два «сухих» мяча! (М. Пархомов, Игра начинается с центра);— Если кто-то *напортачил* в девятом корпусе, нахалтурил преступно,— продолжал Михаил, вспоминая ночной разговор со сварщиком,— так почему же другие бригады должны страдать? (М. Златогоров, Кто стоит рядом); Все-таки солдатом быть лучше, чем генералом... И *напортачить* нельзя, чтоб разжаловали: люди страдать будут, *напортачь* я хоть в мелочи (Ю. Семенов, При исполнении служебных обязанностей).

Партáч, партáчить: Не мог же он сварганить их всех на один лад? Сроду не был *партачом* (В. Бандуран, Чертова дюжина); У семи нянек дитя завсегда без глаза. На печи работают две бригады, шесть человек. Где тут разобратся, кто *напартачил* (А. Галицкий, Крутой поворот).

Этимологически, по-видимому, более правильны формы с [a]. Ср. украинское «*партáч* — пачкун, плохой ремесленник» и «*партáчити* — вахлять, делать кое-как, портить работу» (Б. Д. Г р и н ч е н к о. Словарь украинского языка, т. III. Киев, 1909), которое в свою очередь восходит к польскому *partacz* 'плохой работник, бракодел; халтурщик'. Ср. также *partaczyć* 'делать брак', *partactwo* 'брак, халтура', *partacki* 'плохо сделанный' (см. «Польско-русский словарь» под ред. М. Ф. Розвадовской. М., 1960).

Можно ли на основании этимологического анализа считать в данном случае ошибкой формы с [o], исправлять их впредь на формы с [a]? Очевидно, нет. Слова *портач, портачить* прочно вошли в состав русского просторечия и очень рано пришли в смысловое и звуковое взаимодействие с исконно русскими *портить, испортить*, а также *запороть (деталь)*. «Ошибочный» по происхождению вариант должен быть закреплен орфографически, а на его фоне *партач* и *партачить* могут восприниматься как украинизм — лексический и орфографический. Материал письменной практики указывает как раз на это (см. приведенные выше примеры).

Ш а н т р а п á—*ш а н т р о п á* 'негодный человек' (собирает.). В словаре В. И. Даля слово не зафиксировано. Толковые и этимологические словари указывают на раз-

ные источники происхождения. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1940): «Предположительно от французского *chanter a pas* — не будет петь — употреблялось при отборе детей в помещичий хор». Литературный пример из М. Горького: «Нищий, *шантрапа*, рвань коричневая». Эта же этимология повторена в «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской (М., 1961). Иначе у М. Фасмера: «*Шантрапа́, шантропа́*, напр. череповецкое, пошехонское; 'сволочь, сброд', воропежское, кубанское; 'голытьба', смоленское. Считают возможным связь с др.-чешским *šantrok* 'обман' из ср.-в.-нем. *santroske* 'обман'. Другая возможная этимология — в связи с румынским *şandrama* — 'одряхлевший, отживший человек'».

В литературной русской традиции закрепилось написание *шантрапа́* (ср. «Орфографический словарь русского языка», изд. 8-е, М., 1968). Ошибочным следует квалифицировать встречающийся иногда вариант *шантропа* (см., например, журнал «Москва», 1960, № 3, стр. 98).

Б о д я г а — б а д я г а 'шутка, балагурство; муть, ерунда' (ср. *травить бодягу* 'шутить, болтать').

Чаще встречается написание с [а]: Зритель в некоторых случаях платит свой трудовой полтинник, иногда сидит полтора часа в темноте, выходит и зачастую, закуривая, говорит:— *Бадяга...* («Лит. газета», 21.XII 1961); ...Автомат, как ему и положено, работает только на двузначном коде: «Интересная книга!» и «*Бадяга!* И вот вам — глядь! и интересная книга моментально летит в типографию, а «*бадяга*» — в корзину!» («Лит-ра и жизнь», 2.XII 1960);

...А это так — *бадяга*, а не любовь!... (Ю. Казаков, Ночлег); ср. у того же Ю. Казакова *травить бадягу* («Проклятый Север»).

В ином написании, с [о]: На тринадцатый день, если эта *бодяга* не кончится, прыгаю в воду (Г. Владимов, Три минуты молчания). Интересен разноразличное написание в произведениях одного и того же автора, опубликованных примерно в одно время: [Виктор.] Если хочешь знать мое мнение — надо нам с тобой эту *бодягу* кончать. Поболтались, и хватит (В. Панова, Проводы белых ночей); [Заботкин.] А ему не о чем догадываться. *Бадяга* это всё (В. Панова, Как поживаешь, парень?).

Слово пришло в современное просторечие из русских диалектов. Ср. в «Словаре русских народных говоров» (М.—Л., 1966, вып. 2): «1. *Бадьяга*. Большая лохань. 2. *Бадьяга*. Длинный, неуклюжий по виду предмет. 3. *Бадьяга*. Игрушка, небольшая вещица для забавы. Новг., Даль. ~ *Корчить бадяги*. Шутить, смешить, дурачиться. Даль [без указ. места]». Ср. там же: «*Бадьяжник*. Шутник, весельчак, затейник. Даль [без указ. места]». В словаре под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935): «*Бадьяга* (или б о д я г а). 1. Пресноводная губка (бот.). 2. Шутка, балагурство (обл.) *Разводить бадягу*».

В современных орфографических справочниках закрепляется единственный вариант написания — *бодяга* (см., например, «Орфографический словарь русского языка», изд. 8-е, М., 1968). Диалектное происхождение этого слова, где оно зафиксировано в иной огласовке, а также наблюдения над современной орфографической практикой позволяют как будто усомниться в категоричности такой регламентации.

[о]:[у]

Ш м б т к и—*ш м ъ т к и* 'носильные вещи, одежда': — Я тебе еще не проигрывал, — отрезал тот — И не играю на *шмотки*. Понял? (А. Клещенко, Распутица кончается в апреле); ... Потом я лазил по всем углам в погоне за пауками, потом вытряхивал во дворе какие-то *шмотки* (Н. Усова, Перечитывая дневники); ...Кириченко, стуча зубами от злобы, возбуждения и дикой тоски, вытащил чемодан, побросал в него свои *шмотки*, надел пальто... и вышел вон (В. Аксенов, На полпути к луне); Я шел как раз мимо Милицейской... и хотел уже дойти до общаги, закинуть *шмотки*... (Г. Владимов, Три минуты молчания).

Вариант этот, конечно, не собственно орфографический. Ср. в ином написании (и произношении): Ей даже нравилось свое пренебрежение ко всяким «*шмоткам*». Но, попадая в магазин, в окружение сверкающих новизной вещей, она забывала обо всем, возбужденная желанием иметь все эти красивые вещи (Д. Гранин, После свадьбы); Большой сперва возмутился, потом стал собирать *шмотки* (В. Конецкий, Соленый лед).

В словаре В. И. Даля: *Шмóтье* — пермское «лохмотье»; в «Словаре украинского языка» Б. Д. Гринченко: *Шмáття* — 1) куски, 2) белье.

Происхождение слова, а также реальное его употребление в современной устной и письменной речи позволяет расценивать вариант *шмутки* как менее «правильный» и менее употребительный (локальный) на фоне огласовки *шмотки*. Ср. также просторечное собирательное *шмотьё* того же корня и в том же значении.

[e]: [и]

К е м á р и т ь — *к и м á р и т ь* (с производными: *покимáрить*, *покемáрить*, *накимáриться* и т. п.) — ‘спать, отдыхать’: Ночью, днем у нашего Сашеньки одна думка: добраться до чего-нибудь горизонтального и *покемарить* минуток шестьсот (Л. Славин, Два бойца); А в спокойные минуты можно по очереди *покемарить* маленько, вроде отдохнуть (А. Вересов, На этом рубеже); — Вот в чем причина, — говорю, — ну, я тогда *покемарю*, ты меня толкни... (Г. Владимов, Три минуты молчания).

В ином написании (не произношении!): — А... пошли они все... — устало отмахнулся Пиварь. — Лучше *покимарю*. Руки накрутил, болят (Ю. Клименченко, Не уютное море).

Слово арготического происхождения. В специальных словарях арго отмечено только в написании *кимарить*. Ср. «*Кимáть*, *кимáрить* — спать» (Из лексикона ростовских беспризорников и босяков. — В кн.: А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929); «*Кимáть* — спать» (В. М. Попов. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912); «*Кимáть* — спать» (С. М. Потапов. Словарь жаргона преступников. М., 1927); «*Кимáрить*, *кимáть* — спать, отдыхать» («Жаргон преступников. Пособие для оперативных и следственных работников милиции». М., 1952).

В офенском жаргоне: *кимáть* — ‘спать’ (ср. новогреческое *κοιμάμαι* — ‘спать’), отсюда, по-видимому, украинское *кíмати* — ‘спать’ и польское жаргонное *kimiarz* — ‘ночной вор’ (см.: W. B u d z i s z e w s k a. *Żargon ochwésnicki*. Ł., 1957).

В пользу современного написания с [e] говорит, как будто, производное *кёмарь* в выражении *кёмаря даёть* —

‘спать’. Ср., впрочем, *ким* — ‘сон, спанье’ от *кимать*, *кимарить*. Кодификация представляется затрудненной. Возможный путь — признание вариантов *кемарить* и *кимарить* с производными *кемарь* и *ким*. На практике пока преобладают написания с [e].

[а]: [и]

Изгалять ся—*изгилять ся* (с производными) — ‘издеваться, измываться над кем; насмеяться’:

— Да кто *изгаляется-то* над людьми? А? Начал-то кто? А? Ты бы все высмеял, все бы... (А. Караваяева, Лесозавод);— Я вернулся, а они заперлись в моей квартире, напились, морды на улицу показывают, надо мной *изгаляются*, домой не пускают (А. Караваяева, Разбег); Доколь же *изгаляться* будут гады, Доколь тиранить будут мужиков?... (А. Артемов, В тайгу);— Значит, нашел кровосос дурачка и *изгаляется* над ним!— сердито произнес печник (Е. И. Духанин, Четверть века у врубовой машины);— Господи!— воскликнула женщина, закутанная в цветастую шаль,— как ты терпишь это *изгалятельство* перед храмом своим! (Ю. Рожицын, В. Егоров, Таежный фронт).

Вариант не собственно орфографический. В ином написании (и произношении): Первый белый *изгилялся* над имя, по деревне в белье одном возил в мороз (С. Мирер, В. Боровин, Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне);— Кабы вы понимали, а вы как? Раз свой брат, надо пакостить ему, *изгиляться* над ним... (Н. Ляшко, Сладкая каторга);— Да что ты, Тумба? Я же шутю.— И парень плаксиво добавил:— А как надо мной *изгилялись*, обновляя, так это ничего... (В. Кожевников, Заре навстречу);— Хватит, намыкались мы у твоих родичей, и они над нами *поизгилялись* (Г. Владимов, Большая руда);— Ну, чего ты *изгиляешься*?— сказал он Алеше.— Старо. Хотя бы свое что-нибудь придумал (Д. Гранин, Иду на грозу). В словаре В. И. Даля: «*Изгаляться* или *изгиляться* прм. арх. (см. *галить*) насмеяться, трунить, зубоскалить, глумиться, подымать на смех; корчить, представлять либо передразнивать кого; ломаться, дурачиться, коверкаться, изгибаться. Кажется, это два разных глагола: *изгаляться* ‘насмеяться’; а *изгиляться* ‘ломаться, изгибаться’». «Орфографический словарь русского языка

ка» (изд. 8-е) дает форму *изгиляться*; «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (изд. 9-е) — *изгаляться*.

В современном русском просторечии оба глагола значат одно и то же: 'насмехаться; издеваться, глумиться'. Нет никаких оснований для предпочтения одного из них на письме. *Изгаляться* и *изгиляться* — равноправные существующие варианты написания и произношения. На их фоне следует расценивать как орфографическую ошибку написание с [o] — *изголяться* (вм. *изгаляться*). Ср., например: Так чего же, бисов сын, над детским домом *изголяешься*, сирот наших товарищей обижаешь? («Огонек», 1949, № 38).

Колебания и ошибки в написаниях согласных

[р]: [р']

Ч и ф и р — *ч и ф и р ь* (с производными: *чифирёк*, *чифирить* и т. п.) — 'крепкий настой чая; чай'. Вариант не собственно орфографический. Пили они не чай, а дёготь — настоящий *чифирь* (С. Есин, Эстафета).

В иной огласовке и ином написании: Горит костер. Он как находка. Шоферы — разбитной народ. — Здесь пьют *чифир*. *Чифир* — не водка: Не по мозгам — по сердцу бьёт! (Н. Малышев, *Чифирный мост*).

Арготическое по происхождению слово. Восходит к *чихирь* — крепкое красное вино; стар. *чихир*. Заимствовано из тюркского, ср. *џакуг* («Этимологический словарь» М. Фасмера). В словаре В. И. Даля: «*Чихирь* — горское вино, красное, крепкое, привозимое к нам и большей частью идущее в переделку // Вообще — виноградное сусло, еще не перебродившее». Ср. также: «*Чихирь* — чай, кофе. Азерб. кум. *џагиг* (вино)» (Н. К. Дмитриев. Турецкие элементы в русском аргю.—«Язык и литература», т. VII. Л., 1931); «*Чихирь* — чай, кофе» (С. М. Потапов. Словарь жаргона преступников. М., 1927); «*Чухирь* — чай» (С. И. Котков. Условный язык орловских шорников. «Материалы и исследования по русской диалектологии». М.—Л., 1949). Мягкость конечного [р] сохраняется везде.

В связи со сложившейся традицией произносить и писать это старое арготическое заимствование как *чи-*

фирь следует признать ошибочными написания *чифир* и *чихир(ь)*. Ср. в производных словах *чифирок* и *чифирить* ('пить чай'): — Денис! Давай скорее чай.— Несу, несу... Вот *чифирок* и оладьи (Алдан-Семенов, Барельеф на скале); «Пробили отбой, зеки укладывались спать, а мы еще долго сидели, о чем-то говорили, «*чифирили*»; пока нас не разогнали надзиратели» (Ахто Леви, Записки Серого Волка).

В толковых словарях современного русского языка встречается только *чихирь* — 'кавказское домашнее вино'.

[г]: [к]

Салага—*салака* 'новобранец, новичок; вообще — младший по отношению к старшим' (не собственно орфографический вариант): — Я командовал взводом морской разведки. А во взводе у меня были и блатники. А я был мальчишкой, *салагой*, ходил, путаясь в соплях (Ю. Бондарев, Тишина); Заметил это первогодок Пархименко, сказал осторожно скульптору:— Уж очень красиво сделал. Скульптор обернулся, разочарованно вздохнул, помолчал, сказал задумчиво:— Эх, ты, *салага*. Когда человек идет на подвиг, он всегда красивый («Комс. правда», 23.II 1960);— Ишь, *салаги*, спят, как второкурсники! Говорят им — вставай («Комс. правда», 18.I.1962); Новичок шофер смешно заморгал глазами... И Северцов шагнул к шоферу.— А ты, *салага*, гони свой тарантас куда следует («Юность», 1963, № 11, стр. 82); И тут возле капа увидели наших *салаг* — Алика и Диму (Г. Владимов, Три минуты молчания).

В ином написании (*салака*): «Поди ж, *салака*, только в цех пришел, а уж нос задирает», и Сергей решил проведать, что это за «птица» рядом с ним («Тракторостроитель», Владимир, 30.VI 1958); Вот это в нем сохранилось — дружеское, но немного снисходительное отношение старшекурсника к *салаке* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

Этимологически более «правильна», по-видимому, форма *салака* (из буквального 'маленькая рыба, разновидность сельди'). Слово возникло в морском жаргоне для обозначения молодого, неопытного матроса, юнги. Ср. сходные противопоставления арготической речи: «карась», «голец» («оголец») — о молодом или мелком

воришке, «сазан» — об опытном воре, или в жаргонизированной речи, в просторечии: «малаяки», «кильки» — «киты» и т. п.

Переоформление *салака* в *салага* происходило скорее всего в южнорусской речи (*салака* → *салаха* → *салауа* → → *салага*), а затем было воспринято в общем просторечии. Форму *салага* подкрепляют уменьшительные образования *салажонок*, *салажата* (с чередованием согласных г/ж.) Ср., например: Сережа Гребнев скоро увидел, что в экипаже его оценивают очень по-разному. Одни, вроде Игнатова, считали его «салажонком», человеком слишком молодым и наивным... (С. Колдунов, Солнце, которое не заходит).

По-видимому, нет никакой необходимости в «восстановлении» исконного *салака*, которое вступало бы в противоречие с однокоренными образованиями типа *салажонок* (кстати, «Орфографический словарь русского языка» дает эту последнюю форму, не отмечая, однако, исходной: *салага*, -и). Впервые *салага* 'молодой, неопытный матрос' отмечено в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (Изд. 9-е, М., 1972).

[н] : [нн]

Тоняга—*тонняга* (ср. *тбнный* 'соответствующий хорошему тону, принятым в обществе манерам', устар.) 'шикарный' — то, что мы сейчас обозначили бы словом *стильный*: Такой интересный красавец, *тоняга*, одевается (М. Зощенко, Голубиная книга); Здесь *тонный* инженер (явным «*тонягой*») он был потому, что из рукавов его небезупречного кителя выделялись безупречные манжеты) протянул акт, уже подписанный председателем (И. Исаков, Конец одной «девятки»).

В ином написании (с двумя -нн-):— Нет! Но что ты скажешь: каков вид! — Вполне. — *Тонняга* (В. Катаев, Зимний ветер);— Ну вот, а еще кричал, что в жизни больше не будешь воевать!... Страшные клятвы давал. А теперь что мы видим? Кожаная куртка. В кармане бриджей кольт. Усы. *Тонняга* красногвардеец! (Там же); Таков был кавалерийский шик, означавший, что поручик считает себя адским *тоннягой* — пистолетом (Л. Соболев, Капитальный ремонт). Написания с двумя -нн- объясняются, по-видимому, стремлением пишущих прояснить

внутреннюю форму устаревшего уже слова, указать на его связь с прилагательным *тонный* в особом значении. Между тем в словообразовательном отношении это ошибка. По закону аналогии из пропорции [стиль : стил'-ага = тон : х] получаем: х—тон'-ага, т. е. *тоняга*. Орфограмму *тоняга* следует признать ошибочной.

[г] : [х] перед согласным

Гмырь—*хмырь* 'угрюмый; подозрительный, неприятный человек':— Не думал ли ты, что мы даем всяким *хмырям* взятки? (Ю. Бондарев, Тишина);— Кто этот *хмырь*?— Капитан Уваров. Я тебе о нем рассказывал (Там же);— А то, может, нашелся на это место *хмырь* — папенькин сынок. Десятилетку заканчивает. Виды на институт имеет (Е. Ржевская, Земное притяжение); Знакомый лектор мне вчера сказал: «Антимиры? Мура!». Я сплю, ворочаюсь спросонок. Наверно, прав научный *хмырь* (А. Вознесенский, Анtimiры).

В ином написании:— Кто он такой?— спросила Ия.— Откуда ты его взял?— А кто его знает, кто он,— ответил тогда Генка.— *Гмырь* какой-то. Икончик (В. Кочетов, Чего же ты хочешь?);— Тогда прими привет от того *гмыря*, которого я приводил к тебе в прошлом году смотреть иконы (Там же).

Словарь В. И. Даля фиксирует двойную огласовку: «*Гмур*, *гмыр*, сиб. или *хмура*, угрюмый человек, нелюдим... *Гмыра* об. нвг. пен. то же, хворый или угрюмый». «*Хмура* — угрюмый человек, *хмыра* об. нвг. пск. смл. брюзгач».

В современном просторечии слово закрепилось с огласовкой *хм-:* *хмырь*. Иная огласовка (*гмырь*), возникающая, по-видимому, под влиянием произношения *гмырь* → *гмырь*, должна быть признана окказиональной, а соответствующая ей орфограмма — ошибочной.

[ш] : [п]

Шмон—*шпон* 'обыск'. Производные: *шмбнить*, *ошмбнить*, *шмонять* и т. п. (Вариант не собственно орфографический): Раздался крик: «*Шмон!*». Начинаясь обыск — проверка вещей (Б. Дьяков, Повесть о пережитом).

Арготическое по происхождению слово. Ср.: «Шманать — ощупывать, обыскивать» (В. Ф. Трахтенберг. Блатная музыка. СПб., 1908); «Шмонт, шмон, шмонка — обыск, личный обыск» («Жаргон преступников. Пособие для оперативных и следственных работников милиции». М., 1952).

Узколокальным произношением (если не прямой ошибкой!) следует считать огласовку *шпон* в том же значении. Ср., например: Начался «шпон» — обыск. После «шпона» открыли ворота и впустили в «зону», то есть на территорию лагерного пункта (Ахто Леви, Записки Серого Волка).

Колебания и ошибки в употреблении прописных и строчных букв

Б р о д в е й, *Б р о д—б р о д* 'главная улица города; излюбленное место гуляний, встреч'.

В 50-е годы слово *Бродвей*, появившись сначала в указанном значении в речи «стиляг» (в Москве это была улица Горького), распространилось затем в жаргонной молодежной речи и обросло вариантами *Брод*, *Бродик* и нек. др. В передаче этих слов на письме характерен разноречивый в использовании кавычек (дополнительного «сигнала» жаргонно-просторечного употребления): Вон Тарзан с партнершей феей Скачет «стилем» взад-вперед... Это он, друзья, *Бродвеем* Нашу улицу зовет! (Стихотворный фельетон Степана Олейника); Прогуливаясь вечерком с приятелями по «*Бродвею*» (так именовали в кружке Симы главную улицу), Освальд вдруг остановился и будто врос в тротуар (В. Артищев, Сокрушение идола). Ср. также: Я вышел из-за угла и пошел в сторону фосфатогорского *Бродвея*, где светились четыре наших знаменитых неоновых вывески (В. Аксенов, Апельсины из Марокко); «*Бродвей*» наш упирается прямо в сопку (Там же); Главная улица, называемая Шаталовкой, Шалопаевкой и *Бродвеем*, многолюдна (Н. Давыдова, Вся жизнь плюс еще два часа). «*Бродом*» мы называем главный проспект — от горкома комсомола до памятника Стефану Великому. Собираемся там к вечеру. Ну, ходим взад-вперед, ходим («Комс. правда», 11.X 1962); В это утро Орфей Мешалкин проснулся, как и всегда, — под вечер. С трудом протиснулся в брюки-чулки собственной конструкции, завязал на давно не мытой шее косынку, выменянную у

«мистера» за поддельную икону, и поплелся на «Брод» («Комс. правда», 23.VIII 1963).

Получая в жаргонно-просторечном употреблении некоторую смысловую «обобщенность», слова *Бродвей*, *Брод*, *Бродик* остаются вместе с тем названием главной улицы города или поселка и, в соответствии с «Правилами русской орфографии и пунктуации», должны всегда писаться с прописной буквы (см. § 100 Свода правил).

Ошибочным и никак не оправданным в семантико-стилистическом отношении следует расценивать написание слов *Бродвей*, *Брод*, *Бродик* со строчной буквы: *бродвей*, *брод*, *бродик* и т. п. Ошибочность эта подтверждается возможной нежелательной омонимией — сближением с исконными русскими словами *бродить* 'ходить, прохаживаться' и *брод* 'мелкое место, переход через водную преграду'. Написание без кавычек увеличивает возможность такого сближения и неверного осмысления слов. Ср.: Подошли, и Вовчик взял меня за пальто, раздразнил на груди:— Срам. Девки на первом *броде* засмеют. Ну, флотский! Ну, северный! Бостоном не мог обшиться, макен позаграничнее нацепить (Г. Владимов, Три минуты молчания);— Такой-то дурью пробавляться — лучше, чем с девками по *броду* шастать (Там же).

Варианты написания и орфографические колебания, связанные с экспрессией

В ряде случаев орфографический разнобой может быть связан с особым стилистическим использованием обычных слов, попавших в сферу жаргонной речи, или с дополнительной экспрессией собственно жаргонной лексики.

Например, *питйчка* вместо *птичка* — о форменной нашивке бортипроводницы: [Евдокимов.] Какой у тебя великолепный орел на груди. [Наташа.] Нет, это просто птичка, Эла. «*Питичка*», как ее у нас называют. Хватит аэрофлота (Э. Радзинский, 104 страницы про любовь). Ср. также *ништйк* вместо *ничтйк* с общим модальным значением 'ничего, терпимо; ладно'; *шлындра* вместо *шлындать* — 'ходить, бродить без цели'; *атандра* вместо *атанда* — сигнал опасности; *шквалыга* вместо *сквалыга* — 'скупердяй'; *пришпйчило* вместо *приспйчило* — 'сильно захотелось'; *шкелёт* и *шкилёт* вместо *скелёт* — о художом, щуплом человеке и т. п.

Во всех подобных случаях написание передает реальное произношение, обусловленное в жаргонной речи стилистически. Об этой стилистической мотивации фонетических вариантов в пределах жаргона и аргоса писал, в несколько иной связи, О. Н. Трубочев в статье «Этимологические мелочи»: «Аргос и просторечие очень интересны в лексико-этимологическом плане, их словарь причудливо совмещает новые и древние элементы, заимствованное и исконное (последнее нередко с печатью индивидуальной формально-фонетической эволюции, мотивированной здесь стилистически). (Сб. «Этимология. 1964», М., 1965, стр. 131. Разрядка моя — Л. С.).

Экспрессивно-стилистическая обусловленность фонетического (и орфографического) оформления жаргонно-просторечных слов и выражений проявляется и в некоторых специальных случаях, из которых необходимо отметить следующие:

1. Использование отрицательной частицы в выражениях *не в жилу* — *ни в жилу* с общим значением экспрессивной отрицательной оценки: 'плохо, никак; не так, как надо или как хотелось бы'.

При общности значения этих выражений можно наметить определенные их семантико-стилистические различия, с которыми и связано их разное написание.

Выражение *не в жилу* оказывается отрицательным вариантом просторечного *в жилу* 'хорошо, удачно; так, как надо'. Ср. жаргонно-просторечные пары выражений *в цвет* — *не в цвет*, *по циркулю* — *не по циркулю* (с тем же общим значением 'хорошо — плохо' или 'подходит — не подходит'), а также литературные *по душе* — *не по душе*, *в обхват* — *не в обхват* и т. п.

На фоне этих отношений выражение *ни в жилу* воспринимается как экспрессивно усиленное отрицание с более общим, отвлеченным значением 'никогда, ни в какую, совсем плохо' и т. п. Ср. просторечно-жаргонные и разговорно-просторечные *ни в дугу* (*ни в дугаря*), *ни в зуб* (*ни в зубаря*), *ни в жизнь* и т. п., практически не употребляющиеся без отрицания (не имеющие «положительного» варианта).

Мотивированное использование выражений *ни в жилу* и *не в жилу* иллюстрируется, в частности, следующими примерами: А удовольствие это весьма убогого свойства.

До полудня в постели. Потом телефонные звонки приятелей:— Вовка, как жизнь?— *Ни в жилу* (т. е. никак, совсем плохо.— *Л. С.*) («Комс. правда», 20.VII.1957); И то, что молчал он, И то, что сед, И то, что подкручивал лампы свет, И то, что спокойно Глядел на портрет Хозяина и отца,— Все было *не в жилу*, Не так, Не то, Хотелось крикнуть:— Не тронь! (Г. Пожеян, *Жизнь живых*).

2. Использование буквы ё. В некоторых словах аргоического и жаргонного происхождения обязательное употребление буквы ё необходимо для правильного чтения, произношения. Между тем ставшее обычным на практике неупотребление буквы ё приводит к написаниям типа *на стреме* (вместо правильного *на стрёме* — ‘настороже начеку’), где «исходная» форма может неверно восстанавливаться как *стрёма*, *-мени*, ср. или *стрёма*, *-ы*, *ж.*, вместо *стрём*, *-а*, муж. или *стрёма*, *-ы*, и *ж.*

Стрёма (с производными *стрёмить*, *стрёмщик* и т. п.) — старое аргоическое слово, отмеченное всеми основными словарями «блатной музыки» (воровского языка). Ср.:

«*Стрёма*. Арестант, поставленный на стражу, обязанный условным криком, свистом или известным словом давать знать играющим в карты о приближении опасности в виде начальства или надзирателя. Поэтому *стрёмить* — следить, наблюдать, сторожить, выслеживать» (В. Ф. Трахтенберг. *Блатная музыка. «Жаргон тюрьмы»*. СПб., 1908).

«*Стрёма* — осторожней; опасность. *Стрёмить* — смотреть; следить; караулить. *Стрёмщик* — караульщик во время игры в карты, кости и т. п.; арестантское» (В. М. Попов. *Словарь воровского и арестантского языка*. Киев, 1912).

«*Стрем* [очевидно, *стрём*, т. к. литера ё отсутствует во всем тексте; ср. следующее слово.— *Л. С.*] — «следи», «смотри», «высматривай». *Стре(о)ма* [т. е. *стрёма*.— *Л. С.*] — сторо́жа; опасность. *Стремзить*, *стремить* [очевидно, *стрёмзить*, *стрёмить*.— *Л. С.*] — смотреть, следить, караулить, наблюдать» (С. М. Потапов. *Словарь жаргона преступников*. М., 1927).

«*Стоять на шухере*, *стоять на стрёме* — стоять на страже при совершении преступления. *Стрёмь* — стой на страже (при совершении преступления)» («Жаргон

преступников. Пособие для оперативных и следственных работников милиции». М., 1952).

В. И. Даль связывает слово *стрёма* с прилагательным *стрёмный* 'прыткий': «*Стрёмный, стрёмкий, стрёмый*, мск. влд. прыткий, проворный, бойкий, расторопный; отсюда окрик мазуриков и жуликов друг на друга: *Стрёма!* берегись, есть опасность». (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. СПб., — М., 1882).

Можно полагать, однако, что слово *стрёма* имеет более древнее происхождение и более древние связи, позволяющие сближать его не со сравнительно поздними *стремя* 'стремень реки, быстрина' (ср. *стремить, стремительный* — быстрый) и *стрёмный*, а со старым рядом, не вполне дошедшим до нас, таких слов, как *стрём, стрёмный, стремнина*, обозначавших прежде крутизну, высоту. Ср. у того же В. И. Даля: «*Стремнина* или *стремнина*, быстрина течения, стрежь, стрежень; // круча, обрыв, крутизна, скала, утес, отвесная высота либо глубина; пропасть, бездна... *Стремниный*, црк. *стреминный* и *стрёмный*... *Стремнистый* весьма крутой, отвесный; // скалистый, утесистый».

Таким образом, *стрёма* может быть восстановлено как название места, сторожевого пункта, а затем и самого сторожа на высокой скале, на обрывистом берегу реки, где широкий обзор позволяет видеть издали приближающуюся опасность. Тогда — это слово специального («условного») языка волжских речных разбойников, — одной из старейших ветвей русских социальных диалектов, восходящей к XVI в. или даже ранее.

Примеры современного написания с сохранением *ё* (и, следовательно, указанием на правильное произношение) немногочисленны: — А мне что? День-деньской *стрёму* держать, пока не засыпешься? (С. Беляев, Оголец); — Что это ты, будто *на стрёме*, глазами зыркаешь? (Е. Дорош, Городок над озером).

Ср. с этим нежелательное написание без сохранения *ё*: К сожалению, третий преступник, стоявший *на стреме*, заметил засаду и поднял тревогу (В. Мильчаков, Таких щадить нельзя); Иван Капитонович отобрал трубку. — Как там? Все в порядке... Освобождайся и сразу же к нам. Форма одежды парадная. Без тебя не начнем. А за Галку не беспокойся, тут мы все *на стреме* (В. Тендряков, Короткое замыкание);

— Молчок, пацаны, атанда! Кто там на *стреме*: все спокойно? (В. Конецкий, Кто смотрит на облака).

3. Гласные после шипящих и *ц*.

По-видимому, в экспрессивно-стилистических целях можно в некоторых случаях считать допустимой своеобразную орфографию жаргонизмов и просторечных слов, подобно тому как это делается в отношении слов иноязычных (преимущественно французских; см. § 1 Свода правил). «Обособленность» арготической и жаргонной лексики так или иначе приводит к своеобразному написанию, не согласующемуся с традиционно принятой орфографией (или даже прямо противоречащему ей). В этом смысле тенденции в написаниях арготизмов и жаргонизмов представляют собой своеобразный эксперимент орфографической кодификации, отвечающий на спорные вопросы литературного правописания.

Ср. написания *цѣмис* и *цѣмис*, на *цѣнке* и на *цѣнке* — ‘настороже’, ср. *цѣнка* и *цѣнка*; *цѣцик* и *цѣцѣк* и т. п., в которых орфографические правила 1956 г. требуют только *и*. Интересно, что *цѣцик* (*цѣцѣк*), из украинского *цѣцик* ‘собачонка, щенок’, с вариантами *цѣцак*, *цуценя* (см. словарь Б. Д. Гринченко) и *цѣцок*, *цуцѣня* (см. «Донской словарь» А. В. Миртова), в отличие от перечисленных выше слов, не всегда подчиняется орфографическим правилам в изданиях после 1956 г. например: — Я не посмотрю, что ты маленький, шкуру сниму. Молчи, как *цуцѣк* (В. Гроссман, Степан Кольчугин). Ср. с этим: — Вы же ее (баранину) скушали до косточки. Да еще тарелку обчистили корочкой. Не дурите мне голову. Я не *цуцѣк*! (К. Паустовский, Беспокойная юность). В том же написании встречаем у К. Паустовского в «Повести о жизни».

В соответствии с правилами орфографии жаргонное слово *пшѣнка* ‘ошибка вратаря, пропущенный легкий мяч’ пишется через *ѣ* (в практике печати — обычно *е*) под ударением, например: На трибунах они не топали ногами, не свистели и не кричали при неудачах (...), потому что они знали, как все это бывает, ведь «*пшѣнку*» может выдать любой самый классный вратарь (В. Аксенов, Папа, сложи!).

По-видимому, для предупреждения неверного чтения через *е* и для отличия от омонимичного *пшѣнка* ‘пшенная каша’ можно было бы принять для жаргонизма написание *пшонка*, тем более что оно связано не столько

с «проверяемым» словом *пшено* (ср., однако, *пшено*, *семечки* — с общим значением 'чепуха, ерунда, мелочь'), сколько с созвучным *пшик* и т. п.

На фоне написания *общага* 'общежитие' простой ошибкой выглядит *общяк* вместо ожидаемого *общак* — 'дань, собираемая ворами с других арестантов в общий котел'. Ср.: Покамест в *общаге* поживете, а там, может, и комнатка будет... (Г. Владимов, Большая руда); Воровский «*общяк*», или «котел», — это сердцевина воровской жизни (в лагере — Л. С.) (Ахто Леви, Записки Серого Волка).

Однако эта ошибка, кажущаяся простой единичной опiskeй, может быть, по-видимому, объяснена стремлением автора передать своеобразную напряженную артикуляцию долгого шипящего, — вопреки требованиям правил орфографии (ср. аналогичные *чудо* вместо *чудо*, *шюм* вместо *шум* и т. п.), — или, во всяком случае, подчеркнуть необычность самого слова.

Таким образом, правописание жаргонных и просторечных слов, традиционно не кодифицируемых орфографически, должно опираться на изучение их происхождения и условий реального употребления в современной речи. При этом факторы исторического (этимологического) характера в ряде случаев оказываются в подчинении факторам употребительности в речи, когда закрепившееся за словом произношение требует написания, отличного от исконной формы слова.

Наконец, некоторые отступления от орфографических норм и правил для жаргонных и просторечных слов (особенно имеющих омонимичные формы в общелитературном языке) могут иметь обоснования экспрессивно-стилистического характера

Наблюдения над колебаниями и тенденциями в пределах орфографии просторечных и жаргонных слов, в силу специфичности материала, традиционно не включаемого в сферу кодификационной деятельности, оказываются интересными и полезными для решения некоторых частных вопросов упорядочения и усовершенствования собственно литературного правописания.

Предлагаемый ниже орфографический словарь включает просторечные и жаргонные слова и выражения, рассмотренные или упомянутые в статье.

Слова сопровождаются грамматическими пометами, обычными для орфографических словарей, а также предупредительными орфографическими пометами.

Словарь*

бадя́га, -и, ж и бодя́га, -и, ж (Сл. Уш. бадя́га или бодя́га, «обл.»;
Орф. ⁸ бодя́га)
берля́ть, -яю, -яешь и бирля́ть, -яю, -яешь
бодя́га, -и, ж] и бадя́га, -и, ж (см. бодя́га)
Брод, -а, м [не брод, -а, м]
Бродвёй, -ея, м [не бродвёй, -ея, м]
втихаря́, нареч. [не втихаря́]
гмырь, см. хмырь
жи́ла: не в жи́лу и ни в жи́лу
изгали́ться, -яюсь, -яешься и изги́латься, -яюсь, -яешься
[не изго́латься] (Орф. ⁸ изги́латься; Сл. Ож. ⁹ изгали́ться)
канде́й ¹, -ея, м и конде́й, -ея, м (карцер)
канде́й ², -ея, м (повар)
кема́рить, -рю, -ришь и кима́рить, -рю, -ришь
кема́рь, -ря, м
ке́рять, -яю, -яешь и ки́рять, -яю, -яешь
ким, -а, м
кима́ть, -аю, -аешь
ки́рять, -яю, -яешь и ке́рять, -яю, -яешь
конде́й, -ея, м. и канде́й ¹, -ея, м
лабу́да, -ы, ж [не лобуда́, -ы]
лапиту́дник, -а м [не лепету́дник, -а]
лаху́дра, -ы, ж [не лаку́дра, -ы]
лепе́нь, -ня, м и липе́нь, -ня, м
напорта́чить, -чу, -чишь и (обл.) напартáчить, -чу, -чишь (Сл. Ож. ⁹
напорта́чить)
ничтя́к и ништя́к
обща́га, -и, ж
обща́к, -а́, м [не общя́к, -а́]
охламо́н, -а, м [не охломо́н, -а] (Сл. Ож. ⁹ охломо́н)
охмури́ть, -рю, -ришь [не очмури́ть] (Орф. ⁸ охмури́ть; Сл. Ож. ⁹
охмури́ть)
партáч, -а́, м (обл.) и порта́ч, -а́, м (Орф. ⁸ и Сл. Ож. ⁹ порта́ч.)
партáчить, -чу, -чишь (обл.) и порта́чить, -чу, -чишь (Орф. ⁸ и
Сл. Ож. ⁹ порта́чить)
пахáн, -а, м [не поха́н, -а]
паца́н, -а́, м [не поца́н, -а́] (Орф. ⁸ и Сл. Ож. ⁹ паца́н)
покема́рить, -рю, -ришь и покима́рить, -рю, -ришь
порта́ч, -а́, м и (обл.) партáч; -а́, м

* Принятые в словаре сокращения: Сл. Уш.— «Толковый словарь русского языка», т. I—IV. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940; Орф. ⁸ — «Орфографический словарь русского языка». Под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. Изд. 8-е. М., 1968; Сл. Ож. ⁹ — «Словарь русского языка» С. И. Ожегова. Изд. 9-е, испр. и доп. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1972.

портáчить, -чу, -чишь и (обл.) партáчить, -чу, -чишь (см. партáчить)
 похán см. пахán
 приспíчьить, -ит и приишпíчьить, -ит
 причиндáлы, -ов [не причандáлы, -ов] (Сл. Уш., Орф.⁸ и Сл. Ож.⁹
 причиндáлы)
 пришпíчьить, -ит и приспíчьить, -ит
 пшёнка, -и, ж и пшóнка, -и, ж
 салáга, -и, ж [не сала́ка, -и] (Сл. Ож.⁹ сала́га)
 салажонок, -нка ж (Орф.⁸; Сл. Ож.⁹ — уменьшит. к сала́га)
 сексóт, -а, ж [не сиксóт, -а]
 стрéма, -ы, ж: на стрéме [не на стреме]
 сквалы́га, -и, ж и ж и шквалы́га, -и, ж и ж
 тоня́га, -и, ж [не тоння́га, -и]
 фéники, -ов и фíники, -ов
 хабáр, -а ж [не хабáра, -ы, ж] (Сл. Уш. хабáр и хабарá; Орф.⁸
 хабáр)
 халáбуда, -ы, ж [не холóбуда, -ы, ж]
 хмырь, -ря́, ж [не гмырь, -ря́]
 цымис, -а, ж и цымис, -а, ж [не цимус, -а]
 цу́цк, -а, ж и цу́цк, -а, ж
 чифи́рь, -ря, ж [не чифир, -а, ж. и не чихи́рь, -ря, ж.]
 шантрапá, -ы́, ж и ж [не шантропá, -ы́] (Сл. Уш., Орф.⁸ и Сл.
 Ож.⁹ шантрапá)
 шкелёт, -а, ж и шкилёт, -а, ж
 плы́ндать, -аю, -аешь и шлы́ндрать, -аю, -аешь
 шманáть, -áю, -áешь
 шмон, -а, ж [не шпон, -а]
 шмóтки, -ток [не шму́тки, -ток] (Сл. Ож.⁹ шмóтки)
 шмотё́, -тъя́, собир.
 шпон см. шмон

Л. С. Школьников

**ПА-Д' ЭСПАНЬ ИЛИ ПАДЕСПАНЬ?
 РОКЕ-ЭНД-РОЛЛ ИЛИ РОК?**

Падеспань впервые появился на балах в 1898 г. Он был удивительно наряжен, даже щеголеват. Темпераментом и смелостью он явно превосходил своих более скромных собратьев. А в звуках кастаньет, в ритмичном позванивании шпор и пристукивании каблуков угадывалась испанская кровь, хотя танец родился в России. В 1898 г. он назывался только «Pas d'Espagne». Но к незнакомцу привыкли, он стал завсегдаем танцевальных

вечеров, и в 1901 г. его второе написание *Па-д'Эспань* вытеснило первоначальное. А затем произошло нечто непостижимое. По всей России стал быстро распространяться под именем *Па-д'Эспань* какой-то упрощенно кадильный вариант танца, абсолютно лишенный испанского характера, т. е. стихийно возникший танец, не имеющий никакого отношения к первоначальной редакции, созданной артистом Московских Императорских театров Александром Царманом. С танцевальным Лжедмитрием пытались бороться профессиональные преподаватели танца, но безуспешно. Именно этот примитивный, лишенный какой-либо помпезности вариант на протяжении последующих десятилетий и был тем простым милым *падеспанцем*, который танцевали в любой русской деревушке.

Параллельно с этим менялась и орфография. В моей картотеке зафиксировано более десятка вариантов. Исчезли кавычки, дефис, заглавная буква. Долго держалось заглавное написание буквы «Э» (*Па-д'Эспань*). Затем появилось слитное написание *падэспань*, а после революции — *падеспань*. В устной просторечной форме дошло до — «*подиспанца*».

Но не менее интересна дальнейшая судьба танца и, несомненно, сопутствующей ему орфографии. В 40-е годы хореографы решили возродить хореографически более ценный вариант цармановского падеспаня и одновременно избавиться от «просторечной» формы исполнения танца. Для этого пошли на крайние меры: на время исключили танец из репертуара. Его перестали преподавать в школах танца. Музыка падеспаня перестала звучать по радио. Все шло согласно расчету: о танце забыли. Прошло несколько лет, вчерашние дети стали юношами и девушками, а молодежь тех лет обзавелась семьями, стала старше, солиднее и круг ее интересов отдалился от танца. Другими словами, появилась новая категория танцующих, не имевшая ни малейшего понятия о когда-то популярном падеспане. Пришло время действовать, и началась массированная пропаганда подлинного, т. е. цармановского падеспаня. И вот уже молодежь танцует настоящий падеспань, и в печати вновь засверкало витиевато-напыщенное написание *Па-д'Эспань*. Преподаватели танца ликовали, но торжество продолжалось недолго. Вновь, как и полвека назад, неизвестно откуда появился простонародный *падеспань*, на вечерах вновь

завучало: «падеспанец хорошенький танец». Благородный «Па-д' Эспань» был повержен.

История *падеспаня*-танца и *падеспаня*-слова интересна, но не исключительна. Каждый год появляются новые танцы. Судьбы их различны. Одни, родившись в неизвестности, живут удивительно долго, полнокровно, проявляя исключительную устойчивость к капризам быстротечной моды: переживают самоуверенных шумных конкурентов, рождаются с песней, становятся естественными и необходимыми спутниками многих поколений. К таким танцам принадлежит вальс. Другие, не успев родиться, шумят, буйствуют, прославляются, критикуются, увлекают и вызывают негодование, затмевают все, что было до них, и, несмотря на это, не в силах прожить больше одного десятилетия. К таким танцам относятся рок-н-ролл и твист. А бывает и так, что танец годами скромно живет на родине и, лишь дождавшись своего часа, заставляет весь мир говорить о себе с той степенью уважительности, которая даже несколько несоразмерна к такому явлению массовой культуры, как бальный танец. Примером тому — греческий сиртаки, ставший символом дружбы, танцем отважных ламбракидов.

Некоторые танцы и их названия уходят навсегда, и мало кто знает, что гейша, дилижанс, тореадор и дирижабль — это еще и названия бытовых танцев.

В названии танца, как правило, отражены содержание и характер танца. В изменении написания, в орфографии отражается отношение к нему людей, общественное мнение. В диалектике этих изменений, во взаимодействии танца с окружающими его словами, в подчинении или неподчинении грамматическим нормам, в характере словоупотребления, в образовании производных сохраняются информативные признаки. Это своеобразная тщательно закодированная миниатюрная перфокарта, способная рассказать о танце, его популярности, судьбе.

Если танец становится популярным, входит в быт, то эволюция его названия проходит примерно следующие стадии.

1. Потеря «словесной свиты».

В первое время упоминание названия нового танца возможно только в сопровождении поясняющих слов. Танец твист появился в 1960 г. В нашей периодической

печати первые упоминания о твисте появляются в 1961—1962 гг.: Губернатор вкладывает свою страсть и энергию в модный ныне на западе «твист», сменивший «рок-н-ролл» («Известия», 15. III 1962); Хозяин одного из парижских ателье приказал проигрывать с утра до конца смены мелодии модного американского танца «Твист» («Веч. Москва», 1. II 1962); Просветители из-за океана показали недавно в одном из клубов Каира свой наимоднейший танец твист. О том, какое впечатление он произвел, можно судить по специальному решению Министерства культуры ОАР, появившемуся буквально на следующий день... В стране категорически запрещается американский танец твист («Веч. Москва», 29. V 1962).

II. Появление склонения.

По нашим наблюдениям первыми при склонении появляются родительный и творительный падежи, позднее — дательный.

Наиболее употребительным является родительный падеж. Интересно отметить, что негативное отношение общественного мнения к танцу, очевидно, ускоряет образование склоняемых форм.

Если твист в 1961 г. (по нашим материалам¹) в склоняемой форме употребляется только один раз, то в 1962 г. — 23 раза. В 1966 г. — 120. Аналогичная картина просматривается по танцу рок-н-ролл, шейк и другим танцам: Молекулы живой клетки танцуют в ритме твиста («Известия», 10. X 1962); Как сообщает парижская буржуазная газета «Журналь дю диманш», по мысли предпримчивого дельца, темп мелодии «Твиста» способствует ускорению работы швей («Веч. Москва», 1. II 1962); Противники рок-н-ролла еще возмущались этим дурацким танцем, а на смену ему шел твист («Неделя», 10. XI 1962); Твистом увлечена не только молодежь, но и люди почтенного возраста («Веч. Москва», 24. III 1962); Вы не поверите, но именно Моисеев и Александров укоротили век Элвиса Пресли, короля твиста («Комс. правда», 18. VII 1962).

III. Оупущение кавычек.

¹ Данные получены на основе систематического анализа следующих периодических изданий: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Советская культура», «Вечерняя Москва», «Советский спорт» и наблюдения за «Литературной газетой», «Неделей», «За рубежом» (1960—1969 гг.).

В 1961 г. слово *твист* без кавычек не употреблялось. В 1962 г. в кавычках было только 46% слов.

Еще быстрее шел процесс опущения кавычек в названиях танцев рок-н-ролл и шейк. Значительно менее охотно покидают кавычки производные слова, сокращенные формы типа «рок», и особенно во множественном числе: Белому дому пришлось официально заявить, что «твист» не танцуют на официальных балах («Лит. газета», 2. XII 1961); Парижанин Мишель Гасте без отдыха танцевал «твист» 130 часов («Известия», 25. I 1961); Он изучал не только азбуку Морзе, но и наимоднейший западный танец «твист» («Правда», 16. XII 1962); Мы хотим ввести в фильм ребят, танцующих твист, — признался он, — а Шекспиру воздадим должное только в конце картины («За рубежом», 20. X 1962); Твист стал чем-то гораздо большим, чем танец. Он стал мощной индустрией («Правда», 25. II 1962).

В 1967 г. слово *твист* в кавычках употребляется редко, а начиная с 1968 г. — совсем не встречается. На сценах тюзов школьники целуются, танцуют твист («Лит. газета», 29.V 1968); В одном рыболовецком колхозе даже объявили движение: Ни одного человека, неправильно танцующего твист («Лит. газета», 22.II 1967).

С другой стороны, хотя рок-н-ролл появился значительно раньше твиста, при употреблении сокращенной формы кавычки сохраняются даже в контексте с названием другого танца, помещаемого без кавычек: В руках у него была гитара, как у многих парижских «шансонье», но исполнял он не буйные «роки» и твисты, а песни на слова известных поэтов («Известия», 20.II 1966).

IV. Образование производных слов.

При образовании производных слов прослеживается такая закономерность: первыми образуются имена существительные, затем глаголы и лишь затем прилагательные.

При негативном отношении к танцу этот процесс ускоряется, так же, как это имело место при появлении склоняемых форм: «— Твистеров — в шею!» — так откликнулась общественность ОАР на попытку экспортировать заокеанскую пошлость («Веч. Москва», 29.V 1962); Его лирические песни совершенно не похожи на творения бесчисленных представителей племени рокк-н-роллистов

(«Известия», 9.X 1965); Что и говорить, встречаются и у нас «твистуны», старающиеся перенять самый дурной «стиль» западноевропейской или американской кабацкой эстрады («Юность», 1962, № 11). Главная цель — полное иступление — достигается «твистерами» без труда («Смена», 1962, № 2); «Твистопляска продолжается» («Комс. правда», 11. I 1963); Самые отчаянные теперь «твистуют» в уголке, а самые модные лихо «чарльстонят» («Сов. культура», 10.X 1964); Молодые люди весело твистуют в проходе между скамьями («Сов. культура», 27.X 1966); Знатоки утверждают, что скоро понадобится специальный «твистовый» каталог («Веч. Москва», 12. VIII 1964); Итак, мир вступил в «послетвистовый» период своего существования («Молод. коммунист», 1968, № 11).

Интересно отметить, что если образование имен существительных мужского рода типа «твистер», «твистун» происходит достаточно легко, то интуитивная этика словообразования, очевидно, не допускает возникновения отдающих вульгарностью слов типа: «твистерша», «твистушка».

V. Упрощение написания ².

Упрощение написания имеет место при следующих необходимых условиях: 1) длительное словоупотребление, 2) громоздкая конструкция слова.

Упрощение написания чаще всего достигается за счет: 1) опущения второй части составного слова; 2) опущения дефисов и перехода в слитное написание; 3) перехода заглавной буквы в прописную; 4) опущения второй согласной.

Большинство названий танцев, представляющих собой сложные слова, освободились от второй части слова (за исключением тех случаев, когда сложное слово составлено из названий двух танцев, типа «вальс-мазурка»).

Например:

«слоуфокстрот» — «слоуфокс» и даже «слоу», а не «трот»
квикстеп — «квик», а не «степ»
буги-вуги — «буги», а не «вуги»
летка-енка — «летка», а не «енка»
фокстрот — «фокс», а не «трот»

² Издательства, редко встречающиеся с танцевальной тематикой, наиболее архаичны в выборе варианта написания.

В устной речи уже наметилась тенденция говорить вместо «хали-гали» — «хали».

Исключение составляет «вальс-бостон» — «бостон». Вряд ли надо пояснять, что опущение второй части слова привело бы к исчезновению термина.

Интересно проследить эволюцию написания танца рок-н-ролл. Первые упоминания об этом танце относятся к 1958 г., и преобладающая форма написания выглядела так — «Рокк-энд-ролл». Но уже спустя два-три года «энд» трансформировалось в «н», второе «к» было опущено: Рок-н-ролл уже не первый год играет роль в, так сказать, «допризывной подготовке» американской молодежи («Сов. культура», 14.XI 1961); «Рок-н-ролл» — сильное наркотическое средство, которое сковывает мысль и волю человека, вызывает самые низкие инстинкты («Сов. культура», 21.VII 1961); Одновременно с высылкой Холлидея министр внутренних дел распорядился немедленно подготовить декрет, запрещающий показывать и исполнять «рок-н-ролл» и прочие западные «новинки»... («Известия», 15.I 1962); Где-то в проходе начали танцевать рок-н-ролл. Это было искрой в пороховом складе («Ровесник», 1962, № 4); ...С какой веселой непосредственностью отплясывали они румбу и рок-н-ролл («Юность», 1962, № 11).

Спустя еще два-три года упрощенное написание «рок» можно встретить чаще, чем полную форму «рок-н-ролл», не говоря уже о «рокк-энд-ролл»: В ваши годы, — сказала ей одна из девочек, — в ваши годы танцевали буги-вуги и рок, а мы танцуем стом, у нас свои танцы («Лит. газета», 4. IX 1965); «Рок Элвиса Пресли» (заголовок) и там же далее: Но ... никто из них не мог соперничать с Элвисом Пресли — первым королем рока («Комс. правда», 30.XI 1965); Известны случаи, когда наиболее популярные мелодии в ритме рока сочиняли четырехлетние карапузы («Комс. правда», 17.IV 1966); ... Но исполнял он не буйные «роки» и твисты, а песни на слова известных поэтов («Известия», 20.II 1966).

Проходит еще два года, танец стали забывать, и в 1968 г. нам не приходилось встречать сокращенное написание «рок». А в 1969 г. встретилось давно исчезнувшее написание. Вот оно: «Что было весело? Да нет, просто акции падали в учащенном ритме рокк-энд-ролла» («Известия», 19.IX 1969).

Невольно напрашивается сопоставление с падеспанем. Упрощение, а точнее, изменение написания — процесс обратимый.

VI. Появление множественного числа.

Появление множественного числа, видимо, связано с наибольшими трудностями. Оно происходит достаточно редко и со значительным опозданием. Так, например, появление множественного числа для слова «твист» происходит с опозданием в два года, для «шейка» — три, «рок-н-ролла» — пять. Для «летки-енки» еще не наступило.

Твист (первое упоминание — 1961 г.), множественное число — с 1963 г.:

Но никто и пальцем не шевельнет для того, чтобы ограничить катастрофическое наводнение музыкального рынка страны всякими «твистами», «мэдисонами» и прочей дрянью, изобретаемой бездарными халтурщиками («Известия», 24.I 1963); Джазовая музыка и твисты, по мнению духовных отцов, должны привлечь в лоно церкви тех, кто отбился от нее («Известия», 2.X 1965).

Первые упоминания о шейке относятся к 1964 г. Множественное число появляется в 1967 г.: Долго забавлялись, прокручивали пленки с твистами и шейками, добытыми из-под полы у знакомого купца («Лит. газета», 1967, № 23); Конечно, я уважаю вальсы, шейки, твисты («Комс. правда», 25.VII 1969); В программе — никаких шейков, твистов, никаких модных мотивчиков и «клубнички» («Сов. культура», 9.VIII 1969); И если нам стукнет в голову, Не создавая — требовать, Планета окажется голою — Ни платьев, ни шейков, ни хлеба вам! («Комс. правда», 21.IX 1969).

Хотелось бы обратить внимание на случай, когда название одного из современных танцев, точнее эволюция его написания, не подчинилась закономерностям, характерным для других танцев. Речь идет о слове «Летка-енка». От Летки-енки нет производных, вряд ли когда-нибудь появятся слова — «леткоенистый» и «леткоенить». И дело тут не только в скрытой омонимичности, в щелочном смысловом привкусе. Как было замечено выше, нет и множественного числа. Охотно склоняя, Летку-енку, в то же время упорно пишут только с заглавной буквы, причем не только в печати, но и в письмах на радио и телевидение. Мне кажется, что эта удивительная устой-

чивость первоначального написания объясняется неосознанно привносимым аллегоризмом, интуитивным ощущением женского образа в слове Летка-енка: Теперь мы уже танцуем все вместе Летку-енку («Известия», 31. XII 1966); Кроме уже известных советских танцевальных мелодий и таких знакомых танцев, как «Летка-енка» и «Липси», многие самодеятельные артисты привезли в Москву на смотр что-то свое, созданное ими самими («Комс. правда», 3. II 1968); По просьбе посетителей оркестр несколько раз подряд исполнял «Летку-енку» («Известия», 16. IX 1966).

Видимо, не случайно в многочисленных песенках, положенных на популярную мелодию Летки-енки, часто встречаются эпитеты и такой характер контекста, который скорее можно отнести к девушке, чем к танцу:

Куда Летка ни придет, —
Смех и шутки вместе с ней,
Всех мгновенно увлечет,
Станет сразу веселей.

Или вот другая еще более популярная песенка композитора Поддельского.

Раз, два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать,
Милая простая смешная Енька
Нас приглашает танцевать.

Общий вывод — изменение орфографии названия танца находится в определенной связи с социологическими языковыми процессами, возможно, оказывающими влияние и на другие группы заимствованной лексики.

Графика и орфография в качестве выразительного средства художественной речи

В. П. Григорьев

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ У А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Мы рассмотрим здесь только один прием реализации А. Вознесенским различных выразительных возможностей графического и орфографического уровней поэзии — использование позиции начала стихотворных строк как потенциального выразительного средства. Если для многих современных поэтов указанные уровни полностью подчинены звуковому и более высоким, то в творчестве Вознесенского графика, орфография и пунктуация обладают определенной автономией. В этом отношении он развивает своеобразную традицию, связанную, в частности, с именами Маяковского, Цветаевой, Сельвинского, Кирсанова, Мартынова. Представляют несомненный интерес и использование поэтом знаков препинания (и случаи их редукции), и особенности расположения строк, и соотношение шрифтов, употребление разрядки и своеобразие верстки, и способы включения в текст числительных и числовых обозначений, и отдельные факты писательской транскрипции. К ним мы предполагаем обратиться в последующих публикациях.

Два первых сборника Вознесенского — «Мозаика» и «Парабола» — в соответствии со старой беллетристической нормой не содержали ни одного случая строчной буквы в начале строки¹. Пожалуй, только разнообразие

¹ Два отступления от нормы в тексте «Мастеров» («Мозаика», стр. 61): Как и Да , — по-видимому, могут рассматриваться как издательская непоследовательность. В «Параболе» слова *клейма* и *будет* в той же позиции набраны с прописной буквы. То же — позднее в «Антимирах» и в «Тени звука».

строфики и спорадически появлявшиеся «маяковские лесенки» допускали предположение о будущей эволюции поэтической графики и орфографии (включая пунктуацию) у Вознесенского.

Но уже «40 лирических отступлений из поэмы Треугольная груша» обнаружили всю сложность отношения поэта к экспрессивным возможностям графики и орфографии. В большинстве случаев начала строк и здесь еще традиционны, несмотря на то, что эпитафия к сборнику: «Будь лирическим наступлением, | преступление отступать!» — и своим прямым афористическим смыслом, и новой для поэта орфографической нормой подготавливает читателя к неожиданностям. Полностью новой нормой охвачены всего семь «отступлений»: «Я сослан в себя...», «Гитара», «Осень в Сигулде», «Автоотступление», «Противостояние очей», «Елена Сергеевна» и «Грузинские березы». Однако переход к новой норме осуществлен в них по-разному.

Первые два, четвертое и седьмое, из этих стихотворений «отказались» и от знаков препинания. В «Осени в Сигулде» запятые на месте обычных точек в конце строф формально превращают все стихотворение в единое синтаксическое целое и служат знаками особой поэтической мелодии; единственное троеточие отделяет заключительное слово-предложение *Спасите!* В «Противостоянии очей», где знаки препинания обычны, обнаруживается, по-видимому, неумышленное орфографическое противоречие между заглавием (см. также в «Содержании» сборника на стр. 108) и текстом: *Противостояние очей — Противостояние Очей*. Заметим, впрочем, что «противоречие» это распространяется и на самый текст, где наряду с *Глаза́* есть и *глаза́*, а рядом с *Очей* — *очи* и *очами*. Таким образом поэт чисто орфографическими приемами повышает степень окказиональности, неожиданности и экспрессивности олицетворения.

В «Елене Сергеевне» знаки препинания исчезают лишь во внутреннем монологе «О спасибо моя учительница...» Опубликованный текст стихотворения пострадал не только из-за отсутствия заключительной строки «Елена Сергеевна водку пьет». Строчка, предшествующая упомянутому монологу: «Ты ребенка втоптала в грязь!» — напечатана с прописной начальной буквы, что противоречит общей орфографической норме стихотворения и связано,

очевидно, с инерцией семи предыдущих строк, в которых начальные прописные буквы вызваны позициями начала предложения. Как бы то ни было, это противоречие без кавычек свидетельствует о необходимости как для издательств, так и для самого поэта пристального внимания к мельчайшим особенностям набора. В текстах, использующих «поэтику орфографии», совершенно недопустимы опечатки.

Другие семь стихотворений сборника интересны, в частности, тем, что в них старая и новая нормы сосуществуют. Уже в «Фасад» «Ночного аэропорта в Нью-Йорке» врезаются отдельные строчки, оформленные по-новому. Следующая часть этого стихотворения — «Летное поле» — непоказательна: все начала строк совпадают здесь с началами предложений. Две заключительные части — «Интерьер» и «Конструкции» — представляют старую норму. В дальнейшем (в «Антимирах» и «Ахиллесовом сердце») это «Отступление» печатается автором полностью (в том числе «Фасад») по старой норме с частичным сохранением сдвигов полустиший и лесенок.

Известный «монолог отрубленной головы» в «Лобной балладе» особенно резко (резче, чем упомянутый монолог в «Елене Сергеевне») противопоставлен в орфографическом отношении окружающим частям текста: в них не только присутствуют знаки препинания, исчезающие в монологе, но и выдержана старая норма оформления начала строк. Вообще можно заметить, что если появление строчных букв в начале строк у Вознесенского относительно независимо от других орфографических (и пунктуационных) особенностей текста, то редукция знаков препинания встречается у этого поэта только в сочетании со строчными буквами в начале строк.

Особый случай сочетания старой и новой норм демонстрирует стихотворение «Ньюйоркская птица». Основная новая норма сопровождается здесь редукцией знаков препинания, но строки, взятые поэтом в скобки:

(В простынь капиталистическую
Завернувшись, спит мой друг.)

и (концовка)

(Я ору. И, матерьясь,
Мой напарник, как ошпаренный,
Садится на матрас.) —

оформлены в полном соответствии со старой нормой. Вместе с ней появляются и знаки препинания.

Иное соотношение старой и новой нормы в стихотворении «Бьют женщину». Здесь после строки:

Есть
Ж е н щ и н а ! . —

которая композиционно завершает первую, традиционно оформленную часть стихотворения, вся заключительная его часть не содержит ни одного знака препинания и ни одной прописной буквы, кроме начальной;

Она как озеро лежала
стояли очи как вода
.....
и скатываясь
остужали
ее горячее чело

Там, где, по словам поэта (см. введение «От автора»), «мелодия требует раскованности, высоты», ей, очевидно, не столько «мешают ограды из точек и запятых» (ср. «Осень в Сигулде»), сколько так или иначе отвергаемые старые нормы оформления начала строк. Новая норма включается здесь поэтом, как только бытовой план уступает проникновенно-высокому.

Близко к этому столкновение двух норм в «Отступлении, в котором рыбак Боков варит суп»: традиция нарушается, когда план повествования прерывают воспоминания о любимой:

...Синеок, как образа,
Заглядится в облака
и частушка улета
точно тучка
золотая
унесет меня как дым
к алым туфелькам твоим
как консерваторской палочкой
ты грозишься резвым пальчиком
«Милый — скажешь —
прилечу...»
Чу!..

Примерно так же ломается традиционная норма в стихотворении «Секвойя Ленина». Переход к новой норме (и отказ от знаков препинания) здесь тоже явно связан с изменением «высоты мелодии», со сменой почти памфлетной интонации начала стихотворения высокой торжественной интонацией второй части. Но дополнительно обнаруживается еще один фактор, оправдывающий смену норм. Поэту необходимо было и орфографически выделить обобщенное и необычное, как бы двойное олицетворение. Олицетворяется не только секвойя — она сама служит олицетворением совести:

...у каждого своя Секвойя
мы Садим Совесть Словно Сад

Новая норма в оформлении начала этих и окружающих строк является, таким образом, дополнительным средством подчеркивания поэтического центра стихотворения. Характерна здесь и формальная окказиональность олицетворения: в следующей строчке «секвойя свет мой и товарищ» слово *секвойя* уже не нуждается в орфографическом выделении, так как оно и без того сохраняет все «поэтические приращения смысла», полученные им ранее ².

Композиционное взаимодействие старой и новой норм особенно наглядно и поэтически значимо в «Новогоднем письме в Варшаву». Две контрастные по содержанию и по настроению его части — «варшавская» и «московская», «душная» и «снежная» — противопоставлены и орфографически. Вторая часть вводится противительным *А*, после чего прописные буквы исчезают вместе со знаками препинания. Заключительная строка: «Пахнет яблоком снежок» — после троеточия в предшествующей строке — может быть расценена как возврат к старой норме и как самостоятельная, третья часть стихотворения. В противном случае инерция новой нормы, осложненной редукцией знаков препинания (и точек, и запятых), как

² В «Секвойе Ленина» и в «Отступлении, в котором рыбак Боков варит суп» переход к новой норме связан и с графическим сдвигом всех следующих ей строк вправо. Впрочем, сами эти сдвиги независимы от орфографической новации: они встречаются и в «Елене Сергеевне» (с новой нормой), и «В эмигрантском ресторане» (со старой нормой) и заслуживают специального анализа.

будто требовала бы строчной буквы и в начале этой строки³.

Тенденция и эксперименты, так резко обнаружившиеся в «40 отступлениях», были продолжены Вознесенским в сборнике «Антимиры».

В чисто формальном отношении здесь заслуживает быть отмеченным появление такого стихотворения, как «Ночь», которое — с интересующей нас точки зрения — не укладывается в рамки намеченной выше трихотомии: старой, новой и смешанной нормы. В данном случае норма оказывается неизвестной: слишком ограниченно орфографическое пространство стихотворения⁴. Забегая вперед, отметим, что в новом сборнике Вознесенского «Ахиллесово сердце» таким же оказывается стихотворение «Матери сиротеют...». Кстати, и то и другое могут рассматриваться как первые опыты Вознесенского в области белого стиха. Эксперименты со свободным стихом («прозаическими вкраплениями») до сих пор занимали его куда больше. Но развитие поэтического идиолекта Вознесенского заставляет нас со всем вниманием отнестись к самым «малым выходам бога огня», как говорил Хлебников. Не будет ничего удивительного, если в дальнейшем у Вознесенского видное место займут эксперименты с русскими аналогами японских танка и хокку. Смысловая емкость и особая выразительность этих стихотворных форм кажутся очень близкими таким чертам творчества Вознесенского, как эллиптичность.

Даже не считая «Лонжюмо», в сборнике «Антимиры» численно уже преобладают стихотворения с новой нормой. Из впервые опубликованных только три («Кроны и корни», «Я в Шушенском...» и «Охота на зайца») придерживаются традиционной нормы. Да и то «Охота на зайца» благодаря прозаическим вкраплениям должна быть отнесена к смешанному типу. Но еще показательнее то, что, перепечатывая здесь некоторые из ранее опубликованных

³ Заключительные строки ранее цитировавшихся стихотворений «Секвойи — нет? | Секвойя — есть!» и «Милый — скажешь — прилечу...» | Чу! ..» формально возвращает к старой норме ликвидация сдвига, который здесь не используется. Ср. в «Елене Сергеевне» невозможность определить норму заключительных строк «Ленка, милая, Ленка — где? | Ленка где-то в Алма-Ате. | Ленку сшибли, как птицу влет...».

⁴ Ср. выше о стихотворении «Ночной аэропорт в Нью-Йорке».

стихотворений, Вознесенский если и меняет их орфографическую норму, то только в одном направлении — от старой нормы к новой (единственное исключение, а точнее — упорядочение — «Ночной аэропорт в Нью-Йорке»; см. выше). Полностью переведены на новую норму четыре стихотворения: «Тайга», «Лежат велосипеды...», «Горный родничок» и «Репортаж с открытия ГЭС». При этом в первых трех исчезли и знаки препинания, кроме тире, восклицательных и вопросительных знаков.

Два стихотворения: «Бьют женщину» и «Новогоднее письмо в Варшаву» лишились контраста старой и новой нормы. Восторжествовала новая норма. Композиционный контраст поддерживается в них теперь только редукцией знаков препинания во вторых частях. Из этого можно как будто сделать вывод о том, что в 1964 г. Вознесенский еще отдавал предпочтение пунктуационной экспрессии за счет собственно орфографической контрастности. В «Ахиллесовом сердце» положение изменится. Но и в «Антимирах» есть случай заострения именно орфографического контраста. В тексте поэмы «Мастера», ранее (в «Мозаике» и «Параболе») печатавшейся целиком по традиционной норме, Вознесенский делает изменение, которое резко выделяет шесть строк «Реквиема» перед заключительным четверостишием:

Я со скамьи студенческой
Мечтаю, чтобы зданья
ракетой
 столупенчатой
взвивались
 в мирозданье!
И завтра ночью тряскою
в 0.45
я еду
 Братскую
осуществлять!
...А вслед мне из ночи
Окон и бойниц
Уставились очи
Безглазых глазниц.

Опубликованная в том же 1964 г. «Оза» с интересующей нас точки зрения характерна полным торжеством

новой нормы без малейших отступлений от нее. Орфографические и пунктуационные контрасты уступили в ней место контрастам графическим, контрастам прозы и стиха и иным способам передачи собственно содержательных контрастов.

Сборник «Ахиллесово сердце» (1966) закрепляет победу новой нормы. Из впервые публикуемых только стихотворение «Умирайте вовремя...» (1964) напечатано по старой традиции. Любопытно, что и самое раннее из всех датированных стихотворений Вознесенского — «Осенний воскресник» (1954) печатается здесь по новой норме. Сменили старую норму на новую «Монолог битника», «Туманная улица», «Поют негры»⁵, «Баллада работы» и «Сирень „Москва — Варшава“». Контраст старой и новой нормы в пределах одного стихотворения Вознесенский распространил здесь и на «Торгуют арбузами». Головокружительный переход от бытовой уличной зарисовки к гиперболическому образу земли, мотающейся

в авоське
меридианов и широт! —

теперь поддерживается и этим контрастом.

Еще интереснее новое стихотворение «Зов озера». Господствующая в нем новая норма неожиданно нарушается старой — случай единственный у Вознесенского. При этом традиционно оформленные строки поражают и совершенно им забытым, казалось бы, способом расположения в расхожий беллетристический столбик:

Третью ночь как Костров пьет.
И ночами зовет с обрыва.
И к нему
Является
Рыба
Чудо-юдо озерных вод!

Если у поэта действительно было стремление таким уникальным для него расположением строк создать графический образ крутизны, своего рода «иероглиф обрыва», то надо иметь в виду, что графические экспрессемы

⁵ Это и некоторые другие стихотворения недостаточно показаны ввиду частых совпадений начала строки с началом предложения.

давно уже привлекали внимание Вознесенского (ср. также «Латышский эскиз»). Возможно, конечно, и более нейтральное, не столь семантизированное прочтение этого места. А обилие опечаток в «Ахиллесовом сердце» не исключает полностью и предположение об издательской неряшливости.

Однако решающим аргументом в пользу «иероглифа обрыва» оказалась дальнейшая поэтическая практика Вознесенского, в частности, его обращение к «опытам изобразительной поэзии» — изопам. Показательно, что в новом сборнике поэта «Тень звука» (1970) изопа, эти попытки «превратить словесную метафору в графически зримую», как определил их сам автор, составили особый раздел, вобравший в себя «излишества» графической игры со словом и сделавший остальные разделы сборника более строгими, как бы каноническими в графическом и орфографическом отношении.

Для «Тени звука» характерно последовательное использование в новых произведениях поэта строчных букв в начале стихотворных строк. Старой норме в этом сборнике следуют всего шесть из перепечатываемых в разделе «Эхо» произведений: «Гойя», «Антимиры», «Мотогонки...», «Футбольное», «Охота на зайца» и «Мастера». Заметим, что в «Мастерах» снят отмеченный выше (см. стр. 168) частный орфографический контраст, но «монолог отрубленной головы» в «Лобной балладе» по-прежнему контрастирует орфографически и пунктуационно (см. выше стр. 164) с окружающим текстом⁶.

Что касается «Изопов», то не все вошедшие сюда опыты являются чисто графическими. И «Мост», и «А луна канула...» — прежде всего палиндромы⁷. При этом последний четко семантизирован, хотя (в отличие от случаев типа «Сам дошел и доводи лошадь масс») обнаруживает ничтожные (лишь неизбежные, интонационные) формальные «вольности». «Мост», наоборот, несмотря на существен-

⁶ К сожалению, обычное обилие опечаток препятствует содержательной интерпретации двух появившихся в монологе точек (после слов «твой губы в моей крови» и «щедрый твой поцелуй»), которые вступают в противоречие с новой беллетристической нормой оформления начала строк.

⁷ То есть «слово, стих или фраза, одинаково читаемые по буквам слева направо и справа налево» (А. П. К в я т к о в с к и й. Поэтический словарь. М., 1966, стр. 190). См. также: С. К и р с а н о в. Поэзия и палиндромон. «Наука и жизнь», 1966, № 7.

ные формальные послабления (далеко не полную графическую зеркальность и разные фонетико-орфографические нейтрализации), семантически всего лишь полуотмечен как явление художественной речи, даже с учетом ее права быть «иногда легкомысленной». Относительная слабость «Моста» объясняется лавинообразно нарастающими трудностями получения осмысленного текста при увеличении количества предложений в палиндроме. Перевертень — парадоксально афористическая форма, причем потенциально, по-видимому, самая афористическая форма из всех существующих.

Как ни незначительны выразительные возможности графики, орфографии и пунктуации, все же несомненно, что и они могут быть «мобилизованы поэтической мыслью». Вознесенский — один из тех поэтов, которые заняты поисками экспрессии на всех без исключения семиотических уровнях. В движении к «неслыханной простоте» новый этап в творчестве Вознесенского открывают «Зарев» и «Языки». Здесь отчетливо обнаруживается обращение поэта к опыту Хлебникова, к его традиции, к освоению открытых им «поэтических материков». Путь к гармоническому слиянию «материала и приема» оказывается трудным. Удачные и неудачные эксперименты Вознесенского в области графики и орфографии не пройдут бесследно и сыграют свою роль на этом пути.

Пунктуация

В. А. Ицкович

ОПЫТ ОПИСАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПУНКТУАЦИИ

§ 1. Нормы языка (его лексики, фонетики, словообразования, грамматики и др.), как и нормы орфографии и пунктуации, формируются в процессе исторического развития языка. Но в синхронном плане между нормами языка и нормами орфографии и пунктуации в развитом литературном языке имеется принципиальное различие.

Нормы языка существуют объективно. Наше воздействие на язык, его нормализация, возможно лишь в некоторых ограниченных сферах (например, в области терминологии). И если в области каких-нибудь ненормализуемых, только кодифицируемых явлений наблюдается несоответствие языковой практики (т. е. реальной нормы) правилам, зафиксированным в грамматиках, то это может быть показателем несовершенства правил, которые в данном случае кодифицируют, возможно, не современную, а более старую норму.

В отличие от норм языка, нормы правописания и пунктуации в развитом литературном языке — это (в синхронном аспекте) то, что кодифицировано, т. е. записано в официально утвержденных правилах. И если в области каких-нибудь явлений, предусмотренных кодификацией, наблюдается несоответствие орфографической и пунктуационной практики правилам орфографии и пунктуации — при условии однозначности и непротиворечивости правил, — то это может быть показателем незнания пишущим названных правил, нарушения им орфографических и пунктуационных норм. Конечно, возможны, кроме

незнания правил, и иные причины колебаний: отсутствие правила для какого-нибудь типа явлений, противоречивость друг другу разных правил, возможность подведения явления под разные правила, неточная формулировка правила. Но такие случаи достаточно редки, так что в дальнейшем изложении они не принимаются во внимание.

В основе описания языка лежат факты языка — тексты, «языковой материал»; сформулированные в грамматиках правила привлекаются при этом в основном для установления степени их адекватности объективным закономерностям, отраженным в текстах. В основе описания орфографии и пунктуации лежит кодекс правил; языковой материал привлекается для установления характера реализации правил в текстах, для обнаружения случаев, не предусмотренных правилами, для анализа причин отступления от правил и т. п.

В соответствии со сказанным в основу предлагаемого описания положены «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденные в 1956 г. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Таким образом, в описании не учитываются ни неcodифицированные, не учтенные в «Правилах» явления¹, ни встречающиеся в практике нарушения названных правил. Естественно, что в обобщающем, схематизированном описании некоторые частные правила неизбежно будут опущены.

Под пунктуацией понимается совокупность отличных от букв алфавита (а также от цифр и некоторых иероглифов типа §, %, № и т. п.) знаков², употребляемых в письменной речи для указания на грамматическое и смысловое членение текста, на отношения между частями высказывания (предложения), на смысловую и эмоционально-экспрессивную характеристику предложения и его частей. В пределах понимаемой таким образом пунктуации в статье рассматриваются знаки, употребляемые внутри предложения (простого и сложного) и на границе

¹ См., например, наблюдения над знаками препинания, разделяющими примеры в упражнениях по русскому языку, в ст.: Л. Г. Григорьян. Многозначность пунктуаций. «Русская речь», 1973, № 3.

² См.: А. А. Реформатский. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем.— «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 214.

предложений (в конце предложения), и не описываются средства более высокого уровня, членившие текст на отрезки, содержащие больше одного предложения (например, отступ от края строки и возможная при этом незавершенная, не доведенная до правого края набора концевая строка — как обозначение абзаца). Такое ограничение объясняется тем, что употребление знаков, делящих текст на отрезки более высокого уровня, чем предложение, не имеет строгой кодификации. См., например, встречающиеся иногда случаи обозначения абзаца только незавершенной концевой строкой, без отступа в первой строке абзаца. Не рассматриваются, в связи с их специфическим характером, дефис и знак словораздела (пробел)³. «Лесенка» в стихах не учитывается ввиду нерегулярного, индивидуального характера ее употребления.

В задачу статьи не входит графический анализ знаков, поэтому в ней, за редким исключением, отсутствует графическая характеристика знаков, не разграничиваются знаки одноэлементные (простые), как точка, запятая, тире, и двух- и трехэлементные (комплексные) знаки — точка с запятой, двоеточие, многоточие и др.⁴

§ 2. И н в е н т а р ь з н а к о в п р е п и н а н и я.
Знаки препинания разделяются на одиночные и парные (ставящиеся в начале и в конце выделяемого ими отрезка текста)⁵.

К о д и н о ч н ы м знакам относятся точка, вопросительный знак, восклицательный знак, точка с запятой, запятая, двоеточие, тире, многоточие. Два одиночных знака — вопросительный знак и восклицательный знак — могут быть двойными и иногда тройными. Два знака —

³ Двойственная природа дефиса охарактеризована А. А. Реформатским: «В случае противопоставления пробелу — знаку пунктуационному — и дефис следовало бы отнести к пунктуационным знакам; в случае же противопоставления дефиса контакту, то есть слитному написанию слов, пришлось бы отнести его к орфографическим знакам» (А. А. Реформатский. Дефис и его употребление. «О современной русской орфографии». М., 1964, стр. 147). Точно так же пробел — знак отдельности слова, противопоставляемый контакту, т. е. знак главным образом орфографический.

⁴ См.: Р. В. Макарова. Основные вопросы графики современного русского языка (алфавит и пунктуация). Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 13.

⁵ См.: А. Б. Ш а п и р о. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1966, стр. 75. О н ж е. Русское правописание. М., 1961, стр. 179—180.

точка с запятой и запятая — могут быть повторяющимися (т. е. употребляться в одинаковой функции больше одного раза при однородных элементах в отрезке текста между двумя точками или их эквивалентами) ⁶.

Особое место среди одиночных знаков занимает знак сноски. Его характеристика определяется местом — он всегда поднят над строкой — и кеглем, всегда меньшим, чем кегль текста. Изображение же знака может быть различным. Основные виды знака сноски — астериск («звездочка»), цифра, буква или два, три и т. д. астериска. Знак сноски, в отличие от других одиночных знаков, ставится дважды: в тексте, обозначая место, где должен быть помещен вводимый этим знаком фрагмент текста, и вне текста (под страницей или в конце текста) — перед тем фрагментом, который должен быть помещен в тексте. Но к парным знакам знак сноски нельзя отнести потому, что он ставится только перед вводимым в текст фрагментом, а в самом тексте тоже является одиночным.

К парным знакам относятся две запяты, две запяты и два тире, два тире, скобки (обычно употребляются скобки двух рисунков: круглые и квадратные; в некоторых жанрах встречаются также фигурные, угловые и косые), кавычки (двух рисунков — так называемые лапки и елочки). В лингвистических и некоторых других специальных текстах употребляется еще один вид кавычек — одинарные лапки: второй элемент этого знака представляет собой поднятую на верхнюю линию строки запятую (апостроф), а первый элемент — расположенное на том же уровне зеркальное отражение второго ⁷.

§ 3. Значения, выражаемые знаками и препинания. Основная функция одиночных знаков — разделительная: они разделяют элементы текста, между которыми стоит такой знак.

⁶ См.: А. Б. Шапиро. Современный русский язык. Пунктуация, стр. 77.

⁷ См. иные взгляды на количество и инвентарь знаков препинания («знаков пунктуации») в работах: А. Б. Шапиро. Основы русской пунктуации. М., 1955, стр. 88—89 (см. также цитированные ранее его книги); А. А. Реформатский. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем, стр. 214; З. М. Волочкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николеева. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964, стр. 26—27; Р. В. Макарова. Указ. соч., стр. 13.

Точка делит текст на отдельные высказывания, отделяя одно предложение от другого, следующего за ним, обозначает конец последнего высказывания (предложения).

Вопросительный знак в конце предложения играет двойную роль: он, как и точка, обозначает конец высказывания и наряду с этим показывает, что высказывание содержит прямой вопрос. Вопросительный знак в середине предложения употребляется при словах, заключенных в скобки или выделенных знаком два тире. В этом случае он указывает на отношение автора (сомнение, несогласие и под.) к содержанию предшествующего этому знаку слова или части предложения (обычно — цитируемых автором чужих слов).

Восклицательный знак в конце предложения также играет двойную роль: наряду с обозначением конца предложения этот знак указывает на экспрессивный характер предложения (высказывания). Восклицательный знак в середине предложения употребляется при словах, заключенных в скобки или выделенных знаком два тире. В этом случае он указывает на экспрессивный характер выделенного двойным знаком попутного замечания. Кроме того, восклицательный знак ставится при определенных условиях после междометий, после обращений, стоящих в абсолютном начале предложения (о возможности иной интерпретации вопросительного и восклицательного знака см. далее, § 6, примечание 2).

Запятая (напомним, что речь идет об одиночном знаке. О знаке две запятые см. далее) употребляется только внутри предложения. Она разделяет грамматически равноправные (сочиненные) предложения и грамматически равноправные (однородные) члены предложения. Одиночная запятая никогда не ставится между словоформами, соединенными подчинительной связью, а также между составом подлежащего и составом сказуемого (за исключением тех случаев, когда подлежащее и сказуемое соединены оборотами *не кто иной, как и не что иное, как*).

Точка с запятой ставится, как и запятая, между предложениями или членами предложения, соединенными сочинительной связью. Этот знак употребляется обычно в тех случаях, когда разделяемые им компоненты высказывания семантически более удалены друг от друга, чем это выражает запятая, когда хотя бы один из раз-

деляемых этим знаком компонентов уже имеет внутри себя запятые⁸.

Тире ставится между подлежащим и сказуемым, если в составе последнего нет лексически выраженной спрягаемой глагольной формы; при противопоставлении двух сказуемых или двух синтаксически равноправных (сочиненных) предложений — между противопоставляемыми единицами; перед обобщающим словом, стоящим после однородных членов; в некоторых случаях эллипсиса; при обозначении пределов (пространственных, временных, количественных) — между названиями крайних точек.

Тире может употребляться для указания на отнесение слова к данному или к другому подчиняющему. В таком случае этот знак ставится между словами, которые могли бы быть восприняты, вопреки намерениям пишущего, как связанные подчинительной связью. См. известные примеры типа: *Ходить* ↓ *долго не мог* и *Ходить долго* — *не мог*. Однако употребление тире в подобных случаях не всегда возможно, как показывают приводимые далее примеры из газет (курсивом выделена та словоформа или словосочетание, которые могут быть отнесены как к одному, так и к другому подчиняющему слову): По распоряжению президента в качестве верховного главнокомандующего каратель освобожден из тюрьмы. В данном случае тире перед словом *каратель* сняло бы паразитную связь «освобожден в качестве главнокомандующего». Но в следующих примерах пунктуационными средствами снять двусмысленность, возможность (по крайней мере, формальную) двойного чтения нельзя: *Друзья по очереди* крепко жали Петину руку; *Начинают продавать сыр в молодом возрасте*; *Салака сразу после вылова в охлажденном виде* отправляется в торговую сеть.

Двоеточие не только отделяет одну часть предложения от другой, но и содержит указание на то, что далее следует объяснение (изложение, раскрытие содержания, указание причины, основания) того, о чем шла речь в первой части⁹. Таково значение двоеточия в позиции

⁸ Правило, которое помнил коллежский секретарь Ефим Фомич Перекладин: «Где запятой мало, а точки много, там надо точку с запятой» (А. П. Чехов. Восклицательный знак), — довольно точно формулирует условия употребления этого знака. Ср., например, определение значения точки с запятой в выпуске немецкой серии «Малая энциклопедия»: точка с запятой «разделяет сильнее, чем запятая, но не так сильно, как точка» (Kleine Enzyklopädie. Taschenbuchreihe. Sprache. Schrift. Buchwesen. Presse. Funk. Leipzig, 1959, стр. 46).

⁹ См.: С. И. Абакумов. Методика пунктуации. Изд. 2-е. М., 1950, стр. 30.

после первой части бессоюзного сложного предложения, после обобщающего слова перед однородными членами (в официально-деловой речи перед однородными членами и при отсутствии обобщающего слова), после вводящих прямую речь слов, если они стоят перед прямой речью.

Многоточие замещает пропущенный фрагмент предложения или текста. В конце предложения многоточие указывает на его словесную, грамматическую (а нередко и смысловую) незавершенность, в середине или в начале предложения (обычно при цитировании) — на пропуск части предложения. Многоточие — единственный одиночный знак, который может стоять в абсолютном начале текста.

Знак сноски — выделительный знак, как было сказано ранее, — указывает, что за словом, после которого он поставлен, находится выведенный из основного текста и расположенный в нижней части страницы или в конце текста отрезок (часть предложения, предложение, ряд предложений), содержащий разного рода дополнительные сообщения.

Основная функция п а р н ы х знаков — выделительная: они выделяют находящийся между ними отрезок текста.

Две запятые — самый частотный из парных знаков — служат для выделения обособленных оборотов, придаточных предложений, вводных слов и предложений.

Два тире употребляются для выделения постпозитивных, особенно распространенных, приложений, вводных словосочетаний и предложений, вставочных конструкций, прямой речи.

Скобки выделяют вводные словосочетания и предложения, а также части предложения и предложения, имеющие дополнительный, побочный характер по отношению к основному тексту, содержащие разного рода дополнительные сообщения и пояснения, прерывающие основную линию изложения. Скобками (круглыми или квадратными) выделяют имя персонажа при цитатах из драматических произведений:

(Сатин) Че-ло-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо!

Обычно в тексте употребляются круглые скобки. Квадратные скобки используются при необходимости заключить в скобки отрезок, часть которого уже заклю-

чена в скобки. В этих случаях старшими, внешними являются квадратные скобки.

Две запятые и два тире — знак, вводящий авторские слова в середину предложения прямой речи:

Я, — сказал он, — все понял.

Кавычки выделяют введенные в текст чужие слова (цитаты), служат для введения прямой речи. Кроме того, они являются средством эмоционально-экспрессивной окраски заключенных в них отдельных слов или словосочетаний. Выбор рисунка кавычек (лапки или елочки) зависит только от технических, типографских причин. Но при необходимости заключить в кавычки отрезок, часть которого уже находится в кавычках, старшими, внешними являются обычно кавычки елочки.

В абсолютном начале текста из парных знаков могут быть первые части (первые элементы) знаков два тире (только в том случае, если этот знак вводит прямую речь), скобок, кавычек.

Как видно из приведенного описания значений отдельных знаков, знаки препинания в основном многозначны, почти каждый из них употребляется более чем в одном значении. Основные значения, выражаемые знаками препинания, следующие:

1. Обозначение конца предложения (точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие).

2. Характеристика предложения по цели высказывания (т. е. обозначение повествовательных, вопросительных, побудительных предложений — те же знаки).

3. Обозначение эмоционально-экспрессивной характеристики предложения или его частей (восклицательный знак, многоточие, кавычки, восклицательный или вопросительный знак в скобках).

4. Разделение однородных членов предложения или сочиненных предложений (запятая, точка с запятой).

5. Разделение компонентов бессоюзного сложного предложения (запятая, точка с запятой, двоеточие, тире).

6. Обозначение отсутствия спрягаемого глагольного слова в двусоставном предложении (тире).

7. Обозначение пропуска какой-нибудь части внутри предложения (тире, многоточие).

8. Обозначение буквальной передачи чужой речи (кавычки, два тире).

9. Обозначение вставки в текст, дополнительного замечания, пояснения, прерывающего основной текст (скобки, два тире, знак сноски).

10. Выделение обособленных членов предложения, придаточных предложений (две запятые, два тире).

11. Выделение вводных слов и словосочетаний, вводных предложений (скобки, две запятые, два тире).

12. Предупреждение о следующем далее отрезке текста (двоеточие).

Обобщая сказанное, можно выделить следующие основные группы знаков препинания:

А. Знаки — сигналы грамматического и смыслового членения текста (точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, точка с запятой, двоеточие, тире, две запятые, два тире).

Б. Знаки, обозначающие эмоционально-экспрессивную характеристику предложения или его частей (восклицательный знак, вопросительный знак, кавычки, многоточие).

В. Знаки, обозначающие разрыв последовательности изложения, вызванный вставкой кусков иного текста — чужих слов, дополнительных замечаний автора (скобки, кавычки, знак сноски, два тире, две запятые и два тире) или отсутствием части предложения или отдельных предложений (многоточие).

§ 4. В а р и а т и в н о с т ь у п о т р е б л е н и я
з н а к о в п р е п и н а н и я. В некоторых случаях в одном и том же значении, иногда с небольшими различиями в оттенках, могут употребляться разные знаки препинания. Выбор того или иного знака в подобных случаях может быть связан с усилением или ослаблением удельного веса отделяемого или выделяемого им отрезка высказывания, в других случаях тот или иной знак предпочитается в зависимости от жанровой принадлежности и связанной с этим функционально-стилевой приуроченности текста, иногда между разными знаками нет ни смысловых, ни жанрово-стилистических различий.

Обособленные существительные и обособленные обороты с главными членами — существительными могут выделяться двумя запятыми или двумя тире. Обращение в абсолютном начале предложения может выделяться двумя запятыми (первая из них в этом случае не ставится, см. § 7) или восклицательным знаком. Вторая часть

бессоюзного сложного предложения, содержащая пояснение сказанного в первой части, может быть отделена от нее двоеточием или тире. Вставки в текст могут быть выделены двумя тире, скобками или знаком сноски. Прямая речь выделяется двумя тире или кавычками. Однородные, синтаксически равноправные предложения могут быть разделены точкой, запятой или точкой с запятой.

Выбор того или иного знака может зависеть, как было сказано, от жанрово-стилистической приуроченности текста. Например, в научных, деловых текстах чужие слова выделяются кавычками, и в этой роли не выступают два тире. Между тем в художественных текстах кавычки используются, если чужая речь находится в середине абзаца. Если же прямая речь (с факультативно следующими за ней авторскими словами) начинается с новой строки, дается с абзаца, то она обычно выделяется двумя тире.

В научной и деловой речи дополнительные замечания вводятся обычно знаком сноски, т. е. выводятся за пределы основного текста. В отличие от этих жанров, в художественных произведениях (исключая некоторые особые случаи, например научно комментированные издания памятников литературы) все дополнительные замечания находятся, как правило, внутри основного текста (кажется, единственным исключением здесь является выведение автором или переводчиком под строку толкования иноязычных или диалектных включений).

Только в деловой, научной литературе используется многоточие как знак пропуска при цитировании, причем в этом же значении может употребляться многоточие, заключенное в скобки (обычно — квадратные, иногда угловые).

Одинарные кавычки лапки употребляются, как правило, в лингвистической литературе. Они вводят в текст толкование значения слова или перевод, помещенные в исследовании непосредственно после объясняемого слова. В этом же виде литературы встречаются угловые скобки для введения фонем и квадратные скобки, в которые заключают рассматриваемые в тексте звуки.

§ 5. С о ч е т а н и е з н а к о в п р е п и н а н и я.
В ряде случаев разные знаки стоят рядом, причем каждый из знаков выполняет свою функцию. При этом в одних

случаях возможен различный порядок знаков (т. е. знаки а и б могут располагаться как в последовательности аб, так и в последовательности ба), в других случаях порядок строго определенный.

Вопросительный знак может сочетаться с восклицательным знаком, обычно предшествуя ему.

Вопросительный и восклицательный знак сочетаются с многоточием, только предшествуя ему.

Двоеточие может сочетаться со следующей за ним первой (левой) частью двух тире только в том случае, если два тире вводят прямую речь.

Правая (вторая) часть двух запятых сочетается с тире (или с левой частью двух тире), причем первый знак всегда предшествует второму.

Вопросительный знак, восклицательный знак сочетаются со скобками, причем они могут стоять как перед второй, закрывающей частью скобок, так и после нее, но не могут сочетаться ни в какой последовательности с первой, открывающей частью скобок.

Многоточие может сочетаться в любом порядке с правой, закрывающей частью скобок, может употребляться перед левой, первой частью скобок.

Вопросительный знак, восклицательный знак и многоточие могут сочетаться в любом порядке как с левой, так и с правой частью кавычек.

Запятая, точка с запятой, двоеточие, тире могут стоять только после второй, закрывающей части скобок и кавычек.

Первая часть знака две запятые и два тире может стоять только перед открывающей, левой частью скобок и кавычек, вторая часть знака — только после второй, закрывающей части.

Точка может стоять только после второй, закрывающей части кавычек и не может помещаться перед второй частью. Что касается скобок, то точка может быть как перед второй, закрывающей их частью, так и после нее.

Многоточие может сочетаться в любом порядке как с первой, так и со второй частью кавычек.

В тех случаях, когда возможна только одна, строго определенная, фиксированная последовательность сочетающихся знаков, знак, оказавшийся перед тем знаком, перед которым он стоять не может, передвигается вправо

и ставится после данного знака. Так, запятая, точка с запятой и вторая часть двух запятых, оказавшись в позиции перед левой скобкой, перемещаются вправо и ставятся после правой скобки.

§ 6. Поглощение знаков препинания. При соединении, соположении знаков один знак может поглощаться другим, т. е. из двух оказавшихся рядом знаков оставляется только один¹⁰.

Вопросительный и восклицательный знак в конце предложения поглощают предшествующую им вторую (правую) часть двух запятых, двух тире. Вопросительный знак поглощает следующий за ним вопросительный знак, если их разделяет только вторая, правая часть кавычек¹¹:

Читали ли вы «Что делать?»? → Читали ли вы «Что делать?»

Так же ведет себя восклицательный знак:

Пусть будет нашим девизом «Вперед!»! → Пусть будет нашим девизом «Вперед!»

Из «Правил» вытекает, что знак отличный от знака, помещенного перед правой, закрывающей частью кавычек, сохраняется¹²:
Чернышевский написал роман «Что делать?».

Однако в справочной литературе можно встретить и рекомендации, противоречащие «Правилам»: «Если перед закрывающими кавычками стоит вопросительный знак, восклицательный знак или многоточие, то после кавычек никакой (Так! — В. И.) знак не ставится: *Певец хорошо спел арию «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?»*¹³.

Точка поглощает непосредственно предшествующую ей правую часть двух запятых, двух тире, двух запятых и двух тире:

Принеси книгу, лежащую на столе. → Принеси книгу, лежащую на столе.

— Иди сюда, — сказал он, — → — Иди сюда, — сказал он.

¹⁰ См.: А. Б. Шапиро. Современный русский язык. Пунктуация, стр. 76—77.

¹¹ «Правила русской орфографии и пунктуации», § 200, примечание 1.

¹² См., например: К. И. Былинский, Д. Э. Розенталя. Трудные случаи пунктуации. М., 1959, стр. 223.

¹³ К. И. Былинский, Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. Изд. 4-е. М., 1970, стр. 141.

Но левая часть двух запятых и двух тире поглощает точку:

— Иди сюда., — сказал он → — Иди сюда, — сказал он.

Точка, стоящая перед второй, закрывающей скобкой, поглощает точку, стоящую непосредственно после этой скобки:

Ну, все равно (Он откашлялся.). → Ну, все равно (Он откашлялся.)

Но если в скобках помещено указание на источник, из которого взят предшествующий текст, то точка, стоящая после этого указания, поглощается, по действующим правилам, точкой, поставленной после закрывающей скобки ¹⁴:

Маша... подошла к Ивану Кузьмичу (Пушкин. Капитанская дочка.). → Маша... подошла к Ивану Кузьмичу (Пушкин. Капитанская дочка).

Запятая и часть двух запятых поглощает запятую и часть двух запятых:

Увидев ребенка, перебежавшего через дорогу, , она вскрикнула. → Увидев ребенка, перебежавшего через дорогу, она вскрикнула.

Точка с запятой и двоеточие поглощают предшествующую им правую часть двух запятых и двух тире.

Тире поглощает следующую за ним левую часть двух запятых:

Сосна, ель, пихта —, словом, все виды хвойных деревьев → — Сосна, ель, пихта — словом, все виды хвойных деревьев.

Не поглощают других знаков и не поглощаются ими скобки, кавычки.

Примечание 1. Вопросительный и восклицательный знак, не поглощающие другой знак, употребляемые только в одной функции, встречаются очень редко: *Петрова считают отзывчивым (отзывчивым?) человеком; Он это сделал только после третьего (третьего!) напоминания.*

¹⁴ «После цитаты, за которой в скобках следует ссылка на автора и на источник, точка опускается и ставится после ссылки вне скобки, например: *Вспомнились слова Базарова: „Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник“ (Тургенев).*» («Правила русской орфографии и пунктуации», § 202, Примечание). Интересно заметить, что в книге А. Б. Шапиро «Современный русский язык. Пунктуация» точка в подобных случаях последовательно ставится перед закрывающей скобкой, например: *— А вам какое дело, что у меня есть? (Гоголь, Портрет.)*

Примечание 2. Вопросительный и восклицательный знак можно рассматривать как однофункциональные, считая, что вопросительный знак выражает значение вопроса, сомнения, несогласия, а восклицательный знак — эмоционально-экспрессивную окраску предшествующего ему предложения или части предложения. В таком случае можно считать, что употребление этих знаков в конце предложения сопровождается поглощением ими точки; при употреблении восклицательного знака после начинающего предложение обращения он поглощает вторую из двух запятых.

§ 7. Н у л ь з н а к а (З н а ч а щ е е о т с у т с т в и е з н а к а п р е п и н а н и я). Наиболее часто встречающийся случай — отсутствие точки в заголовке после последнего слова. При этом если заголовок содержит несколько высказываний, после каждого из которых должна быть точка, то она ставится после всех высказываний, кроме последнего, например: *Фонетика. Фонология. Грамматика* (название сборника статей, посвященного А. А. Реформатскому).

В абсолютном начале предложения не ставится первая из двух запятых. Первое из двух тире не ставится в абсолютном начале предложения, за исключением случая, когда знак два тире выделяет прямую речь¹⁵.

Второе из двух тире, вводящих прямую речь, не ставится, если за прямой речью в пределах данного абзаца не следуют слова автора, т. е. если абзац кончается словами прямой речи.

§ 8. О и е р а р х и и з н а к о в п р е п и н а н и я. Установлению иерархии знаков препинания, т. е. расположению их в ряд, начинающийся самым старшим знаком и завершающийся самым младшим, должно предшествовать установление критерия, по которому может определяться это старшинство.

Можно принять в качестве основания деления иерархию языковых единиц, разделяемых или выделяемых знаками препинания. В этом случае старшими следует считать знаки, обозначающие конец отдельного высказывания (точку, вопросительный знак, восклицательный

¹⁵ Ср.: «В тех случаях, когда обособленное определение стоит в начале предложения, первый элемент выделяющего знака препинания естественно оказывается излишним» ((см. об этом: А. Б. Шапиро. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1966, стр. 161).

знак, многоточие). Им противостоят знаки, находящиеся в середине высказывания. Но далее этот критерий не работает. Например, при сопоставлении запятой и тире можно выделить как конструкции, членимые запятой на части, внутри одной из которых есть тире, например *Иван читает книгу, а Петр — газету*, т. е. конструкции, в которых запятая старше тире, так и конструкции, в которых тире, разделяя предложение на части, по крайней мере одна из которых содержит внутри себя запятую, оказывается старше запятой: *Сосна, ель, пихта — хвойные деревья*.

К такому же результату можно прийти, сравнивая запятую и двоеточие в следующих предложениях: *Герасим ничего не слышал: ни быстрого визга падающей Мумы, ни тяжкого всплеска воды* (двоеточие старше запятой) — *К краснолесью относятся хвойные деревья, например: ель, сосна, пихта* (первая запятая старше двоеточия, так как выделяет весь оборот, внутри которого двоеточие).

Если взять за основу степень независимости предложений, разделяемых знаками препинания, то можно построить ряд, старшим членом которого является точка, далее следует точка с запятой и, наконец, самый младший знак этого ряда — запятая.

В том случае, если критерием считать значимость в тексте, степень важности для изложения, необходимость или факультативность выделяемого знаком отрезка текста, старший среди выделительных знаков — два тире, далее, по убывающей степени, следуют две запятые, скобки и, в качестве самого младшего, — знак сноски.

Если исходить из количества значений, передаваемых разными знаками, то, например, вопросительный знак, восклицательный знак и многоточие в конце предложения старше точки. Но какой из этих трех знаков считать старшим? Что старше — значение вопроса или эмоционально-экспрессивная окраска? Очевидно, сама постановка вопроса неверна, и значит, в данном случае иерархичности нет.

Наконец, в некоторых группах знаков иерархия устанавливается чисто условно. Так, при необходимости поместить в кавычки отрезок текста, часть которого уже заключена в кавычки, внешними, т. е. старшими, бывают

обычно кавычки елочки. В аналогичной ситуации со скобками в качестве младших скобок обычно выступают круглые, а в качестве старших — квадратные. (Это, естественно, не касается тех случаев, когда скобки разных рисунков употребляются в разном значении: см., например, разные значений квадратных и угловых скобок в работах по фонологии, употребление в некоторых случаях квадратных скобок для включаемых в середину цитаты пояснений цитирующего — например, отточия для обозначения пропуска в цитате, словесных помет, вроде «курсив мой», и т. д.).

Из сказанного видно, что можно установить некоторую иерархию внутри отдельных небольших групп знаков препинания. Но многообразие значений, выражаемых знаками препинания, делает невозможным использование для этой цели какого-нибудь одного критерия, не позволяет выстроить в с е знаки препинания в единый иерархический ряд.

О разноплановости знаков препинания (а значит, о невозможности установить единую иерархию для всех знаков) писали еще Д. Н. Овсянко-Куликовский и П. Н. Сакулин в учебнике русского языка для средних учебных заведений. Они делили все знаки препинания на две группы. В первой группе, включающей «знаки препинания, которые выражают взаимоотношение мыслей», авторы выделяют «два отдела: а) знаки, определяющие степень самостоятельности мыслей по отношению друг к другу (красная строка, точка с запятой и запятая); б) знаки, определяющие другие взаимоотношения мыслей (двоеточие, кавычки, скобки, тире и соединительная черточка)». Ко второй группе авторы относят «те знаки, которыми передается известный характер самой мысли (знаки вопросительный, восклицательный и многоточие)»¹⁶.

§ 9. Непунктуационные функции знаков препинания. Некоторые знаки препинания могут выступать не только в качестве пунктуационного средства.

Вопросительный и восклицательный знак используются в научной и публицистической литературе в качестве эквивалентов введенной в текст словесной оценки элементов высказывания (обычно чужого) — как содержания высказывания, так и способов его выражения. При

¹⁶ Д. Н. Овсянко-Куликовский и П. Н. Сакулин. Практический курс синтаксиса русского языка. Изд. 2-е. СПб., 1913, стр. 229—230.

этом они, как и заменяемые ими слова, заключаются в скобки:

Автор смело называет предлагаемое им решение вопроса «предельно точным (!) и исчерпывающим всю (?) проблематику».

В художественной литературе при воспроизведении каждой реплики диалога с абзаца вопросительный или восклицательный знак может быть выделен как отдельная реплика для передачи словесно не выраженной реакции говорящего на предшествующую реплику:

— *А вы его видели?*

— ?

— *Да, его...*

— !

— *Ну?*¹⁷

В деловых текстах кавычки (иногда только одна часть парного знака) употребляются в таблицах и выводах для обозначения того, что на данном месте должно стоять то же слово, какое стоит над кавычками в предыдущей строке.

Кавычки могут употребляться для обозначения оценки говорящим тех или иных фактов речи. В этом случае их роль подобна роли шрифтового выделения¹⁸.

Из окказиональных употреблений можно отметить очень редкий случай использования вопросительного знака для обозначения интонации: указание с помощью этого знака на повышение тона при произнесении отдельных слогов в стихотворении И. Сельвинского «Цыганский вальс на гитаре»:

Нно́чь-чи? Сон-ы. Прох?ла́дыда
Здесь в алейеях загалохше?-го сад-ы.
И доносится толико стон'ы гитга́оры.
Тарати́нна — та́ратинна — tan.

¹⁷ Пример А. А. Реформатского. См.: А. А. Реформатский. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем, стр. 215.

¹⁸ См. об этом: В. А. Ицкович, Б. С. Шварцкопф. О способах выражения фразового ударения в письменной речи. — В кн.: «Фонетика. Фонология. Грамматика (К семидесятилетию А. А. Реформатского)». М., 1971, стр. 182—183, а также статью Б. С. Шварцкопфа в настоящем сборнике.

§ 10. З а м е ч а н и я о л и н е й н о с т и т е к с т а. Линейность речи проявляется в том, что языковые единицы следуют друг за другом, образуя последовательность во времени (при устной речи) или в пространстве (при письменной речи). Иначе говоря, в применении к письменному тексту это означает, что он может быть вытянут в одну линию (например, может быть записан, знак за знаком, на телеграфной ленте), любой отрезок которой формально равноправен с любым другим отрезком. Но за этим формальным равноправием скрываются отрезки текста, неравноправные в смысловом отношении, в отношении их роли в структуре текста. Например, в текст могут включаться прерывающие линию изложения отступления и рассуждения автора. Таким образом, формально однородный, линейный текст оказывается «ветвящимся» в композиционно-семантическом плане. Такое построение обычно встречается в художественных текстах.

Научный стиль стремится к линейности в плане композиционно-семантическом, к строгой последовательности изложения. В нем сильна тенденция к тому, чтобы все отвлекающее от ведущей линии изложения выводить за пределы основного текста — в подстраничные и после-текстовые примечания, которые могут содержать указания на литературу, дополнительные замечания и пояснения, разного рода рассуждения, уводящие в сторону, но нужные с точки зрения автора, и т. п. Таким образом, композиционно-семантическая линейность достигается в научном тексте разрушением формальной линейности его.

Предлагаемое деление предельно схематично. В практике редко встречаются в чистом, «стерильном» виде линейные или ветвящиеся в композиционно-семантическом плане тексты, чаще тексты объединяют в разной пропорции черты первого и второго типа.

В качестве примера линейного и нелинейного оформления одного и того же текста можно привести отрывок из басни И. А. Крылова (художественный текст) и его передачу в форме, характерной для научного текста (при этом приходится отвлекаться от лексико-грамматических примет художественного стиля, которые в данном случае окажутся неуместными в стиле научном):

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.

Какой-то Повар, грамотей,
с поварни побежал своей в кабак¹, а дома стеречи съестное от мышей Кота оставил.

¹ Он набожных был правил и в этот день по куме тризну правил.

Для выделения в научном тексте отрезков, нарушающих его композиционно-семантическую линейность, используется как выведение таких отрезков с помощью знака сноски за пределы текста (в подстраничные примечания, в примечания, помещаемые в конце статьи, главы, книги)¹⁹, так и обозначение этих вставок в самом тексте с помощью скобок, выделение их шрифтом меньшего кегля (обычно петит при основном тексте, набранном корпусом), предварение таких включений словом «Примечание» и под.

Б. С. Шварцкопф

О ФАКУЛЬТАТИВНЫХ СЛУЧАЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ КАВЫЧЕК

1. Насколько четко регламентированы случаи обязательного употребления кавычек — при прямой речи, для выделения цитат и условных наименований, настолько неполно и расплывчато очерчены в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. (и в созданных на их базе специальных справочниках и пособиях) случаи факультативного употребления кавычек. § 193 «Правил русской орфографии и пунктуации» отмечает случаи выделения кавычками: 1) слов, употребляемых не в своем обычном значении; 2) слов, употребляемых иронически;

¹⁹ Ср.: «... Сноски нарушают линейность расположения слов в тексте и тем самым совершенность порядка» (Ю. А. Шрейдер. Равенство, сходство, порядок. М., 1971, стр. 177, примечание).

3) слов, впервые предлагаемых; 4) слов устарелых и необычных. В справочниках и пособиях дополняется (и уточняется) употребление кавычек при: 5) словах непривычных, малоупотребительных; 6) малоизвестных терминах¹; 7) словах, употребленных в условном значении (применительно к ситуации или контексту)². Таков круг факультативных случаев употребления кавычек, кодифицированных в современной письменной речи.

Между тем можно указать на следующие наиболее ранние наблюдения над неканоническими случаями употребления кавычек: «Кавычками отмечаются также отдельные слова в речи, на которые пишущий желает обратить особенное внимание читателя»³; «Кавычками выделяются слова и выражения, чужие по отношению к пишущему, т. е. сказанные другим лицом, и такие, которые автор хочет представить читателю чужими»⁴; «...кавычки (« »), предполагаемый и возможный знак иронии...»⁵; «Другая категория знаков препинания, имея тоже отношение к морфологии или расчлененности писанной речи, подчеркивает главным образом с е м а с и о л о г и ч е с к у ю сторону, указывая на настроение говорящего или пишущего и на его отношение к содержанию письменно обнаруживаемого. С помощью кавычек (« ») отличается чужое или предполагаемое с о г о в о р к о ю «будто бы», «так сказать», «дескать», «мол» от своего без оговорок»⁶. Сходные мысли

¹ К. И. Былинский, Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. Изд. 3-е. М., 1957, стр. 126—127 (то же — изд. 4-е. М., 1970, стр. 140); К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. Трудные случаи пунктуации. М., 1961, стр. 212—213; Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. М., 1967, стр. 191—192; О н ж е. Вопросы русского правописания. Изд. 3-е. М., 1970, стр. 191.

² К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. Указ. соч., стр. 213; Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию..., стр. 192; Д. Э. Розенталь. Вопросы русского правописания, стр. 191.

³ В. Зелинский. Указатель (систематический и алфавитный) при расстановке знаков препинания. М., 1892, стр. 98.

⁴ С. Н. Браиловский. Знаки препинания и другие знаки, употребляемые в современном русском правописании. «Русский филологический вестник», 1905, т. LIX, вып. 2 (№ 4), стр. 59.

⁵ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912, стр. 89.

⁶ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Знаки препинания [1913]. «Избр. труды по общему языкознанию», т. II. М., 1963, стр. 238—239. — В этой заметке, печатаемой по рукописи, остается неясным следующий тезис: «Предполагается тоже особый знак иронии, но пока безуспешно» (стр. 239).

и позднее можно встретить у отдельных авторов, но без всяких попыток систематизации⁷.

Говоря о кодификации употребления кавычек, необходимо уточнить ее характер: мы имеем дело с двумя принципиально различными типами кодификации употребления знаков пунктуации. Первый тип характеризуется четкостью очерченных границ, обязательностью предписаний и общепризнанностью (его выполнение не вызывает сомнений у пишущих). Таковы, например, случаи употребления кавычек при прямой речи, для выделения цитат и условных наименований. Характер кодификации отвечает характеру кодифицируемых здесь случаев употребления кавычек: постановка таких кавычек обязательна, так как отсутствие их может изменить понимание смысла. См., например: [Магда.]... Сказал, что я его интересую и что мой «Секс» произвел на него большое впечатление. [Беата.] Очень непосредственный, что и говорить...; [Беата.] Не тогда ли он сказал, что ваш секс произвел на него такое впечатление? [Магда.] Нет, раньше, сразу же после концерта. [Беата] Неужели так, с ходу? [Магда.] Да, сразу после моего выступления. Не знаю, потянет ли мой «Секс» на шлягер, но тема очень актуальна. [Беата.] Так это — песенка? А-а-а... (Е. Юрандот. Обратная связь, д. 1. «Иностр. лит-ра», 1973, № 1, стр. 88, 90, пер. с польск. Л. Малашевой); Тем же эпитетом [«безвкусный»] оценила Анна Андреевна Блоковский образ «нильских лилий» из цикла «Фаина»:

Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.

«Были такие духи «Нильские лилии», — пояснила Анна Андреевна свою критику... (Д. Максимов. Ахматова о Блоке. «Звезда», 1967, № 12, стр. 189).

В отличие от этого, постановка необязательных кавычек не влияет на слово с точки зрения его свойств (последние так или иначе присутствуют в слове), кавычки только обращают внимание на наличие каких-либо свойств

⁷ См., например: А. Я. Лурье-Дерский. Функция кавычек в современном русском литературном языке. «Доклады и сообщения на итоговой научной конференции [Луганского пед. ин-та] за 1962 г. Серия филол. наук (тезисы)». Луганск, 1963, стр. 31—34.

в слове, подчеркивают их. Ср.: «...отсутствие кавычек не может служить доказательством, что данное слово — не окказиональное. Скорее всего отсутствие кавычек вызывается тем, что автор просто выражается так, как сказалось»⁸.

Второй тип кодификации характеризуется нечеткостью (или значительной размытостью) очерченных границ, необязательностью предписаний (возможностью выбора — выполнять их или нет) и необщепризнанностью (необходимость постановки знака может вызывать сомнения). Действительно, вряд ли можно говорить о четкости очерченных границ для таких случаев, обнаружение или установление которых требует от пишущего высоко развитого языкового чутья (если не лингвистической подготовки): предполагается, что пишущий способен определить «первое употребление» или «устарелость» конкретного слова, не говоря уже о формулировке «не в своем обычном значении», чрезвычайно ёмкой⁹.

Таким образом, различие между этими двумя типами кодификации случаев употребления кавычек может быть сформулировано как различие между обязательным (п р е д п и с а н и е) и факультативным (в о з м о ж н о с т ь) или, иначе говоря, как различие между п р а в и л о м и п р а в о м пишущего¹⁰. В связи с указанным характером рассматриваемых нами случаев употребления кавычек необходимо сделать несколько замечаний по существу кодификации кавычек в «Правилах русской орфографии и пунктуации» и пособиях для работников печати.

Здесь сознательно употреблена формулировка «кодификация случаев употребления кавычек», так как я исхожу из понимания

⁸ Н. И. Ф е л ь д м а н. Окказиональные слова и лексикография. — ВЯ, 1957, № 4, стр. 71.

⁹ См., например: В. А. Д о б р о м ы с л о в и Д. Э. Р о з е н т а л ь. Трудные вопросы грамматики и правописания. М., 1955, стр. 284. — Ср.: «Употребление кавычек меньше подчиняется нормам, чем употребление какого-нибудь другого элемента пунктуации в виду субъективного характера функции...» (W. D o g o s z e w s k i. O funkcjach cudzojęzycznej. «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», t. V. Warszawa, 1965, стр. 46).

¹⁰ Это различие (ранее сформулированное мной в журнале «Русская речь», 1968, № 1, стр. 109) позволяет в свою очередь поставить вопрос о различных типах кодификации и ее формах (градация «предписание — рекомендация — возможность выбора»); это, впрочем, является темой особого исследования.

кодификации как закрепления в авторитетных письменных источниках употребления, как завершающего этапа спонтанных процессов отбора, распространения и стабилизации норм употребления в языке¹¹.

И сам заголовок («Правила...»), и характер кодифицируемых случаев правописания и пунктуации — все это ориентирует на обязательный для всех пишущих тип кодификации — безоговорочного предписания. Тем самым скрадывается подлинный характер кодифицируемых случаев. Между тем в указанных выше справочниках для работников печати мы имеем пример указания на необязательность этих случаев употребления кавычек. Ср.: «§ 228. Кавычками выделяются: а) слова непривычные, малоупотребительные, если автор хочет обратить на это внимание; б) слова устарелые или совсем новые, если автор хочет подчеркнуть эту их особенность...»¹².

Здесь в формулировке двух указанных случаев введена крайне важная оговорка: «если автор хочет обратить на это внимание», «если автор хочет подчеркнуть эту особенность» (может быть, вернее было бы не «автор», а «пишущий»). И эта оговорка подчеркивает парадоксальность положения: далее, в том же параграфе указываются другие необязательные случаи, хотя их формулировки строятся по типу «предписания»: «Кавычками выделяются: ... в) слова, сказанные (!) иронически; г) слова, употребленные в каком-либо особом, необычном смысле; д) малоизвестные термины...»¹³.

В свете сказанного заслуживает быть отмечена постановка вопроса в статье А. В. Текучева «К вопросу о пунктуационном минимуме для средней школы». Изучение пунктуации в школе связывается с задачей овладения правилами двух «разрядов». Совокупность правил первого разряда — основа русской пунктуации, не допускающая колебаний, нарушение этих правил должно счи-

¹¹ См. об этом: В. Н а в г а н е к. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963, стр. 87; «Общее языкознание», гл. 9. Норма. М., 1970 (автор — Н. Н. Семенюк).

¹² К. И. Былинский, Н. Н. Никольский. Указ. соч., изд. 3-е, стр. 126; изд. 4-е, стр. 140; то же см.: К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. Указ. соч., стр. 212; Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию..., стр. 191—192.

¹³ К. И. Былинский, Н. Н. Никольский. Указ. соч., изд. 3-е, стр. 126—127; изд. 4-е, стр. 140.—То же, включая употребление в условном значении, см.: К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. Указ. соч., стр. 212—213; Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию..., стр. 192.

ваться ошибкой (постановка знаков в конце предложения, запятых при обособлении причастных и деепричастных оборотов и т. п.). Второй разряд правил связан с передачей в письменном тексте оттенков мыслей (постановка двоеточий и тире в бессоюзных сложных предложениях, точки с запятой в сложных предложениях и др.). «Этот раздел правил особый, и подход к нему должен быть тоже особый»: отступление от этих правил следует исправлять и разъяснять, но не считать за ошибку¹⁴. Ко второму разряду отнесены и правила употребления необязательных кавычек¹⁵.

Подход к употреблению необязательных кавычек как к «правилу» появляется не только в отсутствии специальных оговорок в формулировках. Так, в некоторых справочниках для работников печати в конце параграфов, посвященных необязательным случаям употребления кавычек, даны списки слов, употребляемых в кавычках:

«Ср. также: «бочка» (в авиации), «котел» (в военном деле), «зеленая улица» (у железнодорожников), «белое золото» (хлопок), «белый уголь» (электроэнергия воды), «белая книга» (сборник документов), «черное золото» (нефть), «молния» (срочный выпуск в типографии), «летучая мышь» (фонарь у шахтеров), часы «пик», быть на «вы» (на «ты»), стричь «под горшок»; «великий немой» (кино), «козел» (в спорте) и т. п.»¹⁶.

Наличие подобного списка, очевидно, может быть истолковано как обязательность постановки указанных слов в кавычках. Но этому противоречит смысл рассматриваемых «правил»: слова непривычные, малоупотребительные, новые со временем теряют эти свои свойства (как и малоизвестные термины), тем более слова, употребленные в одном случае иронически, в другом могут быть употреблены серьезно.

В самой сущности оснований для постановки кавычек в рассматриваемых случаях заложено глубокое внутреннее противоречие (отделяющее употребление необязательных кавычек от обычных случаев употребления пунктуации): превращение употребления кавычек при каком-либо слове или выражении в традицию (а что же такое подобный список, как не попытка создания традиции?!) — свидетельство о том, что оснований для поста-

¹⁴ «Русский язык в школе», 1970, № 2, стр. 76—77.

¹⁵ Там же, стр. 85.

¹⁶ Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию..., стр. 192. То же см.: Н. Н. Былинский, Д. Э. Розенталь. Указ. соч., стр. 213.

новки кавычек уже нет, или, иначе говоря, возможность появления традиции в связи с данным правилом есть знак того, что правило уже неприменимо. Так, если при «необычном значении» слова кавычки устойчиво (как тенденция множества пишущих и печатающихся) ставятся из года в год, то можно думать, что значение это из «необычного» уже превратилось в обычное. Ср. такие свидетельства: Слово это [дикари] настолько вошло в обиход, что его можно уже употреблять без кавычек (Ю. Тomin, Летние размышления. — «Лит. газета», 28 мая 1966 г.); Слово *битник* уже не требует пояснений и не берется в кавычки... (А. А. Брагина. Некоторые семантические тенденции в современной русской лексике... Канд. дисс. М., 1968, стр. 195).

2. Для того чтобы понять специфику факультативных случаев употребления кавычек, необходимо уяснить их соотношение не только с обязательными случаями использования кавычек, но и с другими знаками пунктуации. Последнее становится возможным в связи с анализом знаков во взаимосвязи их функций, в связи с эквивалентностью, синонимией и омонимией знаков пунктуации. Так пытается рассмотреть пунктуацию Р. В. Макарова¹⁷ на основе четырнадцати семиологических функций для тринадцати знаков пунктуации.

Знак пунктуации при этом может быть охарактеризован набором свойственных ему функций. Так, кавычким (в целом Р. В. Макарова не дифференцирует обязательные и необязательные случаи употребления) присущи три функции: выделительная, предупредительная и модальная. Если выделительная функция в отношении кавычек как парных знаков вряд ли требует особых пояснений, другие две функции нуждаются в дополнениях и уточнениях.

Вторая семиологическая функция, присущая кавычкам, — предупредительная: «знаки пунктуации указывают читателю на особенность текста, например на то, что это прямая речь, или на то, что далее последует неожиданное сообщение» (функции тире, двоеточия, кавычек и многоточия)¹⁸. Ср. тенденцию ставить в кавыч-

¹⁷ См.: Р. В. Макарова. Основные вопросы графики современного русского языка (автореф. канд. дисс.). М., 1969, стр. 12 и сл.

¹⁸ Там же, стр. 15.

ки слова и выражения в переносном значении в информационном жанре языка газеты — предупреждение, экономящее время и силы читателя, например: Сегодня на новогодней елке в Большом Кремлевском дворце смогут «побывать» миллионы школьников Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии: из Кремля будет вестись телепередача («Веч. Москва», 6 января 1962 г.)¹⁹.

Б. А. Успенский видит в предупредительной функции основное назначение кавычек: «... лингвистический смысл кавычек заключается прежде всего в указании того, что взятое в кавычки слово используется в каком-то другом (чужом, метафорическом) смысле, нежели буквальный или общепринятый, причем не указывается, в каком именно. ...Взятое в кавычки слово... становится как бы «джокером», который может принимать в принципе любое значение, необходимое для того, чтобы фраза в целом воспринималась как осмысленная»²⁰.

Следует уточнить, что возможность «принимать любое значение» ограничена кругом семантических ассоциаций пишущего и читающего; круг этот базируется на возможностях языка и на речевом опыте данных членов говорящего коллектива. Но уже наличие кавычек в письменном тексте — сигнал для читающего «здесь что-то не так!», направленный на повышение «языковой бдительности» (хотя процесс понимания и без того требует от читающего усилий и мобилизации механизма ассоциативных связей)²¹.

Что же касается того, что скрывается за кавычками в данном контексте, какие смысловые отношения они выражают, какой именно из случаев факультативного употребления имеет место в данном тексте, — этот вопрос решается каждым читающим в каждом случае конкретно. Значение каждого случая выделения кавычками слова в тексте приходится самому читающему выводить из данного текста — на базе восприятия контекста и

¹⁹ См.: Б. С. Шварцкопф. Внимание: кавычки! «Русская речь», 1967, № 4, стр. 61—62.

²⁰ Б. А. Успенский. «Грамматическая правильность» и понимание. «Межвузовская конференция по порождающим грамматикам. Кяэрику, 15—25 сентября 1967. Тезисы докладов». Тарту, 1967, стр. 103.

²¹ См. о понимании как «активизации опыта»: W. S z e w c z u k. *Bandania eksperimentalne nad rozumieniem zdań*. Kraków, 1960.

своего речевого опыта. Но, как правило, п р а к т и ч е - с к и читающий не ставит перед собой осознанной задачи реконструкции смысловых отношений, выражаемых кавычками: критерий правильного восприятия кавычек в тексте — верное (более или менее адекватное замыслу пишущего) понимание данного контекста. Если содержание текста понято правильно, то это значит, что и значение кавычек в этом тексте верно воспринято нашим языковым мышлением (имплицитно и бессознательно).

Поэтому можно говорить о сочетании в кавычках как знаке пунктуации объективного и субъективного начал: о б ъ е к т и в н о г о — в той мере, в какой в языке существуют определенные смысловые отношения, выражаемые в письменном тексте кавычками; с у б ъ е к т и в - н о г о — потому что возможность выбора читающим того, какие именно смысловые отношения реализуют кавычки, облегчается общностью речевого опыта пишущего и читающего и зависит в конечном счете от восприятия последним содержания (семантической структуры) текста.

Именно это сочетание объективного и субъективного, возможности различия между замыслом (пишущего) и восприятием (читающим) содержания кавычек в конкретном тексте и вызывают у пишущего потребность в пояснении того смысла, который он вложил в кавычки в тексте. Ср.: Что же обещает нам качество? Можно подумать только одно: те или другие плохие и посредственные товары исчезнут, а их место займут хорошие и отличные. «Только и всего». Без кавычек тут не обойтись, потому что речь уже идет о громадном выигрыше (В. Моев. Марка Львова. «Смена», 1969, № 13, стр. 14); Он отчислил наиболее «пожилых» (беру это слово в кавычки потому, что в спорте понятия о молодости и старости очень условны и своеобразны)... (Б. Майоров. Я смотрю хоккей. «Октябрь», 1969, № 12, стр. 158). Иногда пишущий конкретизирует в тексте значение взятого в кавычки слова, ср., например: В ожидании «лучшей» (то есть штормовой) погоды и ночной темноты мы решили тогда свернуть в ближайшую пустую бухту... (А. Микоян, Бакинское подполье при английской оккупации (1919 год). «Юность», 1969, № 4, стр. 86). В этих случаях употребления кавычек осуществление предупредительной функции достигает высшего предела.

С предупредительной функцией связано также и защитительное значение кавычек. Оно базируется на способности человеческого мышления совершать предварительную мысленную проверку действий²² — в том числе и в плане возможной реакции читающих на выбор слов и выражений в данном тексте; отсюда значение кавычек как средства аргументации употребления в тексте, предупреждения возможной критики со стороны читающих²³. Ср. мысль М. М. Бахтина об «ориентации на чужое слово» и о «различных способах реагирования на него»²⁴.

Третья семиологическая функция кавычек (по Р. В. Макаровой) — *модальная*: она «состоит в выражении отношения говорящего к содержанию высказываемого и его достоверности» (функции вопросительного и восклицательного знаков, многоточия, точки, кавычек и шрифтовых выделений)²⁵. Ср., например, в описании сцены из фильма Антониони «Фотоувеличение»: Двое из них... без мячей и ракеток «играют» на корте в теннис. Станиславский был бы восхищен правдой физического действия этой пантомимы. ...Фотограф заинтересованно, но вначале отчужденно следит за «игрой». Вдруг девушка повелительно указывает ему на землю. Он не понимает, затем догадывается: «мяч перелетел» за сетку. После мгновенного колебания наклоняется, «поднимает» несуществующий мяч, с размаху ловко «бросает» и следит «за ним»... он слышит²⁶ удары «мяча» о «ракетки» (вместе с ним — и мы). Вот она — сила воображения! (Я. Фрид, Что угрожает человеку в мире, воплощенном Антониони. «Искусство кино», 1968, № 4, стр. 134).

Таким образом, смысл данной функции заключается в оценке пишущим содержания текста (подробнее об этом

²² См.: Ю. А. Самарин. Очерки психологии ума. М., 1962, стр. 372.

²³ См. об этом: Б. С. Шварцкопф. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970, стр. 293.

²⁴ См.: М. М. Бахтин. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929, стр. 131—132.

²⁵ Р. В. Макарова. Указ. соч., стр. 16.— Ранее эту функцию отмечал Б. А. Ильиш («Современный английский язык». Изд. 2-е. М., 1948, стр. 285).

²⁶ Здесь разрядка выступает в качестве эквивалента кавычек в рассматриваемой семиологической функции.

см. в § 3). Наряду с этим в ряде случаев употребления факультативных кавычек налицо оценка, направленная не на соответствие смысла высказывания действительности, а непосредственно на сами употребленные в тексте языковые средства. См., например: В те годы «на» него писали характеристику (Л. Гинзбург, Бездна. «Знамя», 1965, № 11, стр. 206); Погрешностей и «ляпов» в журнале предостаточно (В. Гейдеко, Оптимальный вариант. «Вопросы литературы», 1970, № 3, стр. 55); Что больше всего меня удивляет, так это малое количество «рюх» в отделе библиографии (М. Скворцов-Степанов — В. Полонскому, 19—21 июня 1925 г. «Вопросы литературы», 1970, № 3, стр. 175); «Вкальвает» лучшая на заводе бригада сварщиков... (Р. Григорьев, Когда автор влюблен. «Искусство кино», 1970, № 3, стр. 85); Но настоящее «шоу» было впереди (Н. Курдюмов, Б. Орехов. Схватка монополий на Аляске. «Правда», 14 января 1970 г.). Кавычки обозначают: в первом примере — оценку конструкции как канцелярской, во втором — четвертом — оценку нелитературного средства, в пятом — оценку слова как не освоенного русским языком заимствования.

Следовательно, в число семиологических функций знаков пунктуации должна быть включена еще одна, пятнадцатая — метаязыковая²⁷: она заключается в указании на выражение пишущим отношения к употребляемым им языковым средствам²⁸. Эта семиологическая функция присуща также приемам шрифтовых выделений, являющихся эквивалентами кавычек, ср.: — Однажды в Мурманске у стадиона «Труд», знаете место, нарвался на меня «бич»...Обезвредил бича приемом и подкинул дружинникам (А. Первенцев, Остров надежды, ч. 2, 3. «Октябрь», 1968, № 1, стр. 39); Там что-то случилось на мостовом кране, и груз, вместо того чтобы вращаться, стал майнаться (И. Зверев, Государственные и обыкновенные соображения Саши Синева. «Лит. газета», 23 июня 1962 г.) — и та же фраза с соответствующим выделением курсивом («Знамя», 1963, № 1, стр. 126).

²⁷ Ср. в модели функций языка Р. Якобсона пятую — металингвистическую (R. Jakobson. Linguistics and poetics. «Style in language». N. Y., 1960).

²⁸ См.: W. D o g o s z e w s k i. Указ. соч., стр. 45, 47.

3. Разнородный характер необязательных случаев употребления кавычек в принципе может быть сведен к четырем основным группам, различающимся по своему значению (т. е. по принципиальным основаниям для выделения в тексте слов и выражений кавычками).

I. Выделение слова или выражения в тексте для привлечения к нему внимания читающего. Выделение кавычками здесь обозначает к у л ь м и н а ц и ю в смысловом или эмоционально-экспрессивном плане; следовательно, кавычки здесь — средство подчеркивания содержания текста. Обычно это или а) выделение слова / выражения, несущего фразовое ударение²⁹, или б) выделение в кавычках двух слов, противопоставление которых выражает смысловое членение текста. Например:

а) Нам помешают — полбеда, ей будут мешать... — Ей? — и оператор назвал имя актрисы. — Нет, «ей», — и режиссер назвал имя героини (Л. Рыбак. 500 часов у Юлия Райзмана. «Искусство кино», 1967, № 2, стр. 42); б) ...писательнице, столь мастерски владеющей изображением «социального», нельзя не задуматься над равноценным изображением «личного» (З. Куторга. Накануне. «Лит. газета», 10 дек. 1959 г.); ср. заголовок «„Теперь“ и „прежде“». — «Литература и жизнь», 9 марта 1962 г.

II. Выделение в тексте в кавычках слов и выражений с п е р е н о с н ы м значением (как прием употреблялось еще эпиграмматистами в XIX в., ср. в «Идиллии» Д. Минаева: Жена строчит сорочки, А муж «строчит» доклад). Наиболее типичными здесь являются случаи выделения кавычками элементов: А) имеющих метафорическое значение (а — индивидуальное или б — закрепившееся в языке, т. н. языковые метафоры, в том числе и отмечаемые в словарях); Б) имеющих метонимическое значение; В) обозначающих сравнение, в том числе а) имеющих значение «так(ой), как у кого-либо», «как свойственно кому-либо» и б) несущих в себе «заряд» ранее развернутого в тексте сравнения; Г) являющихся фразеологическими единицами — в кавычках а) целиком или б) частично. Например:

²⁹ См.: В. А. И ц к о в и ч, Б. С. Ш в а р ц к о п ф. О способах выражения фразового ударения в письменной речи. «Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятипятилетию А. А. Реформатского». М., 1971.

Аа) Автомобильный двигатель с миллионным номером сошел сегодня с конвейера заволжского моторного завода. ...Главная его продукция — стальные «сердца» для горьковских, рижских, ульяновских, павловских автомашин и автобусов («Правда», 10 дек. 1968 г.);

Аб) «Соль» позиции состоит в том, что белые могут сделать ничью, если...белый король будет контролировать поле сз... (М. Ботвинник. Матч-реванш Смыслов—Ботвинник на первенство мира... М., 1960, стр. 56); ср.: Соль... 2. *перен.* То, что составляет особый смысл, значение чего-либо («Словарь современного русского литературного языка» (в 17-ти томах), т. 14, стб. 240);

Б) Быков попросил выдать ему на руки документы, с тем чтобы перевестись из «трудного» вуза в Киевский институт физкультуры... (С. Бессонов. «Варяги» меняют адрес. «Комс. правда», 2 февр. 1960 г.); 4) П р и н ц и п ы в ы р а з и т е л ь н о г о « ч т е н и я » з н а к о в п р е п и н а н и я. Выразительно «читать» знаки препинания — это значит с помощью знаков препинания установить правильное понимание текста... и на этой основе читать его четко, выразительно, с соблюдением необходимых пауз, логических ударений и интонаций (А. Ф. Ломизов. Методика пунктуации в связи с изучением синтаксиса. М., 1959, стр. 17). В первом примере «трудным» собственно является не сам институт, а учеба в нем; во втором — «чтение» знаков пунктуации разъясняется как чтение текста (с помощью последних);

Ва) ...опера очень «корсаковская», со всеми отличительными особенностями оперного стиля этого композитора... (А. Кандинский. Дорога в Китеж. «Театр», 1966, № 10, стр. 101); Многие из образов стали нарицательными. Мы говорим: «нестеровская» березка, «леви-тановское» настроение, «серовская» лошадка, «рери-ховское» небо... (И. Глазунов. Дорога к тебе, ч. II. «Молодая гвардия», 1965, № 12, стр. 194); На читках Орлов говорил необыкновенно сочно и ярко, как-то особенно «по-островски» (М. Жаров. Жизнь и роль. «Театр», 1965, № 1, стр. 65). О написании *сѣ* строчной буквы прилагательных и наречий с «обобщенным типизирующим значением» см.: И. Ф. П р о т ч е н к о, А. В. С у п е р а н с к а я. Прописные буквы. «Проблемы современного русского правописания». М., 1964, стр. 138;

В6) Всюду дальше, когда мы говорим слово фигурка, то имеем в виду эту несимметричную кляксу вроде запятой. На первом чертеже изображено множество этих «запятых»... (А. И. Китайгородский. Порядок и беспорядок в мире атомов. М., 1959, стр. 17); Это — светильник с пышным, словно шатер шамаханской царицы, шелковым абажуром. Такой «шатер» поглощает около 60 процентов световых лучей, которые дает висящая под ним лампа! (Ю. Острая. Светильники-растратчики. «Веч. Москва», 30 марта 1960 г.);

Г) ...не без приятности «убить вечер» (Е. Сидоров. «Мне тридцать лет». — «Юность», 1967, № 9, стр. 87); Кустарными средствами изготавливая раздаточный материал, карточки-задания для 30—40 школьников..., иной добросовестный педагог «убивает» на это все свое свободное время... (Р. Хабиб, В. Попов. Как поймать «синюю птицу»? «Правда», 12 мая 1969 г.).

III. Выделение в тексте кавычками слов и выражений, обозначающих отношение пишущего к содержанию — понятию или реалии (см. в § 2 о модальной семиологической функции знаков пунктуации). Сюда относится выделение слов и выражений как: А) выражение иронии; обозначение отрицательной оценки понятия или реалии, стоящих за словом или выражением; выражение значений «мнимый», «кажущийся (на первый взгляд)», «якобы, будто»; Б) обозначение осознаваемой пишущим неточности или приблизительности номинации; В) обозначение условности, условного или мысленного действия (см. пример — описание «игры в мяч» в § 2). Например:

А) А вот что в книге отзывов написала группа студентов: «...у нас вызывает отвращение картина Фалька «Обнаженная». Такое «искусство» нам не нужно» (Г. Ефремов, О. Евгеньев. Зритель не остается равнодушным. «Правда», 3 дек. 1962 г.); Но есть еще один жанр фильмов... Они называются «исторические», «документальные», и в данном случае наличие кавычек вполне оправданно. Ибо речь идет о псевдоисторических и псевдодокументальных поделках, стремящихся извратить исторические события... (Г. Семенов. Новинки и «антиновинки» французского экрана. «Сов. культура», 23 июля 1964 г.); Империалистическая война, требуя невероятного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы «сразу» (на деле как будто бы сразу) догнали Италию,

Англию, почти Францию... (В. И. Ленин. Письма из далека. Письмо 1.— Полное собр. соч., т. 31, стр. 18³⁰);

Б) [о фильме «Броненосец „Потемкин“»] ... и кулаки сжимались, когда «гремели» (фильм-то немой!) залпы вслед безоружной толпе на знаменитой трагической лестнице... (Е. Межов. А существует ли телефильм? «Искусство кино», 1966, № 12, стр. 36).

IV. Выделение кавычками в тексте слов или выражений как способ оценки употребляемых пишущим языковых средств. Наиболее типичными случаями здесь являются: А) выражение пишущим своего отношения к употребляемым в тексте языковым средствам, чаще всего а) не свойственным (в различной степени) литературному языку или ограниченным в употреблении принадлежностью к определенным стилистическим пластам или б) являющимся заимствованиями, не/недостаточно освоенными языком; Б) обозначение факта несоответствия употребляемого языкового средства его стилистическому контексту; В) обозначение чуждости употребляемого языкового средства лексикону пишущего.

Примеры на случаи Аа и Аб приведены выше, в связи с характеристикой метаязыковой функции знаков пунктуации (§ 2); ср. также: Не слишком «взросел» мой Стив? (В. Некрасов. Дедушка и внучек. «Новый мир», 1968, № 9, стр. 63) — *«взрослый... кратк. ф. м. не употр. ...»* (словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение». М., 1959, стр. 71).

Б) ...слова, не связанные с определенным образом квалифицированными ситуациями: это — «всегдашние» слова, слова любых ситуаций ... (М. В. Панов. О стилях произношения. Сб. «Развитие современного русского языка», М., 1963, стр. 8); Когда мы с сынишкой Димкой, год рождения 1957-й, смотрели «Айболит-66», мы «ржали» на равных... (И. Ледогоров — в кн.: «Вам отвечает артист». М., 1969, стр. 92); А я уже могу работать. Так говорит мой «мэтр» Жорка (Л. Яцинявичюс. Щавелевое поле, 4. «Нева», 1970, № 1, стр. 57, перев. с литовск. Е. Мальцас).

Этот случай весьма распространен: «как норма, текст представляет собой сочетание слов разных стилей. Наи-

³⁰ Об иронических кавычках у В. И. Ленина см.: Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. М., 1965, стр. 217—219 (пример взят там же).

более обычно сочетание слов нейтрального стиля (в любом тексте их огромное большинство) со словами одного из окрашенных стилей»³¹. И кавычки выступают как знак переключения от одного стиля к другому — и тем самым как средство совмещения в одном контексте разнопланых стилистических элементов. В этом кавычки являются аналогом скобкам: характеризуя пример из газеты: «„Кто владеет Хартумом (столица Судана), тот хозяин Каира“, — говорит египетская пословица», — А. И. Зарецкий отмечал: «... на письме мы в подобных случаях обычно используем скобки — этот знак переключения из одной плоскости в другую»³² (если скобки — переключатель плоскостей в семантическом плане, то кавычки — в стилистическом).

В) И, наконец, моя последняя поэма «Стена» (1965), в которой я склонен усматривать новые тенденции своего творчества. Это прежде всего стремление к своего рода «всеобщему» характеру, старание опереться на «глобальный» опыт человечества (прошу прощения — это звучит чересчур громогласно, я намеренно беру некоторые слова в кавычки) (Ю. Марцинкявичюс. Судьбы поэмы. «Вопросы литературы», 1966, № 10, стр. 150). Ср.: У Ленина есть и не только иронические кавычки: сплошь и рядом он употребляет в кавычках вообще слова ходовые, «не свои»; этим как бы подчеркивается, что автор за слово не ручается, что он берет первое попавшее слово для обозначения вещи. ... Это кавычки осторожные (Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка, стр. 219); Это слова [изрядно, навострился] слишком колоритны... Их хочется заменить смысловыми эквивалентами («хорошо», «усовершенствоваться») или же, оставляя эти «словечки» в косвенной конструкции, заключить их все же в кавычки. И в самом чтении вслух данной косвенной речи мы несколько иначе произнесем указанные слова, как бы давая понять своей интонацией, что эти выражения взяты непосредственно из речи персонажа, что мы отгораживаемся от них. Введенные в косвенную речь и ощущаемые в своей специфичности чужие слова и выражения (особенно если они заключены в кавычки) «остраиваются», говоря языком формалистов...

³¹ М. В. П а н о в. О стилях произношения. «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 11.

³² А. И. З а р е ц к и й. Что такое прямая и косвенная речь? «Труды Воронежского ун-та», 1957, т. 59, стр. 66.

(В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. Л., 1929, стр. 152, 155).

Если группа I (кульминативная) является воплощением в наиболее чистом виде первой семиологической функции знаков пунктуации — выделительной, то остальные три группы позволяют интерпретировать факультативные кавычки как оценочный знак (хотя объекты оценки в них различны). Так, в группе III (модальной) объект оценки — реалья или понятие, скрывающиеся за выделяемыми словами / выражениями: кавычки отмечают отношение пишущего к смысловому содержанию высказывания. В группе IV (метаязыковой) объект оценки — сами языковые средства, факт их отбора (мотивировки) и употребления: кавычки отмечают отношение пишущего к употребляемым им языковым средствам.

В группах III и IV оценочность кавычек выступает совершенно отчетливо. Менее отчетливо оценочность выступает в группе II (переносной), где объект оценки — семантика слова или выражения в тексте: кавычки отмечают ощущение пишущим факта сдвига в семантической структуре выделяемых элементов текста. Здесь нет выражения прямого отношения к содержанию текста (как в группе III) или к языковым средствам (как в группе IV); кавычки группы II можно назвать — по сравнению с группами III и IV — оценкой второго рода (на ступень ниже). И в то же время кавычки этой группы демонстрируют чуткость пишущего к тексту, его языковую «бдительность» (ощущение в тексте метафоры, метонимии, сравнения требует от пишущего развитого языкового чутья и свидетельствует о внимании к семантике употребляемых средств).

С другой стороны, взаимоотношение отмеченных групп характеризуется противопоставлением первых трех групп — четвертой. Если группа IV связана с планом выражения, то первые три группы связаны с планом содержания: кавычки группы I, как правило, связаны с выявлением логического членения высказывания; кавычки группы II — с семантической структурой выделяемых слов или выражений; кавычки группы III — с общим содержанием высказывания.

Кроме того, возможен еще один аспект сопоставления отмеченных групп. Применим прием мысленного эксперимента, исходящего из следующих предпосылок. Обще-

известно, что при устном чтении письменного текста встает проблема адекватности передачи слушающему смысловых особенностей письменного текста, в частности — возможности передачи кавычек средствами интонации. Проблема эта наиболее остро стоит для радиовещания³³. Выдвинуто два разных рецепта для обеспечения верного понимания читаемого текста:

а) «Бывают случаи, когда кавычки почти не воспринимаются на слух, тогда приходится после закавыченного слова говорить «в кавычках». Например: «Он был хорошо известен, этот высокий, красивый, «симпатичный» человек»... Если диктору не удастся передать это интонацией, то надо сказать, что слово «симпатичный» стоит в кавычках: «...красивый, «симпатичный» (в кавычках) человек»³⁴;

б) «...рекомендация эта явно несовершенна. Вряд ли можно доказать, что вариант «*красивый, симпатичный в кавычках человек*» более удачен для слухового восприятия, чем другой — с прямой, не содержащей иронии характеристикой лица: *красивый малосимпатичный человек*... Лучше во избежание искажения смысла изменять сам текст»³⁵.

Не берясь решать здесь этот спор по существу, обратим внимание на две принципиальные возможности устной передачи кавычек (в данном случае группы III): добавлением специального указания «в кавычках» и заменой слова в иронических кавычках антонимом («симпатичный» — *малосимпатичный*). Если эти приемы передачи кавычек в устной речи пытаться применить и к другим случаям употребления факультативных кавычек, то получим следующие результаты.

Группа I (кульминативная): при устной передаче кавычек невозможно ни прибавление указания «в кавычках», ни замена закавыченного слова антонимом: поскольку кавычки направлены на раскрытие логического членения высказывания, единственно возможный способ — подчеркнутое произношение слова или выражения.

³³ Ср.: «...слушатель кавычек не слышит» («Журналист», 1930, № 5, стр. 152).

³⁴ Н. А. Толстова. Беседы о дикторском мастерстве. Изд. Научно-методического отдела Госкомитета по радиовещанию и телевидению. М., 1963, стр. 44.

³⁵ М. В. Зарва. Слово в эфире. О языке и стиле радиопередач. М., 1971, стр. 59.

Группа II (переносная): при устной передаче кавычек невозможно ни прибавление указания «в кавычках», ни замена закавыченного слова антонимом; зато здесь возможен еще один способ — замена закавыченного слова или выражения синонимичным словом или выражением, часто описательным: «соль» позиции — особенность, специфика позиции.

Группа III (модальная): как было указано, здесь возможны прибавление указания «в кавычках» и замена закавыченного слова антонимом, ср.: ...профессиональных убийц, которые «прославили» себя в борьбе с национально-освободительным движением угнетенных народов (Л. Филиппов. Жан Лартеги «месит» историю. «Лит. газета», 26 февр. 1969 г.) — «прославили в кавычках» или «опозорили». Замена закавыченного слова синонимом здесь невозможна.

Группа IV (метаязыковая): при устной передаче кавычек здесь невозможно ни прибавление указания «в кавычках», ни замена закавыченного слова антонимом, но возможна замена нейтральным синонимом (ср.: «он всадил ему «перо» в бок» — «всадил ему нож, финку в бок»).

Результат мысленного эксперимента можно представить в виде следующей таблицы:

Группы необязательных кавычек	Прибавление «в кавычках»	Способы замены	
		антонимом	синонимом
I (кульминативная)	—	—	—
II (переносная)	—	—	+
III (модальная)	+	+	—
IV (метаязыковая)	—	—	+

Факт сближения групп II и IV — по невозможности прибавления указания «в кавычках» и по возможности замены закавыченного слова или выражения синонимом, а не антонимом (как в группе III) — свидетельство внутренней близости групп II и IV, не являющейся очевидной (группа II связана с планом содержания, а группа IV — с планом выражения). Таковы основания для противопоставления группы III — группам II и IV: кавычки группы III свидетельствуют о внимании пишущего к об-

щей смысловой стороне высказывания, тогда как кавычки групп II и IV (несмотря на различие объектов их оценки) — о внимании пишущего к употребляемым языковым средствам.

4. Культурно-речевой аспект факультативного употребления кавычек отнюдь не прост. Иногда его сводят к проблеме сокращения употребления кавычек; так, Л. А. Булаховский еще в 1930 г., говоря об улучшении русской пунктуации, как на пример такого улучшения указывал на «сокращение употребления кавычек»³⁶.

Еще более резко эта проблема ставится в выступлении писателей А. Крона и Л. Успенского; необязательные случаи употребления кавычек рассматриваются как «знак недоверия» — к читателю и «автора к самому себе». А. Крон и Л. Успенский выражают надежду, что кавычки «будут скоро истреблены у нас окончательно»³⁷. В связи с этим уместно напомнить о своеобразной традиции отрицательного отношения к кавычкам в русской литературе; ср. хотя бы известные высказывания А. П. Чехова³⁸, пародийные моменты в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова³⁹ и др.

Надо думать, что основные причины многочисленных жалоб на злоупотребление кавычками лежат не просто в их количестве на страницах печати. Дело в разрыве между укоренившимися представлениями о функции кавычек, с одной стороны, и их реальным функционированием, с другой, а точнее — между привычным представлением массы пишущих об одной функциональности кавычек и их фактической многофункциональностью в практике тех же пишущих.

В основной массе пишущих в результате прохождения школьной программы по русскому языку традиционно

³⁶ Л. А. Булаховский. К реформе русской пунктуации. «Русский язык в советской школе», 1930, № 4, стр. 126.

³⁷ А. Крон и Л. Успенский. Кавычки и какбычегоневычки. «Лит. газета», 16 окт. 1965 г.

³⁸ См. письма А. П. Чехова к А. С. Лазареву-Грузинскому от 20 окт. 1888 г. и к А. В. Жиркевичу от 2 апр. 1895 г. (кроме того: А. И. Куприн. Памяти Чехова, VII.— Собр. соч., т. 6. М., 1958, стр. 570). Ср. также отзывы о кавычках Ю. Олеши (Л. Никитин. Годы нашей жизни. «Москва», 1965, № 2, стр. 197) и М. Светлова (З. Паперный. Человек, похожий на самого себя. О Михаиле Светлове. М., 1967, стр. 218).

³⁹ И. Ильф и Е. Петров. Собр. соч. (в 5-ти томах), т. 2, стр. 314 и т. 3, стр. 159.

живет взгляд на кавычки как на знак чужой речи или цитации. Ср.: Это я фразу в кавычки взяла — цитирую (Т. Филатова. Лихие па... на бумаге. «Комс. правда», 15 сент. 1966 г.); У них завидное уменье / Присваивать чужие мнения... (В. Фатеев. Знаки препинания. «Москва», 1966, № 2, стр. 222); Разумеется, и это мое ощущение не было моим. Все путешественники писали то же самое. Лондон состоял из цитат. Соборы, ленч, туманы, парки, клерки, Сити, каминьы — все было в кавычках. Из одних кавычек я попадал в другие. Я был обречен на плагиат (Д. Гранин. Примечания к путеводителю. «Знамя», 1967, № 6, стр. 187). Ср. также у А. Блока: И заколдован был сей круг: Свои словечки и привычки, Над всем чужим — всегда кавычки, И даже иногда — испуг... (Возмездие, гл. 1).

В то же время речевой опыт (главным образом — опыт читателя прессы) вырабатывает у большинства пишущих отношение к кавычкам как к знаку иронии. Ср.: В фильме Ромма это событие как бы поставлено в кавычки, в иронический контекст... (С. Фрейлих. Контакт с историей. «Искусство кино», 1968, № 10, стр. 42); Слова «чувство любви», «нравится» она заключает в кавычки — так поступают, когда хотят подчеркнуть несерьезное, ироническое отношение к тому, о чем говорят (Н. Долина. Восемь писем. «Юность», 1969, № 9, стр. 88).

И на фоне подобных, стремящихся к однозначности восприятия, весьма распространенных взглядов на кавычки разнообразие случаев употребления, их пестрота — при необходимости самому читающему каждый раз выводить значение данного выделения кавычками из данного контекста — дает простор для сомнений в целесообразности постановки кавычек в целом ряде случаев. А если к этому прибавляется еще и фактическое отсутствие регламентации, — то все это вместе взятое способно породить образ неуправляемой стихии, «кавычной эпидемии» (А. Крон).

Между тем характер рассматриваемых случаев употребления кавычек сам по себе противоречит призыву к их «истреблению». Все подобные случаи постановки кавычек зиждутся на языковом чутье пишущего: если он достаточно отчетливо ощущает логическое ударение на слове (или переносный смысл слова, или приблизитель-

пость номинации, или нелитературный характер слова) и если он хочет предупредить об этом читающего, — право пишущего поставить кавычки в тексте не может быть оспорено, он выполняет свой долг в качестве партнера по письменной коммуникации и действует совершенно в духе законов речевой деятельности (и прежде всего — в плане предупредительной функции).

Однако надо выслушать и другую сторону — читающего, «получателя речи». Оказывается, что у читающего есть основания для обвинения пишущего в злоупотреблении необязательными кавычками. В основе этих обвинений может, во-первых, лежать сам характер таких кавычек: «Иногда нам кажутся отступлениями и нарушениями особенности в постановке знаков препинания, которые имеют своей причиной сознательное намерение пишущего выразить такой смысловой оттенок, которого могло бы и не быть в данном случае и которого читающий поэтому не ожидает, однако должен воспринять его на основании поставленного знака препинания»⁴⁰.

При этом, однако, могут иметь место случаи, когда читающий не «воспринимает» кавычек в тексте, ср.: ... автор изображает быт руководителей на фоне быта простых смертных. Сообщив о том, что люди, старшие возрастом и положением, пили «болгарскую „гамзу“ из оплетенной бутылки», он тут же добавляет: «Молодежь группировалась в другом отсеке. Их кормили „рядовым“ обедом (не ясно, правда, что означают здесь авторские кавычки. — И. Т.) и поили только виноградным соком и боржомом» (И. Травкина. Автору роман нравится... «Новый мир», 1965, № 9, стр. 257).

Во-вторых, в основе обвинения пишущего в злоупотреблении факультативными кавычками может лежать факт избыточности их в тексте. Смысл избыточности — в дублировании пишущим языковых средств; основная схема такого дублирования: пунктуационное (графическое) средство + лексическое средство. Например:

В последние годы театральность и условность хлынули на сцену, смяв скучную жизнь скучных и «правильных» людей в спектаклях якобы «реалистического» направления (Г. Товстоногов. Завидую предыдущему оратору,

⁴⁰ А. Б. Шапиро. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1966, стр. 58.

«Лит. газета», 4 янв. 1967 г.); Появилась серия картин, очень поверхностных, мнимо «интеллектуальных», претенциозных... (Год 1967. «Искусство кино», 1967, № 1, стр. 3); Но постепенно автор как бы «забывал» этих героев, и образы их тускнели (Н. Смолицкая. Время свершений. «Литература и жизнь», 28 янв. 1962 г.); Почему театр обязан помогать такому литератору, тратить драгоценное время, силы на его сомнительную «драматургию»? (Ю. Лавров. Барьер требовательности. «Лит. газета», 9 июня 1962 г.);

... почему возникает самая потребность различать какой-то особый, пусть это будет «правильный» в кавычках, текст, среди прочих «неправильных»? (Г. Винокур. Критика поэтического текста. М., 1927, стр. 11);

Понятно стремление учителей убедиться в том, «дошла» ли, так сказать, идея произведения до сознания ученика (В. Коровин. Литература — предмет эстетический. «Вопросы литературы», 1970, № 3, стр. 72)⁴¹; Сцены, где играют Борисова и Кторов, их, так сказать, «дуэт», принадлежат к лучшим в фильме (В. Маевский. Напоминание и призыв. «Правда», 10 апр. 1970 г.)

Критика пишущего читающим за дублирование языковых средств не дает права забывать о том, что пишущий (даже если имеет место перестраховка) исходит из предпосылки обеспечения понимания текста читающим, ради которой и боится себя в выполнении этой задачи применением не одного средства, выражающего оценку, а двух или даже трех. Очевидно, что решающим моментом в отношении к дублированию языковых средств должен явиться процесс понимания текста, а основным вопросом должно быть: помогает дублирование средств взаимопониманию или нет?

Положительный ответ на этот вопрос был сформулирован А. Б. Шапиро: «... нередко... пунктуация используется в качестве параллельного, вторичного по отношению к лексике и синтаксису, средства. В ряде случаев можно считать такую пунктуацию даже загромождающей наше письмо, однако надо признать, что и тогда, когда знаки препинания только подкрепляют значения и отношения,

⁴¹ О формулах оценок речи см.: Б. С. Шварцкопф. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи, стр. 301—302.

выраженные другими языковыми средствами, они большей частью не затрудняют читателя, а помогают ему быстрее и вернее разбираться в синтаксической структуре текста и в значениях, вложенных в него пишущим»⁴².

Дублирование языковых средств в целях обеспечения взаимопонимания является нормальным выражением общего свойства сообщений: присущая им избыточность повышает надежность передачи сообщений путем коррекции возможных ошибок (помех); задача коррекции возможных ошибок органически связана с предупредительной семиологической функцией знаков пунктуации, характерной для кавычек. Тем более это относится к рассматривавшейся здесь схеме дублирования **р а з н о р о д н ы х** средств (пунктуационное + лексическое), в которой функции этих двух дополняющих друг друга средств четко распределены: лексическое средство указывает на те смысловые отношения, в плане которых имеет место оценка элемента текста, но не выделяет его в тексте; кавычки выделяют в тексте оцениваемый элемент (выделительная семиологическая функция знаков пунктуации), но не указывают на выражаемые ими смысловые отношения (ср. замечания Б. А. Успенского на стр. 197).

В противовес этому излишним представляется дублирование **о д н о р о д н ы х** средств (лексическое + лексическое, пунктуационное + графическое), например:

В рассказе потому, что жанр этот подвижный, тонко реагирующий, легко поддающийся управлению и быстро дающий результат. Он, я бы сказал, некая «муха дрозофила» (термин из генетики), на которой можно проследить законы мастерства писателя и решения затронутых проблем (Ю. Куранов. Бессюжетных рассказов нет. «Вопросы литературы», 1969, № 7, стр. 71); Начну с кажущихся «мелочей» (Впрочем, на мой взгляд, это вовсе не мелочи) (Л. Погожева. Можно ли сдвинуть гору? «Искусство кино», 1969, № 3, стр. 52);

Я еще далеко не все «умел» (Л. Ариштам. Размышления о мастерстве. «Искусство кино», 1966, № 6, стр. 63).

Наконец, постановка кавычек может быть попросту излишней — в тех случаях, когда вносимый кавычками

⁴² А. Б. Шапиро. Основы русской пунктуации. М., 1955, стр. 86.— Противоположную точку зрения см.: Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 126.

в восприятие слова «знак минус» входит в прямое противоречие с содержанием контекста. Например: Нужно сказать, что «противники» экзаменов обычно говорят о том, что для ребят это ненужное нервное напряжение (А. Мостовой. Своевременно и верно. «Веч. Москва», 5 февр. 1962 г.); ...ссылается на работы, в которых содержится характеристика того времени в «нужном» ему духе (И. Кудрявцев, Л. Тиганова, Н. Тихомиров. Поддельные сомнения. «Молодая гвардия», 1970, №. 1, стр. 295). Подобные случаи могут быть квалифицированы как действительное злоупотребление кавычками.

Таким образом, правильный подход к употреблению факультативных кавычек должен опираться на чувство меры, на разумный компромисс между стремлением пишущего к обеспечению взаимопонимания путем использования избыточных средств — и критическим отношением к избыточности средств со стороны читающего. С этой точки зрения задача упорядочения употребления необязательных кавычек вовсе не может свестись только к требованию резко ограничить (или ликвидировать?) их применение. Речь должна идти прежде всего о повышении сознательности применения пишущими необязательных кавычек; пишущий, опираясь на регламентацию факультативных кавычек в пособиях и справочниках, должен отдавать себе отчет, каково значение данного случая употребления кавычек и каковы мотивы, заставляющие его (пишущего) использовать в данном случае кавычки.

Об орфографическом словаре

Б. З. Букчина

О ТИПАХ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ (ОБЗОР)

Нет необходимости доказывать, как велика роль орфографического словаря в повышении грамотности, культуры речи. Орфографический словарь, относящийся к «словарям правильной речи»¹, предназначается для самого широкого круга читателей, так или иначе соприкасающихся с вопросами написания слов. Однако вряд ли тем, кто пользуется сегодня орфографическим словарем, известно, что начиная с 1881 года — года появления первого «Русского орфографического словаря» П. А. Ромашкевича (Курск, 1881) и до наших дней — вышло около 100 разных орфографических словарей. И если при этом учесть, что большинство словарей выходило несколькими изданиями (от 2 до 23), причем иногда разные издания одного и того же словаря были фактически разными словарями, имевшими даже разные названия (см. разные издания словарей П. Ромашкевича (№ 9)², Ф. Абраменко (№ 37), В. Гречанинова (№ 45) и др.), то в среднем на каждый год приходилось по несколько орфографических словарей — всего словарей около 300 (см. библиографию). Эта внушительная цифра свидетельствует о большом спросе на орфографические словари, который объясняется несколькими причинами: во-первых, хотя и предполагается, что орфографическая грамотность должна при-

¹ О. С. А х м а н о в а, В. В. В е с е л и т с к и й. О словарях правильной речи. «Лексикографический сборник», вып. IV, М., 1960, стр. 215.

² Цифры означают номер словаря в библиографическом указателе, приведенном в конце статьи.

обретаться еще в школе изучением и усвоением строго определенных и точных правил правописания, по отношению к русскому письму эта задача в полной мере невыполнима «вследствие спорности написания многих слов, вследствие неясности иных начертаний, наконец, вследствие пристекающего отсутствия в иных случаях определенных правил»³. Такое же положение сохранилось и в настоящее время, когда действуют единые «Правила русской орфографии и пунктуации». С. И. Ожегов в 1957 г. писал: «Однако, как показывает история, орфографические правила, какой бы степенью полноты они ни отличались, не могут полностью удовлетворить орфографической практики. Нужны словари, которые, учитывая разносторонние запросы орфографической практики, помогали бы ей в написании отдельных слов, а иногда и целых категорий новых слов»⁴. Во-вторых, разнообразие словарей свидетельствует о поисках типа орфографического словаря, который, отвечая научным требованиям, был бы одновременно хорошим практическим пособием, так как орфографические словари в большей мере, чем другие словари, имеют прежде всего практическое значение. «Цель настоящего словаря,— писал А. Д. Новопашенный (№ 23),— прежде всего практическая — служить справочной книгой для всех тех, кому приходится писать довольно много, а справляться в сомнительных случаях с грамматиками, руководствами и т. п. некогда».

Кроме того, потребность в орфографическом словаре вызывается нашей орфографией, которая, хотя «все-таки хорошая», но все-таки и трудная, а до реформы 1918 г. была еще трудней.

Независимо от того, насколько удачными были вышедшие словари, все они были пробой и служили общему делу выработки определенных типов орфографического словаря, которые нельзя считать окончательно сложившимися и в настоящее время. Современный орфографический словарь, несмотря на многочисленных предшественников, все еще далек от совершенства.

Орфографические словари несовершенны не только потому, что «составить порядочный справочный словарь по

³ З. О п о к о в. Несколько замечаний о существующих русских орфографических словарях. Киев, 1904.

⁴ С. И. О ж е г о в. Упорядочение русской орфографии.— ВАН, 1957, № 1, стр. 32.

русскому правописанию — дело очень трудное»⁵, и не потому, «что хороший, достаточно полный словарь никогда не может быть составлен с одного раза, что ни в одной книге пропуски и неверности, вольные и невольные, не столько возможны и простительны, как в словаре, что самый удовлетворительный словарь по времени теряет все более свое достоинство, все более требует поправок»⁶, но больше всего потому, что сама проблема орфографического словаря теоретически не была разработана и до сих пор ей в литературе не уделяется должного внимания.

«Русская дореволюционная практика составления словарей не могла опираться на какую-либо общую теорию, так как никакой теории лексикографии не существовало»⁷. Словари дореволюционной России издавались, как правило, по частной инициативе. Не было достаточной лексикографической теории и в послереволюционные годы. «Хотя человечество очень давно начало заниматься составлением словарей разных типов, однако какой-либо общей лексикографической теории, по-видимому, не существует еще и до сих пор»⁸, — писал в 1939 г. акад. Л. В. Щерба.

Лингвисты, занимающиеся проблемами лексикографии, совсем не касались орфографических словарей. Орфографическим словарям в этом смысле не повезло. Очевидно, отсутствие лексикологических работ по орфографическим словарям нельзя считать случайным явлением. Существует, к сожалению, мнение, что использование достижений лексикологии в лексикографической практике

⁵ Я. К. Грот. Разбор словаря Даля. «Филологические разыскания». СПб., 1873, стр. 58.

⁶ И. И. Срезневский. Обзорение замечательнейших из современных словарей. «Изв. Имп. Академии Наук. Отд. русск. яз. и словесности», 1864, т. III, стр. 154. — Следует еще отметить специфическую особенность орфографических словарей в отличие от других словарей: если любой хороший словарь может служить длительное время пособием, не теряя своей ценности в связи с изменением орфографических правил, то орфографический словарь, не соответствующий строго действующим правилам, должен быть переиздан, иначе он перестает быть пособием, справочником, которым можно пользоваться.

⁷ А. М. Бабкин. По вопросам русской лексикологии и лексикографии. «Лексикографический сборник», вып. IV, стр. 3.

⁸ Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. «Изв. АН СССР», 1940, № 3, стр. 54.

должно касаться лишь словарей «филологического характера», а не справочников узкопрактического назначения, к которым относят орфографические словари. Это мнение в настоящее время пересматривается: «Но знамение времени является то, — пишет А. М. Бабкин (указ. соч., стр. 8), — что акад. С. П. Обнорский даже для такого словаря, как орфографический [разрядка наша.— Б. Б.], ставит широкие задачи лексикологического и семантического плана и обоснованно упрекает составителей в том, что они таких задач перед собой не поставили».

Правда, предисловия к орфографическим словарям и рецензии на них в ряде случаев содержат отдельные положения, которые могут быть учтены при теоретическом осмыслении лексикографической практики орфографических словарей. Предложения рецензентов, как правило, всегда учитывались авторами словарей при переиздании.

Осознать специфику орфографических словарей поможет, как нам представляется, изучение предшествующих изданий орфографических словарей (см. краткий обзор орфографических словарей в статье С. И. Зинина «Орфографические словари русского языка» («Русская речь», 1968, № 6, стр. 64—69). Однако этот разрозненный практический опыт оставался неиспользованным, поскольку не обобщался составителями, а обыкновенно отражался в изданных ими словарях и проявлялся в решении отдельных частных вопросов. Составители словарей интуитивно нащупывали проблемы, связанные со спецификой орфографических словарей. Но отдельные теоретические лексикографические вопросы решались от случая к случаю, проблемы не ставились в полном объеме, не подвергались обсуждению или анализу. Именно этими причинами можно объяснить непоследовательность в отборе словника и в подаче орфографических и неорфографических сведений, присущую всем орфографическим словарям.

Первыми попытками создания орфографических словарей можно считать справочники, помещенные в качестве приложений к орфографическим, в частности к школьным, пособиям. До этого длительное время функции орфографических словарей выполняли не вполне удачно толковые словари.

В орфографическом отношении «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук»,

был непоследователен. Орфография, приведенная в словаре Даля, резко отличалась от правописания, принятого в современных ему книгах. В. И. Даль придерживался принципа писать «как можно ближе к общепринятому произношению».

В 1839 г. Н. Греч издал небольшой словарь «Справочное место русского слова». Н. Греч анализирует погрешности орфоэпического характера, а также требует соблюдения единого правописания у ряда слов, например: «*адресъ* — многие пишут *адрессь*. Должно писать *адресъ*».

Трудным разделом орфографии были правила правописания слов с буквой *ѣ*. Поэтому первые орфографические словарики приводили перечень слов с буквой *ѣ*. Вышло много словарей, приводивших только списки слов с буквой *ѣ*, что вполне объяснимо: слова с буквой *ѣ* надо было запоминать. В изданной в 1815 г. книге «Правила об употреблении в письме буквы *ѣ*» (№ 2) дано приложение — словник с названием «Полная роспись словам с буквой *ѣ*». В 1876 г. в Одессе И. Марков издал пособие «Изобретение звука *е* в русском языке, с прибавлением алфавитного перечня слов, в коих употребляется буква *ѣ*» (№ 5) (6300 слов с именами собственными). В 1877 г. в Москве выходит «Подробнейшая и необходимая для всех справочная книжка об употреблении в русском языке буквы *ѣ*», составленная В. Коломниным (8500 коренных и производных слов с буквой *ѣ*) (№ 6). В 1890 г. В. Зелинский издает «Справочный словарь буквы *ѣ*» (№ 22), в котором слова были расположены по-иному: не по алфавиту первой буквы, а в порядке алфавита тех букв, после которых пишется *ѣ* в середине слова. Однако такие словари, хотя и были посвящены самой трудной проблеме дореволюционной орфографии, не могли полностью удовлетворить тех, кто ими пользовался, потому что другие трудные орфографические вопросы оставались незатронутыми. Нужны были полные орфографические словари.

«Родоначальником» самостоятельно изданных русских орфографических словарей считается «Русский орфографический словарь» П. Ромашкевича (№ 9), вышедший семью изданиями. П. Ромашкевич считал, что «составитель орфографического словаря, не имеющего специальной цели и исключительного назначения, а имеющего в виду массу публики, должен держаться правописания прочно

установившегося, всеми употребляемого и, во всяком случае, должен держаться больше старины, чем новизны». Недостатки этого словаря проанализированы в появившейся вскоре после его выхода рецензии, в которой, в частности, писалось: «Словарь представляет собою небрежную выписку слов из академического словаря без признаков каких бы то ни было объяснений. В нем множество лишних, нисколько незатруднительных для правописания слов, пропущено очень много слов нужных. Устарелое правописание»⁹. Тем не менее словарь сыграл свою положительную роль — после его выхода стали появляться разные самостоятельные орфографические словари.

Как известно, в XIX в. для кодификации и упорядочения русской орфографии исключительное значение имела книга акад. Я. К. Грота «Русское правописание» (№ 13), вышедшая первым изданием в 1885 г. Основную задачу книги автор определил следующим образом: «Настоящее краткое руководство имеет целью удовлетворить сознаваемую всеми потребность привести русское правописание к желательному единообразию». Я. К. Грот на основе сформулированных им правил унифицировал написание некоторых разрядов слов, а также написание отдельных слов с колеблющейся орфографией. К книге был приложен словарь, включающий около 3000 слов, многие из которых имели комментарии, аргументирующие избранное автором написание. Рекомендации Я. К. Грота через учебники, справочники и словари широко проникали в печать и школу. В период с 1881 г. до Великой Октябрьской социалистической революции были выпущены в свет десятки словарей (см. библиографию). Особенно активизировалось издание орфографических словарей после 1900 г.]

Орфографические словари, как уже отмечалось, составлялись в частном порядке, без единого авторитетного руководства, без твердо выработанных принципов отбора слов и их оформления. Не было согласованности даже в написании отдельных слов. Количество слов в словарях колебалось от 700 до 60 000. В одних справочниках слова распределялись по корневому принципу, в других — давались в алфавитном порядке. В некоторых словарях

⁹ З. О п о к о в. Указ. соч.

слова делились дефисами на части, чтобы показать возможные переносы. Одни составители снабжали трудные для понимания слова объяснениями, другие совсем не касались значений слов. Особенно много пестроты и непоследовательности было в указаниях на грамматические формы слов и в употреблении грамматических помет. Некоторые словари включали краткие сведения по грамматике и важнейшие орфографические правила.

С. И. Ожегов в статье «Упорядочение русской орфографии» так охарактеризовал положение с орфографическими словарями в этот период: «В дореволюционное время Академия наук не включала в число своих задач создание большого орфографического словаря. Активная деятельность членов академии Я. К. Грота, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова в области упрощения орфографии рассматривалась как проявление индивидуального почину, а не как работа Академии. В то же время из-за нерешенности многих принципиальных вопросов орфографии и не было условий, необходимых для подготовки орфографического словаря академического типа. Поэтому все большие словари возникали в порядке частной инициативы. Словари эти, несмотря на всю пользу, которую они принесли в свое время орфографической практике, мало отвечали задачам орфографической нормализации русского языка. С одной стороны, многие разделы русской орфографии не были регламентированы, с другой стороны, словари не пытались последовательно и принципиально разрешить спорные случаи написаний, а следовали за сложившейся практикой, и притом каждый по-своему»¹⁰.

Громадное значение для русской орфографии имели декреты Советского правительства от 23 декабря 1917 г. и 10 октября 1918 г.: они устранили устаревшие написания, внесли много изменений в орфографию, что, естественно, должно было найти отражение в словарях. После Великой Октябрьской социалистической революции выходят переработанные на основе требований реформы старые и некоторые новые пособия (см. библиографию).

Первые орфографические словари, изданные после революции, отличались от дореволюционных только в той

¹⁰ С. И. О ж е г о в. Упорядочение русской орфографии, стр. 32.

части, где это касалось графики, а по существу они продолжали старую традицию: границы выбора нужных для орфографического словаря слов были установлены в «Новом орфографическом словаре» М. Вольпера (№ 61). В словаре были приведены всего 14 000 слов, которые «по фонетическим или этимологическим соображениям допускают возможность ошибочного их начертания и наиболее употребительные в современном языке иностранные слова». Однако автор не касается многих спорных вопросов правописания.

В советское время потребность в орфографических словарях все больше и больше возрастала. Этот повышенный спрос на орфографические словари, естественно, был вызван приобщением к культуре самых широких слоев населения. Появилась необходимость в орфографических словарях общего типа для всех грамотных, в специализированных словарях для работников печати ¹¹, в школьных орфографических словарях.

Четко определились три адресата, которым предназначались орфографические словари, и соответственно — разные типы орфографических словарей: для работников печати, для школьников и общие. Хотя эти три типа словарей и словарей-справочников возникли стихийно, они продолжают издаваться до настоящего времени, и практическая целесообразность их сохранения не вызывает сомнения. В дальнейшем мы считаем удобным анализировать словари, разграничивая их по трем вышеназванным типам, соответствующим трем видам адресатов.

1. Словари-справочники для работников печати

Специфика издательского дела требовала специальных орфографических справочников. Нужны были справочники, которые бы унифицировали начертание отдель-

¹¹ «В конце 20-х и в 30-е годы выпускается ряд специальных изданий — справочников и пособий для наборщиков, корректоров, редакторов, в которых обязательными составными частями являются главы, посвященные вопросам орфографии... Наиболее показательны из этих изданий и наиболее подробные, снабженные между прочим значительными appendix'ами в виде орфографических и орфоэпических словариков, представляют справочники, с одной стороны, Филиппова, с другой стороны, Шапиро и Уарова» (С. П. О б н о р с к и й. Русское правописание и язык в практике издательств. «Изв. АН СССР», 1934, стр. 461).

ных слов, установили бы общие для всех корректоров принципы орфографии. Словари, вышедшие в 20-е и 30-е годы для работников печати, восходят к изданному А. Студенским справочнику под заглавием «700 слов, наиболее требующих одинакового написания» (№ 4), в котором приводится перечень «смешиваемых корректорами слов и предлагаются своеобразные начертания для различения оттенков значения одного и того же слова». В 1911 г. группа корректоров составила «Новый орфографический словарь» (около 100 000 слов) (№ 45). Переработанное его издание вышло в 1927 г. — «Новый справочный орфографический словарь для выпускающих корректоров и литературных работников». Он, по словам рецензента, «мало что давал работникам печати по технико-орфографическим вопросам»¹². В 1927 г. вышли «Технико-орфографические правила» (Госиздат), которые в ряде случаев (например, применение прописных букв, дефиса, слитность и раздельность начертания слов, выражающих сложные понятия, транскрипция иностранных слов и пр.) идут дальше того, что дают школьные орфографические руководства и общие словари. В 1933 г. под редакцией Н. Н. Филиппова вышел «Технико-орфографический словарь-справочник» (№ 73), подготовленный ленинградским научно-исследовательским институтом книговедения. Это были первый и наиболее полный свод справочного материала, описания главных элементов оформления книги, важных правил орфографии, пунктуации. В 1933 г. в Москве издается справочник для работников печати — «Орфография, пунктуация и техника корректуры» А. Б. Шапиро и М. И. Уарова (№ 74). В справочнике «чувствуется рука опытного методиста и более широкая установка, имеющая в виду не только корректора, но и всякого литературного работника, а, пожалуй, отчасти и учащегося»¹³. «Технико-орфографический справочник для корректоров» Н. Филиппова (1939) в основном повторяет пособие 1933 г. Только слова разбиты на слоги для переноса, а у иностранных слов приводится в скобках толкование. В 1949 г. вышел «Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати» К. И. Былинского, Н. Н. Никольского (2-е изд. —

¹² «Журналист», 1927, № 1.

¹³ И. И в а н о в и ч. Новые орфографические справочники. «Журналист», 1933, № 8, стр. 32.

1957, 3-е изд. — 1970 (№ 86). По мнению рецензентов, «это пособие — авторитетный советчик и помощник при разборе сложных и спорных вопросов правописания. Благодаря своему нормативному характеру оно способствует упорядочению современного правописания, повышает культуру письменной речи»¹⁴. Составители дают написание наиболее трудных слов и словосочетаний. Впервые к «Справочнику» был приложен не только «Орфографический словарь» (около 50 000 слов), но и «Орфографический словарь географических наименований СССР» (около 10 000 слов). В 1960 г. вышла «Справочная книга корректора» К. И. Былинского и А. Н. Жилина (№ 91). В книге словарь занимает незначительное место. Основное внимание уделяется орфографическим правилам и издательским правилам для корректоров.

2. Школьные орфографические словари

Первый школьный орфографический словарь появился в 1883 г.

«Орфографический словарь с присоединением повторного курса русской орфографии» (№ 10). Составитель его — А. Спицын — обстоятельно показал, как может быть использован орфографический словарь при изучении русского правописания в школе: «Хотя орфографические словари — явление новое в методике русского языка, но, кажется, нет никакой необходимости длинными рассуждениями разъяснять важность появления их в школе; достаточно упомянуть, что словарь дает ученикам те же объяснения затруднительных случаев, какие дает учитель, и даже более полные и обстоятельные, так как никакой учитель не в состоянии пройти курса орфографии во всем его объеме». О необходимости для школьной практики орфографических словарей писали и другие составители словарей. «Орфографический словарь, — писал И. Н. Шапошников, — как справочник, которым ученик может воспользоваться в каждом сомнительном для себя случае, должен стать необходимым постоянным школьным пособием».

Тип школьного словаря завоевал свое право на самостоятельное существование. Издавались разные по объему

¹⁴ Ю. А. Бельчиков и В. В. Вомперский. Справочник по орфографии и пунктуации. — РЯШ, 1958, № 5, стр. 118.

и по способу расположения словарного материала школьные словари. Различались словари для средней и для начальной школы.

Словари для начальной школы создавались и в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции. Пособие В. Флерова «Мой словарик» (1917) включало менее 3000 слов и имело своеобразное оформление: на каждой четной странице помечены два столбца слов, а на нечетной — один, рядом с которым оставлено пустое место с указанием наверху — «Для записи своих слов». Значительно полнее другое пособие для начальной школы — «Орфографический словарик» И. Н. Шапошникова (№ 57), выдержавший ряд изданий. В словаре (изд. 3—1925) имеется до 11 000 слов. В первом приложении к словарию даются наиболее распространенные советские аббревиатуры, а во втором — орфографические упражнения на материале словаря. «Новый орфографический справочник» И. Устинова (№ 63), предназначенный для школ и для самообразования, приводил значения слов. Толкование слов не помогало орфографическому усвоению этих же слов. «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова, впервые изданный в 1934 г., основательно переработанный в 1957 г. (11-е издание), после выхода «Правил» (12 700 слов) выдержал уже 28 изданий (с 1945 г. авторы: Д. Н. Ушаков и С. Е. Крючков). В словаре даны грамматические пометы и формы при ряде слов, указывается род, число и некоторые косвенные падежи у многих существительных.

В словаре есть ряд слов, которые были бы уместнее в словаре для начальной школы, и нет целого ряда слов, нужных для учащихся старших классов средней школы. В конце справочника приведен небольшой список наиболее употребительных имен собственных, особенно трудных в правописании. «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова служил пособием как для средней школы, так и для начальной школы. Но для учащихся начальных классов он был малодоступен из-за обширного лексического состава, объем которого выходил за рамки языкового развития детей в возрасте 8—10 лет. В последние годы вышли орфографические словари для начальных классов: С. П. Редозубова (№ 87), З. А. Орловой (№ 92), П. А. Грушниковой (№ 93). «Новый орфографический словарик» П. А. Грушниковой (№ 93) в основном повторяет

принципы построения словаря Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова, но объем словника меньше (3200 слов). Непроверяемые орфограммы выделены жирным шрифтом.

«Нельзя не отметить большого культурного значения небольших по объему школьных и специальных орфографических справочников, вышедших после революции,— писал С. И. Ожегов,— в первую очередь среди авторов полезных популярных орфографических словарей, которые содействовали внедрению в школьную и полиграфическую практику положительных решений правительственной орфографической комиссии еще задолго до утверждения результатов ее работы, следует назвать члена-корреспондента АН СССР Д. Н. Ушакова, профессора С. Е. Крюčkова, профессора К. И. Былинского»¹⁵.

3. Общие орфографические словари

Словари, предназначенные для работников издательств и для школ, не исключали работы над составлением орфографических словарей общего типа, т. е. словарей, предназначенных для всех, сталкивающихся с орфографическими трудностями. К сожалению, дореволюционные словари не создали лексикографической традиции. Это можно в какой-то мере объяснить тем, что создавались они по частной инициативе. В советское время началась работа по составлению «Орфографического словаря» и изданию единых правил орфографии. Безусловно, эти работы взаимосвязаны.

В 1934 г. был издан «Орфографический справочник», содержащий предложения по упорядочению русского правописания и как приложение к справочнику был издан проект «Орфографического словаря» (Учпедгиз, М., 1936), включивший около 30 000 слов.

Работа над орфографическим словарем в Академии наук продолжалась. В 1940 г. под общим руководством С. П. Обнорского был подготовлен новый вариант «Орфографического словаря», но он не был издан. Издание нового орфографического словаря, подготовленного институтом языкознания (ред. С. И. Ожегов и А. Б. Шапиро), могло быть осуществлено лишь после утверждения «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. Это,

¹⁵ С. И. Ожегов. Упорядочение русской орфографии, стр. 32.

собственно, был первый орфографический словарь, изданный Академией наук СССР — орфографический словарь академического типа (2-е изд. переработ. — 1963; стереотипно — 12 изданий) (№ 90). В предисловии к словарю изложены основные принципы его построения: «Орфографический словарь русского языка» дает одно, признанное правильное написание слова и не допускает с о б с т в е н н о орфографических вариантов. Словарь должен явиться единым руководством для правильного написания слов и их форм. Кроме того, надо иметь в виду, что он является собственно орфографическим словарем, т. е. таким, к которому следует обращаться не для того, чтобы узнать значение или происхождение того или иного слова, а только для того, чтобы справиться о правильном написании уже известного слова. В рецензиях ¹⁶ дана положительная оценка словарю. Однако вместе с тем указываются и недостатки словаря, но они прежде всего связаны с общими лексикографическими вопросами (например, с установлением объема словника.)

Есть еще один тип словарей — словари, посвященные отдельным орфографическим проблемам, отличающимся не только и не столько орфографической сложностью, сколько тем, что написание разрядов слов не регулируется общими правилами, а определяется в словарном порядке. Кроме перечисленных выше словарей, посвященных написанию слов с буквой *ѣ*, вышли еще несколько словарей, посвященных другим проблемам. Такими являются: словарь И. И. Огиенко «Где писать два *н*, а где одно» (№ 48), который автор считал «опытом установления законов об удвоении звука *н* в русском языке», словарь «Иностранные слова с двойными согласными, наиболее часто употребляемые в русском языке» (№ 80). В 1945 г. ОГИЗ издал небольшой справочник «Употребление буквы *ѣ*» (№ 83), составленный К. И. Былинским, С. Е. Крючковым и М. В. Светлаевым. Необходимость этого словаря была вызвана приказом Народного Комиссариата просвещения РСФСР от 24 декабря 1942 г. об обязательном

¹⁶ Л. Булаховский. [рец.] «Орфографический словарь русского языка». — РЯШ, 1957, № 5; С. П. Обнорский [рец.] «Орфографический словарь русского языка». — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1957, т. XVI, вып. 4; К. И. Былинский и Д. Э. Розенталь [рец.] «Орфографический словарь русского языка». — ВЯ, 1957, № 5.

употреблении буквы *ё* в школьной практике. В орфографии последних лет одним из самых трудных разделов является раздел о написании сложных слов. Этой проблеме и посвящен изданный в 1972 г. опыт словаря-справочника «Слитно или раздельно?» (составители — Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова). В словаре впервые с наибольшей полнотой собраны слова, вызывающие затруднения с точки зрения слитного, раздельного или дефисного написания. В предисловии анализируются причины существующего в настоящее время разнообразия в написаниях слов данной группы в периодической печати, ГОСТах, словарях и справочниках и предлагается принцип, по которому можно строить орфографическое оформление этой группы слов.

Анализ вышедших орфографических словарей, содержащейся в них орфографической и неорфографической информации, системы подачи орфографических и неорфографических вариантов и т. п. позволяет сформулировать в несколько более обобщенном виде вопросы и связанные с ними трудности, которые возникали и продолжают возникать перед составителями орфографических словарей. Вопросы эти относятся к составу словаря и его структуре. Рассматривать их мы будем с учетом практики всех вышедших словарей, так как «лексикограф не может, не должен оставлять вне поля своего зрения тех лексикологических разведок, которые сделаны до него и, в сущности, почти всегда в той или иной мере для него, иначе он рискует сделать ложный шаг на своем пути»¹⁷.

С о с т а в, или **о б ъ е м**, **с л о в а р я** — это определение характера лексического материала и количества слов, подлежащих включению в словарь.

Вопрос отбора слов для словаря относится к вечным лексикографическим вопросам. «Почти два века уже он беспрерывно волнует мнения — едва ли не более, чем все другие вопросы, касающиеся словаря», — писал И. И. Срезневский¹⁸. Каждый составитель словаря сталкивается прежде всего с проблемой отбора слов, необходимых в словаре. Есть точка зрения, что словарь должен быть как можно полнее. «Стремиться к полноте — есть

¹⁷ А. М. Бабкин. Указ. соч., стр. 9.

¹⁸ И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 154.

первая обязанность словаря... Это не список особ приглашенных, а полная перепись народная»¹⁹. Но «полнота» словаря не может быть всеобъемлющей, так как «словарный состав современного русского языка во всех его разновидностях и сферах употребления необычайно богат и разнообразен. Количество слов (включая производственную и научную терминологию, диалектизмы, архаизмы, а также арготизмы, топонимику, ономастику, патронимику и т. п.) в современном русском языке настолько велико, что даже приблизительно пока что невозможно определить его. Такое огромное количество слов практически не может быть учтено даже в наиболее полных словарях»²⁰. Поэтому, естественно, что при составлении любого словаря (в том числе и орфографического) встает вопрос о подборе слов: какие слова следует включать в словарь и какие нет. Полнота лексического состава включаемых в словарь слов зависит от общих установок словаря и от того, для кого предназначается словарь. Орфографический словарь, казалось бы, должен прежде всего включать слова, представляющие орфографические трудности, т. е. конкретные разряды слов, оговариваемые орфографическими правилами. Естественно, что эта категория слов должна быть представлена с исчерпывающей полнотой. Но независимо от этих исходных данных словник должен представить общелитературную лексику, должен охватить наиболее употребительные слова. Устанавливать строгие и точные критерии отбора общелитературной лексики трудно. «Составление словника,— писала Н. И. Фельдман,— складывается из двух моментов. Во-первых, установление принципа отбора слов. Во-вторых, самый подбор слов, обеспечивающий полноту требующейся профилем словаря лексики...»²¹ Профиль орфографического словаря должен определить круг лексики, которая включается в орфографический словарь — слова, представляющие орфографическую трудность. Но так как круг пользующихся словарем разнороден, связан с разной степенью грамотности, то практически определить

¹⁹ Я. К. Г р о т. Программа словаря братьев Гриммов. «Филологические разыскания», стр. 202.

²⁰ Ф. П. Ф и л и н. Заметки по лексикологии и лексикографии. «Лексикографический сборник», вып. 1. М., 1957, стр. 36.

²¹ Н. И. Ф е л ь д м а н. О специфике небольших двуязычных словарей.— ВЯ, 1952, № 2, стр. 69.

полноту словаря довольно трудно. Как и в любом другом словаре, при составлении словника орфографического словаря элемент условности и субъективизма, к сожалению, неизбежен и, как в любом словаре, критика всегда будет указывать на наличие необязательных слов и отсутствие нужных слов, хотя, судя по предисловиям к словарям, авторы, как правило, исходили именно из того положения, что в орфографический словарь должны включаться слова, которые у пишущего могут вызвать затруднения. Некоторые составители словарей иногда четко формулировали свою программу по составу словника и перечисляли группы слов, которые должны быть включены в словарь. Так, например, М. Вольпер (№ 61), исходя из того, что в словаре даются те русские слова, которые по фонетическим или этимологическим соображениям допускают возможность ошибочного их начертания, намечает 17 пунктов категорий слов, включаемых в словарь.

Итак, одна из трудностей, связанная со спецификой орфографического словаря,— это соответствие полноты словника установленному принципу отбора орфографически интересных и трудных слов. Трудность заключается в ограничении нужных слов. «Лишенному элементарной грамотности никакой „полный“ словарь не поможет», — писал И. И. Огиенко (№ 54). Вторая трудность, общая для всех словарей, в том числе и для орфографического, — какие слова той или иной категории включать в словарь, это прежде всего касается архаизмов, диалектизмов, профессионализмов и некоторых других словарных категорий. Нужны ли в орфографическом словаре диалектизмы, просторечные, малоупотребительные слова, слова, которых нет в современном литературном языке, но имеются в произведениях Пушкина, Толстого и др., нужны ли слова устаревшие, которые выходят из употребления; как ограничить многообразную по употреблению, но очень продуктивную в современном языке терминологию? Как найти те объективные критерии, которые позволили бы ограничить круг названной лексики для орфографического словаря? Мы не беремся решать эти сложные лексикографические вопросы в данной работе. Попытаемся выразить свое отношение лишь к некоторым точкам зрения, которые существуют по этим вопросам в настоящее время. При конкретном их решении надо исходить из су-

ществования разных типов орфографических словарей, типология которых, к сожалению, в настоящее время еще не разработана.

Орфографические трудности вызывают не только слова литературного языка, но и архаические, просторечные, диалектные слова и формы слов. Поэтому нам представляется необходимым включать в орфографический словарь слова этих лексических групп, в написании которых имели место колебания, варианты. Основой для отбора таких слов должны быть толковые словари, уже просеявшие современную лексику.

Не менее сложным представляется вопрос о включении в словарь специальной терминологии, необозримой по объему и многообразной по употреблению, особенно в настоящее время при современном быстром темпе роста и развития техники, вызывающей к жизни специальную терминологию, становящуюся достоянием широких кругов. Вопрос о месте специальной терминологии в общих словарях языка является одним из наиболее сложных и нерешенных. Так, еще в 1864 г. И. И. Срезневский писал: «Иногда порицают лексикографов за внесение в словари... технических терминов, известных только людям, специально занимающимся тем или другим ремеслом... Что касается терминов наук, искусств и промышленности, то их важность признана английскими лексикографами уже издавна... Вебстер, не сомневаясь в необходимости терминов как важной части состава языка, наиболее требующей объяснений, задумывался только над теми из них, которые принадлежат к числу слов новых, не всеми принятых и, следовательно, не утвердившихся в языке»²². Терминология должна быть представлена в словарях. Об этом писали многие ученые-лексикологи — В. И. Чернышев, Е. И. Истрина, Ф. П. Филин, С. И. Ожегов. Речь идет только об объеме включаемых в словарь терминов. С. И. Ожегов писал об объеме терминов применительно к разным типам словарей: «Словарь большого типа должен с возможной полнотой отражать терминологическую лексику, из чего не следует, что он должен без разбора включать в себя любую терминологию... Из терминологии, бытовавшей в словарном составе русского языка с XIX в. и затем отпавшей, в большой словарь должна

²² И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 156.

включаться только та, которая отражала существенные явления в развитии науки, техники, искусств...» «Не следует стремиться, — писал он, — к представлению в исчерпывающей полноте видовой терминологии данного рода, считая это наиболее обоснованным решением вопроса», потому что «... в действительности не наблюдается совпадения по значимости круга терминов основных и частных понятий науки и техники и круга терминов общего, общенародного употребления, которые только и могут иметь место в общих словарях, являясь средством общения вне данной научной или технической сферы...» «Следовательно, решающим моментом для отбора терминов должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль»²³.

Итак, все лексикографы испытывали трудности при отборе терминологической лексики для словаря, но эти трудности увеличились в настоящее время — в период бурного развития науки и техники. Сложно отобрать эту лексику для толковых словарей. С неменьшими трудностями сталкиваются и составители орфографических словарей, которые, с одной стороны, должны избегать специальных терминов, но, с другой стороны, должны успевать регистрировать эту многообразную специальную лексику, чтобы рекомендовать правильное написание того или иного термина, ликвидировать разноречие в написании новых терминов. Извечность проблемы объема терминологической лексики, включаемой в словари, может показать хотя бы сопоставление двух рецензий на первый и последний орфографические словари. Так, еще З. Опоков в рецензии на словарь П. Ромашкевича (№ 9) писал: «В словарь Ромашкевича внесено много названий специальных — географических, исторических, ботанических, этнографических и всяких других, которые совершенно не нужны в русском орфографическом словаре». Автор считает, что специальные слова «могут иметь место в специальных словарях»²⁴. Через 80 лет К. И. Былинский и Д. Э. Розенталь пишут в своей рецензии на «Орфографический словарь»: «Выше указывалось на загромождение

²³ С. И. О ж е г о в. О трех типах толковых словарей современного русского языка. — ВЯ, № 2, 1952, стр. 35.

²⁴ З. О п о к о в. Указ. соч., стр. 56.

словаря слишком специальными терминами»²⁵. Отмечая, с другой стороны, и отсутствие в ряде случаев более распространенных (по мнению авторов рецензии) терминов, они справедливо спрашивают: «Но что может служить критерием для отбора, например, терминов?».

Вопрос о включении терминов не может быть решен механически и универсально. К. И. Былинский и Д. Э. Розенталь предлагают включать «слова, понятные по значению широкому кругу людей, но в то же время вызывающие затруднения с точки зрения правильного их написания». Критерий включать слова, в правописании которых могут встретиться затруднения, должен быть основным при ограничении терминологической лексики для орфографического словаря. Этот критерий особенно существен сейчас, когда необходима орфографическая кодификация терминов, так как многочисленные термины, входя в литературный язык, зачастую не сразу получают единое орфографическое оформление. В правильности орфографического облика термина можно быть уверенным только в том случае, когда термин зафиксирован в словаре (см. написания *дизайнер—дезайнер*, *фламастер—фломастер*, *кримплин—кримплен—кремплин*, *пастижер—постижер* и др.). Когда речь идет о специальной терминологии, нельзя не считаться и с тем фактом, что специальных, отраслевых орфографических словарей, к сожалению, нет и по сей день. Кроме того, «граница слоя специальной терминологии, вошедшей в общий язык, подвижна: она зависит от уровня развития культуры, экономики, техники»²⁶. Специальная же терминология, усвоенная общим языком, перестает быть специальной и включается в словарь уже на правах общей лексики. Но при большом, неограниченном материале терминов, при зыбкости границы между термином и нетермином, при отсутствии орфографических словарей по ряду областей науки и техники трудно выработать четкие принципы отбора терминологической лексики для орфографического словаря. Учитывая все это, можно согласиться с установками, которыми руководствовались составители «Орфографического словаря русского языка», включившие только те научно-технические термины или слова терминологической

²⁵ К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. «Орфографический словарь русского языка». — ВЯ, 1957, № 5, стр. 242.

²⁶ Н. И. Фельдман. Указ. соч., стр. 69.

лексики, в написании которых наблюдаются наибольшие расхождения, а также широко распространенные основные термины. Безусловно, однако, что «при конкретном решении вопроса о включении отдельных терминов требуется живое знание и чутье языка, сочетающееся с общим руководящим принципом»²⁷.

Объем словника связан и с проблемой включения в словарь собственных имен. Как правило, собственные имена (в разном объеме) входили в общий словник словарей. В некоторых словарях приводились и названия исторических личностей, названия улиц, площадей, государственных учреждений. «По словарю, — писал Гречанинов, — можно также узнать, как правильно писать имена, отчества и названия городов нашей Родины» (№ 45). Только в единичных словарях собственные имена выносились в приложениях к словарю, за пределы основного словника. Практика последних лет показала, что вынесение списка собственных имен в качестве особого приложения к словарю оправдано, так как собственные имена самостоятельны, имеют свою специфику, проявляющуюся и в отборе словника, и в оформлении словарных статей. К сожалению, до сих пор в лексикографической практике нет орфографических словарей личных имен, а между тем этот разряд слов представляет больше орфографических трудностей, чем любая другая группа слов.

Трудности возникают и в орфографическом оформлении сложносокращенных слов. Эта категория слов также должна быть представлена в орфографическом словаре.

Решить полностью проблему объема словника не удалось ни одному из составителей словарей; в каждом словаре пользующиеся всегда имели возможность столкнуться с отсутствием нужного слова и наличием слов, которые кажутся лишними. Но объем словаря «зависит от потребителя, для которого словарь предназначен»²⁸. Поэтому объем словаря следует представлять не абстрактно, а строго определив, разграничив разные типы словарей, которые имеют непосредственное практическое значение. Итак, вопрос об объеме словника словаря находится в прямой зависимости от разных типов общих орфографических словарей. Задача выработки разных типов

²⁷ Н. И. Ф е л ь д м а н. Указ. соч., стр. 69.

²⁸ Л. В. Щ е р б а. Опыт общей теории лексикографии. «Изв. АН СССР», 1940, № 3, стр. 76.

общих орфографических словарей до сих пор не получила удовлетворительного решения, хотя эмпирически всегда как-то решалась.

Структура словаря — это состав словарных статей в словаре. «Структура орфографического словаря по самому содержанию не может отличаться большой сложностью», — писал С. И. Ожегов²⁹. Однако тщательный анализ всех вышедших словарей и трудностей, возникающих при решении и общих, и конкретных вопросов, связанных со структурой словаря, показывает, что, очевидно, именно кажущаяся несложность структуры орфографического словаря требует продуманной, научно обоснованной системы статей, учитывающей специфику орфографического словаря в отличие от других нормативных словарей — толковых и «нетолковых». К сожалению, как уже отмечалось, для орфографических словарей до настоящего времени нет разработанной теоретической базы структуры словарей.

В данной работе мы не ставим перед собой задачи разработать структуру словарных статей орфографических словарей во всех деталях, остановимся только на некоторых общих, узловых вопросах: оформление статьи, характеристика слова (акцентологической, произносительной, грамматической), подача вариантов, система помет и нек. др.

Исследование этих вопросов строится на данных ранее вышедших и ныне издающихся орфографических словарей. Критическая оценка акцентологических, произносительных и грамматических сведений, приводившихся в словарях, позволяет выработать основу для максимально простой структуры орфографического словаря, обеспечивающую необходимую полноту сведений, уточняющих письменный облик слова.

Целесообразность многих сведений, уместных в орфографическом словаре, определяется и чисто практическими задачами: каждый пользующийся орфографическим словарем стремится получить максимум сведений о слове. Учитывая это, мы и будем рассматривать отдельные проблемы, связанные со структурой орфографических словарей.

²⁹ С. И. Ожегов. Упорядочение русской орфографии, стр. 37.

П е р е н о с. Одним из трудных орфографических вопросов всегда были правила переноса слов. Поэтому некоторые орфографические словари делили слова на части, чтобы пользующиеся имели возможность правильно переносить слова. Так, в 1884 г. в Москве был издан «Карманный орфографический словарь с обозначением переноса слов», рассчитанный на массового читателя (№ 12). Составитель его А. Русаков писал, что «именно в этом отношении чаще всего встречаются погрешности в письме и в печати». В. Зелинский (№ 15), объясняя отличие своего словаря от других, писал: «Взяться за эту кропотливую работу принудило меня всем известное обстоятельство, что в русском языке ни в одном отделе орфографии не делают так много грубых ошибок, как в переносах слов». Принцип деления слов на слоги приводился и в других словарях. Составитель словаря Д. И. Головков (№ 44) шел еще дальше — он делил слова на слоги не только в начальной форме, но и «при изменении окончаний, когда это влияет на перенос последних слогов». Несмотря на то, что с делением слов на слоги вышло несколько словарей, а перенос является трудной, чисто орфографической проблемой, это деление слов на слоги не привилось, не стало нормой для словарей потому, что, с одной стороны, «правила переноса слов составляют несколько специфический раздел орфографии, ибо вопрос о переносе — это в большей степени вопрос полиграфической техники, нежели орфографии»³⁰, с другой стороны, письменный облик разделенного на слоги слова зрительно воспринимается с большим затруднением. Очевидно, правила переноса принадлежат к тем орфографическим проблемам, которые должны регламентироваться только орфографическими правилами, а не орфографическими словарями.

У д а р е н и е. Постановка ударения в орфографических словарях, являющаяся сейчас неотъемлемой их частью, в свое время должна была завоевать себе это право. Так, некоторые авторы орфографических словарей указывали на постановку ударения как на нечто дополнительное. «Орфографическим словарем с обозначением ударений» назвал свой словарь В. Зелинский (№ 39);

³⁰ В. Ф. Иванова. Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1966, стр. 202.

в предисловии к словарю С. Г. Руча (№ 34) сказано: «Зная, что для многих представляет трудность правильное ударение, мы снабдили большинство слов указаниями ударений». «Нельзя отрицать пользу акцентировки слов в орфографическом словаре: если она полезна для природных русских, то тем более в ней нуждаются всякого рода многочисленные инородцы, населяющие Россию», — сказано в предисловии к словарю В. Зелинского (№ 39). В словарях ударение указано как желательный, но не обязательный компонент слова.

Несколько орфографических словарей вышло без ударений: Ромашкевича (№ 9), Д. И. Сеславина (№ 28), С. Н. Алёксеева (№ 31), В. Кименталя (№ 33).

Таким образом, была возможность выбора между орфографическим словарем с ударением и орфографическим словарем без ударения. И то обстоятельство, что в более поздних орфографических словарях ударение стало их неотъемлемой частью, может служить косвенным доказательством необходимости ударения для орфографического словаря. В настоящее время полезность и необходимость ударения в орфографическом словаре не вызывает сомнений ни у составителей, ни у пользующихся словарем: «Акцентированная орфографическая запись применяется в большинстве существующих описаний русского языка, в частности, во всех словарях»³¹. Для орфографического словаря необходимость постановки ударения теоретически определяется и основным принципом нашей орфографии, в соответствии с которым написание безударной гласной проверяется по ударной. Ударение «непосредственно связано с орфографической стороной языка»³², оно является органической неотъемлемой частью орфографии и орфографического словаря. В современной лексикографии необходимость ударения в словарях является таким же бесспорным фактом, как, скажем, алфавитное расположение слов в словаре.

В какой-то мере свидетельством в пользу того, что ударение в орфографических словарях является элементом орфографии, а не только орфоэпии, может служить тот факт, что другие орфоэпические сведения, при-

³¹ А. А. З а л и н я к. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 152.

³² С. И. О ж е г о в. Упорядочение русской орфографии, стр. 37.

водившиеся в ряде словарей, правда, очень эпизодически: *эстетика* [произн. ТЭ], *пианино* [в произн. *пьянино*], *фиорд* [произн. *фьорд*], *паспорт* [в произношении слышится *пашпорт*], *прачечная* [в произношении слышится *прачешная*], *лишь* [в произношении слышится твердое окончание] (№ 47) и др., не получили распространения впоследствии. Эти сведения, сами по себе очень полезные и нужные, впоследствии были выделены в качестве особой проблемы в словарях, описывающих орфоэпическую норму языка. Так, в 1955 г. вышел опыт словаря-справочника «Русское литературное ударение и произношение», а в 1959 г. словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение».

Однако не исключается возможность создания гибридного словаря — словаря орфографо-орфоэпического, куда бы в кратком виде вошли произносительные сведения, но объем этих сведений должен быть разработан соответственно с назначением словаря. Могут быть и орфографо-грамматические словари, каким, например, был словарь 1936 г. (№ 76). Более спорной представляется другая сторона проблемы акцентированного описания лексики: должны ли в орфографическом словаре отмечаться неправильные ударения, распространенные отклонения от нормы в словах и формах слов, должны ли приводиться акцентные различия, когда они связаны с разными значениями слов или с разными стилями речи, должны ли приводиться грамматические формы в парадигме, когда они отличаются от других форм только переносом ударения. Все такие сведения очень последовательно приводились в орфографических словарях в течение описываемого периода. Приведем примеры: *репóрттер* (Грот признает ударение на *о* и считает неправильным произношение *репортёр*) (№ 28); *язык, язы́ки* (во рту) и *язы́ки* (иностранные) (№ 41); *характёрный танец, харáктерный, упря́мый* (№ 56); *абза́ц* и книж. *а́бзац*; *архебграф* (устар. *археогра́ф*); *ве́рба* (обл. *верба́*), *дизенте́рия* (книж. *дизенте́рия*), *творо́г* (обл. *твóрог*) (№ 76).

Нам представляется, что не все эти сведения должны приводиться в орфографическом словаре. Некоторые из них обязательны — когда разные ударения различают разные слова или разные части речи, например *характёрный* и *харáктерный*, *заслу́женный* и *заслужённый*; должны также отмечаться два ударения в слове, когда они оба

соответствуют нормам современного языка. В тех же случаях, когда разные ударения в слове связаны с разными стилями речи (даже при решенной проблеме системы стилистических помет), должны быть разграничены слова, разное ударение которых имеет отношение к письменному облику слова, и случаи, когда письменный облик слова при разных ударениях не меняется.

Толкование слов. Орфографический словарь относится к словарям, не ставящим своей целью давать содержательную информацию о словах. Однако в орфографических словарях словарные статьи иногда сопровождаются разного рода пояснениями: толкованиями слов, указаниями на их происхождение, текстами, содержащими объяснение или самого написания слова, или выбора приводимого в словаре варианта, и т. п. Какие же тексты имеют право на существование в орфографическом словаре? Первые составители словарей по русскому правописанию стремились не отрываться от толкования слов, которое приводилось или при всех словах, или при некоторой части слов. Обычно эти толкования были в орфографических словарях лаконичными. Некоторые авторы приводили толкования только при заимствованных словах (разумеется, индивидуально толкуя понятие «заимствованное слово»). Однако авторы словарей, приводившие толкования какого-то количества слов, отдавали себе отчет в том, что в орфографических словарях полностью раскрывать значения слов невозможно, а краткие сведения не могут удовлетворять тех, кому нужны сведения не о написании слов, а о их значении. Сжатое же толкование слов всегда приводило к справедливым критическим замечаниям. Приблизительное понятие, конечно, не может устраивать тех, кто обращается к словарю за раскрытием значений и может вызвать справедливое раздражение у тех, кто в орфографическом словаре справляется только о написании известного ему слова. Некоторые авторы (например, В. Зелинский, затем И. В. Устинов), понимая, что толкование слов затрудняет пользование орфографическим словарем, приводили объяснения слов в сносках: «Система расположения объяснений в словаре принята такая, чтоб они не загромождали собственно слов и не лезли бы в глаза всем и каждому, быть может, вовсе в них и не нуждающимся», — писал В. Зелинский (№ 39).

Анализ собранных нами орфографических словарей позволяет сделать вывод о том, что попытки давать значения слов в орфографических словарях себя не оправдали — они увеличивали объем словаря и вместе с тем вследствие вынужденной краткости неудовлетворительно раскрывали значение. Об этом писал Л. А. Булаховский в рецензии на «Новый орфографический словарь» И. Устинова: «Краткость определений в толковой части нередко делает их неточными». Кроме того, справки о значениях в орфографическом словаре не нужны, потому что предполагается, что человек, справляющийся о написании того или иного слова, знает и понимает это слово³³. В орфографических словарях приводились и другие сведения иного характера, например, сведения о происхождении слов или же сведения, объясняющие исторически написание слова. Правда, этимологические данные исчезли сравнительно рано, исторические же сведения о написании слов продолжали приводиться и в более поздних изданиях словарей. Приведем примеры: *Вензель* одного корня с *узел*; здесь *у* есть большой *юс-ен*; *береза*, др. *брѣстѣ*, *бересте*; *богадельня*, т. е. *Бога дѣло* (№ 10); *дважды* (из числит. *два* и цел. час. *ждо*, *жды*) (№ 55); *метель* (из *мятель* по скрещению с глаголом *мести*); *ладонь* (обл. *лодонь*) (из *долонь* — др.-болг. *длань*) *долонь* ж. (правильная *ладонь*) (№ 76).

Современные орфографические словари не приводят таких сведений, безусловно, интересных, однако вряд ли целесообразных в орфографических словарях. Но если толкование слов или сведения этимологического или исторического характера, не определяя собственно орфографический аспект, только загромождали словарь, то, может быть, в словаре должны быть представлены тексты, объясняющие написание слов или их вариантов, т. е. характеризующие именно орфографическую сторону слова. Пояснения подобного рода достаточно часто встречались в словарях XIX в. Ср.: *отъекзаменовать* (ъ необходим, так как, в противном случае, *т* перед *э* произносилось бы мягко) (№ 26). *Искусство* (корень этого слова *кус*, а потому буква *с* должна быть удержана перед окон-

³³ Можно обсуждать вопрос о том, следует ли давать краткие отклонения при новых словах, отсутствующих в толковых словарях,

чанием *ство*) (№ 28) и т. п. Некоторые авторы словарей объясняют, почему ими выбран именно этот орфографический вариант. Такие сведения особенно были ценны во времена гротовской орфографии, когда по рекомендации Грота допускались во многих случаях орфографические варианты, и авторы «вследствие собственного сознания, что преподаваемые ими правила шатки и неустойчивы, отчасти также оттого, что боятся, что их могут не признать компетентными в тех случаях, когда предлагаемое ими начертание слов расходится с общепринятым начертанием, стараются везде доказать, убедить, что такое, а не другое начертание правильнее...» (№ 23). Целесообразность и полезность такого рода сведений вызвала сомнение и у некоторых составителей словарей: «Мы считаем, что объяснения, почему каждое слово так или иначе пишется, в справочной книге излишни и только увеличили бы без нужды объем книги наверное вдвое. Интересующийся этим делом обратится за разъяснениями к руководствам, где это излагается с полнотою и обстоятельностью для словаря недоступными» (№ 25).

Так как авторы словарей не всегда строго различали явления чисто орфографические и явления иного порядка, то в орфографических словарях приводились и сведения о неправильных вариантах, относящихся к словообразованию, произношению и другим языковым явлениям: *синтаксический* (а не *синтактический*); *табакерка* (а не *табатерка*) (№ 9); *заплачен* (а не *заплочен*) (№ 34); *сквозник* (а не *сквозняк*) (№ 71); *инцидент* (а не *инцидентт*); *злорадствовать* (а не *злорадничать*); *ревизовать* (а не *ре-визировать*), *кран* (а не *крант*) (№ 76).

Эти сведения, как нам представляется и как показывает анализ всех словарей, не могли и не должны были закрепиться в орфографических словарях.

В последних орфографических словарях отсутствуют тексты, как-либо объясняющие написание слов. Сведения о неправильных написаниях, а также сведения любого иного характера только затрудняют пользование словарем, хотя, безусловно, делают их для чтения более интересными. Многие тексты, приводившиеся в словарях, связаны с орфографическим сопоставлением сходных слов или слов, которые могут быть восприняты как орфографически сходные: *воскресение* (от гл. воскреснуть), *воскресенье* (воскресный день); *прусак* (таракан), *пруссак* (народ);

недостаёт (времени), *не достаёт* (до дна) и др. под.

Из всех приведённых ранее материалов в современных словарях сохранились лишь тексты, необходимые для различения смысла слова и связанного с ним написания слова, когда при одинаковости произношения двух слов их написания различаются. Чтобы предупредить смешение и вытекающую отсюда ошибку, при подобных словах следует указывать их значение: *адаптация* (приспособление), *адаптация* (принятие), *кампания* (поход, война), *компания* (общество).

О р ф о г р а ф и ч е с к и е п р а в и л а в с л о в а р е . Орфографические правила приводились или в качестве приложений к словарю, или же приводились в самом тексте. Полезность их и в первом и во втором случае несомненна.

Однако в орфографическом словаре пишущий, как правило, ищет на алфавитном месте то слово, в написании которого он сомневается. Поэтому правила желательно приводить в виде приложений к словарю, при необходимости с указанием в тексте словаря на соответствующий параграф правил. Эти сведения нужны для тех, кто хочет знать не только как данное, конкретное слово пишется, но и почему оно пишется так, а не иначе. Объем правил, формулировки правил должны быть специально разработаны для словаря, а не механически перенесены из орфографических пособий.

По степени необходимости для словаря правила, которые приводились и могут приводиться в словаре, условно можно разделить, на наш взгляд, на три категории.

1. К первой группе мы бы отнесли написание *н-ни* в причастиях и прилагательных, написание частицы — приставки *не*, раздельное написание словосочетаний в отличие от слитного написания слов-терминов и нек. др. В названных категориях слов словарь, приводя пометы *прич.* и *прил.* при словах, например, *жаренный* и *жареный*, не может оговорить всех случаев, когда данное слово является причастием или прилагательным³⁴. Пометы,

³⁴ Следует отметить, что в некоторых словарях имели место попытки давать тексты, различающие написания подобных орфограмм, например, *держанный* (*причастие*, картофель, держанный в сыром месте, прогнил); *держанный* (*прил.* держанная книга) (№ 61); *меченый* (*прил.*) Волк и меченую овцу берет; *меченный* (*прич.*); *варенный* (*прич.* от глагола варить, кусочки теста, варенные в воде

данные в словаре, являются только предупреждением, сигналом о том, что в этой категории слов возможны разные написания — с *нн* и с *н*. Ссылка на параграф, в котором дается общее разъяснение, дополняет словарь и безусловно помогает пишущему. В такой же степени правила нужны для выяснения, когда *не* является частицей и соответственно пишется раздельно, а когда приставкой и соответственно пишется слитно, а также для случаев, различающих словосочетание и сложное слово (*малоговорящий факт* и *мало говорящий человек*).

2. К следующей группе можно отнести раздел собственных имен. Как правило, в словарях в основном тексте приводились 'собственные имена — личные имена и географические названия; иногда в словарь включались и категории собственных имен, обозначающих название должностей, учреждений и др. Поскольку в ряде случаев употребление строчной и прописной буквы связывается с экстралингвистическими причинами, то указания на правила, регулирующие в какой-то мере их употребление, могут быть только полезными. Употребление прописных или строчных букв всегда было в поле зрения составителей словарей. В настоящее время употребление прописных букв регулируется правилами. Однако эти правила очень трудны и порой противоречивы. Ссылка при собственных именах на соответствующий параграф правил хоть в какой-то степени облегчит пишущему его задачу.

3. Правила, приводившиеся в словарях, но не являющиеся, на наш взгляд, необходимым компонентом словаря. Такие правила чаще всего приводились в самом тексте. Например, *без* — приставка, которая никогда не меняет своего *з* на *с*; *при*—*предл.*, *уп.* с *пр. п.*; *при* — приставка, означает прибавление, присоединение, движение к чему-нибудь, приближение, *пре, пере* — приставка, означает движение через какой-нибудь предмет, удаление от предмета, а также служит для выражения превосходной степени (№ 54).

Составители словарей могут приводить общие правила, «шапку» для группы слов открытого ряда с одинаковым написанием в целях сокращения объема словаря и невозможности охвата всех слов продуктивной катего-

с солью); *вареный* (отглагол. прил.). Есть дают им вместо щей какие-то корешки вареные (№ 54).

рии, например, слова с *кино, мото, теле, авто* и др. Можно при первых частях сложных слов, пишущихся всегда одинаково, делать ссылку на соответствующий параграф правил — приложения к словарю. Такие сведения особенно желательно приводить в словарях-справочниках, рассчитанных на работников печати; можно их приводить и в школьных словарях для закрепления правил написания; не исключается и возможность наличия таких правил в текстах общих орфографических словарей, хотя такого рода правила нельзя считать неотъемлемой частью словаря. Итак, в орфографическом словаре могут приводиться орфографические правила, но объем включаемых в словарь правил должен быть продуман и тщательно отработан. В трудных случаях в тексте словаря могут быть ссылки на соответствующие пункты правил, чтобы пишущий не только видел, как слово пишется, но и выяснил, почему оно так пишется, а также для того, чтобы пишущий мог распространить способ написания данного слова на аналогичные случаи.

Стилистические пометы. Создание системы помет является одной из наиболее сложных проблем лексикографической теории и практики, она требует своего самостоятельного решения применительно к орфографическому словарю. Как правило, орфографический словарь стремится к минимальному числу помет. Но всегда ли оправдан этот лаконизм? Для толковых словарей система помет, указаний, характеризующих круг употребления слова, очень существенна. Существенно знать, в каких условиях, в каком стиле слово употребляется. Речь идет о пометах собственно стилистических (словах книжных, торжественных, разговорных, просторечных, фамильярных, вульгарных), пометах эмоциональной оценки (презрительное, неодобрительное, бранное), пометах, указывающих на местный или узкий круг употребления в различных областях деятельности (областные, специальные, канцелярские, научные, технические).

Орфографический словарь не нормализует современное словоупотребление, а только дает правильное написание слова. Пишущий, зная значение слова и сферу его употребления, может справиться о написании даже неправильного с точки зрения современного словоупотребления слова. Следует ли из этого, что в словаре орфографическом не должно быть помет. Орфографический словарь, как мы

отмечали, включает широкий круг лексики: слова, принадлежащие книжной речи, и разговорные; некоторые слова, характерные для поэтического языка; слова, употребляемые в терминологической речи, диалектные слова и устарелые и т. д. В каком-то смысле в орфографическом словаре нет лингвистического единства словника, в него включается и пассивный и активный запас литературного языка: «Его слова не образуют цельной единой выразительной системы или принадлежат к разным — хронологически или географически — человеческим коллективам»³⁵. Нужны ли для всех этих категорий слов стилистические пометы? Нужно ли определять сферу употребления слова и хронологические рамки его бытования?

Из всех вышедших словарей только в словаре 1936 г. (№ 76) была сделана попытка разработать систему стилистических помет применительно к жанру орфографического словаря. Так, в словаре 1936 (№ 76) не только указывалось на разные сферы употребления слов, например: *кочуриться* (обл.), *крабб* (архит.), *красногзазка* (зоол.), *либрация* (астрон.), *лигнин* (хим.), *лилиелестный* (бот.), но и наряду с литературными словами и формами приводились неправильные, просторечные, устарелые формы, например: *ужас* (простор. *ужасть*), *сомнскаться* (простор. *сумлеватся*), *сквозь* (простор. и обл. *скрозь*), *принц* (простор. *прынц*), *очень* (простор. *оченно*), *инстинкт* (простор. *инстикт*), *гонорар* (устар. *гонорарий*), *апофеоз* (устар. *апофеоза*, ж.), *вертеп* (простор. *вертѣп*) и др. Нам представляется, что такое широкое привлечение просторечных и областных вариантов избыточно для орфографического словаря. Но отказываться от помет во имя чистоты принципа, т. е. исходить из того, что орфографический словарь дает только сведения о написании слова, не учитывая жизнь слова в языке, нам тоже представляется неверным. Нельзя не считаться и с потребителем, пользующимся словарем как практическим пособием, для которого орфографический словарь является очень часто не только единственным словарем, но и единственным нормативным пособием. Из этого единственного источника он хочет получить максимум сведений о слове. Поэтому во многих случаях следует давать стилистические пометы, указывающие на хронологические рамки употребления слова и на

³⁵ Л. В. Щ е р б а. Опыт общей теории лексикографии, стр. 58.

стиль речи, в котором слово или форма слова может употребляться. Пометы также нужны тогда, когда близкие по звучанию, но отличающиеся написанием слова относятся к разным стилистическим областям языка. К сожалению, в современных орфографических словарях стилистические пометы приводятся в единичных случаях (например, *голавль* и простор. *головель*), и то достаточно случайно — в других, аналогичных, случаях подобного рода указаний нет.

Система помет применительно к орфографическому словарю может быть предметом специального научного исследования. В словаре не могут приводиться нейтрально, без помет, варианты слов, если один из вариантов для современного языка является малоупотребительным (например, *идальго* и *гидальго*), и, с другой стороны, словарь, в котором могут справляться о написании слова и малоупотребительного, не может не приводить последних, но с учетом его отношений к нормам современного языка.

О грамматических пометах и грамматических формах слова. Больше всего пестроты и непоследовательности в орфографических словарях было в подаче грамматических форм слов и в употреблении грамматических помет. Этот вопрос до сих пор дискутируется среди лингвистов. Надо ли в орфографических словарях давать грамматические пометы, приводить грамматические формы слов? Существует точка зрения, сторонники которой считают, что грамматические формы слов не должны приводиться в орфографических словарях, потому что они не имеют прямого отношения к орфографии. Любопытно, однако, что во всех словарях (с самого их появления) с большей или меньшей последовательностью (правда, без особой системы) грамматические формы слов приводились. Приводились формы окончаний родительного падежа единственного числа или именительного падежа множественного числа (см. № 35, 42, 43, 55).

Полезность и необходимость грамматических форм в орфографических словарях отмечалась почти всеми составителями словарей. Так, Д. Сеславин (№ 28), в частности, писал: «Следует заметить, что падежные окончания имен существительных, прилагательных, местоимений приведены в более сомнительных формах, то же самое следует сказать и о глаголах, которые указаны в неопределен-

ном наклонении, а вместе с тем, в большинстве случаев, особенно в коренных глаголах, приведены в скобках и спряжения настоящего времени». Авторов орфографических словарей, видимо, не удовлетворял простой перечень слов в исходной форме без грамматической характеристики и вряд ли можно быть уверенными в их неправооте. Ведь многие грамматические формы теснейшим образом связаны с орфографией.

«Полагая, что сухого перечня одних лишь слов, практикуемого в других словарях и справочниках, недостаточно для усвоения себе начертания того или иного слова, мы не ограничились сухим перечнем в алфавитном порядке наибольшего количества слов, подчас совершенно неупотребительных, но, придерживаясь строгого выбора, поместили при этом сомнительные формы правописания (разрядка наша. — Б. Б.), как, например, глагольные окончания второго и третьего лица изъявительного наклонения... (№ 44).

«В словаре имеются и другие грамматические указания. Их обязательно читайте. Они помогут правильно писать слова в разных падежах, лицах и т. п.», — пишет в предисловии П. А. Грушников (№ 93) — автор школьного словаря. Он считает «необходимой принадлежностью орфографического словаря — наличие в нем грамматических помет и форм, которыми сопровождаются слова в тех случаях, когда эти формы вызывают затруднение при их образовании, написании или произношении...»³⁶.

Эти выдержки из предисловий разных по времени словарей мы привели только для того, чтобы подтвердить мысль, что «сведения об образовании форм слов и об ударении являются необходимым элементом орфографического словаря, так как формообразование и ударение непосредственно связаны с орфографической стороной языка»³⁷. Поэтому нам представляется несомненным, что в словаре должны быть даны грамматические пометы и грамматические формы для тех категорий слов, в которых

³⁶ Интересно, что неосуществившееся издание школьного орфографического словаря, которое было поручено А. М. Пешковскому, он «предполагал согласовать с большим орфографическо-грамматическим справочником» (из предисловия к словарю № 75).

³⁷ С. И. О ж е г о в. Упорядочение русской орфографии, стр. 37.

могут встретиться трудности на письме. Однако не всегда можно достаточно четко определить необходимость для орфографии тех или других грамматических форм, отделить грамматические формы, представляющие орфографическую трудность, от грамматических форм, не представляющих этой трудности.

Все словари характеризуются отсутствием строгой последовательности в приведении грамматических форм и помет. Объем грамматической информации, которая должна содержаться в орфографическом словаре, не совпадает с грамматической информацией, которая приводится в других словарях. Нужно найти точку пересечения орфографии с грамматикой, нужно найти теоретическое принципиальное основание для подачи грамматических форм в орфографическом словаре. Таким основанием для отбора грамматических форм, как нам представляется, должна быть не только важность тех или других грамматических форм для орфографии. В словаре должны приводиться грамматические, словообразовательные и другие формы и варианты форм, образование которых сопряжено с какими-нибудь затруднениями и которые, соответственно, имеют письменное выражение, иными словами, приводить следует те формы слов, к которым можно, кроме вопроса, как правильно образовать их, поставить и вопрос, как правильно данную форму надо написать. Например, колебания в форме прош. вр. глагола — *зѣнялся* — могут не приводиться в орфографическом словаре, так как независимо от произношения (правильного, неправильного, допустимого) письменный облик слова останется одинаковым. Формы же прош. вр. типа *мож* — *мокнул*, *сох* — *сохнул* и др. под. должны быть отражены в словаре, так как разные образования этих форм связаны с их разным написанием.

Итак, грамматическая информация в орфографическом словаре должна быть дана в объеме письменного отражения языковых (грамматических, словообразовательных, акцентологических и др.) явлений. Вопрос об объеме грамматической информации, уместной в орфографическом словаре, существен для теории и практики лексикографии. Нормативность орфографического словаря состоит не только в правильных орфографических рекомендациях, которые, кстати, должны быть непременным условием всех словарей, но и в постановке ударения,

и в правильном отражении грамматических форм (в пределах того объема, который диктуется жанром словаря).

В а р и а н т ы с л о в и с л о в о ф о р м (с т и л и с т и ч е с к и х , п р о и з н о с и т е л ь н ы х , с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы х , г р а м м а т и ч е с к и х , о р ф о г р а ф и ч е с к и х) в с л о в а р е . В о п р о с о п о д а ч е в а р и а н т о в о т н о с и т с я к о д н о й и з н а и б о л е е с л о ж н ы х п р о б л е м л е к с и к о г р а ф и и . Н е м а л у ю с л о ж н о с т ь п р е д с т а в л я е т о н а и д л я о р ф о г р а ф и ч е с к о г о с л о в а р я , з а н и м а ю щ е г о , к а к у ж е о т м е ч а л о с ь , о с о б о е п о л о ж е н и е : н е т т о л к о в а н и я с л о в , о т с у т с т в и е с и с т е м ы п о м е т , т . е . в с е г о т о г о , ч т о п о м о г а е т и о п р е д е л я е т н е о б х о д и м о с т ь п р и в е д е н и я в а р и а н т о в . В п о д а ч е в а р и а н т о в в о р ф о г р а ф и ч е с к о м с л o в a р e , к а к н а м п р e d c t a в л я e т с я , e s t d v e c t o p o н ы — ф о р м а п o d a ч и в a р и a н т o в (з a d a ч a o б щ a я и т р u d н a я д л я в c e x c л o v a p e й , н o и м e ю щ a я e щ e и c в o ю c п e c и ф и к y д л я o р ф o г p a ф и ч e c к и x c л o v a p e й) и o п p e д e л e н и e o р ф o г p a ф и ч e c к и x в a р и a н т o в . E c л и п e p в a я n e o б x o д и м a д л я т o г o , ч т o б в a р и a н т ы , c y щ e c т в y ю щ и e в я з ы к e , б ы л и п p o в e д e н ы в c л o v a p e c t p o г o c и c t e м н o , т o в т o p a я n e o б x o д и м a д л я т o г o , ч т o б и з c y щ e c т в y ю щ и x o р ф o г p a ф и ч e c к и x в a р и a н т o в в ы б р a т ь o д и н , л и н г в и c т и ч e c к и и o р ф o г p a ф и ч e c к и o п p a в д а н н ы й , ц e л e c o o б p a з н ы й и p a ц и o н a л ь н ы й , и , ф и к c и p y я e г o в o р ф o г p a ф и ч e c к o м c л o v a p e , p e k o м e н д o в a т ь e г o к a k e д и н c t в e н н o п p a в и л ь н ы й . В ы б р a т ь o д и н o р ф o г p a ф и ч e c к и й в a р и a н т c o c т a в и т e л и c л o v a p e й м o г y т и д o л ж н ы н a o c н o в a н и и « П p a в и л » , и c k л ю ч a ю щ и x в н a c t o я щ e e в p e м я н a л и ч и e o р ф o г p a ф и ч e c к и x p a з н o n a п и c a н и й , н o д o п y c k a ю щ и x н a л и ч и e и з o л и p o в a н н ы x , e d и н и ч н ы x c л y ч a e в c п o p н o г o и л и д в o й c t в e н н o г o n a п и c a н и я , к o т o p ы e д o л ж н ы б ы т ь y c t p a н e н ы т o л ь k o ч e p e z o р f o г p a ф и ч e c к и e c л o v a p и . « В o п p o c o в a р и a н т a x c л o в o ч e н ь в a ж e н д л я л e k c и k o г p a ф и и , т a k k a k в z a в и c и м o c т и o t e г o т e o p e т и ч e c k o г o p e ш e н и я o н д o л ж e n n a й т и p e a л и z a ц и ю и в п p a k т и к e c o c т a в л e н и я c л o v a p e й » ³⁸. A в т o p ы л и н г в и c т и ч e c к и x p a б o т , п o c в я щ e н н ы x a н a л и z y в a р и a н т o в , o т м e ч a ю т б o л ь ш o y p a з н o б o й и n e п o c л e д o в a т e л ь н o c т ь , c в o й c t в e н н ы e в c e м c л o v a p я м в э т o м в o п p o c e . N e п o c л e d o в a т e л ь н o c т ь в п o d a ч e в a р и a н т o в o т м e ч a e т c я n e т o л ь k o в p a з н ы x c л o v a p я x , и з d a н н ы x в p a z n o e в p e м я , ч т o м o ж e t б ы т ь o б ь я c н e н o p a z н ы м и c o o т н o ш e н и я м и в в a р и a н т н ы x п a p a x в p a z n ы e п e p и o d ы

³⁸ Ф. П. Ф и л и н . О слове и вариантах слова. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.— Л., 1963, стр. 133.

языка, и не только в разных словарях, изданных в одно и то же время, что можно было бы в какой-то мере объяснить субъективным подходом составителей этих словарей. Непоследовательность отмечается даже в пределах одного и того же словаря. А это может быть объяснено только сложностями выделения отдельных слов и вариантов слов, с чем постоянно сталкиваются в своей работе составители словарей.

Орфографический словарь не освобождается от проблем подачи вариантов акцентологических, грамматических, словообразовательных, стилистических и др. А так как варианты можно рассматривать с точки зрения развития языка: некоторые выходят из живого употребления, некоторые существуют только в просторечии, некоторые варианты различаются в общелитературном языке и в терминологической лексике и т. д., то неизбежно возникает вопрос и о системе помет в орфографическом словаре, о соотношении вариантов, принадлежащих разным лексическим пластам. В современном русском языке существуют варианты, связанные с различием в написании, что определяет их место в орфографическом словаре. Необходима только последовательно аргументированная подача вариантов как отдельных слов и вариантов слов и форм, объединенных в одной словарной статье (с учетом специфики орфографического словаря). Существующая практика подачи вариантов в современных орфографических словарях, в частности в «Орфографическом словаре русского языка», весьма наглядно свидетельствует о необходимости проведения специальных лингвистических исследований по изучению различных вариантов в связи с их подачей. Только неизученностью этого вопроса в лингвистической литературе можно объяснить беспорядок, который существует в оформлении однотипных вариантов в орфографическом словаре.

Разработка подачи вариантов слов и форм тесно переплетается с системой помет, характеризующих историческую соотнесенность определенных слов в системе современного литературного языка, и с отбором слов, в частности с вопросом о таких, например, словарных категориях, как архаизмы, диалектизмы, профессионализмы, малоупотребительные слова в современном языке. Возникает много вопросов и, в частности, например, вопрос о том, нужно ли и в какой форме давать в орфографическом сло-

варе лексические дублиеты, различающиеся стилистической окраской и употребляющиеся в разных стилях, жанрах речи, типа *холодный — гладный, отчина — вотчина, восьмой — осьмой*. Все это — сложные вопросы теории русской лексикографии.

Таков далеко не полный перечень наиболее существенных практических и теоретических вопросов, постановка и разрешение которых важны для выработки типа современного орфографического словаря. Перечень вопросов, связанных с составом и структурой орфографических словарей, показывает необходимость детальной теоретической разработки многих лексикографических проблем. Разработка этих проблем должна предусматривать такое «расположение материала и вспомогательного аппарата, которое в наибольшей степени облегчило бы наведение конкретных орфографических справок»³⁹.

Возникающие проблемы показывают, «как практическая по общему своему характеру работа перерастает в научную работу, выдвигающую широкие научные проблемы и устанавливающую опорные теоретические положения, на которых она строится»⁴⁰.

Орфографические словари и справочники, использованные в статье*

1. Словарь российской орфографии, или правописания. М., 1813.
2. П. С о к о л о в. Правила о употреблении в письме буквы ѣ (Приложение: «Полная роспись словом с буквою ѣ, пишемых в слогах, переменам не подверженных, также всем глаголам, кончающимся в неокончателном наклонении на ть с предыдущею буквою ѣ»). Одесса, 1815.
3. Н. Г р е ч. Справочное место русского слова (400 поправок). СПб., 1839.
4. Корректорный список 700 слов, наиболее требующих одинакового начертания. Соч. А. О. Студенского. СПб., 1869.
5. М. М а р к о в. Изобретение звука е в русском языке, с прибавлением алфавитного перечня слов, в коих употребляется буква ѣ. Одесса, 1876.

³⁹ С. И. О ж е г о в. Упорядочение русской орфографии, стр. 37.

⁴⁰ Е. С. И с т р и н а. Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог. — В сб.: «Памяти академика Л. В. Щербы». М., 1951, стр. 82.

* Перечень словарей составлен в хронологическом порядке. Описание книги дается по титульному листу. Отсутствие указания на 1-е изд. означает, что это издание не было использовано автором.

6. Подробнейшая и необходимая для всех справочная книжка об употреблении в русском языке буквы ѣ. Составил В. Коломнин. М. — СПб., 1877.
7. Настольная книга 1195 общеупотребительных слов, в которых пишется ѣ. Смоленск, 1879.
8. Справочная книжка и указатель русского правописания. Составил В. П. Геннинг, преподаватель 1-го С.-Петербургского реального училища. СПб., 1879.
9. Русский орфографический словарь. Настольная книга для всякого, пишущего по-русски. Составил Павел Ромашкевич, преподаватель Курской гимназии. Курск, 1881.
 Полный русский орфографический словарь. Настольная книга для всякого, пишущего по-русски. Изд. 2-е, испр., вдвое пополненное и почти совершенно переработанное. Курск, 1885—1886; Изд. 3-е, испр., доп. и вновь обработанное. СПб., [1894]; Изд. 4-е — 1897; Изд. 5-е и 6-е исправил и дополнил А. А. Бочков; Изд. 5-е — [1898]. Изд. 6-е — [1908]; Изд. 7-е — [1914].
10. Орфографический словарь с присоединением повторительного курса русской орфографии. Составил преподаватель русского языка, словесности и педагогики А. Спицын. Вятка, 1883.
11. Справочный указатель русского правописания, с приложением всех орфографических правил и корнеслова, составленного по Рейфу, Шимкевичу и др. Для не обладающих достаточным навыком писать совершенно правильно. Составил Василий Разыграев. СПб., 1884. Изд. 3-е, вновь переделанное и значительно дополненное. СПб., 1885.
12. Карманный орфографический словарь с обозначением переноса слов. Более 40 000 русских и иностранных слов, сомнительных в правописании и разделенных на слоги для правильного переноса их со строки на строку. Составил А. Русаков. М., 1884, Изд. 2-е — 1889.
13. Я. К. Г р о т. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук акад. Я. К. Гротом. — Сб. ОРЯС, 1885, т. 36, № 1.
14. Справочная книжка по русскому правописанию. Составил преимущественно по «Филологическим разысканиям» и «Русскому правописанию» акад. Я. К. Грота К. Чернышев, преподаватель Тверской гимназии. Тверь, 1885.
15. Алфавитный справочник по русскому правописанию. Составлено по Гроту В. Зелинским: вып. 1 — Правописание слов; вып. 2 — Указатель (систематический и алфавитный) при расстановке знаков препинания; вып. 3 — Корнеслов русского языка; вып. 4 — Правописание, словопроизведение и объяснение иностранных слов, наиболее часто употребляющихся в русском языке. М., 1886—1898; Изд. 2-е (вып. 1—4). М., 1887—1909.
16. В. Р а з ы г р а е в. Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии. СПб., 1887.
17. Справочный словарь по русскому правописанию для учащихся применительно к руководству академика Я. Грота. Составил О. Ш. Шавли, 1888.
18. Настольная справочная книжка по орфографии. Перечень затруднительных по правописанию слов с указанием их корней

- (Составил по руководству акад. Грота Н. Баталин. М., 1888).
19. Объяснительный словарь более употребительных в русской литературе и речи иностранных слов. Составил применительно к правописанию В. Зелинский. М., 1901.
 20. Краткий алфавитный справочник по русскому правописанию. Опыт группировки орфографических правил в порядке русского алфавита. Сост. В. Зелинский. М., 1901.
 21. Полный словарь буквы ѣ. Собрание всех слов русского языка, коренных и производных, которые пишутся через ѣ. С предварительными правилами и объяснениями относительно употребления этой буквы. С прибавлением полного списка городов, сел и местечек Российской империи, в названиях которых входит буква ѣ. Составитель И. К. Ган. Вильна, 1887; Изд. 3-е — 1888; Изд. 5-е — 1894.
 22. Справочный словарь буквы ѣ. Полный список коренных и производных слов, пишущихся через ѣ. Составил В. Зелинский. М., 1890.
 23. Справочный словарь по орфографии. Составил Алексей Новопашенный, препод. Петербургского учит. института. СПб., 1890.
 24. Орфографический словарь буквы ѣ и ѓ. Составил по «Русскому правописанию» Я. К. Грота А. Гусев. М., 1891.
 25. Спутник правописания. Справочная книжка при всех затруднительных случаях в русском правописании с орфографическим словарем. Составил И. К. Ган. Изд. 3-е, доп. — Вильна, 1892; Изд. 4-е, доп. — СПб., 1897.
 26. Справочный словарь по новейшему русскому правописанию. Составил по последним разысканиям акад. Грота Ф. И. Розов, преподаватель русского языка при Юрьевской гимназии. Юрьев, 1893.
 27. Справочный орфографический словарь. Пособие для учащихся. Составил В. Покровский. М., 1897; Изд. 2-е — 12-е — 1898 — 1913.
 28. Карманный орфографический словарь, содержащий 30 000 слов, в правописании которых может встретиться иногда затруднение. Составил Д. Н. Сеславин. СПб., 1897. Изд. 2-е, испр. и доп. (50 000 слов). СПб., 1903.
 29. Справочный орфографический указатель спорных слов для руководства типографии при печатании изданий. Составил и издал И. А. Б. СПб., 1898.
 30. Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка. Составил А. Н. Чудинов, директор Перновской гимназии, вып. 1. СПб., 1899 [Издание вышло в двух выпусках].
 31. Настольное руководство для всех и пособие для учащихся. Словарь русского правописания. Полная отечественная орфография с прибавлением правил правописания и списком слов на букву ѣ. Составил по «Русскому правописанию» Императорской академии наук, В. И. Далю, Н. Макарову, Ф. Рейфу и др. преподавателю русского языка С. Н. Алексеев. СПб., 1899; Изд. 2-е — 1909.
 32. Карманный словарь для правописания по Гроту. Справочная книжка для учащихся и лиц, желающих придерживаться обще-

- принятого академического правописания. Составил учитель И. К. Ган. Изд. 2-е, испр. и доп. — 1899; Изд. 5-е, испр. и доп. — 1913.
33. Справочный карманный словарь для правописания по Гроту, Далою, Макарову и др. Составлен под ред. Виктора Кименталь. СПб., 1900.
 34. Орфографический словарь с обозначением ударений и указанием корней слов русского происхождения. Сост. по новейшим источникам С. Г. Руч (под ред. Д. Н. Сеславина и И. И. Мирманова). СПб., 1900 (обл. 1901); Изд. 2-е. Под ред. Д. Н. Сеславина. СПб., 1905.
 35. А. М и р о в о в. Справочная книжка по русскому правописанию. С орфографическим словарем. Согласно «Руководству» акад. Я. К. Грота. Туккум, 1900.
 36. Русский орфографический словарь. Составил З. Опоков. Киев, 1903.
 37. Карманный словарик, заключающий около 6000 слов, наиболее затруднительных для правописания. Составил по Гроту Ф. Абраменко. Киев, 1903; Изд. 3-е (7000 слов)—1905; Изд. 4-е, доп. (10 000 слов) — 1907; Изд. 5-е — 23-е. Киев, 1908—1917.
 38. А. Р е в я к и н. Указатель наиболее затруднительных для правописания слов (сокращен из «Справочного указателя» акад. Я. К. Грота). Оттиск из кн. «Опыт общедоступного практического учебника русской грамматики для семьи, школы и самообучения» того же составителя. Киев, 1906.
 39. Приложение к «Зрительному диктанту». Подробный орфографический словарь. Заключает в себе: правильное написание слов, указание ударений в словах и разделение каждого слова на части для правильного переноса их из одной строки в другую. Предназначается для учащихся в учебных заведениях и вообще для самообразования и справок при письменных и корректурных работах. Составил В. Зелинский. М., 1909; Изд. 2-е, испр. и знач. увелич.— М., 1914.
 40. В. Ч е р н ы ш е в. Русское правописание. Учебная и справочная книжка для учеников городских училищ и первых классов средних учебных заведений. Пособие при исполнении классных и домашних работ. Правописание по Гроту и словарям Академии наук. СПб., 1910.
 41. А. З а ч и н я е в. Психологическая система обучения. Орфографический словарь. Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб., 1910.
 42. С. Б а с о в. Как правильно писать по-русски. Справочник. Сост. по Гроту и новейшим указаниям Академ. словарей. СПб., 1911.
 43. Орфографический словарик. Содержит в себе около 15 000 сомнительных в правописании слов с указанием ударений в словах и правила переноса частей слова из одной строки в другую. Предназначается для учащихся и вообще для всех желающих правильно писать по-русски при исполнении письменных работ. Сост. по акад. и другим словарям и доп. по Я. К. Гроту В. Александров. М., 1911; Изд. 2-е, испр. и доп.— 1912; Изд. 8-е, испр. и доп. — 1916.
 44. Справочный словарь русского языка, указывающий граммати-

- ческие свойства, правописание, место ударения и деление для переноса каждого слова в его начальной и производных формах. Составил согласно академическим правописанием Д. И. Головкин, преподаватель русского языка. Одесса, 1911; Изд. 3-е — 1914.
- Д. И. Головкин. Справочный словарь русского правописания, произношения и этимологии. С прил. правил. сокр. слов. Одесса, 1916.
45. 100 000 слов сомнительных в правописании. Новый орфографический словарь. Составлен группою корректоров по Я. К. Гроту и др. Под общей ред. В. Гречанинова. М., 1911.
 46. Г. Г. Тумиш. В помощь пишущим. Справочник по русскому правописанию. Изд. 3-е, СПб., 1912; Изд. 4-е — 1915.
 47. Словарик орфографический и справочный, заключающий свыше 25 000 слов с указанием ударений и разделением каждого слова на части для правильного переноса из одной строки в другую с приложением правил правописания, правил переноса и правил расстановки знаков препинания. Составил по Я. К. Гроту, «Толковому словарю» Даля, академическому словарю и др. источникам А. М. Ильин. Одесса, 1912. ...Около 30 000 слов.— 1916.
 48. И. И. Огиенко. Где писать два *н*, а где одно. Пособие для учащихся, учащихся и самообразования. Киев, 1913.
 49. Н. В. Тулушов и П. М. Шестаков. Толковый и орфографический школьный словарь. Изд. 3-е — 1913.
 50. Орфографический словарь-спутник. Правописание 15 000 более употребительных слов с ударениями на них и приложением кратких грамматических сведений. Составлено по Я. К. Гроту и другой группой педагогов под общей ред. Мих. Алтабаева. М., 1913.
 51. А. Баштанник. Карманный словарь. Орфографический сборник слов, затруднительных для правописания и произношения М., 1914.
 52. Маленький словарь и краткие правила правописания. Для начальных училищ. По Гроту и другим источникам сост. А. И. Никитин, инспектор народных училищ Саратовской губ. 1914. Изд. 2-е, доп.— 1914; Изд. 3-е — 1915.
 53. Орфографический словарь учебный и справочный, заключающий до 15 000 затруднительных для правописания слов; с разделением каждого слова на переносные части. С приложениями: а) правил правописания, б) правил переноса слов на другую строку и в) правил расстановки знаков препинания. Составлен по академич. и др. словарям и дополнен по Гроту «кружком преподавателей» под ред. Ив. Сахарова. М., 1914; Изд. 2-е — [1914]; Изд. 3-е — [1916]; Изд. 4-е — [1918].
 54. И. И. Огиенко. Орфографический словарь. Справочная книжка по русскому языку. Киев, 1914.
 55. П. Барышиков. Справочный орфографический словарь. С портретами писателей. М., 1914.
Он же. Справочный словарь по русскому правописанию. С портретами писателей. М., 1914.
 56. И. Н. Шапошиков. Наглядный орфографический словарь для письменных упражнений. С прил. систематического

- списка письменных грамматических упражнений по «Словарику», правил правописания и правил переноса слов. Для начальных училищ. М., 1914; Изд. 2-е, знач. доп. — М., 1916 (В след. изданиях — «Орфографический словарик».) Изд. 3-е. М. — Пг., 1923; Изд. 3-е — 15-е. М. — Л., 1923—1931.
57. И. Н. Шапошников. Справочный орфографический словарь. Более 15 000 затруднительных для правописания слов. С прил. правил правописания и правил постановки знаков препинания. Сост. по Гроту, Акад. словарям, «Толковому словарю» Даля и др. источникам. М., 1915.
 58. Словарик — тетрадь. Новейшее практическое пособие к изучению самых трудных в правописании слов. Составил В. И. Попов. Пг., 1915.
 59. Орфографический словарь с приложением важнейших правил правописания. Пособие при изучении русского правописания. Составил И. Владимирский. Изд. 3-е, М. — Пг., 1915.
 60. В. А. Флёрв. Мой словарик. Орфографический справочник. Краткий справочник по новому правописанию. Для учащихся. М., 1917; Изд. 2-е — 9-е. М. — Л., 1924—1928.
 61. М. Вольпер. Новый орфографический словарь. Заключает в себе русские и наиболее употребительные иностранные слова, начертание которых не соответствует их произношению или представляет какие-либо особенности. С приложением отдела «Правила правописания». Пг., 1922 (на обл. 1923).
 62. Новый орфографический словарик. Пособие для школ взрослых и самообразования. Сост. И. Устинов. М., 1922.
 63. И. В. Устинов. Новый орфографический справочник с кратким толкованием малопонятных и непонятных слов и орфографическими упражнениями в связи с развитием речи. Пособие для школ и самообразования. М. — Л., 1921; Изд. 2-е — 9-е — 1923—1930.
 64. Г. Г. Тумим. Как пишется? Орфографический словарь. Л., 1925.
 65. Орфографический словарик. Составил П. А. Соколов под ред. проф. Н. С. Державина с указанием ударений и разделением каждого слова для переноса. Л., 1927.
 66. Н. Гуднов. Орфографический словарь. Рига, 1927.
 67. С. И. Абакумов. Пособие для трудовой школы. Справочник по правописанию. М. — Л., 1928.
 68. Е. В. Кротевич. Русский язык. Орфографический справочник. Под ред. проф. Н. К. Грунского. Киев, 1929; Изд. 2-е — 1930.
 69. Государственное издательство РСФСР. Орфографические правила для наборщиков и корректоров. С прилож. словаря сомнительных и трудных слов. М. — Л., 1929.
 70. А. Шапиро, С. Шувалов. Русский язык. Словарик. М., 1929.
 71. Новый полный справочный орфографический словарь для корректоров, наборщиков, выпускающих и литературных работников. Составил Я. С. Хомутов под ред. В. И. Гречанинова. Изд. 2-е. М., 1929 (1-е изд. «100 000 слов сомнительного правописания», 1911).
 72. А. А. Кудрявцев. Орфографический справочник (сло-

- варик для справок в правописании). М., 1927. М., Изд. 2-е — 1930.
73. Техничко-орфографический словарь-справочник. Под ред. Н. Филиппова. Л., 1933.
 74. А. Б. Шапиро, М. И. Уаров. Орфография, пунктуация и техника корректуры. Справочник для работников печати. М., 1933.
 75. Д. Н. Ушаков. Орфографический словарь. Для начальной и средней школы. М., 1934; Изд. 2-е — 1935; Изд. 3-е — 1936; Изд. 4-е — 1937.
Орфографический словарь. Для начальной, неполной средней и средней школы. Изд. 4-е — 1938; Изд. 5-е (авторы Д. Н. Ушаков, С. Е. Крючков) — 1939; Изд. 6-е — 28-е — 1943—1973.
 76. Орфографический справочник. Составлен Орфографической комиссией при Академии наук СССР. Проект. М., 1936.
 77. П. А. Дудель. Словарь-минимум (маленький орфограмматический справочник для слушателей Академии). М., 1937; Изд. 2-е, доп.,—1937.
 78. С. И. Абакумов. Орфографический словарь (Без вых. данных).
 79. Орфографический технический справочник. Пособие для литераторных правщиков, машинисток, наборщиков и корректоров издательства и типографии «Известий Советов депутатов трудящихся СССР». М., 1938.
 80. Иностранные слова с двойными согласными, наиболее часто употребляемые в русском языке. Харьков, 1939.
 81. Н. Н. Филиппов. Техничко-орфографический справочник для корректора. М.—Л., 1939.
 82. А. К. Чанкаев. Орфографический словарь для начальной, неполной средней и средней школы. Микоян-Шахар, 1939.
 83. К. И. Былинский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев. Под ред. Н. Н. Никольского. Употребление буквы ё. М., 1943; Изд. 2 — 1945.
 84. К. И. Былинский и М. И. Уаров. Справочник корректора. М.—Л., 1944; Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1945.
 85. С. П. Редозубов. Орфографический словарик. М., 1947.
 86. К. И. Былинский, Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. М., 1949; Изд. 2-е, перераб.—1952. Изд. 3-е, перераб.—1957; Изд. 4-е, перераб. и доп.—1970.
 87. С. П. Редозубов. Орфографический словарик. Пособие для учащихся начальной школы. М., 1955; Изд. 2-е — 1957.
 88. К. И. Былинский, Л. И. Служивов. Справочник корректора. М., 1950.
 89. К. М. Черемисов. Орфографический словарь русских заимствованных слов. Улан-Удэ, 1956.
 90. Орфографический словарь русского языка (110 000 слов). Редакторы С. И. Ожегов, А. Б. Шапиро. М., 1956; Изд. стереотипное 2-е — 1957; Изд. 3-е — 1958; Изд. 5-е, испр. и доп. Редакторы: С. Г. Бархударов, С. И. Ожегов, А. Б. Шапиро; Изд. стереотипное 6-е — 12-е — 1965—1973.
 91. А. Н. Жилин, К. И. Былинский. Справочная книга корректора. М., 1960.

92. З. А. Орлова. Орфографический словарь (пособие для учащихся начальных классов). М., 1963.
93. П. А. Грушников. Орфографический словарь. Пособие для учащихся начальной школы. М., 1963; Изд. 2-е — 8-е — 1964—1973.
94. М. П. Стефанцев. Орфографический словарь. Пособие для учащихся II—IV классов восьмилетней школы. Киев, 1965.
95. Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника. М., 1972. Составители Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова.

Л. П. Калакуцкая

О ПОДАЧЕ ПРИЧАСТИЙ В ОРФОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Причастия — регулярная глагольная форма. Однако это еще недостаточное основание для того, чтобы не быть приведенным в орфографическом словаре. Возвратные глаголы — форма не менее регулярная, чем причастия, к тому же значительно более легкая с орфографической точки зрения — приводятся в орфографическом словаре почти с абсолютной последовательностью. Поэтому составители орфографических словарей имеют две возможности¹. Первая — последовательно приводить все формы причастий при глаголах. Это не такой уж избыточный способ, как может показаться с первого взгляда. Часть причастных форм (правда, нерегулярно и непоследовательно) все же приводится в орфографических словарях. Место для остальных может быть найдено за счет более экономной подачи возвратных форм глагола, — например за счет приведения в скобках при исходной глагольной форме частицы *-ся*: *ассимилировать(ся)*, *находить(ся)*, *вызывать(ся)* и т. п. Вторая возможность — приводить

¹ В § 32 вступительной статьи к «Орфографическому словарю» 1956 г., повторенном во всех других изданиях этого словаря, сказано: «Причастия даются в именительном падеже ед. числа и оформляются в соответствии с § 18, 20 и 22». Однако из приведенного текста, равно как из текстов § 18, 20 и 22, не следует, в каких же случаях эти причастия даются, а в каких нет (стр. 9).

причастия в орфографических словарях лишь в тех случаях, когда их орфографическая форма представляет собой отклонение от орфографического оформления производящей глагольной основы или написание самого причастия, независимо от написания глагольной основы, имеет орфографическую сложность.

Поскольку степень орфографической сложности у различных морфологических типов причастий различная, остановимся на каждом из этих типов в отдельности.

Действительные причастия настоящего времени

Сложность написания действительных причастий настоящего времени связана с отнесением их к определенному спряжению. Поэтому в орфографических словарях должны быть представлены все действительные причастия настоящего времени, отнесение которых к определенному спряжению (так же, как и соответствующих глаголов) как-либо специально оговаривается «Правилами орфографии и пунктуации» 1956 г.²

1. В орфографических словарях должны быть причастия, образованные от шести глаголов на *-еть* (*вертеть, видеть, зависеть, обидеть, смотреть, терпеть*) и четырех глаголов на *-ать* (*знать, держать, дышать, слышать*), относящихся ко второму спряжению (§ 44 «Правил»).

Посмотрим, как представлены эти причастия в «Орфографическом словаре русского языка» (М., 1963 — дальнейшие издания стереотипны).

Причастия *вертящий* от глагола *вертеть* в словаре не дано. Его отсутствие может быть объяснено тем обстоятельством, что этот причастный суффикс под ударением. В словаре «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1959) причастие *вертящий* приводится с пометой (не *вёртящий*). Очевидно, в «Орфографическом словаре русского языка» все же следовало бы дать причастие *вертящий*, так как для тех, кто произносит его с ударе-

² Очевидно, именно этот принцип проводится в «Орфографическом словаре» (М., 1956) и сформулирован в § 9 вступительной статьи: «Как правило, в словаре даются грамматические пометы и формы слов для всех таких категорий слов, где могут встретиться трудности в письме, связанные с морфологической принадлежностью слова или формообразованием» [разрядка наша.— Л. К.] (стр. 4).

нием на первом слоге (произношение достаточно распространенное), могут возникнуть затруднения в написании причастного суффикса.

Причастие *видящий* от глагола *видеть* в «Орфографическом словаре» приведено, однако причастие *ненавидящий*, могущее вызвать те же затруднения в написании, что и *видящий*, в словаре отсутствует. Причастие *зависящий* в «Орфографическом словаре» не дается. Причастие *смотрящий* отсутствует, возможно, по тем же причинам, что и *вертящий*. В словаре «Русское литературное произношение и ударение» причастие *смотрящий* приводится с запретительной пометой (не *смотрящий*). Причастие *тёрпящий* в «Орфографическом словаре» приведено. Причастие *гбнящий* дается с пометой (от *гнать*). Однако при страдательном причастии настоящего времени *гонимый*, образованном от того же глагола, подобной пометы нет. Причастия *держáщий* в «Орфографическом словаре» нет. В словаре «Русское литературное произношение и ударение» оно дается с запретительной пометой (не *дёржащий*). Причастие *дбшащий* в «Орфографическом словаре» приводится, а *слбшащий* — нет.

2. Причастия *бреющий* и *зиждущийся* от глаголов *брить* и *зиждаться*, являющихся орфографическими исключениями («Правила», § 44), — в «Орфографическом словаре» приведены.

3. Особую сложность представляют в орфографическом отношении разноспрягаемые глаголы. «Среди непродуктивных глаголов есть десять глаголов, каждый из которых имеет особенности формообразования, отличающие его от всех других глаголов и требующие отдельного рассмотрения. Это, прежде всего, так называемые разноспрягаемые (или неправильные) глаголы, у которых одни формы образуются по I спряжению, а другие — по II спряжению; затем — глаголы, у которых формы настоящего времени и формы прошедшего времени образуются от разных корней (супплетивные формы) или от основ, различия которых выходят за пределы чередований; наконец, отдельные глаголы, пережиточно сохраняющие архаическое формообразование, утраченное общей системой русского глагола»³.

³ «Грамматика русского языка», т. I. Изд. АН СССР. М., 1953, стр. 576.

Естественно, что в орфографических словарях причастия, образованные от этих глаголов, должны быть даны особенно тщательно, поскольку их написание, а равно и формообразование, может представить значительную трудность.

Проследим, как даны причастия от разноспрягаемых глаголов в «Орфографическом словаре русского языка».

Из десяти глаголов этой группы (действительные причастия настоящего времени могут быть образованы от девяти — один из глаголов этой группы совершенного вида — *ошибиться*) в «Словаре» приводятся только три причастия — *брежущий*, *идуший* и адъективированное причастие *будущий*. Между тем как сложность взаимоотношений основы инфинитива — настоящего времени у этих глаголов диктует необходимость приведения всех причастий данной группы в орфографических словарях. Образование причастий от этой группы глаголов может вызвать особые затруднения у тех, для кого русский язык не является родным языком. Поэтому в «Словаре» следовало бы привести также следующие причастия: *бегущий*, *хотящий*, *едуший*, *дающий*, *создающий*, *едящий*.

Глагол *брежжить*, хотя он и не приводится в Академической грамматике, тоже принадлежит к группе разноспрягаемых глаголов: *брежжить* — *брежжит* — *брежжуший*. Причастие *брежжуший* приведено в «Орфографическом словаре».

Для наглядности представим в виде таблицы (см. стр. 262) приведенные и неприведенные причастные формы от глаголов, названных в «Правилах орфографии», и от разноспрягаемых глаголов (по Академической грамматике). Для сравнения укажем также причастные формы, данные в словаре «Русское литературное произношение и ударение».

Из приведенного в таблице материала следует, что причастия от рассматриваемых глаголов в «Орфографическом словаре» даются бессистемно. Может, правда, показаться, что составители «Словаря» не дают в нем причастия, если ударение в них падает на причастный суффикс и, соответственно, отнесение к определенному спряжению для них не представляет трудности. Но тогда бы следовало предположить, что причастия от рассматриваемых глаголов с неударным суффиксом должны быть обязательно помещены в «Словаре», чего нет в действитель-

Глаголы	Причастия от глаголов, названных в «Правилах»	
	«Орфографический словарь»	«Русское литературное произношение и ударение»
<i>енать</i>	<i>гонящий</i> с пометой (от <i>знать</i>)	<i>гонящий</i> [не <i>гбнящий</i>]
<i>держать</i>	—	<i>держáщий</i> [не <i>дёржащий</i>]
<i>дышать</i>	<i>дышащий</i>	<i>дышащий</i>
<i>слышать</i>	—	—
<i>вертеть</i>	—	<i>вертящий</i> [не <i>вёртящий</i>]
<i>видеть</i>	<i>ви́дящий</i>	—
<i>ненавидеть</i>	—	—
<i>зависеть</i>	—	—
<i>смотреть</i>	—	<i>смотре́ющий</i> [не <i>смбтрящий</i>]
<i>терпеть</i>	<i>те́рпящий</i>	<i>те́рпящий</i>
Причастия от разноспрягаемых глаголов		
<i>брить</i>	<i>бре́ющий</i>	<i>бре́ющий</i>
<i>бежать</i>	—	—
<i>хотеть</i>	—	—
<i>идти</i>	<i>иду́щий</i>	<i>иду́щий</i>
<i>ехать</i>	—	—
<i>есть</i>	—	—
<i>дать</i>	—	—
<i>создать</i>	—	—
<i>ви́даться</i>	<i>ви́ждующийся</i>	—
<i>брезжить</i>	<i>бре́зжащий</i>	<i>бре́зжащий</i>

ности. С одной стороны, в «Словаре» нет причастий *слы́шающий*, *ненави́дящий*, *зави́сящий*, *еду́щий*, с другой — приведение причастий *гоня́щий*, *иду́щий* опровергает это предположение.

Кроме того, графа с причастиями из словаря «Русское литературное произношение и ударение» показывает, что далеко не для всех, кто произносит слова *гоня́щий*, *держáщий*, *вертя́щий*, *смотре́ющий*, причастный суффикс в них является ударным. О возможности иного произношения свидетельствует запретительная помета. Поэтому

помещение таких причастий в «Орфографическом словаре» было бы вполне уместно.

Таким образом, причастия, образованные от вышеприведенной группы глаголов, даются в «Орфографическом словаре» бессистемно, случайно. Их подачу следует упорядочить.

4. Если же обратиться к действительным причастиям настоящего времени (не принадлежащим к вышеперечисленной группе глаголов), то и в них нельзя обнаружить систему или принцип, оправдывающий наличие или отсутствие данной причастной формы в «Орфографическом словаре». Притом, что действительные причастия настоящего времени даются в «Словаре» не во всех случаях, непонятно присутствие в нем причастий *болящий, бодрящий, ледящий, лежащий, блестящий*, имеющих постоянно ударный суффикс и не представляющих поэтому орфографической сложности.

Наличие в «Орфографическом словаре» причастия *блюдущий*, очевидно, может быть объяснено морфологическими чередованиями в глагольной основе и в причастной форме: *блюсти* — *блюдущий*. Но при таком подходе становится непонятным отсутствие в нем причастия *бредущий* (от *брести*) и подобных. Если в словаре приводится причастие *агглютинирующий*, то почему не дается *агитирующий* и т. д. и т. п.

5. Более последовательно необходимо было бы дать причастия типа *богемствующий* (или, по иной терминологии, — «образования причастного типа»⁴). В «Словаре» они даны бессистемно: *богемствующий* дается без соответствующей глагольной формы, а *анафемствовать, богохульствовать, донжуанствовать, сибаритствовать, эстетствовать* — без причастной, между тем как возможны и встречаются в литературе и те, и другие образования: *богемствовать* — *богемствующий*, *анафемствовать* — *анафемствующий*, *богохульствовать* — *богохульствующий*, *донжуанствовать* — *донжуанствующий*, *сибаритствовать* — *сибаритствующий*, *эстетствовать* — *эстетствующий* и т. п., например:

Я с сожалением думал о трех своих товарищах, *донжуанствующих*, а лучше сказать, *барахтающихся* в грязи

⁴ Н. М. Козул и н. Русские отыменные образования причастного типа. — ВЯ, 1960, № 1.

этих самых заведений (Ходжа Ахмат Аббас, Зонтик); Космополитам от живописи, людям без роду и племени, эстетствующим вырожденкам нет места в рядах советских художников (Ю. Бондарев, Тишина) и др.

б. Кроме того, нужно было бы более последовательно давать причастия от непродуктивных классов глаголов⁵, поскольку в них образование, как правило, связано с чередованием в основе; так, глагол *алкать* приведен с Словаря с двумя вариантами форм: *алчу*, *алчешь* и *алкаю*, *алкаешь*. Причастие *алчущий* в «Словаре» дается. Но в этом случае следовало бы привести и причастие *алкающий*, чтобы показать возможность его образования (ср. у А. С. Пушкина: «Предстану здесь *алкающий* спасенья» и у А. С. Грибоедова: «Ум, *алчущий* повнанья» — цитаты даны по словарю Ушакова), тем более, что от глагола *брызгать* в «Словаре» приведены обе причастные формы: и *брызжущий* и *брызгающий*. От непродуктивного глагола *жаждать* в «Словаре» приведена только форма *жаждущий*. Отсутствие причастия *жаждающий* могло бы быть объяснено его просторечным характером (см. словарь Ушакова). Но тогда в других случаях (например, причастие *алкающий*) обязательно должны даваться обе формы, иначе отсутствующая форма может рассматриваться как просторечная. Впрочем, вопрос о том, должны ли орфографические словари отказываться от просторечных форм, представляется спорным: ведь их написание тоже может быть орфографически сложным⁶. Обязательно должны быть приведены в «Словаре» причастия от глагола *брезгать*, *брезговать* — *брезгающий*, *брезгующий*. Ни то, ни другое причастие не приведено. От глаголов *бормотать*,

⁵ Непродуктивные классы глаголов рассматриваются по кн.: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 179—187 и 214—216.

⁶ «В „Орфографический словарь“ включена в основном лексика современного русского литературного языка. Однако, поскольку словарь является собственно орфографическим, а не словарем, нормализующим современное словоупотребление, подобно толковым словарям языка, в него включаются многие слова, хотя и не бытующие широко в общем литературном языке, но встречающиеся в художественной литературе прошлого или в специальной литературе и нуждающиеся в орфографической нормализации, а именно: научные и научно-технические термины, просторечные и диалектные (местные) слова, некоторые устарелые слова и т. п. (Разрядка наша. — Л. К.) («Орфографический словарь русского языка». М., 1956, стр. 4).

брехать и под. причастия в «Орфографическом словаре» не приводятся, а *блещущий* от *блестеть* — дается.

Таким образом, действительные причастия настоящего времени даются в «Орфографическом словаре» выборочно. Но принцип их выборки непонятен. В нем трудно усмотреть последовательность и предварительный план.

Действительные причастия прошедшего времени

Для данного морфологического типа причастий отпадает вопрос об отнесении их к одному из двух спряжений, чем снимается вопрос и о связанных с этим разграничением спряжений орфографических трудностях.

Поэтому в орфографических словарях приведение действительных причастий прошедшего времени можно ограничить лишь кругом форм, связанных с образованием от непродуктивных глагольных основ. Практически в словарях должны быть последовательно приведены все действительные причастия прошедшего времени, образованные с суфф. *-ш-*, так как с помощью этого суффикса происходит образование действительных причастий прошедшего времени от основ глаголов непродуктивных классов¹, тем более что их образование сопровождается чередованием в основе.

В «Орфографическом словаре» действительные причастия прошедшего времени даются большей частью в соответствии с этим принципом. Приводившееся в первом издании «Орфографического словаря» причастие *абонировавший* в последующих изданиях было снято. Приведение причастия *алкавший* могло бы быть объяснено непродуктивностью основы глагола, однако отсутствие причастий того же непродуктивного класса — *бормотавший*, *брехавший* и под. заставляет предположить, что приведено оно было случайно или по каким-либо неизвестным соображениям. При образовании действительных причастий прошедшего времени с суфф. *-вш-*, даже от основ глаголов непродуктивных классов, не происходит чередования в причастной основе, потому что этот суффикс присоединяется к глагольным основам, оканчивающимся на гласную, что исключает возможность каких-либо чередований.

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 275.

В «Словаре» отсутствуют причастия от глагола *брезгать*, *брезговать* — *брезгавший*, *брезговавший*, а их следовало бы дать именно потому, что возможны оба причастия.

Действительные причастия прошедшего времени, образованные с помощью непродуктивного суффа. *-ш-* от основ непродуктивных глаголов, в «Орфографическом словаре» даются не от всех приставочных образований. Так, причастие *шедший*, образованное от супплетивной основы глагола *шед-*, приводится с приставками *у-* (*ушедший*), *на-* (*нашедший*), *про-* (*прошедший*), но не дается с приставкой *вы-* (*вышедший*); *потрясший*, *вытрясший*, *растрясший* в «Словаре» даются, а *протрясшийся* — нет; *заплетший* в «Словаре» есть, а *уплетший* — нет. Отсутствуют причастия *берегший* и *сберегший*, а *уберегший* — приводится и т. п.

В орфографических словарях тем более должны быть последовательно приведены причастия на *-ший*, что в ряде случаев они в языке бытуют параллельно с формами на *-вший*⁸, образованными от другой глагольной основы с *-ну-*, например: *замерзший* и *замерзнувший*, *избежный* и *избегнувший*, *воздвигший* и *воздвигнувший*, *воскресший* и *воскреснувший* и т. п. В «Орфографическом словаре» в подобных случаях приводятся чаще лишь причастия на *-ший*, между тем стоило бы приводить оба причастия, так как далеко не во всех случаях даже носителю литературного русского языка очевидна возможность образования обеих причастных форм. Так, в «Орфографическом словаре» приводятся оба причастия — и *павший* и *падший* (каждое на своем алфавитном месте); из пары *зябнувший* — *зябший* приводится только последнее; из пары *отвыкнувший* — *отвыкший* дается только *отвыкший*; не приводится ни одного причастия от глагола *озябнуть* — ни *озябнувший*, ни *озябший*; из пары *прозябнувший* — *прозябший* — только последнее; из пары *протухнувший* — *протухший* — только последнее.

Причастие *сохнувший* приведено в словаре в таком виде: *сохнувший* и *сохший*, а *засохший* дается только с

⁸ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 275; см. также: «Грамматика русского языка», т. I, стр. 509; Г. А. Таболова. Образование причастий (действительных) и деепричастий в современном русском литературном языке (автореф. канд. дисс.). Л., 1952, стр. 7—11.

суфф. *-ш-* (отсутствует *засохнувший*), то же с причастием *высохший* (отсутствует *высохнувший*); из пары *воскреснувший* — *воскресший* приводится только последнее. От глагола *вязнуть* в «Словаре» дается только причастие *вязнувший*, а от *завязнуть* — только *завязший*. От глаголов *увязнуть*, *угаснуть*, *умолкнуть* приводятся параллельно два причастия: *увязший* и *увязнувший*, *угасший* и *угаснувший*, *умолкший* и *умолкнувший*⁹. Интересно, что пара причастий *смокнувший* — *смокший* дана в «Словаре» два раза, т. е. для каждого слова на его алфавитном месте. Другие вышеназванные пары давались в «Словаре» лишь по одному разу. Два раза дана пара причастий *поникнувший* — *поникший*, а пары *померкнувший* — *померкший*, *погаснувший* — *погасший* — по одному разу. От глагола *исчезнуть* в «Словаре» не дается ни *исчезший*, ни *исчезнувший*.

Итак, последовательности в приведении в «Орфографическом словаре» рассматриваемых пар причастий нет. Отсутствие той или иной причастной формы, особенно по сравнению с параллельно приведенными причастиями (*сохнувший* и *сохший*, *увязнувший* и *увязший*), может означать ее неупотребительность (или неправильность) в литературном языке. Так, в «Словаре» не дается причастие *воскреснувший*. Ср. его употребление у А. А. Фета: «В кругу *воскреснувших* соседей лишь оне | Не знают трепета, не шепчут, не вздыхают». Приводится только причастие *распухший*, но в литературе встречается и *распухнувший*. Ср. у А. С. Пушкина: «И в *распухнувшее* тело | Раки черные впились», и др. под.

Таким образом, и в подаче действительных причастий прошедшего времени в «Орфографическом словаре» нет последовательности. Причастия на *-вший* приводятся без какого-либо очевидного основания (если от основ непродуктивных глаголов, то непоследовательно). Причастия на *-ший* также даются далеко не во всех случаях. При параллельном образовании двух действительных причастий прошедшего времени в «Словаре» можно наблюдать несколько способов их приведения:

⁹ Оставляем в стороне вопрос о том, какую из форм считать основной и, следовательно, давать на первом месте в словаре. От решения этой задачи освобождает такой способ приведения причастных форм, когда каждая пара приводится на своем алфавитном месте, без ссылок друг на друга.

1. Наиболее распространенный — дается только причастная форма на *-ший*. Форма на *-вший* отсутствует: *отвыкший*, *протухший*, *засохший* и т. д.

2. Наименее распространенный — дается только причастие на *-нувший*: *взнувший* и др.

3. Приводятся два раза параллельно употребляющиеся причастные формы — на алфавитном месте каждого слова, например: *смолкший* — *смолкнувший*, *поникший* — *поникнувший*. Вряд ли целесообразно давать дважды эти пары. Обычно по алфавиту они идут почти рядом (через глагольную форму). И только некоторые пары, например *увязший* — *увязнувший*, отстают друг от друга на несколько слов (в этом случае алфавитная подача, очевидно, целесообразна).

4. Две параллельно употребляющиеся причастные формы приводятся в «Словаре» один раз по алфавитному месту одного из слов пары. Выбор заглавного слова неопределен, например: *увязший* и *увязнувший*, *угасший* и *угаснувший*, *умолкший* и *умолкнувший*, но *сохнувший* и *сохший* и т. п.

5. В «Словаре» при соответствующем глаголе не приводится ни одного из причастий; не даются причастия от глаголов *исчезнуть*, *озабыть* и т. п.

Можно рекомендовать лишь приведение при соответствующих глаголах обоих причастий (разумеется, если оба употребляются в языке).

Страдательные причастия настоящего времени

Специфика страдательных причастий настоящего времени заключается в их способности образовываться лишь от глаголов продуктивных классов¹⁰. Поэтому для данного морфологического типа практически снимается вопрос о необходимости приводить в орфографических словарях причастия, образованные от глаголов непродуктивных классов. Лишь незначительная группа страдатель-

¹⁰ Е. С. Истрина писала, что страдательные причастия на *-м-* были усвоены языком «...не как отдельные формы, а как категория, жизненность этой категории как раз обнаруживается в том, что она вошла в продуктивную систему глагольных образований и оторвалась для современного русского языка от глаголов непродуктивных» (Е. С. Истрина. Грамматические заметки. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та», 1939, т. XX. Кафедра русского языка; см. также: «Грамматика русского языка», т. I, стр. 511).

ных причастий настоящего времени образуется от основ непродуктивных глаголов — это причастия с суфф. *-ом-*. Они «...не свойственны живому современному употреблению...»¹¹. Можно назвать очень небольшое число подобных причастий — *ведомый, несомый, искомый, грызомый, зовомый, влекомый, неведомый* и нек. др. Эти причастия приведены в «Орфографическом словаре», кроме форм *грызомый* и *зовомый*, отсутствие которых может быть объяснено их редкой употребительностью.

Что же касается орфографической сложности отнесения страдательных причастий настоящего времени к определенному спряжению, то для данного морфологического типа причастий отпадает вопрос о написании причастий, образованных от разноспрягаемых глаголов. От них, как от непродуктивной языковой группы, страдательные причастия настоящего времени не образуются. Поэтому в словарях необходимо давать лишь причастия от 6 глаголов на *-ть* и 4 глаголов на *-ать*, принадлежащих ко II спряжению. Из этих 10 глаголов страдательные причастия настоящего времени могут быть образованы лишь от шести глаголов: *дышать* и *смотреть* — глаголы непереходные, а от *держать* и *вертеть* страдательные причастия настоящего времени не образуются. От оставшихся шести глаголов в «Орфографическом словаре» последовательно приведены все причастия: *гонимый, слышимый, видимый, ненавидимый, зависимый, терпимый*.

Итак, количество страдательных причастий настоящего времени, которые следует приводить в орфографических словарях в связи с трудностью выбора причастного суфф. *-им-* или *-ем-*, незначительно. К тому же страдательные причастия настоящего времени образуются практически только от основ глаголов продуктивных классов, так что для них не встает вопрос о сложных чередованиях согласных, свойственных глаголам непродуктивных классов, что создает необходимость последовательного приведения форм глагола в словарях. Тем не менее, страдательные причастия настоящего времени имеют особенность, которая, по нашему мнению, диктует необходимость стопроцентного приведения их в орфографических словарях: причастия данного морфологического типа образуются не от всех переходных глаголов про-

¹¹ «Грамматика русского языка», т. I, стр. 511.

д у к т и в н ы х к л а с с о в ¹². Причем устанавливается эта возможность или невозможность образования данного страдательного причастия настоящего времени лишь в словарном порядке, что делает особенно затруднительным владение этой категорией тем, для кого русский язык не является родным языком ¹³.

Таким образом, с нашей точки зрения, в орфографических словарях должны быть приведены в с е страдательные причастия настоящего времени, поскольку, с одной стороны, возможность образования этих причастий от переходных глаголов продуктивных классов устанавливается не регулярно, а в словарном порядке; с другой стороны, — способность страдательных причастий настоящего времени не образовываться от глаголов непродуктивных классов также представляет известную языковую трудность, так как для носителя русского языка, не являющегося лингвистом, едва ли вполне очевидно деление глаголов на продуктивные и непродуктивные классы; ср. такие употребительные, но непродуктивные глаголы, как: *пахать, писать, резать, вязать*, от которых страдательные причастия настоящего времени закономерно не образуются ¹⁴.

Последовательное приведение страдательных причастий настоящего времени в орфографических словарях одновременно выделяло бы глаголы, от которых данные причастия не могут быть образованы.

Все сказанное не должно распространяться на страдательные причастия настоящего времени, образованные от вторичных несовершенных глаголов. Образование

¹² Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 214.

¹³ В какой-то мере показательным в этом отношении является материал словаря: E. Daum, W. Schenk. Die russischen Verben. Leipzig, 1954.— Круг страдательных причастий настоящего времени в нем несколько расширен по сравнению с современным литературным словоупотреблением. Так, в этом словаре приводятся причастия *ваксимый, нянчимый, паримый* (от *парить*), *пеклюемый* (от *пеклевать*), *плющимый* (от *плющить*) и нек. др.

¹⁴ Общепринятая в лингвистике точка зрения о том, что страдательные причастия настоящего времени могут образовываться лишь от глаголов продуктивных классов, должна приниматься с некоторыми ограничениями. Так, от глаголов первого непродуктивного класса *дергать, колебать* и нек. др. страдательные причастия настоящего времени образуются: ср. наличие причастий *двигаемый, колеблемый* («колеблемый движением неясных звуков отстающий рой». — А. А. Фет) и нек. др.

данных причастий от этих глаголов не имеет каких-либо ограничений¹⁵, например, от глагола *писать* нельзя образовать страдательного причастия настоящего времени, а от глагола *подписывать* такое причастие образуется совершенно свободно — *подписываемый*; *вязать* (отсутствует форма), а от *навязывать*, *завязывать* свободно образуются *навязываемый*, *завязываемый* и под. Кроме того, страдательные причастия настоящего времени, образованные от вторичных несовершенных глаголов, не имеют какой-либо дополнительной орфографической сложности по сравнению с причастиями, образованными от глаголов первой ступени видового словопроизводства. Поэтому нет необходимости включать их в орфографические словари.

Страдательные причастия прошедшего времени

Из всех морфологических типов причастий наибольшую орфографическую сложность представляют страдательные причастия прошедшего времени. Регламентирующие их написание орфографические правила чрезвычайно сложны и непоследовательны. Ряд написаний «Правила» предлагают решить в словарном порядке. Поэтому от тщательности и последовательности приведения данного материала в орфографических словарях зависит по существу правильность или неправильность написания очень многих страдательных причастий прошедшего времени¹⁶. Остановимся на том, какая форма приведения данного материала в орфографических словарях представляется нам наиболее целесообразной.

В тех случаях, когда в соответствии с действующими «Правилами орфографии» возможны оба написания — с одним *н* и с двумя *н*, в словарях следуют приводить оба написания, с грамматическими пометами — прил. и прич. Так, в «Орфографическом словаре» дается: *стиранный*

¹⁵ Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 16; С. Карцевский. Система русского глагола. «Вопросы глагольного вида». М., 1962, стр. 227.

¹⁶ Критика соответствующего раздела «Правил» и подачи страдательных причастий прошедшего времени в «Орфографическом словаре» была дана нами в статье «О правописании страдательных причастий прошедшего времени» (Изв. АН Латвийской ССР, 1963, № 4 (189). Языкознание) и в книге «Адъективация причастий в современном русском литературном языке» (М., 1971, стр. 199—214).

прич., *стираный* прил.; *кованный* прич., *кованый* прил.; *раненный* прич., *раненый* прил.; *контуженный* прич., *контуженный* прил.; *рубленный* прич., *рубленый* прил.; *читанный* прич., *читаный* прил.; *писанный* прич., *писанный* прил.; *резанный* прич., *резаный* прил.; *глаженный* прич., *глаженный* прил., *вязанный* прич., *вязаный* прил. и др. С точки зрения действующих орфографических правил, наличие грамматических помет «прич.» и «прил.» при двух параллельно приводимых в словаре формах, различающихся лишь написанием, вполне уместно. Такая подача материала заставляет пишущего быть осторожным и выбирать в соответствии с § 62—63 «Правил» одну из форм.

С научной же точки зрения считать формы, образованные от бесприваочных глаголов несовершенного вида (как бы они при этом ни писались — с одним *н* или с двумя *н*), причастиями не вполне правильно. По нашему мнению, справедливым является взгляд на данные образования как на образования причастного типа (т. е. лишь похожие на причастия), точнее — прилагательные. Такая точка зрения представлена в работах А. А. Потемни: «...мысль языка начинает роднить само понятие о причастии прошедшем страдательном с совершенностью»¹⁷; С. Карцевского: «Мы знаем, что в современном языке страдательные причастия прошедшего времени могут быть образованы лишь от совершенных глаголов»¹⁸, А. В. Исаченко¹⁹, В. В. Лопатина²⁰ и др. Но по существу даже не столь важно, из какой лингвистической точки зрения исходить, т. е. считать подобные образования причастиями или прилагательными; важно одно, что в языке не различаются: *рeнeный солдат* и *рaнeнный пулeй солдат*, *жарeная рабы* и *жарeнная в масле рыба*, как не различается *колотый сахар* и *колотый на мелкие кусочки сахар*.

Ведь в соответствии с § 63 действующих «Правил»

¹⁷ А. А. Потемня. Из записок по русской грамматике т. II. Харьков, 1874, стр. 144.

¹⁸ С. Карцевский. Указ. соч., стр. 227.

¹⁹ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. II. Морфология. Братислава, 1960, стр. 566—567.

²⁰ В. В. Лопатин. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию. — ВЯ, 1966, № 5, стр. 38—39.

орфографически не различаются: *выдержанное* несколько десятков лет в погребках *вино* и *выдержанное вино*; *человек*, искусственно *возвышенный* над другими и *возвышенный стиль* и под.²¹ Поэтому предлагаемое «Правилами» разграничение написаний *читанные* на торжественном заседании и *доклады* и *читанные доклады*; *боец*, *раненный* вражеской пулей, и *раненый боец*²² и под. является не чем иным, как насаждением орфографических вариантов. Правда, подобные написания не осознавались, видимо, редакторами «Орфографического словаря», равно как и авторами «Правил орфографии и пунктуации» 1956 г., орфографическими вариантами. Так, в предисловии к «Орфографическому словарю» сказано, что «работа по упорядочению орфографии была направлена на... устранение различных написаний одного и того же слова», что «„Орфографический словарь русского языка“ дает одно, признанное правильным, написание слова и не допускает собственно орфографических вариантов». Далее в предисловии говорится: «Но словарь дает варианты произносительные, словообразовательные, лексические, которые отражаются в письме» (стр. 3—4).

Вряд ли разграничение написаний *боец*, *раненный* в *р а ж е с к о й* *п у л е й*, и *раненый боец* и под. можно отнести к одному из трех названных вариантов — произносительному, словообразовательному или лексическому, скорее всего это собственно орфографические варианты, просто ранее не осознававшиеся как таковые. Именно поэтому так трудны для усвоения правила о написании причастий и прилагательных, постоянно нарушаемые даже в печати. Гораздо легче усвоить различное написание того, что различается в языке, чем запомнить различное написание того, что в языке никак не противопоставлено (ср. трудность разграничения написания слов с *ѣ* и *е*, не основанного на различии произношения). Нам представляется, что предложения об орфографическом оформлении

²¹ См. об этом: Н. А. Е с ь к о в а. О написании *нн—н* в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных. «Вопросы культуры речи», вып. VII. М., 1966, стр. 122—123.

²² «Действительное же (а не фиктивное) письменное разграничение соотносительных форм причастий и прилагательных практически недостижимо» (Н. А. Е с ь к о в а. Указ. соч., стр. 124—125).

причастий и образованных из них прилагательных, сделанные Н. А. Еськовой, более соответствуют тому, как распределены эти формы в языке ²³.

Вернемся к тому, с какими грамматическими пометами давать страдательные причастия прошедшего времени в орфографических словарях. Итак, когда в «Орфографическом словаре» приводятся два разных орфографических варианта слова — с двумя *н* и с одним *н*, при современных правилах орфографии они должны сопровождаться разграничительными грамматическими пометами «прич.» и «прил.». Хотя, повторяем, в современном языке такого разграничения для данных форм нет, как не было в языке XIX и XX вв. различия в произношении для слов, пишущихся с *ѣ* и с *е*.

В «Орфографическом словаре» есть и другие способы приведения данного материала. Приводится один орфографический вариант слова, пишущийся с двумя *н*, и при нем дается грамматическая помета «прич.»: *жданый* прич., *руганный* прич., *слышанный* прич. Оставляем в стороне правильность именно такого орфографического оформления этих слов в соответствии с действующими «Правилами». Употребление же при одном орфографическом варианте грамматической пометы «прич.» является не только неправильным, но и ничего не говорящим. Ведь не стоит же эта грамматическая помета при других словах подобного типа, пишущихся с двумя *н*: *фасованный*, *рисованный* и под. В соответствии с действующими «Правилами» слово *жданый* нужно писать только с двумя *н*. Но такое его написание отнюдь не означает, что оно не может быть прилагательным: ср. *нежданый* друг и под. Относительно слова *руганный* вообще неясно, почему оно дается в словаре только в таком написании, и чем оно отличается от слова *рубленный*, приводящегося в том же «Словаре» в двух написаниях и с пометами «прич.» и «прил.».

То же самое следует сказать о приведении в «Орфографическом словаре» также одного орфографического варианта слова только с одним *н* и с грамматической пометой «прил.»: *мороженный* прил. Или, например, в «Словаре» (1956) приводится слово *крещенный* без какой-либо грамматической пометы, а другой орфографический вариант этого слова — *крещеный* — с пометой «прил.».

²³ Н. А. Еськова. Указ. соч., стр. 122—135.

Нам представляется, что при действующих «Правилах орфографии» следует оформлять подачу в орфографических словарях страдательных причастий прошедшего времени следующим образом: при наличии в словаре двух орфографических вариантов слова следует при них давать грамматические пометы «прич.» и «прил.». Поскольку действующие орфографические правила построены на ложно понятом разграничении причастных и соответствующих адъективированных форм (с нашей точки зрения, его реально в языке не существует), такой способ подачи данного материала является единственно возможным.

Подытоживая вышеизложенное о подаче причастий в орфографических словарях, следует сказать, что причастия являются формой глагола, представляющей серьезные орфографические трудности для пишущего. Поэтому было бы целесообразно последовательно давать при глагольных формах все причастные формы, что явилось бы для всех пользующихся орфографическими словарями значительным облегчением.

При выборочном же приведении причастий в орфографических словарях необходимо сознательно выделить те причастия, которые могут оказаться трудными для орфографического оформления и продуманно, систематически давать их в словарях.

Л. К. Чельцова

О ПОДАЧЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА **-ЬЕ** // **-ИЕ** В «ОРФОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ»

При переиздании «Орфографического словаря» среди многих разнообразных вопросов возникает и вопрос о подаче существительных на **-ие**//**-ье**.

Различные группы существительных на **-ие**//**-ье** по-разному передаются на письме: одни из них всегда пишутся только с одним окончанием (или **-ие**, или **-ье**, например: *лезвие*, *безводье*), другие могут встретиться в вариантном написании (то с **-ие**, то с **-ье**, например: *якание*—

яканье, толкование—толкованье, баюкание—баюканье). Само существование в современной орфографии двух вариантов, по-видимому, должно свидетельствовать о том, что данные варианты не являются собственно орфографическими, что за различными написаниями стоят словообразовательные, произносительные или стилистические различия.

Посмотрим, какая традиция написания сложилась в словарях и какие критерии при этом используются.

Анализируя «Словарь Академии Российской, 1789—1794», Г. О. Винокур отмечает, что в словаре «совершенно несомненным следует признать господство форм с наличием „беглого и“ в окончании основы»¹. Замена и мягким знаком происходит только в книжных словах.

«Окончание *-ье* находим в отглагольных образованиях, обозначающих разного рода неблагозвучные шумы, как *гавканье, лаянье, гарканье, чавканье, хрюканье*, или вообще принадлежащих к простому языку, вроде *важничанье*, и в других немногих книжных словах, как, например, *платье, ненастье, повёрье, веретье, каменье, запястье... ожерелье, очелье* и т. п.

... Редко встречаются оба варианта в одном и том же слове, например *стегание* и *стеганье*, но пример при втором значении, относящемся к стеганому изделию, дан в написании с *-ье*. Это же находим в случае *варение* и *варенье*, где пример к третьему значению (*закуски, за́бки* и пр.) дан в написании с *-ье*: *варенье из малины, вишенъ*. Интересно, что при слове *печение* нет варианта с *-ье*, но здесь не показаны иные значения слова, кроме действия по глаголу. В нескольких случаях оба варианта снабжены указаниями на стилистическую дифференциацию, например, *безвремение, въ просторѣчии же безвременьяне*, где вариант окончания сочетается с варьированием основы; особенно выразительно же в случаях типа *здравіе, просто же здоровье...* В некоторых случаях такой параллелизм окончаний находим и при ударении на окончании, например *питіе* и *питье*, ср. *довалиться до питья*, но: *говоря о пицѣ и питіи, вода есть безвредное питіе для здравія*; далее: *копие, просто же копье*. Ср.

¹ Г. О. В и н о к у р. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в. («Словарь Академии Российской, 1789—1794»).— Избр. работы по русскому языку. М., 1959, стр. 179).

и такие случаи, как *свиня*, *просто же свинья*. Но замечательно, что беспорядочного смещения написаний *-ie* и *-ье* внутри одного и того же слова почти не встречаем... В целом мы имеем право заключить, что в области написаний с «беглым» *и* и без него правописание словаря строго нормализовано»².

В современных словарях вряд ли можно говорить о строгой нормализации; за прошедшие почти два столетия количество существительных на *-ie// -ье*, включаемых в словари, значительно возросло, изменилась стилистическая окраска многих слов, а единый принцип их подачи не был выработан.

Взятые нами для анализа семнадцатитомный «Словарь русского литературного языка» и «Орфографический словарь» избирают различные пути подачи слов на *-ie// -ье*: семнадцатитомный словарь предпочитает вариантную подачу существительных на *-ie// -ье*; «Орфографический словарь» дает либо *-ie*, либо *-ье*. Но и в том, и в другом словаре можно найти целый ряд непоследовательностей в принятой ими же подаче слов.

Например, в семнадцатитомном словаре по-разному даются однотипные существительные: одни из них имеют вариантное написание *-ie// -ье*, другие — *ье// -ie*, в третьих вообще нет вариатной подачи (*извозничание, -ье; seriousness, -ье; интересничание, -ье; ябедничание, -ье; плотничанье, -ie; умничанье, -ie; по: любезничанье; модничанье* и т. д. или: *звяканье, -ье; курлыканье, -ье; треньканье, -ье; тыканье, -ье; по: бульканье; мурлыканье; пиликанье, -ie; хлюпанье, -ie; аканье, -ie; по: еканье, иканье*). Не ясна необходимость и такой подачи:

1. *Жирование, -ье, я, ср.* Спец. Пропитывание жиром. *Жирование кожи*.

2. *Жированье, -ie, я, ср.* Спец. Действие по знач. глаг. 2. *Жировать. Жированье зверя. Жирование ботвы*.

Ниже будет подробно рассматриваться материал «Орфографического словаря». Нетрудно заметить, что существительные на *-ie// -ье* неоднородны по способу образования. Это отглагольные существительные (*старение, изменение, апеллирование* и др.); слова, образованные от существительных префиксально-суффиксальным способом (*бездолье, бесправие, побережье, предплечье*

² Там же, стр. 180.

и др.); сложения со вторым компонентом *-любие, -нравие, -душие* (*человеколюбие, равноправие, долголетие, добродушие*) и др. Очень различны они и по написанию, которое не находится в прямой зависимости от способа образования: одни из них пишутся с *-ье* (*платье, кокетничанье, воркованье, беганье, плоскогорье* и др.), другие — с *-ие* (*лезвие, вычерчивание, расположение, мычание* и мн. др.), третьи — с *-ие* // *-ье* (*воскресение* — состояние по глаголу, *воскресенье* — день недели; *печенье* — действие по глаг. *печь, печенье* — кондитерское изделие). Однако даже незначительный список слов показывает, что одна и та же форма подачи отмечается у очень разных слов: если *платье* или *плоскогорье* пишутся только с *-ье*, а *лезвие* — только с *-ие*, то другие слова могут быть написаны и с *-ие*, и с *-ье* (что наглядно доказывается использованием их в текстах); только в одних случаях (например, *абонирование, самолетостроение, возбуждение, проектирование* и мн. др.) предпочитается написание *-ие*, а в других (*тяжканье, баюканье, чавканье*), как правило, используется *-ье*, т. е. возможны два варианта написания (*-ие* и *-ье*), но главным (традиционным, предпочитаемым) является один (или *-ие*, или *-ье*). Учитывая эти различные возможности в подаче существительных на *-ие*, *-ье*, мы предлагаем выделить следующие четыре группы:

- 1) существительные, имеющие только форму подачи на *-ие*;
- 2) существительные, имеющие только форму подачи на *-ье*;
- 3) существительные с вариантной подачей на *-ие*//*-ье*;
- 4) существительные с вариантной подачей на *-ье*//*-ие*.

Несмотря на то, что подобное деление представляется естественным и самоочевидным, трудно найти те научные и практические основания, на которых оно проводится и может быть проведено.

Обратимся вначале к зависимости, которая существует между произношением слова и выбором написания. В ряде случаев можно говорить о прямой зависимости между произношением и написанием: фонетические законы русского языка, сложившийся фонетический облик слова диктуют вполне определенное написание, иными словами, безвариантное произношение приводит соответственно к безвариантному написанию. *Лезвие, удовольствие, спокой-*

стве, бедствие и др. не имеют орфографических вариантов, как и *платье, взморье, дреколье* и др.³

Однако в большинстве случаев наблюдения за произношением безударной концовки слов чрезвычайно сложны и неоднозначны, а следовательно, они не доступны для каждого пишущего. В разговорной речи мы, как правило, произносим редуцированный звук, которому на письме больше соответствует *ь*. В полном стиле произношения возможно различие вариантов *-ие* и *-ье*; во всяком случае потенциально мы можем различать звуки, соответствующие написанию *-ие* и *-ье*, но это различие акустически слабо противопоставлено и требует хорошего лингвистического слуха⁴.

Практически сложилась следующая картина соотношения написания и произношения: написание *-ие* может не характеризовать произносимый звук и соответствовать как полному, так и разговорному стилю произношения. Написание *-ье* можно считать маркированным: оно предполагает соответствие произношению, ограничивает возможности произношения.

Вероятно, выбор варианта является в полной мере значимым и обязательным для стихотворной речи, где законы ритма и рифмы требуют более точного соответствия написания произношению, чем любая иная форма речи.

Не служит безусловным основанием для выбора варианта *-ие* или *-ье* и место ударения в слове. Если удаленность ударения от конца слова делает чрезвычайно сложным улавливание разницы в произношении слов с *-ие* или *-ье* (например, *всхлѣпывание, выкрикивание* и *капризничанье, ѓмничанье*), то и в тех случаях, когда ударение не удалено от конца слова, составители словарей ориентируются при выборе варианта не на место ударения

³ В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., Изд. АН СССР, 1970) отмечено, что после сочетания согласных [ств'] возможно только *-ие*.

⁴ Показателен тот факт, что различные написания не приводят в некоторых случаях к различному произношению. Г. О. Винокур, говоря о словах вроде *варение — варенье*, писал, что в них «разница написаний выражает разницу между *nom. actionis* и *nom. acti*, но не непременно разницу произношения, которое может оставаться одинаковым в обоих случаях» (Г. О. В и н о к у р. Орфография как проблема истории языка.— Избр. работы по русскому языку, стр. 464).

(например: *визжа́ние, щebetáние и кряжтёнье, кривля́нье*). Правда, нужно заметить, что в отглагольных существительных при ударении на первом от *-ние* слоге, как правило, пишется *-ие*.

Итак, можно отметить, что орфография в большинстве случаев использует путь, который не противоречит произношению, но и не служит точным отражением его.

Оценивая и изучая возможные критерии для орфографической подачи исследуемых слов, мы должны рассмотреть соотношение между написанием и стилистической характеристикой слова.

Обычно слова на *-ние, -тие* считаются книжными, «литературными», противопоставленными разговорным, просторечным на *-нье, -тье*⁵. Это противопоставление связано с тем, что существительные на *-ние// -тие* исторически были свойственны памятникам церковно-книжного стиля, их появление, фиксация связаны с письменной речью. «Что касается „литературности“ значения многих из этих слов, то это вполне естественно, если учесть, что данные суффиксы служат средством образования отвлеченной лексики и что именно поэтому среди слов с этими суффиксами значительное место занимает прослойка церковнославянизмов; однако такая „литературность“ значения вовсе не является характерной для всей категории образований на *-ние, -нье* в русском языке. И в литературном языке, и ... в говорах много слов с этим суффиксом, обозначающих понятия из области повседневной жизни, быта и хозяйства»⁶.

Л. Н. Булатова считает, что «...употребление *-ние* и *-нье, -тие* и *-тье*, хотя и не регламентировано точно, но в общем связано с семантическими и стилистическими различиями в таком плане, что чем отвлеченнее лексика, тем чаще употребление *-ние, -тие*, и чем она конкретнее, тем обычнее *-нье, -тье*»⁷.

Это свойство слов на *-ие// -ье* используется писателями

⁵ В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) сказано: «Вариант суффикса *-н'j/-ен'j/-ан'j/-м'j/-j-* используется главным образом в разговорной речи; образования с вариантом *-ниj/-ениj/-аниj/-тиj/-иj-* носят преимущественно книжный характер» (стр. 68).

⁶ Л. Н. Булатова. Отглагольные существительные на *-нье, -тье* в русских говорах (канд. дисс.). М., 1953, стр. 35.

⁷ Там же, стр. 60.

и поэтами для противопоставления книжности — некнижности, разговорности. Но так как отмеченное противопоставление очевидно только на крайних лексических и стилистических полюсах и не носит регламентированного характера, то и его использование не является обязательным и функционально четко не распределено.

«Примером редкого использования потенциальной экспрессы могут служить варианты *-е// -ья* — *-е// -ия*. Более книжный оттенок, присущий вариантам с *и* в литературном языке, нередко находит свое выражение в том, что заглавия произведений противопоставляются текстам. Так, например, в тексте стихотворения Н. Матвеевой, озаглавленного «Созвучия», встречается только форма *созвучья* (4 раза)... Такую же тенденцию обнаруживает поэтика Пастернака и др. поэтов. Однако это именно тенденция, а не полный отказ от одного из вариантов, не конкретное их противопоставление, в связи с чем не полностью выявляется и заложенная в подобных вариантах экспрессия, способность к индивидуализации систем поэтического выражения»⁸.

Не случайно, анализируя употребление существительных на *-е// -ье* в стихах и прозе Б. Л. Пастернака, Н. Г. Михайловская⁹ обосновывает употребление *-е// -ье* в стихотворениях Пастернака действием семантико-экспрессивных, фонетических, ритмических факторов, но, разбирая прозу, приходит к выводу, что варианты *-е// -ье* употребляются чрезвычайно пестро, произвольно, немотивированно¹⁰.

Таким образом, при выборе варианта *-е* или *-ье* необходимо учитывать множество факторов: традицию письма, произношение, морфологическое строение слова, его стилистическую окраску и лексическое значение;

⁸ В. П. Григорьев. Словарь языка русской советской поэзии. М., 1965, стр. 34—35.

⁹ Н. Г. Михайловская. К вопросу о категории вариантности (существительные на *-е// -ье* в языке Б. Пастернака). «Вопросы культуры речи», вып. VIII. М., 1967.

¹⁰ См., например, у В. Чернышева: «Разница в употреблении и склонении между славянскими, книжными формами на *-е* (именительный падеж), *-ию* (творительный падеж) и русскими, разговорными формами на *-е*, *-ью* и прочими весьма не чувствительна, и писатели, свободно пользуясь теми и другими, даже не придают этим своей речи особого оттенка» (В. Чернышев, Правильность и чистота русской речи. СПб., 1914, стр. 31).

при этом в различных случаях различные факторы могут использоваться в качестве основных.

Все это приводит к необходимости рассматривать материал «Орфографического словаря» по отдельным группам с учетом доминирующего в каждой группе критерия для выбора того или иного варианта написания.

1. Самую значительную по количеству слов группу составляют отглагольные существительные, которые могут быть образованы почти от всех глаголов, кроме основ совершенного вида с приставками реального значения¹¹.

С практической точки зрения удобно все отглагольные существительные разделить на три группы, выделенные по стилистическим и словообразовательным признакам, и рассмотреть их по отдельности:

1) отглагольные существительные на *-ничанье*;

2) отглагольные существительные типа *тяжканье*, *баюканье*;

3) остальные отглагольные существительные.

1. Отглагольные существительные на *-ничанье* представлены в «Орфографическом словаре» 25 словами: *акробатничанье*, *бездельничанье*, *бортничанье*, *бражничанье*, *важничанье*, *великодутьничание*, *гениальничанье*, *гримасничанье*, *деликатничанье*, *жеманничанье*, *капризничанье*, *кокётничанье*, *манёрничанье*, *мёдничанье*, *наивничанье*, *наутьничанье*, *обезьяничанье*, *паясничанье*, *попрошайничанье*, *скряжничание*, *угёдничание*, *умничанье*, *фобусничанье*, *хозяйничанье*, *чайничанье*. Эти слова выделяются в особую группу по своему строению и сниженной стилистической окраске. Однако в написании этих слов нет единообразия: в «Орфографическом словаре» 22 слова даются с *-ье*, а 3 — с *-ие*: *великодутьничание*, *скряжничание*, *угёдничание*, причем для выделения этих 3 слов нет никаких оснований. Семнадцатитомный словарь значительно расширяет круг слов, в которых в качестве основного дается вариант *-ие*: *великодутьничание*, *гримасничание*, *джентльмэнничание*, *ехидничание* и мн. др., но и в самом семнадцатитомном словаре нет единства в подаче этой группы (ср.: *манёрничание*, *-ье*; *мёдничанье*; *привередничанье*, *-ие*).

Итак, в словарях нет единой принятой системы в подаче этих слов. Наблюдение за их употреблением показывает, что для таких слов возможны и допустимы два варианта на-

¹¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972, стр. 101.

писания — *-ие* и *-ье*. Вероятно, предложение дать в словаре два варианта было бы наиболее правильным. Но существует и другой путь: принять для словарной подачи какой-либо один вариант и оговорить в предисловии, что предпочтение одного варианта не запрещает использования другого. Какой же вариант предпочтительнее для «Орфографического словаря»? Нам кажется, что целесообразнее для словарной подачи избрать написание *-ие*, так как *-ие* является немаркированным вариантом и не содержит никаких запрещений для употребления *-ье*, в то время как написание *-ье* (возможное и приемлемое для данной группы слов) имеет известные ограничения в силу своей маркированности.

2. Вторая группа выделяется сниженной стилистической окраской входящих в нее слов, сферой их употребления — и написанием с *-ье*. Она чрезвычайно пестра по своему составу: в нее входят, по определению Г. О. Винокура, неблагозвучные шумы (*чавканье, вяканье, фыркание* и др.), звукоподражательные образования (*агуканье, айканье, даканье, ёканье* и др.), обозначения криков животных (*карканье, кваканье, квохтанье, кряканье, кудахтанье, мурлыканье* и др.).

Как видно из примеров, достаточно сложно установить границы этой группы; временами очень трудно определить, на каком основании существительное примыкает к этой группе или, наоборот, исключено из нее. Например, в «Орфографическом словаре» дается *кукование*, но: *воркованье*; *бүханье*, но: *баханье*; *сморкание*, но: *чиханье*; с *-ие* пишутся *блѣяние, мычанье, ржанье, рычанье, бормотание, брэнчание, брюзжание, бурчание, верезжание, верещание, жужжание, икание, тарахтѣние, хрипѣние* и др.; с *-ье* даются *громыханье, грохотанье, кривлянье, кряхтѣние, сипѣние*.

Лексическое значение как основание для определения написания не является здесь вполне надежным, объективным критерием. Некоторым формальным основанием может служить место ударения: в большинстве случаев написанию *-ье* соответствует ударение на втором от *-нѣ* слоге. Может быть, в словаре при отсутствии очевидных лексико-стилистических оснований целесообразно воспользоваться этим сигналом и предпочесть для слов с ударением на слоге перед интересующей нас орфограммой написание *-ие*, т. е. писать: *воркование, кукование, мычанье,*

ржа́ние, рыча́ние, бормота́ние, бреча́ние, брюзжа́ние, бурча́ние, верезжа́ние, вереща́ние, жуужжа́ние, ика́ние, таракте́ние, хрипе́ние, громыха́ние, грохота́ние, кривля́ние, кряхта́ние, сипе́ние, чиха́ние, по: бу́ханье. Стоит оставить без изменения написание существительного *блея́ние*, так как в этом слове наблюдается колебание ударения. Такое решение дает возможность при выборе написания *-ье* иметь обоснования для него, что не требуется в такой же мере для более свободного написания *-ие*.

3. Третья группа отглагольных существительных пишется с *-ие* и выделяется негативно: все отглагольные существительные минус существительные двух первых рассмотренных групп.

Написание существительных этой группы не вызывает сомнений там, где мы имеем дело с терминологической лексикой, в которой выбор варианта *-ие* является обще-признанным.

Но в эту же группу попадают многочисленные бытовые, разговорные и просторечные слова, близкие к существительным II группы. Именно для них можно было бы предложить самые значительные по количеству изменения: ввести написание *-ие* там, где написание *-ье* не имеет формальных и четких лексических обоснований, т. е. писать:

<i>барáхтанье</i>	<i>кривля́ние</i>	<i>ти́скание</i>
<i>бе́гание</i>	<i>кряхта́ние</i>	<i>то́пание</i>
<i>бры́згание</i>	<i>кувырка́ние</i>	<i>хло́пание</i>
<i>воркова́ние</i>	<i>ла́зание</i>	<i>хны́кание</i>
<i>вспола́скивание</i>	<i>лома́ние</i>	<i>ца́рапание</i>
<i>гла́жение</i>	<i>малева́ние</i>	<i>цепля́ние</i>
<i>гогота́ние</i>	<i>ню́хание</i>	<i>чиха́ние</i>
<i>громыха́ние</i>	<i>ня́нчение</i>	<i>шара́хание</i>
<i>грохота́ние</i>	<i>ора́ние</i>	<i>ша́ркание</i>
<i>гуля́ние</i>	<i>па́мятование</i>	<i>шле́пание</i>
<i>де́ргание</i>	<i>па́чкание</i>	<i>што́пание</i>
<i>зева́ние</i>	<i>пры́гание</i>	<i>щеголя́ние</i>
<i>кля́нчание</i>	<i>сипе́ние</i>	<i>щёлка́ние</i>
<i>ковёркание</i>	<i>сце́живание</i>	<i>щу́пание</i>
<i>корта́ние</i>	<i>счёсывание</i>	

Предпочтение в этих словах написания *-ие*, конечно, не является запрещением для использования варианта *-ье*; наоборот, такая словарная подача не выделяет этих

слов из числа других отглагольных существительных и дает возможность во всех нужных ситуациях использовать на письме вариант *-ье*.

В словах *бўханье, подгляденье* следует писать *-ье* по аналогии с написанием близких по значению и образованию слов *бáханье, загляденье*¹².

Известная последовательность достигнута в «Орфографическом словаре» при подаче отглагольных существительных на *-ье* со значением результата действия в противоположность существительным на *-ие* со значением процесса: *варенье—варение, вязанье—вязание, жалованье—жалование, жаренье—жарение, копченье—копчение, печенье—печение, сиденье—сидение, соленье—соление*. Вероятно, следует включить в словарь и отглагольное существительное *жáрение*¹³.

II. Кроме отглагольных существительных, следует выделить не столь многочисленную по количеству слов, но чрезвычайно разнообразную по способам образования группу существительных на *-ие* // *-ье* (например, *взбóрье, безбóдье, добродўшие, двадцатилётие, запёчье, злосчáстие* и мн. др.).

Если рассматривать эти слова с точки зрения орфографии, то можно сказать, что они имеют закрепившееся написание, не противоречащее их произношению, стилистической окраске (ср., например: *безбожие, безбрачие, без-*

¹² Заканчивая разбор отглагольных существительных, следует сказать, что мы не остановились на чрезвычайно важном вопросе — принципах отбора отглагольных существительных для орфографического словаря. Можно предполагать, что особое рассмотрение этого вопроса позволило бы сократить список отглагольных существительных, отказаться от таких слов, как *гонянье, маьянье, грохоченье, чйканье, шбрканье* и нек. др.

¹³ Написание слов *варение—варенье* и т. п. утвердилось сравнительно недавно. Во всяком случае В. Чернышев отмечает: «Различия по значению между формами *воскресение* (действие от глагола *воскрестать*) и *воскресенье* (день недели) во времена Пушкина и позднее еще не были установлены, почему у него и даже у Тургенева и Достоевского находим *воскресение* в значении дня недели...

В теории есть вообще стремление формам на *-ие* придавать значение действия: *варение, соление, жалование* и проч., а формам на *-ье* присваивать смысл предмета: *варенье, соленье, жалованье*. В живом языке эти различия едва ли строго проводятся, а в письменном они возникли не очень давно и не вполне еще окрепли, так что нередко встречаются примеры смешения тех и других форм» (В. Чернышев. Указ. соч., стр. 33).

брежие, безведрие, безветрие, безвкусие, безвластие и т. п., но: *безводье, безвременье, безделье, безденежье, бездомье, бездолье, бездорожье* и т. п.). Обращает на себя внимание и тот факт, что написание этих слов с меньшей свободой, чем написание отглагольных существительных, допускает использование вариантов. Было бы удобно для словаря выделить те существительные, которые имеют только один вариант написания; при таком выделении можно было бы добиться последовательности в словарной подаче: существительные, имеющие один вариант написания, были бы выделены особым знаком (например *), что} одновременно служило бы показателем того, что все другие слова допускают вариантное использование *-ие// -ье*.

Однако только для небольшой группы слов можно с уверенностью сказать, что для них недопустимо двухвариантное написание, например, для слов: *лезвие, платье, здоровье, предчувствие, безветрие, бедствие, бессмыслие, взаимодействие, вольномыслие, довольствие, долгодствие, заполярье, молебствие* и нек. др.

В большинстве случаев такой категорической уверенности нет; представляется, что в каких-то определенных ситуациях не запрещается использование вариантного написания (например, в существительных на *-летие, -душие, -нравие* и др.). Сравнение материала «Орфографического словаря» с семнадцатитомным словарем наглядно доказывает эту мысль: семнадцатитомный словарь дает двухвариантное написание в тех случаях, когда казалось бы, употребительным и общепринятым является только одно написание, например: *засилье, -ие; зелье, -ие; маловодье, -ие; малолюдье, -ие; малоснежье, -ие; многоводье, -ие; многолюдье, -ие; обличье, -ие; плоскогорье, -ие; побережье, -ие; полноводье, -ие; полюдье, -ие; предгорье, -ие; предгрозье, -ие; предместье, -ие; предмостье, -ие; предплечье, -ие; раздолье, -ие; раздумье, -ие; распутье, -ие; удушье, -ие; пятилетие, -ье и др.*

То написание, которое принято для неотглагольных существительных в «Орфографическом словаре», кажется последовательным, кроме отдельных частных случаев типа *счастье, горе-злосчастье*, но: *злосчастье* и соответствует произношению, лексико-грамматическим и стилистическим характеристикам слов.

Итак, совершенно очевидно, что при словарной подаче

существительных на *-ие// -ье* необходимы рассмотрение и оценка всех даваемых в словаре существительных на *-ие// -ье* в целом, чтобы избежать тех противоречий, которые бросаются в глаза в современных словарях; этот анализ необходим даже при условии, что решение будет в известной мере субъективным.

Л. К. Чельцова

СПОСОБЫ ПОДАЧИ В «ОРФОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ»
НАЗВАНИЙ ПАРНЫХ ПРЕДМЕТОВ
(единственное число или множественное)

В предисловии к орфографическим и толковым словарям современного русского языка указывается, что некоторые существительные даются не в форме единственного, а в форме множественного числа. Это существительные *pluralia tantum* и те слова, которые преимущественно употребляются в языке в форме множественного числа.

Остановимся на рассмотрении одной из таких групп существительных — названиях парных предметов.

Выделение этой группы существительных может быть объяснено и особенностями их исторического развития (существование и утрата двойственного числа), и, главным образом, особенностями современного соотношения в них форм единственного — множественного числа, отличающегося от обычного соотношения чисел и приближающегося к существительным *pluralia tantum*. Эта группа довольно многочисленна и разнообразна. Она включает названия обуви, одежды, музыкальных инструментов, спортивных снарядов; названия, обозначающие парные части организма человека и животных, и нек. др. Так как эта группа слов имеет некоторые специфические особенности словарной подачи, то представляется целесообразным рассмотреть, как осуществляется подача подобных существительных в одном из самых популярных словарей — в «Орфографическом словаре русского языка» (1969).

1. Существительные — названия обуви

Среди названий парных предметов в первую очередь выделяются названия обуви. При анализе соотношений форм единственного — множественного числа исследователи, как правило, отмечают особый характер числовых соотношений в этой группе. Номинация, название предмета осуществляется здесь формой множественного числа (*сапоги, туфли, боты* и т. д.), которая выражает обычно общее представление о предмете, а форма единственного числа служит лишь для обозначения отдельного предмета: например, *левый сапог, одна туфля* и т. д. Множество единичных предметов (например, несколько левых сапог или разрозненных туфель) будет обозначено формой *сапоги, туфли*, омонимичной с формой множественного числа, выступающей как название предмета. Подробный анализ сложившихся отношений форм числа дан в книге А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение»: «Во многих случаях словоформы *pluralia tantum* оказываются омонимичными словоформам множественного числа других существительных; ср., например, *часы* (*pluralia tantum*) и *часы́* (мн. число слова *час*). Эту омонимию удобно показать, например, с помощью английских переводов:

ед. число	<i>час</i>	«hour»	<i>часы́</i> ₂	«watch»
мн. число	<i>часы́</i> ₁	«hours»	<i>часы́</i> ₃	«watches»

Ср. также *очки—очко́, счёты—счёт, сборы—сбор, черви—червь, грязи—грязь* и мн. др. Такие слова обычно составляют в словарях разные статьи. Однако случаев подобной омонимии на самом деле много больше, чем отмечено в словарях. Совершенно такое же соотношение следует признать, например, между словами *сапог* и *сапоги́, чулок* и *чулки́, рука* и *руки* и во многих других случаях, когда два предмета (реже несколько предметов) образуют единство, отличающееся от своих компонентов не только количественно, но и качественно. В самом деле, например, «сапоги» (в значении «пара сапог») — это уже особый предмет, а не просто два сапога (два наугад взятых сапога могут оказаться, например, разного размера или на одну ногу, и тогда они уже не образуют пары сапог, т. е. одного экземпляра определенного вида обуви). Таким образом, имеются:

лексема «сапог»

ед. число *сапог*
 мн. число *сапоги*₁ (разрозненные, например, одни левые)

лексема «сапоги»

*сапоги*₂ (пара сапог)
*сапоги*₃ (несколько пар сапог)¹

Представляется очень интересным последовательное отражение в каком-либо словаре описанного А. А. Зализняком соотношения форм единственного и множественного числа.

Существующие словари не могут не учитывать своеобразие подобных существительных, однако избирают различные способы их подачи. Для примера сравним, как несколько существительных — названий обуви (*бартки, босоножки, ботсы, галоши, онучи, сапоги, сапожки, унты, чулки*) даются в следующих словарях: в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (Уш.), «Словаре русского языка» (в 4-х томах) (АН₄), «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым (Ож.), «Словаре современного русского литературного языка» (в 17-ти томах) (АН₁₇) и словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» (Орфоэп.)

Слова	Словари				
	Уш.	АН ₄	Ож.	АН ₁₇	Орфоэп.
<i>бартк-</i>	ед. .	мн. ед.	— —	мн. ед.	— —
<i>босоножк-</i>	— —	мн. ед.	мн. ед.	мн. —	мн. ед.
<i>ботс-</i>	мн. —	мн. —	мн. —	мн. —	мн. ед.
<i>галши-</i>	мн. ед.	мн. ед.	ед.	мн. ед.	ед.
<i>онуч-</i>	ед.	ед.	ед.	ед.	мн. ед.
<i>сапож(о)к-</i>	ед. мн.	мн. ед.	ед. мн.	мн. ед.	ед.
<i>унт-</i>	мн. ед.	мн. ед.	мн. ед.	мн. ед.	ед.
<i>сапог-</i>	ед.	мн. ед.	ед.	мн. ед.	ед.
<i>чул(о)к-</i>	ед.	мн. ед.	ед.	мн. ед.	ед.

Как мы видим, словари используют различные способы подачи: одно и то же слово дается в одном словаре в форме ед. числа, в другом — в форме множественного числа

¹ А. А. З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 60—61.

с указанием формы ед. числа, в третьем — в форме множественного числа без указания единственного. В пределах одного словаря, как правило, также нет единства.

Возможность использования различных способов подачи кроется в самих критериях, по которым составителями предпочитается форма единственного или множественного числа. В предисловии к «Толковому словарю» Д. Н. Ушакова сказано: «Слова, употребляющиеся только в одном множ. числе, приводятся в им. пад. мн. ч. ...

Во множественном числе, но с указанием на единственное даются также еще такие слова, которые чаще употребляются во множ., чем в ед. числе, или такие, значение которых легче или естественнее объяснить во множ., чем в ед. числе, напр., *башмаки*², *вареники*, *легкие*, а также названия народов» (§ 33).

Другие словари в качестве заглавной формы избирают множественное число тех существительных, которые более употребительны во множ. числе (Сл. Ож.) или обычно, преимущественно употребляются во множ. числе (АН₄, АН₁₇).

Обратимся теперь к «Орфографическому словарю» и посмотрим, какие способы подачи используются в нем для названий обуви.

Словарь имеет три способа подачи указанных существительных:

1. Заглавное слово дается в форме множественного числа (без указания на единственное): *бабуши*, *катанки*, *кеды*, *коньки*, *коты*, *микророрки*, *мокасины*, *обутки*, *ошашки*, *пантуфли*, *полужеды*, *полусапожки*, *поршни*, *пъексы*, *спортивки*, *ступанцы*.

2. Заглавное слово дается в форме множественного числа с указанием формы единственного:

<i>балетки</i> , ед. <i>балетка</i>	<i>пимы</i> , ед. <i>пим</i>
<i>баретки</i> , ед. <i>баретка</i>	<i>пинетки</i> , ед. <i>пинетка</i>
<i>бахилы</i> , ед. <i>бахила</i>	<i>полуботинки</i> , ед. <i>-нок</i>
<i>босоножки</i> , ед. <i>босоножка</i>	<i>сандалеты</i> , ед. <i>сандаleta</i>
<i>ботики</i> , ед. <i>ботик</i>	<i>сандалии</i> , ед. <i>сандалия</i>
<i>ботфорты</i> , ед. <i>ботфорт</i>	<i>тапки</i> , ед. <i>тапка</i>
<i>боты</i> , ед. <i>бот</i>	<i>тапочки</i> , ед. <i>тапочка</i>

² Показательно, что слово *башмаки*, приведенное в предисловии в качестве примера-образца, в тексте словаря дается в форме единственного числа.

бурки, ед. бурка
 бутсы, ед. бутса
 валенки, ед. -нок
 валеночки, ед. валеночек
 гамаша, ед. гамаша
 гетры, ед. гетра
 кеньги, ед. кеньга
 котурны, ед. котурн

торбаса, ед. торбас
 черевички, ед. черевичек
 черевички, ед. -чек
 чувяки, ед. -як
 чуни, ед. чуня
 шлёпанцы, ед. -нец
 штилеты, ед. -ета

3. Заглавное слово дается в форме единственного числа:

башмак	лыжа	сапог
башмачок	наколенник	сапожище
ботинок	ноговица	сапожок
ботиночек	носок	стелька
галоша	обвертка	танкетка
голешище	обмотка	туфелька
каблук	онуча	туфля
каблучок	опорка	унт
калоша	паголенок	чэбот
крага	пампуша	чулок
лапоток	подметка	чулочек
лапоточек	подошва	шпора
лапоть	портянка	

Выделение трех групп может быть объяснено теми различиями, которые существуют среди существительных — названий обуви.

Некоторые из указанных названий рассматриваются исследователями как существительные *pluralia tantum*, например: *бутсы, коты, краги, обувки, обутки, осташи, пантуфли, пимы, полсапожки* или *полусапожки, пьексы, чувяки, онучи, шпоры*³.

Другие слова имеют форму единственного числа и, следовательно, не могут быть причислены к существительным *pl. t.* Однако само наличие формы ед. числа может носить различный характер. В одних случаях форма ед. числа является общепринятой и употребительной, например *сапог, лапоть, чулок* и т. п. В других

³ См., например: А. М. Иорданский. Существительные *pluralia tantum* в русском языке. «Уч. зап. Владимирского гос. пед. ин-та им. П. И. Лебедева-Полянского», 1956. Историко-филол. серия, вып. 2, стр. 97.

случаях можно отметить вариантность форм ед. числа, неустойчивость грамматического рода формы ед. числа, например, в отмеченных в словаре Ушакова вариантах *ботинок* и (реже) *ботинка*, *ботфорт* и (уст.) *ботфорта*, *валенка* и *валенок*, *штиблет* и *штиблета*, или в указанных в АН₄ *пим* и *пйма*, *сапожишко* и *сапожишка*, *туфелька* и простореч. *туфелек*, *туфля* и простореч. *туфель*, а также в сравнительно новых словах *кеды*, *тапки*, *пъксы* и нек. др.

Такая вариативность формы единственного числа — явное свидетельство того, что номинация осуществляется формой множественного числа, а единственное число является в таких случаях вторичной формой, выводимой из формы множественного числа и употребляемой только в необходимой ситуации.

Р. С. Манучарян отмечает: «...малоупотребительность или неупотребительность формы ед. числа может определяться и вообще уходом данного наименования (в основной форме множ. числа) в пассивный запас словаря — при сохранении предмета в обращении, напр., *штиблеты* (*штиблета*) устар. 'мужские ботинки' (см. Сл. Ож.) или же при неупотребительности самого предмета, напр. *ботфорты* (*ботфорт*), в старину 'высокие кавалерийские сапоги' (см. Сл. Ож.).

Дело в том, что в таких случаях форма мн. числа — как название предмета в целом — еще может так или иначе сохранять свое существование и в известных случаях быть использованной, но побочная форма ед. числа, вызываемая к жизни только живой языковой практикой, фактически выпадает из обращения... очевидно, потребность в форме ед. числа и ее употребительность в значительной мере соответствует распространенности обозначаемого, широте его использования⁴. Малоупотребительность ед. числа может быть обусловлена тем, что слово является новым или сфера его употребления ограничена (областная, просторечная). В подобных случаях, несмотря на то, что потенциально все названия обуви могут иметь форму ед. числа, нельзя с уверенностью сказать, какова же эта форма (например, какова форма ед. числа

⁴ Р. С. Манучарян. Существительные *pluralia tantum* и пути их образования в русском литературном языке (канд. дисс.). Ереван, 1959, стр. 82, 83—84.

от встретившихся нам в литературе названий *дзори, бакари, бродни, болотки* и др.)⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что деление всех названий обуви на три группы по отсутствию — наличию единственного числа и его употребительности — малоупотребительности учитывает лексико-грамматические свойства описываемых существительных.

Сложность состоит в том, что и сами основания для деления изменчивы и нечетки (отсутствующее единственное число может возникнуть или просто не было зафиксировано; малоупотребительность не имеет точного определения), и сам материал подвижен. В основном мы имеем дело с многочисленными переходными случаями, отнесение которых к одной из трех групп можно считать во всяком случае спорным. Посмотрим теперь, как конкретно осуществляет распределение слов по трем группам «Орфографический словарь».

Существительные, включенные в первую группу (только мн. число), различны. Если для слов *коты, микропорки, ошати, ступанцы* форма ед. числа действительно не указывается в словарях современного русского языка, то для других слов такие указания есть: *бабуши—бабуша* (АН₄); *катанки—катанок* (АН₄); *коньки—конёк* (АН₄, Ож., АН₁₇, Орфоэп.), *мокасины—мокасин* (Уш.); *пантуфли—пантуфля* (АН₄); *полусапожки—полусапожек* и *полусапожок* (АН₄, АН₁₇); *поршни—поршень* (Уш., АН₁₇); *пьяксы—пьякса* (АН₁₇, Орфоэп.); *спортивки—спортивка* (Уш., АН₄, АН₁₇). Конечно, можно считать, что форма ед. числа для большинства указанных слов малоупотребительна (косвенным доказательством этому может служить тот факт, что форма ед. числа отмечена лишь одним из словарей).

Однако все же существуют различия между словами с отмеченным единственным числом и неотмеченным (таких слов примерно 5). В противном случае исчезает граница между названиями 1-й (только мн.) и 2-й группы, в кото-

⁵ Интересно отметить, что прогнозирование может приводить к неудачам. Например, А. М. Иорданский пишет: «Несомненно, например, что в разговорно-бытовой речи и от слова *чувяки* образуется форма ед. числа *чувяка*, хотя она и не зафиксирована пока современными словарями» (указ. соч., стр. 100). Однако в языке закрепилась форма *чувяк*, отмеченная в АН₄, АН₁₇, в «Орфографическом словаре».

рой при форме мн. числа дается форма ед. числа. Чем отличаются слова 1-й группы, например *бабуши, катанки, коньки, мокасины, пьексы* (у которых есть форма ед. числа, но не отмечена «Орфографическим словарем»), от таких слов, как *баретки, бахилы, бурки, бутсы, гамаши, гетры, кеньги, котурны, пимы, торбаса, чувяки, чуни, шлепанцы* (для которых эта форма указана в «Орфографическом словаре»)?

Следует отметить, что составители «Орфографического словаря» в основном ориентируются на форму единственного числа (если, конечно, она имеется) и предпочитают давать ее в качестве заглавной формы, т. е. многие названия обуви попадают в третью группу. Последовательна ли эта подача?

В третьей группе (слово дается в форме ед. числа) можно выделить названия частей обуви, подача которых в форме ед. числа вполне объяснима: части обуви обязательно бывают в паре, образование и употребление формы ед. числа не вызывает в данном случае никаких затруднений. Это — *голешице, каблук, каблучок, наколенник, ноговица, подметка, подошва, стелька, подпяточник, рант*. В форме ед. числа даются слова *костыль* и *протез*. Для некоторых слов, даваемых в форме ед. числа, оказывается существенной многозначность слова, использование его в форме ед. числа в закрепившихся оборотах речи, в переносном значении. Например, *башмак*, по сл. Ушакова, это: 1. Низкая обувь, преимущ. кожаная, женская или детская; ботинок (устар.). // Особого фасона низкая обувь (истор.) 2. Термин для обозначения разных приспособлений, применяемых в качестве опоры, колодки, защиты наконечника (тех.). // Особый вид тормоза, подкладываемого под колесо катящегося экипажа (тех.).
◇ *Под башмаком* (у жены) (разг.) — о муже, подчиняющемся во всем своей жене.

В третьей группе можно выделить слова с общеупотребительной формой ед. числа: *башмак, ботинок, галоша (калоша), лапоть, носок, сапог, чулок*.

Но каковы основания для включения в третью группу таких названий, как *крага, онуча, паголенок, пампуша, унт, чёбот*? Чем эти слова отличаются от существительных, вошедших во вторую группу (мн. число с указанием ед.)? Почему, наконец, некоторые слова из второй группы (например, *валенки*) не могут быть перенесены в третью?

Конечно, отсутствие последовательности объясняется сложностью самого языкового материала. Однако можно было бы все названия обуви давать с формы единственного числа, кроме тех, для которых современные словари этой формы не указывают. Или все названия (исключая перечисленные выше части обуви) давать с формы множественного числа, указывая форму ед. числа там, где она имеется.

Второй путь — подача названий обуви в форме мн. числа (с указанием ед.) — кажется нам более традиционным и последовательным. Такая подача дает возможность отметить особенности данной группы слов, своеобразие отношений ед. — мн. числа. Этот путь и более удобен, так как не разделяет то, что нечетко разделено в самом языке, и в большей мере соответствует сложившейся словарной практике ⁶.

2. Существительные, обозначающие парные части организма человека и животных

Группе существительных, обозначающих парные части организма человека и животных, дается, как правило, такая же лексико-грамматическая характеристика, как и существительным — названиям обуви. А. М. Иорданский пишет: «Особую группу составляют слова, обозначающие парные части тела: *глаза, бока, уши, плечи, ноздри, колени, очи (устар.), руки, ноги (человека), легкие, бронхи, жабры, икры, молоко, усы, губы, челюсти, виски* и др.

В древнем состоянии языка существительные этого типа употреблялись в форме двойственного числа для выражения понятия единства двух по природе объединенных предметов. В последующей истории русского языка, в связи с утратой категории двойственного числа, это

⁶ Представляется, что подача названий обуви (и подобных существительных) может быть различной в толковых и нетолковых словарях. В толковых словарях дается семантическая система слова, при которой разрабатывается своя шкала подачи слов и их значений. В орфографическом словаре употребление слова в языке отступает на второй план, важно найти слово и узнать его написание. Было бы интересно последовательно провести в орфографическом словаре подачу существительных в форме единственного числа (за исключением, конечно, существительных *pluralia tantum*). В предисловии к «Орфографическому словарю» такой задачи не ставится, в словнике же ошутливо стремление к такой подаче, но, увы! только стремление.

значение стали выражать формы множественного числа существительных...

Некоторые существительные, обозначающие парные части тела, имеют только формы множественного числа: *жужжальца* или *жужжальцы* (зоол.), *панты*, *поджилки*, *уста* (книжн. поэт, устар.). Но большинство из них не относится к категории *pluralia tantum* в собственном смысле, т. к. при форме множ. числа у них имеется и форма единственного числа. Однако лексико-семантические отношения форм единственного и множественного числа у них отличаются таким же своеобразием, как в названиях парных предметов обуви, одежды, орудий труда и др. Формы множественного числа *глаза*, *уши*, *легкие* и т. п. здесь тоже призваны выражать в первую очередь общее понятие о том или ином составном (двухчастном) органе тела, тогда как формы единственного числа выражают значение „один из пары однородных предметов, составляющих общее целое“⁷.

Однако состав этой группы существительных гораздо менее однороден, чем состав группы — названий обуви. Не считая возможным дать в работе подробный анализ всей этой группы, остановимся только на отдельных примерах и их подаче в «Орфографическом словаре».

Среди существительных — названий органов тела — есть слова, имеющие только форму множественного числа: *баки*, *бельма*, *буркалы*, *глазенки*, *глазёночки*, *глазёньки*, *жужжальца*, *зенки*, *мешки* (под глазами), *мигалки* (глаза), *перси*, *подглазны*, *-ей* и *подглази*, *-ей* (АН₁₇), *поджилки*, *уста*, *чресла*, *шары* (глаза), *панты*, *рамена*.

Если для указанных выше слов не существует выбора формы единственного или множественного числа (в словаре они, естественно, даются в форме множественного числа), то для целого ряда слов такая проблема, связанная с употребительностью единственного числа, существует и не имеет бесспорного решения.

У некоторых слов форма ед. числа широкоупотребительна, связана с переносными значениями (например, *бедро*, *бок*, *глаз*, *грудь*, *крыло*, *кулак*, *локоть*, *нога*, *плечо*, *рука*, *щека*, *ухо* и нек. др.). У других слов форма ед. числа малоупотребительна; в форме ед. числа существуют колебания в роде, например: *бакены* (ед. *бакен*), *бакенбар-*

⁷ А. М. Иорданский. Указ. соч., стр. 100.

ды (ед. *бакенбарда* и *бакенбард*), *баки* (ед. *бака*, простор. устар.); *вежды* (Уш. ед. *вежда* — малоупотр.; АН₁ — устар. поэт.); *жабры* (ед. *жабра*; Уш. ед. редко), *почки* (ед. *почка*) и др. Как уже указывалось, понятие малоупотребительности не имеет точного определения; малоупотребительная форма, как правило, означает, что форма мн. числа употребляется чаще, чем форма ед. числа, что ее употребление является устаревшим, что форма ед. числа имеет колебания в роде, что употребление ед. числа связано с терминологией и т. д. Более конкретным доказательством употребительности той или иной формы могут служить данные «Частотного словаря современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт (Таллин, 1963):

Сущ.	Ед. ч.	Мн. ч.	Сущ.	Ед. ч.	Мн. ч.	Сущ.	Ед. ч.	Мн. ч.
<i>глаз</i>	39	419	<i>губа</i>	5	49	<i>локоть</i>	22	9
<i>рука</i>	305	441	<i>щека</i>	19	29	<i>колени</i>	13	18
<i>нога</i>	51	148	<i>ладонь</i>	29	12	<i>кулак</i>	29	6
<i>плечо</i>	38	88	<i>крыло</i>	5	33	<i>лапа</i>	9	17
<i>грудь</i>	60	—	<i>бровь</i>	3	27			
<i>ухо</i>	17	34	<i>бок</i>	16	21			

К сожалению, в частотный словарь вошли лишь немногие из интересующих нас слов.

Для группы существительных — названий парных частей тела существенна проблема терминологического и общелитературного употребления, проблема, касающаяся таких слов, как *аденоиды*, *гланды*, *легкие*, *миндалины*, *мускулы*, *почки* и др. Очевидно, что форма ед. числа у этих существительных имеет различную употребительность в специальной области и в общелитературном языке. Не касается ли таких случаев положение Л. В. Щербы о двух типах словарей — энциклопедическом и общем? Л. В. Щерба отмечает, что термины, входящие в общелитературный язык, имеют разные значения в общелитературном и в специальном языках. Говоря о значениях, Л. В. Щерба пишет: «Во всяком случае нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему

языку понятий, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения»⁸. Может быть, и в приведенных нами словах не стоит навязывать ед. числа там, где употребительнее множественное?

«Орфографический словарь» избирает для подачи форму единственного числа. Принципиально такой выбор не кажется нам наилучшим. Однако и та подача, которую избирает «Орфографический словарь», не проводится последовательно. Например, слово *бакенбарды* имеет колебания в форме ед. числа; было бы целесообразнее давать это слово в форме мн. числа (с указанием единственного) в одном ряду с существительными *бакены, баки, бачки, пейсы*, приведенными в «Орфографическом словаре» в форме мн. числа. (Кстати, при слове *пейсы* следует указать форму единственного числа *пейс*, которую дают Уш., АН₄, АН₁₇.)

В форме ед. числа дается существительное *глазенап*, которое многие исследователи считают существительным *pluralia tantum*. Яркая экспрессивная окраска слова, единичные случаи употребления формы единственного числа, нахождение в одном экспрессивно-стилистическом ряду со словами *буркалы, зеньки, бельмы* и т. п. диктуют более естественное предпочтение формы мн. числа.

«Орфографический словарь» дает *легкое, миндалина*, но *икры* (ед. *икра*); *дыхальце, щупальце*, но *надкрылье* (хотя сл. Ожегова и АН₁₇ указывают при множественном числе форму ед. числа *надкрылье*).

Таким образом, сложность самого явления находит отражение в тех трудностях, которые стоят на пути лексикологов и не разрешаются предпочтительным выбором формы единственного числа.

3. Другие группы парных предметов

Круг названий парных предметов чрезвычайно широк. Это довольно большая и разнообразная группа названий одежды (например, *варежки, аксельбанты, погоны, серьги, запонки, рукава, подтяжки* и т. д. и т. п.); названия музыкальных инструментов (*ложки, тарелки, кастаньеты*); спортивных названий и предметов (*брусья, ласты, ходули*);

⁸ Л. В. Щ е р б а. Опыт общей теории лексикографии. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1940, № 3, стр. 100.

среди названий парных предметов могут быть рассмотрены такие существительные, как *кавычки, координаты, оглобли, рельсы, скобки, наушники, фары, полюса* и мн. др.

Не останавливаясь на анализе перечисленных групп, хотелось бы заметить, что общность лексико-грамматических черт во всех названиях парных предметов вызывает естественное желание достичь единообразия и последовательности не только внутри каждой подгруппы, но и внутри всей группы в целом. Скажем, одинаковую форму подачи должны иметь названия обуви и такие названия одежды, как *варежки, нитянки, перчатки, рукавицы, рукавички*. Такой последовательности в «Орфографическом словаре» достичь не удалось.

Приведем еще один пример. Слова *лампасы, погоны, петлицы, эполеты* «Орфографический словарь» дает с формы ед. числа, а слово *аксельбанты* приводит как существительное *pluralia tantum*. Однако *аксельбант* — это 'плетеное украшение в виде шнура из золотых или серебряных нитей с металлическими наконечниками, носимое на правом плече; знак отличия некоторых должностных и военных чинов царской России' (АН₁₇). Единственное число указывается всеми словарями, кроме «Орфографического словаря».

Мы уже не раз указывали на сложность подачи названий парных предметов. Сложности, однако, усугубляются еще и тем, что, по мнению многих ученых, группу названий парных предметов нельзя отрывать от названий многочастных предметов⁹.

Нашей задачей было лишь показать, что избранный путь подачи должен быть последовательным и что вряд ли последовательность может быть достигнута без учета особой природы рассмотренной группы существительных.

⁹ В. В. Виноградов считает, что «в современном литературном языке категория парности представляет собою пережиток прошлого. Она невыразительна. Слова, обозначающие парные предметы, примыкают к группе слов, обозначающих сложные, составные предметы. Ср. *бакенбарды, близнецы, антиподы* и другие подобные» (В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык, 1972, стр. 134).

Из истории орфографии

А. И. Кузьмин

ПИСЬМО А. А. ШАХМАТОВА А. Н. ВЕСЕЛОВСКОМУ

В деятельности больших ученых нам интересны их связи друг с другом, подробности их работы. А. А. Шахматов и А. Н. Веселовский на протяжении нескольких лет принимали самое активное участие в жизни и деятельности Академии наук.

В 1901 г. Александр Николаевич Веселовский стал председателем Отделения русского языка и словесности Академии наук. Его необычно широкая эрудиция и глубокие знания снискали авторитет среди самых широких кругов ученых. Труды А. Н. Веселовского поражают обилием конкретного материала и глубоким проникновением в сущность общественной жизни эпохи. Широко известно то исключительное влияние, которое оказывал А. Н. Веселовский на современников. 10 октября 1906 г. он умер и его место председателя в Отделении языка и литературы занял А. А. Шахматов. Научная и организаторская деятельность А. А. Шахматова удивляла всех, кто его знал.

«Воскреситель периодических ученых изданий Отделения русского языка и словесности, — писал о нем академик В. В. Виноградов. — Редактор его «Известий», директор академической библиотеки, председатель и деятельный член бесчисленных совещаний и комиссий, выработывавших и осуществлявших планы изданий памятников русского, старославянского языков, произведений русских классиков и других ученых предприятий, вождь Академии в деле культурного единения славянства, собиратель вокруг Академии всех свежих научно-филологических сил...»¹—

¹ В. В. Виноградов. А. А. Шахматов. Пг., 1922, стр. 21.

вот неполная характеристика научной деятельности А. А. Шахматова.

В Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде в Пушкинском доме ² в фонде А. Н. Веселовского находятся письма А. А. Шахматова А. Н. Веселовскому, одно из которых мы здесь публикуем.

Многоуважаемый

Александр Николаевич!

Пример передержки. «Один из нас, профессор Р. Ф. Брандт, требовал установить для них, т. е. для слов *собака*, *король*, употребление буквы *a* в первом слоге. Разрешить этот вопрос удовлетворительно...» Как понять? Удовлетворительно с точки зрения Брандта или автора сообщения? На самом деле подкомиссия единогласно отвергла предложение Брандта. Пишу об этом в ответ на Ваш вопрос о *собаке* и *короле*.

«Слышал, что в подкомиссии чуть-чуть не состоялось постановление о введении в русскую азбуку латинской буквы *j*». Никто не делал подобного предложения и оно не обсуждалось.

Мне интересно знать, поразила ли вас, как академика, выходка Соболевского и апелляция к общественному мнению. Примите во внимание, что он разрешил до своего выхода шесть вопросов и голосовал все шесть раз с большинством. От Ягича опять письмо!

Ваш А. Шахматов ³.

17 апреля 1904.

² ИРЛИ АН СССР. Фонд А. Н. Веселовского, ф. 45, оп. 3, № 817.!

³ Это письмо написано по поводу заседания Комиссии Академии наук от 12 апреля 1904 г. по вопросу о русской орфографии. Заседание было собрано для разрешения вопроса об упрощении русского правописания, была создана Орфографическая подкомиссия, ее членами были избраны академики А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, А. И. Соболевский, Ф. Е. Корш, прив.-доц. П. Н. Сакулин, проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ и проф. Р. Ф. Брандт; кандидатами: проф. С. И. Булич, прив.-доц. Н. М. Каринский и Н. К. Кульман. А. Н. Веселовский на заседании не был. 13 апреля 1904 г. состоялось заседание подкомиссии, председателем которой был избран акад. Ф. Ф. Фортунатов. Академик А. И. Соболевский покинул это заседание и в газете «Новое время» 16(29) апреля 1904 г. опубликовал статью «В преддверии орфографической реформы», в которой в утрированной форме характеризовал ее работу. Он сообщил, что Орфографическая комиссия Академии наук пришла к решению изгнать из русской азбуки буквы *e*, *ъ*, *ѣ* и для разработки подробностей реформы избрала подкомиссию из 7 человек. Однако Ф. Ф. Фортунатов самочинно пригласил в подкомиссию еще четырех человек и без всякой предварительной подготовки приступил к работе. Был поставлен вопрос, какой из знаков *и* или *i* изгнать из русской азбуки, решили оставить *и*. В словах *собака* и *король* проф. Р. Ф. Брандт якобы предложил в первом

слоге писать *a* и подкомиссия приняла это предложение; затем приняли решение употреблять *ь* после *ц* в слове *Цицерон* и т. п., употреблять букву *з*, где слышится *з*, и *с*, где слышится *с*: *восток*, *вспять*. Подкомиссия, по словам А. И. Соболевского, на одном заседании решила писать род. падеж *доброво*, *с в*, а на другом *доброто* с *г*, и чуть было не ввела в русскую азбуку латинскую букву *j*.

В «Письме в редакцию» «Нового времени» от 15 апреля 1904 г., подписанном А. А. Шахматовым, И. А. Бодуэном де Куртенэ, Р. Ф. Брандтом, П. Н. Сакулиным, Ф. Е. Коршем, объяснялось, почему в подкомиссию были введены четыре сотрудника. Сообщалось также, что А. И. Соболевский дал искаженную информацию о его работе. Подробнее см. сборник «Академик А. А. Шахматов» (М.—Л., 1947), статью В. И. Чернышева «Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания» в газете «Русь», стб. 174—252 от 10 мая 1904 г. А. А. Шахматов как член подкомиссии при ОРЯС выступил по вопросу упрощения русской орфографии со статьей «*Audiat et altera pars*» по поводу статьи г-на К. Л. М.

СОДЕРЖАНИЕ

институт русского языка
им. В. В. Виноградова

От редакции	3
Слитные, дефисные и раздельные написания	5
Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. Лингвистические основания орфографического оформления сложных слов	5
Н. А. Еськова. О некоторых «каверзах» дефиса	14
Г. И. Миськевич, Л. К. Чельцова. К вопросу об орфографии новых слов (на материале суще- ствительных с <i>мини-</i> , <i>макси-</i> , <i>миди-</i>).	28
Л. Н. Комарова. К вопросу о правописании сложных прилагательных (слож- ные прилагательные с опорным компонентом — причастием)	35
Е. И. Голапова. Слитное и дефисное написание препозитивных морфем в сов- ременном русском языке (на материале имен существительных)	40
Орфография собственных имен	47
Г. П. Бондарук, А. М. Комков. Об упорядочении правописания географических названий	47
Б. А. Старостин. Некоторые тенденции и перспективы в передаче и орфогра- фии заимствуемых собственных имен	56
Л. П. Калакуцкая. Орфография фамилий	68
Области языка, не регламентированные орфографически	94
А. Б. Пеньковский. О некоторых неcodифицированных явлениях современной русской орфографии (о написаниях типа <i>ид-у</i> , <i>оч-чень</i>)	94
Е. А. Некрасова. Об орфографии диалектных слов в поэтических текстах	121
Л. И. Скворцов. Орфография просторечных и жаргонных слов	133
Л. С. Школьников. <i>Па-д'Эспань</i> или <i>падеспань</i> ? <i>Рокк-энд-ролл</i> или <i>рок</i> ?	153

Графика и орфография в качестве выразительного средства художественной речи	162
В. П. Григорьев. Графика и орфография у А. Вознесенского	162
Пунктуация	172
В. А. Ицкович. Опыт описания современной пунктуации	172
Б. С. Шварцкопф. О факультативных случаях употребления кавычек	190
Об орфографическом словаре	215
Б. З. Букчина. О типах орфографических словарей (обзор)	215
Л. П. Калакуцкая. О подаче причастий в орфографических словарях русского языка	258
Л. К. Чельцова. О подаче существительных на -ье// -ие в «Орфографическом словаре»	275
Л. К. Чельцова. Способы подачи в «Орфографическом словаре» названий парных предметов (единственное число или множественное)	287
Из истории орфографии	300
А. И. Кузьмин. Письмо А. А. Шахматова А. Н. Веселовскому	300

**БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ АН СССР**

Нерешенные вопросы русского правописания

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства Л. М. Гаврилова. Художник А. А. Куценко
Художественный редактор Т. П. Поленова.
Технический редактор Н. П. Кузнецова

Сдано в набор 27/IX 1973. Подписано к печати 18/XII 1973. Формат 84×168^{1/2}.
Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 17,3. Тираж 25000
Тип. зак. 2994. Цена 1 р. 04 к.

Издательство «Наука» 103717 ГСП. Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121009. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

a

162

162

172

172

190

215

215

258

275

87

00

0

1 p. 04 K.